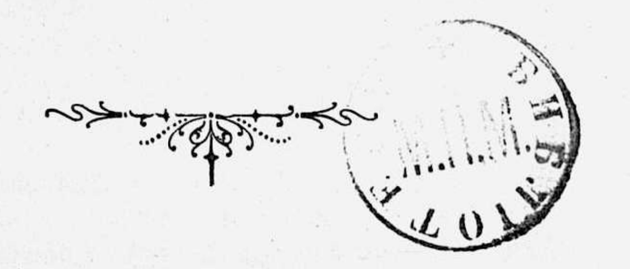
ВАСИЛІЙ СИДОРОВЪ.

ОКОЛЬНОЙ ДОРОГОЙ.

ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ И ВПЕЧАТЛѢНІЯ.

Рига. Вильно. Кіевъ. Одесса. Константинополь. Крымъ. Екатеринославъ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. Катанскаго и К°. Невскій проспектъ, д. № 132.
1891.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

1.

Рига.

Отъѣздъ. Остзейская столица.

Покури, отецъ, и выслушай,
что я тебѣ скажу.

Приступъ оратора-индѣйца.

Я отправился въ Екатеринославскія степи; я былъ тогда веселымъ, бойкимъ молодымъ человѣкомъ 27-ми лѣтъ, тогда мнѣ ничего не стоило влѣзть въ одинъ день на 10 колоколенъ, у меня хватало пороху одинаково восторженно любоваться всѣми десятью видами, бѣгать по всѣмъ церквамъ, оглядѣть всѣ иконы, всѣ мощи, дотронуться до чего возможно, провѣрить собственными глазами: вѣрно-ли сказано въ путеводителѣ, что передъ такимъ-то дворцомъ стоитъ такая-то статуя или дѣйствительно-ли одинъ уголъ такой-то урны обломанъ. Бѣда, бывало, если, проглядывая въ день отъѣзда путеводитель, я отъискивалъ что-нибудь мной невидѣнное. Я бросалъ все и летѣлъ, какъ бѣшеный, къ еще мною невидѣнному и только тогда уѣзжалъ спокойно изъ города, когда буквально все было высмотрено. И сколько поѣздокъ я совершилъ! Носила меня судьба глядѣть прелести Хрустальнаго Дворца

въ Лондонѣ и поля, покрытыя, какъ кумачевымъ ковромъ, изящной Сараной подъ Красноярскомъ, кровавый бой быковъ и огненную хоту Арагона подъ небомъ, гдѣ растутъ магноліи и лавры, и блѣдный отблескъ Сѣвернаго сіянія съ Финляндскихъ скалъ, обвѣшанныхъ брильянтовыми сосульками льда. И какъ ноги носили меня! Бѣгалъ я, какъ угорѣлый, не доѣмъ, не досплю, словно въ ноги ртути налили. Это такая туристическая болѣзнь. Нѣтъ ее и спокойно сидишь на мѣстѣ, а какъ приключится, такъ бѣда. Это въ родѣ южной лихорадки. Придетъ время болѣть, такъ человѣка ужъ ничѣмъ не удержишь, а какъ пробѣгается онъ, перебѣсится что-ли, такъ самъ затихнетъ, сядетъ на мѣсто и всѣ окружающіе обрадуются, что не терзаетъ онъ себя и не вертится, какъ волчекъ. Каждый пароксизмъ моей болѣзни имѣлъ причиной надобность посѣтить какое-нибудь мѣстечко Западной Европы или Россіи или по болѣзни, или по дѣлу и всякій разъ, когда являлся такой толчекъ, сейчасъ-же возникалъ вопросъ: нельзя-ли „по дорогѣ“ посѣтить что-нибудь интересное, и это-то „по дорогѣ“ увлекало меня порой въ разныя стороны, при чемъ и появлялись всѣ настоящіе симптомы болѣзни, особенно при толчкахъ уходящаго изъ роднаго города поѣзда.

Такъ было и въ этотъ разъ. Я ѣхалъ въ Екатеринославскую губернію съ цѣлью ознакомиться съ весеннею флорою степей. Надо было ѣхать рано, чтобы застать раннюю южную весну, а вмѣстѣ съ тѣмъ уѣзжая на такой далекій югъ, хотѣлось побольше увидѣть. Собственно говоря откровенно, положа руку на сердце, мнѣ слѣдовало ѣхать изъ Петербурга по Николаевской желѣзной дорогѣ, а я поѣхалъ по Варшавской и „по дорогѣ“ очутился въ Ригѣ.

Тяжело было уѣзжать изъ Петербурга, разставаться съ семьей и друзьями, но какъ только поѣздъ оставилъ вдали за собой Варшавскій вокзалъ и характерныя стѣны съ башнями Новодѣвичьяго монастыря, какъ только нѣсколько стушевалась горькая сцена прощанья, сдавившая мнѣ горло, стуканье вагона и мѣняющійся передъ окнами еще зимній мартовскій ландшафтъ пробудили съ новой силой во мнѣ желанье постранствовать, это нѣмецкое „Wanderlust“.

Станція Суйда, Сиверская на рѣкѣ Ордежѣ съ красноватыми береговыми обрывами, Дивенская и другія—вплоть до самой Луги, все дачныя мѣста петербуржцевъ, быстро мелькнули мимо. Вотъ и Псковъ, старый городъ, основанный новгородцами, видавшій Іоанна Грознаго въ своихъ стѣнахъ, республика въ средніе вѣка, членъ Ганзейскаго союза. Городъ лежитъ въ трехъ верстахъ отъ прекраснаго вокзала и только издали виднѣются стѣны Кремля, старый соборъ Св. Троицы и колокольни другихъ церквей. Поѣздъ быстро мчалъ мимо Острова къ берегамъ Западной Двины или Даугавы, какъ ее называютъ латыши, къ Динабургу, гдѣ пришлось мѣнять вагоны.

Станціи Риго-Динабургской желѣзной дороги всѣ съ нѣмецкими названіями: Треппенгофъ, Крейцбургъ, Якобштадтъ, Кокенгузенъ и др.

Утромъ я очутился въ Ригѣ на берегу Западной Двины, въ странѣ, о которой даже бальныя барышни знаютъ, что тамъ жили Тевтонскіе рыцари, что въ той странѣ на морскомъ берегу валяется янтарь и что Рига совсѣмъ нѣмецкій городъ. И вѣдь эти барышни совершенно правы. Положимъ, что янтарь не такъ легко найти въ наше время,

а все же море выбрасываетъ его порою изъ своихъ тайныхъ сокровищницъ, да порой еще какой янтарь! Съ вкрапленнымъ въ него превосходно сохранившимся муравьемъ или комаромъ.

Рига считается однимъ изъ лучшихъ въ Россіи городовъ, стоящимъ на одной доскѣ съ Кіевомъ, Казанью, Харьковомъ, но мнѣ кажется, что Рига превосходитъ ихъ своимъ благоустройствомъ и красотой и именно потому, что это совсѣмъ нѣмецкій городъ, а нѣмцы—народъ удивительно акуратный и честь выдумки обезьяны приписывается имъ безъ возраженій. Первое, что пріятно поражаетъ глазъ пріѣхавшаго въ Ригу—это масса зелени, въ которой буквально тонетъ весь Петербургскій форштадтъ, составляющій новый городъ, совершенно противуположный старому, имѣющему еще два форштадта: Митавскій на той сторонѣ Двины, изображающій бѣдное предмѣстье и Московскій, лежащій за вокзаломъ желѣзной дороги и нѣсколько напоминающій петербургскіе „Пески". Собственно Рига — это старый и новый (Петербургскій форштадтъ) городъ и все что есть достопримѣчательнаго лежитъ въ этихъ двухъ частяхъ.

Не знаю, какъ съ другими туристами, но со мною бываетъ такъ: пріѣду въ новый для меня городъ, имѣющій историческое прошлое и мнѣ вспоминается, словно старая сказка, исторія этихъ мѣстъ, словно кто сзади подсказываетъ мнѣ забытый мной урокъ. Такъ и видится въ моемъ пылкомъ воображеніи старецъ, лифляндскій епископъ, который основалъ укрѣпленное мѣсто при ручьѣ Риге. Не знаю отчего, но старца этого воображаю съ орлинымъ носомъ и въ малиновой шапочкѣ; такихъ епископовъ я видѣлъ въ итальянской оперѣ и всѣ епископы получили нѣкоторый отблескъ отъ первыхъ мною слышанныхъ пѣвцовъ въ „Фавориткѣ" и „Жидовкѣ". Помню, когда я подъѣзжалъ къ Ригѣ, я старался возобновить въ памяти все, что зналъ про прошлое Риги. Вспомнились мнѣ случайно заѣхавшіе въ устье Двины нѣмецкіе купцы съ монахомъ Гольстинскаго монастыря Мейнгардомъ, непремѣнно рыжимъ въ моемъ воображеніи и отчего-то съ веснушками. Этотъ-то монахъ первый явился съ христіанской проповѣдью среди язычниковъ, а выше названный епископъ, застывшій въ моемъ воображеніи, въ театральной позѣ въ малиновой шапочкѣ надъ ручьемъ Риге былъ послѣдователемъ Мейнгарда. Затѣмъ городокъ, растущій благодаря торговымъ сношеніямъ съ самаго начала 13-го вѣка (это я подглядѣлъ въ исторію), отстаиваетъ нападенія ливовъ, однажды гибнетъ въ пламени пожара, но возрождается снова, а появившійся рыцарскій орденъ Меченосцевъ и споры и раздоры его съ тевтонскими рыцарями, хотя и вовлекаютъ городъ въ распри, но Рига, уже членъ Ганзейскаго союза, подъ особымъ покровительствомъ папы, растетъ и усиляется. Послѣ борьбы, пораженій и побѣдъ, Рига все-таки подпала подъ тяжкую власть Тевтонскаго ордена, рыцари котораго съ гимназическаго курса Иловайскаго остались для меня съ всегда опущенными забралами.

Вѣчныя войны съ властелинами тевтонами принесли массу горя Ригѣ, пока во главѣ гражданъ не появился мудрый правитель фонъ Плеттенбергъ, при которомъ городъ возвратилъ себѣ цвѣтущее положеніе и принялъ ученье Лютера въ лицѣ очень многихъ гражданъ. Реформація пускала глубокіе корни и монахи-католики сами поспѣшили уда-

литься. Городъ подпалъ власти Польши, но когда Стефанъ Баторій, увлеченный католицизмомъ, хотѣлъ ввести католичество и передать церкви іезуитамъ, граждане взбунтовались подъ предводительствомъ адвоката Гизе, котораго Сапѣга казнилъ, возстановивъ спокойствіе.

Въ 1629 г. Рига была уступлена Польшей Швеціи, во время владычества которой городъ отдохнулъ отъ пережитаго имъ тяжкаго времени. Одна изъ королевъ-регентшъ Швеціи за мужественное сопротивленіе города во время осады Алексѣя Михайловича и литовско-русскаго ополченія, даровала членамъ магистрата дворянство. При Петрѣ во время Шведской войны послѣ отчаянной осады Рига перешла во владычество русскихъ. Въ сущности-же она все-таки нѣмецкій городъ и преобладающій языкъ здѣсь нѣмецкій. По переписи оказывается, что въ Ригѣ 106 тысячъ протестантовъ, 25 т. православныхъ, 10 т. католиковъ и 20 т. евреевъ. И это доказываетъ тоже самое. Итакъ я очутился въ столицѣ Остзейскихъ провинцій, въ одномъ изъ лучшихъ портовыхъ городовъ Россіи.

Еще подъѣзжая къ Ригѣ, я замѣтилъ массу фабрикъ и заводовъ, а когда вышелъ изъ зданія вокзала и оглянулся вокругъ, то сразу почувствовалъ себя за-границей. И дѣйствительно на всемъ городѣ лежитъ печать Западной Европы и дѣлаетъ его необыкновенно благоустроеннымъ и прекраснымъ. Только такіе города, какъ Москва и Казань съ ихъ самобытной оригинальностью, полные совершенно особенной прелести, могутъ гордиться тѣмъ, что на нихъ нѣтъ печати Запада, да и то только въ отношеніи историческихъ памятниковъ.

Вмѣсто прежняго ручейка Риге, надъ которымъ

стоялъ епископъ въ малиновой шапочкѣ, теперь сдѣланъ каналъ, протекающій по прекрасному скверу, полному чудныхъ деревьевъ и растеній, мягкій климатъ Риги которымъ позволяетъ забираться далеко на сѣверъ отъ нормальной ихъ границы. Всѣ газоны окружены гирляндами дикаго винограда, который здѣсь въ Ригѣ окутываетъ своими длинными плетями стѣны домовъ, заборы, балконы, бесѣдки и, краснѣя къ осени, выдѣляется кораловыми гирляндами на пестромъ фонѣ остальной зелени.

Благодаря образцовому садоводству Вагнера, Рига тонетъ въ морѣ бульваровъ и садовъ. Чудное зданіе большаго театра, стоящее въ скверѣ, не можетъ не привлечь вниманіе. Это дѣйствительно храмъ искусства съ надписью; „der darstellenden Künsten“ — какъ нельзя болѣе подходитъ къ образцовому скверу, въ которомъ онъ стоитъ и изъ-за разнообразной зелени котораго высовывается бесѣдочка на такъ называемой Бастіонной горкѣ и шестиугольныя башни газоваго завода, украшеннаго зубцами, почему этотъ послѣдній и имѣетъ видъ небольшаго стараго замка. За скверомъ сплотились дома стараго города съ его узкими и кривыми улицами, украшеннаго многими каланчами церквей, изъ которыхъ 3 особенно высоко подняли свои шпицы и придаютъ характеръ всему силуэту. Со стороны же новаго города скверъ, идущій вдоль канала, окруженъ такими прекрасными зданіями съ палисадниками, что невольно сравниваешь ихъ съ рядомъ дворцовъ. Здѣсь же политехническое училище въ видѣ замка, очень красивое строеніе, и прекрасные частные дома, а около нѣкоторыхъ изъ нихъ высокими колоннами поднимаются изящные пирамидальные тополя. Главная улица—Невскій

Риги—это Александровскій бульваръ, по которому въ тѣни липъ ползутъ вагоны конно-желѣзной дороги, многочисленные экипажи и гуляющіе по тротуарамъ около прекрасныхъ магазиновъ. По этой же улицѣ противъ Вермановскаго парка, гдѣ играетъ оркестръ музыки, à la Павловскъ, на большой площади стоитъ прекрасный русскій каѳедральный соборъ изъ пестрыхъ кирпичиковъ, выстроенный въ ново-византійскомъ стилѣ. Золотые куполы придаютъ необыкновенно нарядный видъ собору. Внутри храмъ также красивъ.

Какъ должны быть хороши эти бульвары Паулючи, Тотлебена, Эспланадный, когда деревья будутъ цвѣсти, когда бѣлыя кисти каштановъ рѣзко обрисуются на темномъ фонѣ ихъ листвы, а плодовыя деревья надѣнутъ свои подвѣнечные наряды. Эспланадный бульваръ идетъ вдоль большаго Стрѣлковаго сада мимо прелестныхъ частныхъ домовъ, по стѣнамъ которыхъ ползутъ изъ небольшихъ полисадниковъ, гдѣ бѣлѣютъ мраморныя чаши фонтановъ, длинныя вѣтви ползучихъ розъ, лозинокъ и винограда. На Тотлебенскомъ бульварѣ помѣщается картинная галлерея, но не настолько интересная, чтобы бѣгать по ней, какъ по заграничнымъ.

Старый городъ на берегу величественной Западной Двины, связанной большимъ желѣзно-дорожнымъ мостомъ въ 8 громадныхъ пролетовъ и плашкоутнымъ мостомъ, носитъ на себѣ весь характеръ сѣдой старины. Въ узкихъ его улицахъ прекрасные магазины, гдѣ не достанешь развѣ только птичьяго молока, на набережной Двины бойкій и шумливый рынокъ, гдѣ всѣ нѣмецкія хозяйки съ корзинками и всѣ кухарки русскихъ хозяекъ также съ корзинками, потому что сами онѣ, нѣмки, закупаютъ провизію. Оживленный говоръ рынка сливается съ гуломъ и свистомъ летящихъ черезъ мостъ поѣздовъ въ Мюльграбенъ, Дубельнъ и Майоренгофъ и несущихся по Двинѣ къ взморью пароходовъ.

Центръ города составляетъ ратуша, довольно шаблонное зданіе, которое проходитъ совершенно незамѣтнымъ для туриста благодаря старинному и замѣчательному дому Черноголовыхъ. Это удивительное зданіе съ необыкновенными украшеніями по фасаду у крыши, съ 4-мя статуями на фасадѣ и длинными узкими окнами. Ворота передъ этимъ необычайнымъ и страннымъ до сказачнаго зданіемъ не менѣе оригинальны. Они пестры, разрисованы старинной живописью и подсказываютъ своимъ оригинальнымъ видомъ о давно прошедшихъ временахъ, памятники которыхъ такъ рѣзко врѣзываются въ наши дни. Зданіе это стоитъ съ 14-го вѣка и служило заломъ для сборища молодежи. Затѣмъ оно было пріобрѣтено обществомъ Черныхъ Головъ, состоявшимъ изъ холостыхъ купцовъ и имѣвшимъ черный шлемъ или черный гербъ въ видѣ св. Маврикія въ образѣ негра. Въ зданіи, въ залахъ собраны коллекціи старины, но самъ фасадъ такъ необычайно красивъ и оригиналенъ, что приковываетъ все вниманіе. Послѣ него даже прекрасное зданіе биржи въ старо-итальянскомъ стилѣ теряетъ видъ, о замкѣ и не говорю. Онъ ничего интереснаго не представляетъ. Въ немъ живетъ лифляндскій губернаторъ. Передъ замкомъ среди небольшаго садика стоитъ Александровская колонна съ ангеломъ на вершинѣ, въ родѣ колонны Славы; выстроена она въ память Александра Перваго. Конечно, я посѣтилъ домъ дворянскаго собранія или рыцарскій домъ, какъ его называютъ нѣмцы. И хоть его фасадъ и укра-

шенъ гербами и вензелями нѣмецкаго ордена, хотя въ нишѣ и красуется статуя магистра ордена Плеттенберга, но послѣ дома Черныхъ Головъ мнѣ все мало нравилось, а большая зала съ портретами императоровъ и съ массой гербовъ, шикарная мраморная лѣстница и т. п. аттрибуты пышныхъ залъ не могли меня поразить. Только зданія обѣихъ гильдій въ видѣ старинныхъ замковъ напоминаютъ то время, когда купцы величали ихъ нѣсколько вѣковъ тому назадъ: „Stube von Münster" и „Stube von Soest". Здѣсь происходили совѣщанія и гильдіи имѣли всегда большое вліяніе на городскія дѣла. „Большая гильдія", какъ учитъ насъ исторія, была корпоративнымъ соединеніемъ купцовъ, а малая ремесленниковъ и цеховъ. Осмотрѣвъ церкви, я сбѣгалъ взглянуть на памятникъ поэта Гердера и на стоящую въ близь лежащемъ переулкѣ статуэтку монаха съ надписью, которая напоминаетъ объ изгнаніи монаховъ („А-о 1523. Clerus B. C. ab Hermanno Hoyte-Comendatore R. expulsus est"). Изъ церквей Риги, которыхъ очень много, въ старомъ городѣ три—съ ихъ высокими башнями выдѣляются по старинѣ. Особенно старая, стиснутая домами церковь св. Якова, еще съ 13-го вѣка переживавшая невзгоды города и переходившая то къ іезуитамъ, то къ лютеранамъ, выглядитъ почтенной старухой, длинный шпицъ которой на тяжелой четырехъугольной башнѣ несетъ сбоку колоколъ. Ажурная колокольня, чуть-ли не самая высокая въ Ригѣ, украшающая старую церковь св. Петра, выстроена въ 15-мъ в., но вскорѣ рухнула, раздавивъ и похоронивъ подъ своими развалинами нѣсколько человѣческихъ жертвъ. Вновь выстроенная она не простояла и года и сдѣлалась добычей пламени во

время сильнаго пожара Риги; въ 18-мъ вѣкѣ молнія ударила въ колокольню и уничтожила почти всю церковь. И теперь въ 4-й разъ воздвигнутая башня открываетъ чудный видъ на весь городъ, острова Двины, на синѣющій Рижскій заливъ и окрестности города. Сторожъ между достопримѣчательностями обязательно показываетъ старинную канделябру изъ желтой мѣди и картину Штейнле, на которой изображенъ апостолъ Петръ, проповѣдующій въ Духовъ день.

Я добросовѣстно даже съѣздилъ по конкѣ, сбѣгалъ на дамбу, прошелъ по всѣмъ закоулкамъ, купилъ фотографіи, что обязательно дѣлалъ, увозя съ собой на память интересные виды. Говорятъ, что въ Ригѣ можно очень хорошо жить, что на все существуетъ prix fixe, что клубы, собранія, прекрасный театръ, хотя и нѣмецкій, но оперныя представленія котораго особенно съ выдающимися знаменитостями,—посѣщаются даже на перебой и т. д. Изъ газетъ здѣсь 2 выходятъ на русскомъ языкѣ и 12 на нѣмецкомъ, да и вся жизнь ведется здѣсь по-нѣмецки. Весь городъ просыпается съ пѣтухами и къ 10 часамъ замираетъ всякое движеніе на улицахъ, гаснутъ огни въ окнахъ и все предается сну. На музыку нѣмки являются съ мѣшечками, изъ которыхъ вынимаютъ работу, чтобы не терять золотаго времени. Кромѣ нѣмецкаго говора въ магазинахъ, на улицахъ, да почти повсюду, очень часто слышится латышская рѣчь. Латыши и эсты составляютъ мѣстное населеніе. Это добродушные, мирные люди, особенно латыши. Эти послѣдніе убѣгали въ лѣса во время набѣговъ сосѣдей, ихъ трусливость сохранилась до нынѣшнихъ дней, но теперь она объясняется тѣмъ долголѣтнимъ рабствомъ, ко-

торое несло коренное населеніе Лифляндіи. Латыши выдѣляются и по одеждѣ и по языку. Ихъ сѣрые кафтаны на стройномъ тѣлѣ, опоясанномъ кушакомъ, ихъ пастолы—среднее между сандаліей и туфлей, ихъ длинные свѣтлые волосы, наконецъ ихъ характерный языкъ, имѣющій много общаго съ славянскимъ, служатъ рѣзкими отличительными признаками. Характерны и костюмы эстонокъ, одѣвающихъ металлическіе щиты на грудь. Это украшеніе бываетъ разныхъ размѣровъ и различно украшено. У нѣкоторыхъ вы найдете всевозможныя монеты, янтарныя висульки и другія побрякушки, привѣшенными къ этимъ блестящимъ щитамъ, такъ рѣзко выдѣляющимся на черныхъ суконныхъ одеждахъ. Нѣкоторыя эстонки носятъ на головѣ необыкновенный головной уборъ, ярко-краснаго цвѣта ввидѣ пѣтушьяго гребня. Пристрастіе къ лентамъ у эстонокъ очевидно большое. Онѣ привязываютъ ленты ко всякимъ головнымъ уборамъ и повязываютъ лентами голову, нерѣдко расшивая ленты бисеромъ. По праздникамъ въ Ригѣ бываетъ пестрое смѣшеніе нарядовъ, которое не можетъ не привлечь вниманіе заѣхавшаго туриста. Хотя русскихъ въ Ригѣ и порядочно, хотя русская общественная жизнь ввидѣ клубовъ и общественныхъ учрежденій и развита, все-же Рига нѣмецкій городъ. Въ магазинахъ съ вами по-русски говорятъ не охотно или совсѣмъ не разговариваютъ, на рынкѣ тѣмъ болѣе и вы, русскій, на каждомъ шагу чувствуете, что вы не въ родномъ городѣ, а чуть-ли не за-границей. Вамъ даже чувствуется, что на васъ рижскіе нѣмцы смотрятъ враждебно, пожалуй враждебнѣе заграничныхъ и только цвѣтущее положеніе города и прекрасное рижское пиво миритъ васъ съ ними хоть до нѣкоторой степени.

2.

Вильно.

У счастья только настоящее
и то не день, а мгновеніе.

Ив. Тургеневъ.

И вотъ „по дорогѣ“, пересѣвши въ Динабургѣ съ поѣзда на поѣздъ, рано утромъ на слѣдующій день, какъ я оставилъ Ригу, я очутился въ Вильно. Правда, что въ Вильно у меня жили друзья, которыхъ мнѣ очень хотѣлось повидать, а потому появленіе мое въ Вильно было очень законно. Какъ Рига была центромъ въ Прибалтійской странѣ, такъ Вильно была столицей Литвы и играла большую роль въ исторіи этого края. Въ былые года мнѣ случалось проѣзжать мимо Вильно и всякій разъ меня плѣняли дубовыя рощи, одѣвшія горы, желтые обрывы, на вершинахъ которыхъ синѣли сосны, заглядывая въ бѣгущую внизу рѣчку, садики, полные вишень и сливъ и пирамидальные тополя, стремящіеся къ небу своими острыми вершинами. Сколько разъ прежде мнѣ приходилось слышать о томъ, что Вильно прекрасно лежитъ, что окрестности его полны красотъ и, проѣзжая мимо, я убѣждался въ этихъ словахъ, но о самомъ городѣ мнѣ приходилось слышать очень мало. Дохо-

дили до меня только слухи объ „Остробрамской Божьей Матери“ и о массѣ жидовъ, царящей въ Вильно.

Въ былыя времена на берегу рѣки Нерисы (нынче Виліи), среди темныхъ дубовыхъ рощъ жили язычники и поклонялись Перкуну, передъ которымъ горѣлъ неугасаемый огонь. Вотъ на этомъ-то священномъ для язычниковъ мѣстѣ и выросъ городъ. Преданіе говоритъ, что одинъ изъ жрецовъ объяснилъ сонъ Гедимину, видѣвшему во время охоты во снѣ желѣзнаго волка, который страшно вылъ. Жрецъ увидѣлъ въ этомъ будущій громадный городъ, слава о которомъ прогремитъ далеко. Вскорѣ послѣ Гедемина христіанство стало пускать мощные корни и старалось побѣдить язычество. Такъ Ольгердъ, умершій православнымъ и схимникомъ, пріѣхалъ въ Вильно изъ Витебска съ женою-христіанкой. Но Ольгердъ не могъ противустоять жрецамъ, которые, видя слабѣвшую свою власть, старались выместить свою злобу на христіанахъ. Они замучили и повѣсили троихъ приближенныхъ Іоанна, Андрея и Евстаѳія, которыхъ имъ отдалъ Ольгердъ и которыхъ церковь причислила къ лику святыхъ. Мощи замученныхъ покоятся теперь въ Свято-Духовскомъ монастырѣ, осѣненномъ тѣнью аллеи пирамидальныхъ тополей. Жертвой язычниковъ стали также 14 монаховъ-францисканцевъ, которые во время отсутствія Ольгерда, видя опасность, захотѣли спастись бѣгствомъ, но ихъ застигли на горѣ и сбросили съ обрыва въ Вилейку. Когда Ягайло, сынъ Ольгерда, женился на польской королевѣ и Литва соединилась съ Польшей, онъ принялъ крещеніе въ Краковѣ по католическому обряду и сталъ преслѣдовать православныхъ. Слѣдомъ за нимъ является Витовтъ, который тушитъ языческій огонь „Зничъ“ и рушитъ языческія капища. Потомъ идутъ года борьбы православныхъ и католиковъ года междуусобій и кровавыхъ схватокъ; одинъ изъ королей (Александръ Казиміровичъ) женился на дочери Іоанна 3-го, что дало перевѣсъ православію, но появились доминиканцы и верхъ вновь взяли католики. Городъ погибалъ нѣсколько разъ отъ страшныхъ пожаровъ, которые не щадили, кажется, ни одинъ историческій городъ на землѣ, пожирая его памятники старины и погребая подъ дымящимися развалинами сотни жертвъ. Съ 16-го вѣка Вильно сдѣлалось важнымъ промышленнымъ центромъ, но вскорѣ торговля перешла въ руки евреевъ. Противовѣсомъ явилось цеховое устройство. Возникли новые безпорядки и смуты, вызванные злоупотребленіями и въ это врмемя въ Литвѣ водворилась унія (1655 г.), вслѣдъ за которой нагрянули ожесточенныя войны съ русскими. Тысячи жертвъ погибли въ войнѣ, князь Мышецкій съ 70-ю солдатами, защищавшій отъ поляковъ цитадель, когда она была уже въ русскихъ рукахъ *), благодаря измѣнѣ, погибъ со своими храбрецами.

Вильно пережило тяжелыя годины. Въ его стѣнахъ свирѣпствола страшная моровая язва, владычествовали и своевольничали польскіе магнаты, въ 1702 году появились шведы съ Карломъ 12-мъ во главѣ, два новыхъ страшныхъ пожара обратили городъ въ развалины. Во время возстанія поляковъ въ Варшавѣ, подъ начальствомъ Костюшки, въ Вильно возгорѣлось возстаніе съ нѣкіимъ Ясин-

*) Алексѣй Михайловичъ въ это время былъ въ Вильно.

скимъ во главѣ, который казнилъ русскихъ. Во время штурма города Вильно пало. Въ 1812 году Вильно взялъ Наполеонъ и слѣдомъ за нимъ Кутузовъ возвратилъ городъ Россіи. Послѣдній мятежъ 63-го года усмирилъ строгій Муравьевъ и подавилъ возстаніе. Вотъ краткая исторія Вильно, тотъ перечень событій, который пришлось пережить городу. Въ его стѣнахъ были такіе люди, какъ Петръ Великій, Наполеонъ, Карлъ 12-й, эти орлы необычайной величины. Теперь Вильно имѣетъ значеніе, какъ центръ Литвы. Это довольно большой городъ, который, когда глядишь на него съ горъ, представляется необыкновенно красивымъ. Среди домовъ повсюду виднѣются грузныя и неуклюжія тѣла костѣловъ, тонкія башни и толстыя каланчи, многочисленные куполы церквей и монастырей, тамъ и сямъ высовываются между домами пирамидальные тополя и зелеными островками выдѣляются сады. Когда я взошелъ на высокую гору на берегу Виліи и сталъ около развалинъ крѣпости, гдѣ когда-то погибъ храбрый князь Мышецкій съ 70-ю солдатами, гдѣ теперь въ полдень стрѣляетъ большая пушка, привѣтствуя солнце въ высшей точкѣ виленскаго неба, предо мною развернулась дѣйствительно красивая панорама: весь городъ Вильно лежитъ въ долинѣ и его сады и монастыри ползутъ на противуположныя горы. Внизу у моихъ ногъ была площадь съ главнымъ костѣломъ, напоминающимъ по внѣшнему виду церковь Madelaine въ Парижѣ и большая колокольня. Городъ, весь украшенный башнями и колокольнями, выглядѣлъ очень живописно, а Вилія съ ея селеніями по берегамъ извивалась синей лентой, глотая воды Вилейки, вливающіяся у подножья Замковой горы,

какъ называютъ въ Вильно покрытую кленомъ и дикими каштанами гору съ руинами, башенкой и пушкой, откуда я любовался видомъ. Также прекрасенъ видъ и съ Крестовой горы, съ той самой, откуда язычники столкнули въ Вилейку спасающихся 14 монаховъ—францисканцевъ. Нѣкоторую разницу въ деталяхъ представляютъ виды съ колоколенъ костеловъ. Но какъ живописно и красиво Вильно съ горъ, такъ оно непривѣтливо и ничтожно вблизи. Любуясь издали, плѣняешься ажурными кирпичными башенками костела Анны, такъ кокетливо сидящими передъ Бернардинскимъ костеломъ, любуешься садами и колокольнями, а вблизи—теряется эта общая картина и выступаютъ отрицательныя детали. Когда я покинулъ вокзалъ и въѣхалъ въ городъ, меня удивили узкія и кривыя улицы, но еще болѣе дома—маленькіе, сѣрые или желтые, чуть не лачуги. Есть и хорошія зданія, какъ красивый домъ Тышкевича на берегу Виліи, обсаженной молодыми деревьями, какъ еще нѣсколько домовъ, но ихъ такъ мало, что они теряются среди остальныхъ. Мощенъ городъ очень плохо, тротуары деревянные, порой проваливаются подъ ногами, а въ нѣкоторыхъ улицахъ исчезаютъ совершенно, такъ какъ улицы превращаются въ какіе-то проходы, чуть не желоба, гдѣ только мѣста для однихъ дрожекъ и гдѣ нѣтъ возможности разъѣхаться съ другимъ экипажемъ (Покровская, Скоповская и др.). Главная улица Вильно—Большая, но это очень узкая улица, гдѣ сгруппированы лучшіе магазины города и гдѣ прогуливается виленская публика. По субботамъ здѣсь бываетъ столпотвореніе вавилонское отъ массы евреевъ, которые ежедневно снуютъ повсюду. Изъ 100 т. жителей—50 приходится на

евреевъ. Почти вся торговля въ ихъ рукахъ и, покупая, надо отчаянно торговаться, такъ какъ они запрашиваютъ гораздо дороже. Кромѣ евреевъ здѣсь много поляковъ. Мнѣ разсказывали, что нѣкая M-me Залабовская, имѣющая прекрасный фруктовый садъ, граничащій съ сосѣднимъ домомъ, была въ большой дружбѣ съ обладателемъ этого послѣдняго. Окна этого дома выходили во фруктовый садъ M-me Залабовской и на Георгіевскую улицу. Но почему-то вышла ссора. M-me Залабовская воспылала ненавистью къ сосѣду пану Политовскому и, чтобы насолить ему, выстроила въ концѣ фруктоваго сада у самыхъ оконъ сосѣдняго дома громадную каменную стѣну, доходящую до крыши. Она не побоялась издержекъ, чтобы отомстить и насолить и насолила, такъ какъ часть квартиръ стала темной и сильно упала въ цѣнѣ. Я ходилъ поглядѣть на эту знаменитую стѣну и долженъ былъ отдать справедливость злобѣ панны Залабовской—стѣна монументальная.

Въ Вильно много упраздненныхъ во время смутъ костеловъ, которые теперь обращены въ различныя служебныя зданія. Большой православный соборъ, стоящій на Большой улицѣ—довольно оригинальный и тѣмъ красивый, но очевидно, что онъ передѣланъ изъ костела, надъ которымъ выстроили золоченые куполы и внутренность котораго измѣнили въ православномъ духѣ. Среди достопримѣчательностей города интересна икона Божьей Матери Одигидріи, которою въ 1494 г. благословилъ Іоаннъ 3-й свою дочь, посылая ее въ замужество въ Литву за князя Александра. Икона, какъ говорятъ, писана евангелистомъ Лукой. Іоаннъ впослѣдствіи послѣ смерти дочери давалъ королю Сигизмунду 50 знатнѣйшихъ плѣнниковъ литовскихъ за эту икону, но король

не согласился. Икона, рисованная на 4-хъ доскахъ, изъ которыхъ 2 среднія кипарисныя, а 2 крайнія березовыя, находится вмѣстѣ съ двумя замѣчательными картинами Смуглевича (св. Онуфрій и апостолы Петръ и Павелъ) въ Свято-Троицкомъ монастырѣ, этой древнѣйшей литовской святынѣ, украшенной двумя башенками въ видѣ минаретовъ надъ некрасивой церковью, стоящей на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ когда-то стоялъ дубовый лѣсъ и гдѣ былъ языческій алтарь; въ этомъ монастырѣ были замучены несчастные три царедворца, выданные жрецамъ Ольгердомъ, боявшимся возмущенія язычниковъ. На большой-же улицѣ ютится красивая Николаевская церковь съ пестрой колокольней. Вся церковь имѣетъ видъ заблудившейся знатной дамы среди бѣдной и оборванной толпы. Изъ православныхъ храмовъ выдается Пречистенскій большой соборъ, который переходилъ нѣсколько разъ въ руки католиковъ и уніатовъ и, пожалуй, Пятницкая церковь, выстроенная въ стилѣ древнихъ церквей Кіева и Новгорода. Хоры въ ней закрыты пеленой изъ прозрачной и мягкой матеріи, за которой по прежнему старинному обычаю во время обѣдни бывали женщины. Пречистенскій соборъ большое зданіе, а Пятницкая церковь чуть не часовня. Она все время оставалась въ рукахъ православныхъ, а въ Пречистенскомъ соборѣ одно время, по ходатайству князя Адама Черторійскаго, существовала ветеринарная клиника. Всѣ эти церкви, нѣсколько часовенъ, между которыми Александровская часовня среди довольно плохаго сквера, выстроенная въ воспоминаніе доблестныхъ подвиговъ русскихъ воиновъ и для поминовенія въ ней тѣхъ изъ нихъ, кои пали на полѣ брани во время усмиренія мятежа, сильно теряютъ

въ сравненіи съ польскими костелами—порой некрасивыми, тяжелыми, громоздкими, но все-таки оригинальными и очень интересными по своей старинѣ. Почти всѣ костелы Вильно имѣютъ свои особенности, но между ними выдаются особенно два.

Это большой костелъ, выстроенный ввидѣ церкви Madelaine въ Парижѣ, съ бѣлыми колоннадами и гигантскими фигурами святыхъ, съ большой, массивной, нѣсколько неуклюжей, башней, стоящей отдѣльно на площади и напоминающей человѣка въ старомодномъ костюмѣ, человѣка прошлаго времени, съ презрѣніемъ смотрящаго на молодое поколѣніе. Другой костелъ съ его узорчатыми башенками, краснымъ цвѣтомъ кирпичей, разрисованныхъ бѣлыми линіями, посвященъ св. Аннѣ и составляетъ чуть-ли не одно цѣлое съ Бернардинскимъ костеломъ, такого-же цвѣта, но тяжелаго и массивнаго зданія съ старыми круглыми башнями. Ажурныя башенки придаютъ необыкновенную прелесть панорамѣ Вильно и выдѣляются на общемъ фонѣ зданій необыкновенно рѣзко. Небольшой костелъ Анны имѣетъ видъ игрушечки, чрезвычайно изящной и очень не гармонирующей съ такими зданіями, какъ грузный костелъ Іоанна, выходящій своимъ заднимъ концемъ на большую улицу въ самомъ узкомъ ея мѣстѣ и имѣющемъ высокую, но тяжелую колокольню, которая придаетъ много характерности всему виду города при взглядѣ на него съ горъ. Большинство костеловъ имѣетъ видъ громадныхъ ящиковъ, украшенныхъ закругленными выступами крышъ и колокольнями и въ ихъ тяжелой архитектурѣ есть что-то такое, что безмолвно говоритъ о бурномъ прошломъ. Во многихъ костелахъ—теперь казармы и другія учрежденія, такъ что не рѣдко тамъ, гдѣ

когда-то раздавались пламенныя рѣчи проповѣдниковъ и гдѣ возносились молитвы, раздается ржаніе коней или несется запахъ приготовляемыхъ щей. Уныло глядятъ эти опустѣвшія церкви, отъ которыхъ остался только одинъ ихъ наружный видъ и въ дремотѣ своей остаются глухи къ мелкому копошенію людей. Большая башня, стоящая возлѣ костела à la Madelaine съ гигантскими бѣлыми статуями на крышѣ *), какъ зданіе—одно изъ самыхъ интересныхъ въ Вильно. Нижній этажъ этой круглой, толстой и неуклюжей башни остался со

---

*) Три статуи на крышѣ, надъ портикомъ изображаютъ: Станислава—епископа, Елену съ крестомъ и Казиміра. Рельефъ на фронтонѣ: жертвоприношеніе Ноя по выходѣ изъ ковчега. Костелъ св. Станислава заложенъ въ 1387 г. Ягайло на мѣстѣ, гдѣ прежде былъ храмъ Перкуна. Костелъ горѣлъ нѣсколько разъ. Буря 7 сентября 1709 года обрушила одну изъ башенъ и убила 6 ксендзовъ и массу народа. Зданіе въ строго-классическомъ стилѣ съ портикомъ изъ 6 колоннъ, по сторонамъ входа въ нишахъ колоссальныя статуи Моисея съ скрижалями и Авраама съ ножемъ (скульптора Риги изъ Рима). Въ боковыхъ колоннадахъ статуи королей и святыхъ, принесенныя изъ запертыхъ костеловъ. Внутри костела 12 картинъ 12-ти апостоловъ кисти Смуглевича и картины Веллани. Противъ епископскаго мѣста небольшая, но очень рѣдкая картина Тиціана: «Спаситель въ Эмаусѣ». Въ одной изъ 10 часовенъ въ серебряной ракѣ находятся мощи св. Казиміра, въ другой—хоронили виленскихъ епископовъ, въ часовнѣ Игнатія Лойолы хороши картины Чеховича, тамъ-же похоронены: Радзивилы, Вишневскіе и епископъ Янъ Цивинскій. Въ часовнѣ Петра: картина Корреджіо: «Св. Семейство» и похоронены; вел. кн. Витовтъ, св. Казиміръ † 1484, король и в. кн. Александръ † 1506. Рядомъ съ костеломъ стоящая колокольня, снизу круглая, затѣмъ 8-ми угольная. Въ XIII в. здѣсь верховные жрецы Креве-Кревейта объявляли народу волю боговъ.

временъ язычниковъ. Здѣсь, по преданію, горѣлъ священный огонь и совершались жертвы, здѣсь когда-то священнодѣйствовали жрецы и народъ поклонялся своей святынѣ.

Теперь, проходя, глядишь на эту башню глазами современника, глядишь, какъ на интересное строеніе, какъ на часть Вильно, съ которымъ она дѣлила бѣдствія и невзгоды и переносишься къ тѣмъ временамъ, когда все ясное и простое теперь считалось колдовствомъ и чудеснымъ и невольно думается, неужели спустя много-много времени настоящія строенія нашихъ дней будутъ казаться такой-же интересной дисгармоніей—будущимъ поколѣніямъ. Глядя на такой городъ, какъ Вильно, гдѣ такъ много не благоустроено, во мнѣ всегда возникаетъ желаніе залетѣть хоть на 100 лѣтъ впередъ, чтобы взглянуть, что будетъ на этомъ мѣстѣ. Такъ и кажется, что всюду будетъ горѣть электричество, а всѣ эти Вильно и Ковно, Пермь и Челяба превратятся чуть не въ Парижи и Берлины. Главной святыней въ городѣ считается Остробрамская икона Божьей матери, помѣщенная въ часовнѣ въ зданіи старыхъ, заостренныхъ воротъ (брамъ). Всегда можно увидѣть молящихся на улицѣ и въ часовнѣ и всѣ проходящіе арку подъ часовней снимаютъ шапки, какъ при проходѣ московскихъ Спасскихъ воротъ *).

*) Говорятъ, что икона привезена въ первой половинѣ XIV в. Ольгердомъ изъ Корсуня (Херсонесъ). На иконѣ масса сердецъ, рукъ, ногъ, крестиковъ, медальоновъ, золотыхъ и серебряныхъ украшеній, принесенныхъ молящимися.

Примѣчаніе. *Костелъ св. Іоанна* основанъ въ 1388 г., здѣсь фамильный склепъ Огинскихъ самый большой органъ во всемъ западномъ краѣ. Со стороны Большой у. на стѣнѣ распятіе. Возлѣ тяжелая колокольня. *Костелъ Анны:* замѣчателенъ чисто готическимъ стилемъ и миніатюрностью. Наполеонъ I былъ пораженъ легкостью и красотой зданія. Построенъ въ 1392 г. и принадлежалъ Бернардинскому ордену. Здѣсь впервые раздалась въ 1555 г. протестантская проповѣдь Виклефа. Внутри некрасивъ. *Костелъ Бернарда и Франциска* возлѣ св. Анны съ старыми башнями. На мраморной гробницѣ надпись: ребенокъ Симонъ Киренисъ замученъ жидами въ пасху 1592 г. *Каѳедральная площадь* была прежде долиной Свенторога (миѳическій князь, основавшій храмъ), вокругъ была св. роща и жилища жрецовъ вай-делотовъ.

Если нанять извозчика съ цѣлью осмотрѣть городъ, вамъ обязательно покажутъ вовсе неинтересный, казенный до мозга костей домъ губернатора, довольно жалкій театръ, стоящій возлѣ еще болѣе жалкаго сквера. Въ Вильно чувствуешь что-то недосказанное, недоконченное, чувство неудовлетворенности остается отъ города при осмотрѣ его, словно чего-то не хватаетъ. Мнѣ кажется, что жить въ Вильно должно быть не совсѣмъ пріятно, хотя я знаю многихъ, которые довольны городомъ и едва-ли-бы захотѣли промѣнять Вильно на другой городъ одинаковой категоріи. Слова снотолкователя Гедимина отчасти сбылись: городъ шумѣлъ и заставлялъ говорить о себѣ, но мнѣ кажется, что толкованіе сна надо отнести къ будущему, когда Вильно вполнѣ олицетворитъ ревущаго желѣзнаго волка во снѣ Гедимина.

3.

Въ пути.

(Весна въ Пинскихъ болотахъ. Полѣсскія дороги. Гомель и его прелести).

И у бѣлыхъ ночей бываютъ черныя думы.

***

Только тотъ пойметъ досаду, кто самъ переживалъ ее. Это великая истина. Изъ Вильно собирался „по дорогѣ“ въ Кіевъ, гдѣ думалъ поглядѣть всѣ диковинки русскаго Іерусалима и мчаться на Одессу. Еще въ Петербургѣ я разсчиталъ чуть не каждый часъ, чтобы не терять время, котораго было немного въ моемъ распоряженіи, а потому каждый потерянный часъ было невыразимо жаль. Изъ Вильно на Кіевъ существуютъ 3 пути: черезъ Брестъ, черезъ Ромны и черезъ Минскъ. Послѣдній, какъ самый долгій по времени, я отложилъ съ первыхъ минутъ раздумья. Выбирая изъ двухъ путей: Брестскую дорогу или Полѣсскую, я выбралъ послѣднюю на томъ основаніи, что поѣздъ уходитъ на $1^1/_2$ часа позже изъ Вильно, а приходитъ въ Кіевъ въ одно время съ Брестскимъ, что на Брестской дорогѣ вслѣдствіи разливовъ рѣкъ, задерживались поѣзда и я рисковалъ потерять нѣсколько часовъ, а можетъ быть дней, что было для меня совершенно немыслимымъ. И такъ я поѣхалъ по Полѣсскимъ дорогамъ и съ первыхъ же минутъ сталъ досадовать на себя, что не поѣхалъ черезъ Брестъ. Поѣздъ оказался товаро-пассажирскимъ, шелъ едва подвигаясь впередъ, «avec les vaches», какъ говорятъ французы, на станціяхъ стоялъ невѣроятно долго, а между тѣмъ распространилась тревожная вѣсть, что рѣка Припять, черезъ которую лежалъ нашъ путь, сильно разлилась и угрожаетъ задержкой поѣзда. И чѣмъ дальше, тѣмъ вѣсти были тревожнѣе и тревожнѣе. Я переживалъ ужасныя минуты словно подо мною были горящіе уголья, а въ окна глядѣлъ безконечный лѣсъ, въ нѣдра котораго все глубже и глубже уходилъ нашъ невозможный поѣздъ. Станціи были страшно рѣдки, нигдѣ нельзя было достать поѣсть, а вѣсть что Припять затопила полотно дороги и снесла мостъ, все болѣе и болѣе подтверждалась. Что было дѣлать? Я чувствовалъ, что теряю голову, что почва уходитъ изъ подъ моихъ ногъ. Я съ отчаяніемъ рылся въ росписаніи дорогъ, надѣясь отъискать какой-нибудь исходъ, какой-нибудь поѣздъ съ одной изъ станцій этой ужасной дороги, чтобы выбраться на свѣтъ. Напрасно. Я все болѣе и болѣе уходилъ въ глушь, въ лѣса, въ ужасныя Пинскія болота. Я спрашивалъ всѣхъ начальниковъ станцій, прося ихъ надоумить меня, что мнѣ дѣлать, но всюду слышалъ одно: надо покориться горькой участи, застрять въ Лунинцѣ и сидѣть въ ожиданіи, пока воды спадутъ, что можетъ продолжиться нѣсколько дней, а можетъ быть и недѣлю. Это было ужасно, приходилось проститься съ мечтами о Кіевѣ, Одессѣ

и Константинополѣ, куда я стремился попасть. Не зная, что дѣлать, я готовъ былъ уже рѣшиться переѣхать разлившуюся Припять въ лодкѣ, затѣмъ взять телѣгу и доѣхать до слѣдующей станціи, гдѣ желѣзно-дорожное движеніе продолжалось. Но тогда я еще не зналъ, что такое разлитие Припяти, что такое Пинскія болота. Измучившись неизвѣстностью, полный досады, я пріѣхалъ въ полнѣйшей тьмѣ въ Лунинецъ, чуть не погруженный въ воду. Ѣхать черезъ бушующую и на много верстъ разлившуюся Припять въ ночной темнотѣ было немыслимо. И я въ полномъ недоумѣніи стоялъ на жалкомъ дебаркадерѣ Лунинецкой станціи, прислушиваясь къ завыванію вѣтра и незная, что начать. Чувство полнѣйшаго одиночества охватило меня всего, чувство страшной тоски и отчужденности отъ всего близкаго наполнило меня. Мнѣ казалось, что я навсегда отрѣзанъ отъ всего живаго и долженъ вѣкъ оставаться въ этой глуши, на берегу ревущей Припяти, среди Пинскихъ безконечныхъ болотъ. Уже я бросилъ мысль о потерѣ времени, нечего было и думать поспѣть всюду, какъ я желалъ, но мнѣ хотѣлось выбраться изъ этой трущобы, куда занесла меня судьба, трущобы, какую я не предполагалъ на западѣ Россіи. Гдѣ я ни бывалъ и на далекомъ западѣ и на востокѣ за Волгой, сколько я ни путешествовалъ, а подобнаго казуса не случалось. Мнѣ досадно было до слезъ на себя за то, что поѣхалъ по этой дорогѣ. Поѣзжай я чрезъ Минскъ я былъ бы послѣ завтра рано утромъ въ Кіевѣ, поѣзжай чрезъ Брестъ былъ бы завтра вечеромъ, а теперь не знаю, когда и выберусь. Я положительно не зналъ куда дѣваться. Ни отъ кого не могъ добиться толку. Вотъ дорога!

Я давалъ себѣ слово всегда въ будущемъ объѣзжать ее, хоть бы и пришлось терять время. И, вѣроятно, эта дорога не имѣетъ реномэ или-же публика знала о превратностяхъ пути, но во 2-мъ классѣ я ѣхалъ одинъ. Со мной ѣхали 3 охотника до одной изъ ближайшихъ отъ Вильно станцій, да въ 3-мъ классѣ сидѣли крестьяне. На станціяхъ кишмя кишѣли жиды и всѣ съ любопытствомъ оглядывали меня, не понимая, что я пріѣхалъ дѣлать въ этой глуши. Я вспоминалъ поѣзда за-границей, массу ресторановъ, корреспондирующіе поѣзда по сложной сѣти дорогъ, а здѣсь такой безпорядокъ, что въ Вильно не могли предупредить меня, въ Вильно—этомъ центрѣ Полѣсскихъ дорогъ. Звонокъ, раздавшійся почти надъ самымъ моихъ ухомъ, привелъ меня въ себя и вырвалъ изъ лабиринта всякихъ неумѣстныхъ сравненій и мыслей. Значитъ отходилъ куда-то поѣздъ. Можетъ быть товарный, можетъ быть обратно—все равно, я долженъ былъ ѣхать, долженъ былъ спѣшить куда-нибудь, но только не сидѣть въ бездѣйствіи подъ тяжестью горькихъ размышленій. Оказалось, что черезъ $^1/_4$ часа изъ Лунинца долженъ былъ отойти товаро-пассажирскій поѣздъ по Бресто-брянской дорогѣ, идущій въ Брянскъ, пересѣкающій на своемъ пути Зарѣчицу, мѣстечко, лежащее на Днѣпрѣ, Десну и Гомель на Сожѣ. Кассиръ сообщилъ, что кое-гдѣ уже открылось пароходное сообщеніе и можетъ быть въ Зарѣчицѣ или Гомелѣ я попаду на пароходъ, который доставитъ меня въ Кіевъ. Угасавшія надежды снова воскресли, словно лучъ свѣта блеснулъ мнѣ среди давящаго мрака. Мнѣ стало легче, когда я усѣлся въ вагонѣ и когда поѣздъ, пыхтя и постукивая, медленно погрузился въ мракъ, оставивъ

вдали свѣтлый островокъ Лунинецкую станцію. Я сталъ высчитывать время и рѣшилъ, что если удастся перехватить пароходъ я опоздаю только однимъ днемъ въ Кіевъ. Пароходъ изъ Одессы, на которомъ я собирался перебраться въ Константинополь, долженъ былъ отойти въ четвергъ и, зашедши по пути въ Варну и Бургасъ, въ воскресенье прибыть въ Царь-градъ. Но какъ попасть во-время въ Одессу, когда теперь наступила ночь съ понедѣльника на вторникъ, а поѣздъ уносилъ меня совсѣмъ въ сторону и я ѣхалъ на авось, не зная, что меня ждетъ впереди. Было-бы слишкомъ обидно проѣхать Кіевъ и не посмотрѣть его, этой мысли я не допускалъ. Я старался заснуть, но постоянные свистки, толчки, остановки заставляли меня вскакивать и прижиматься лбомъ къ стеклу. При миганіи звѣздъ я видѣлъ, какъ качались во всѣ стороны длинныя плети вербъ, какъ серебрилась вода, среди которой торчали повсюду деревья. Становилось ужасно жутко, поѣздъ еле двигался, рѣдко-рѣдко, когда выплывала ничтожная станція и пропадала снова во мракѣ. И вотъ страшныя картины всевозможныхъ катастрофъ стали рисоваться моему воображенію. Сколько разъ случалось, что весеннія воды сносили мосты, размывали полотно, а сторожа этого не замѣчали. Сколько ужасныхъ леденящихъ кровь несчастій было на такихъ большихъ образцовыхъ дорогахъ, какъ Николаевская, Курской, а здѣсь въ глуши, среди безконечнаго лѣса, стоящаго теперь въ глубокой водѣ, поѣздъ едва-едва двигался, какъ бы ощупывая свой путь, по высокой песчаной насыпи, во мракѣ весенней ночи, освященной тусклымъ сіяніемъ звѣздъ. Всѣ ужасы Кукуевской катастрофы и слетѣвшаго съ насыпи поѣзда по Нико-

лаевской дорогѣ возстали предо мной. Мнѣ видѣлся несчастный кондукторъ, придавленный тяжестью разбившагося вагона къ до красна накаленной печкѣ, мнѣ слышались стоны несчастнаго зажариваемаго заживо, запахъ мяса, крики ужаса глядящей публики, безсильной помочь погибающему. Мнѣ рисовались катастрофы этой весны въ Америкѣ, гдѣ нѣсколько поѣздовъ сорвались съ мостовъ и віадуктовъ и въ первый разъ мой чадъ, это бѣшенство побольше видѣть стало охладѣвать. Кажется, еслибы было возможно я бы мгновенно перенесся въ свою уютную комнату на берегъ Невы и забылъ бы и думать о всемъ томъ, что раньше волновало воображеніе и тянуло меня въ даль. Поѣздъ долженъ былъ придти съ разсвѣтомъ въ Зарѣчицу, а въ 11-мъ часу въ Гомель, откуда, какъ я узналъ на станціяхъ, пароходы ежедневно въ полдень отходили въ Кіевъ. Но поѣздъ страшно опоздалъ. На разсвѣтѣ мы были очень далеко отъ Зарѣчицы и медленно ползли по пути среди волнующагося озера. Только теперь я понялъ, что такое разлитіе рѣкъ. Ручей превращается въ рѣку, рѣчка—въ озеро, рѣка въ море. Куда ни взглянешь, всюду одна вода, деревья чуть не до вѣтвей погружены въ громадное озеро, которое толчется своими волнами о высокую насыпь съ рельсовымъ путемъ, стараясь сокрушить эту преграду. Бока насыпи обсажены ивнякомъ, чтобы парализовать силу весеннихъ водъ, но при проползаніи поѣзда песокъ такъ и сыпится изъ подъ шпалъ въ мутныя волны. И такъ мы ѣхали часы и часы среди водъ озера. Постоянные свистки и остановки заставляли вздрагивать въ ожиданіи, что вотъ, вотъ окажется путь размытымъ и придется остаться въ этомъ ужасномъ лѣсу среди безконечной воды.

Но вотъ мы въѣхали на мостъ перекинутый черезъ рѣку Птичъ, волны лизали настилку моста и казалось готовы были снести проходившій поѣздъ. И снова десятки верстъ вода и вода. Волны притоковъ Днѣпра слились вмѣстѣ и весь бассейнъ этой громадной водяной жилы слился въ одно гигантское озеро, затопивъ лѣса, села и деревни. Въ газетахъ еще въ Петербургѣ я читалъ о необычайномъ разлитіи рѣкъ въ этомъ году, но то что мнѣ пришлось увидѣть превзошло всѣ ожиданія. Около желѣзно-дорожной насыпи нерѣдко плавали оборванныя крыши, корыта и другая утварь. Картина раззоренія развернулась передъ моими глазами въ самыхъ яркихъ краскахъ. Теченія рѣкъ, гдѣ намъ приходилось ихъ пересѣкать обозначалось только мостами и особенно замедленнымъ ходомъ поѣзда. Порой попадались холмы превратившіеся теперь въ острова, покрытые лиловыми коврами прострѣловъ. Словно эти цвѣты, избѣгая наводненія, взгромоздились на небольшіе островки и тѣснились, отъискивая спасеніе. Въ Зарѣчицѣ, куда мы страшно опоздали, я узналъ, что пароходъ въ Кіевъ пойдетъ только въ пятницу, а изъ Гомеля пароходы отправляются ежедневно, порой дожидая публику съ подходящихъ поѣздовъ. Что было дѣлать? Поѣздъ такъ запоздалъ. Я послалъ телеграмму на пароходъ, прося задержать до прихода поѣзда, такъ какъ есть пассажиры въ Кіевъ. Но это было наивно съ моей стороны, такъ какъ никогда бы парохода не задержали. И вотъ измученный, усталый очутился я въ Гомелѣ, куда мы невѣроятно опоздали. Приходилось ѣхать въ гостинницу, такъ какъ не было ни поѣзда, ни парохода по рѣкѣ Сожъ и я очутился въ грязномъ номерѣ провинціальнаго го-

рода кишащаго евреями. Я былъ въ Могилевской губерніи, но должно быть въ одномъ изъ самыхъ неприглядныхъ ея уголковъ. Напрасно я ходилъ на пристань чтобы узнать подробности о пароходѣ, никого не могъ доискаться и узналъ только, что пароходъ отойдетъ завтра утромъ и только послѣ завтра придетъ въ Кіевъ и поѣздъ изъ Минска и Вильно привезетъ меня почти въ тоже время въ Кіевъ, почему я и выбралъ желѣзную дорогу. Гомель произвелъ на меня самое неблагопріятное впечатлѣніе. Грязь невообразимая, перейти улицу нѣтъ возможности. Самъ городъ довольно плохъ, зданій хорошихъ почти нѣтъ. Есть бульваръ главная улица съ публичнымъ садомъ, гдѣ Гомельская публика гуляетъ. На бульваръ глядитъ бѣлый домъ почты и рядъ провинціальныхъ магазиновъ. Въ окнахъ книжной лавки я увидѣлъ либретто Наталки-Полтавки, значитъ въ самомъ дѣлѣ близко Малороссія и Днѣпръ. Центръ города въ отношеніи интереса составляетъ красивый дворецъ графа Пашкевича лежащій на горѣ надъ рѣкой Сожемъ въ красивомъ паркѣ. Дворецъ съ его отдѣльно стоящей четырехъугольной очень красивой башней, на вершинѣ которой помѣщены часы, съ памятникомъ Понятовскаго верхомъ на лошадѣ у главнаго фасада выглядитъ замѣчательно красиво и былъ бы подстать хоть на Рейнъ, гдѣ занялъ бы хорошее мѣсто въ волшебной панорамѣ Рейнскихъ береговъ. Мнѣ какъ-то странно было видѣть этотъ замокъ въ Гомелѣ, въ этой глуши, такъ красиво взгромоздившійся надъ Сожемъ возлѣ церкви, отъ которой открывается далекій видъ на сильно разлившуюся рѣку.

Даже въ гимназіяхъ ученикамъ извѣстно, что самые наижидовскіе города—Бердичевъ, Гомель и

Шкловъ. Тогда я и не думалъ, что попаду въ Гомель, тогда уча города къ уроку, я былъ такъ далекъ отъ подобной мысли. На дорогѣ, въ магазинахъ, на улицахъ, въ общественномъ саду—евреи и евреи. И какихъ лицъ только здѣсь нѣтъ. Отъ скуки я принялся разглядывать проходящихъ и чуть-ли не на 20 евреевъ одинъ попадался малоросъ или великоросъ. Еврейки въ общественномъ саду гуляютъ съ трехъэтажными турнюрами, желая, вѣроятно, показать, что и онѣ не отстали отъ Европы. Грязь идетъ въ шагъ за симъ избраннымъ когда-то Богомъ народомъ. Въ гостинницѣ мнѣ дали такое постельное бѣлье, что я пришелъ въ ужасъ при одной мысли улечься на клоповыя пятна и другія пріятные для глаза путешественника рисунки на предлагаемой простынѣ. Принесли другое бѣлье, конечно послѣ долгаго спора съ евреями увѣрявшими, что все очень чисто. Но второе бѣлье имѣло ужасный запахъ грязныхъ подоловъ, чтобы не сказать хуже и было, вѣроятно, только что вспрыснуто и выглажено, такъ какъ антрактъ между появленіями лакея съ первой и второй простыней длился не менѣе получасу. Пришлось вытащить свое бѣлье, но на кровать его положить мнѣ не пришлось. На сей послѣдней спокойно паслось очень милое стадо милыхъ насѣкомыхъ, наложившихъ печати на первую „совсѣмъ чистую“ простыню и я, чтобы гарантировать себя отъ ихъ посѣщенія, устроился на столѣ. Думалъ было лечь на диванѣ, но и онъ имѣлъ очень подозрительный видъ, а потомъ оказалось, что не хватало одной изъ заднихъ ножекъ. Теперь вспоминать все это смѣшно, но тогда всякая мелочь, прибавлявшаяся къ суммѣ моихъ злоключеній,

увеличивала мою досаду. Еще не такъ давно, менѣе чѣмъ за годъ, я ѣздилъ на Уралъ на пріиска и мнѣ приходилось ночевать въ отдаленныхъ деревенькахъ, спалъ я на узкой скамейкѣ, покрытой легіонами всевозможныхъ насѣкомыхъ, падалъ со скамейки на полъ на сотни толпящихся тараканов и все таки ложился снова на свою скамью. И лежа на столѣ я припоминалъ ночовки въ деревняхъ. Но то было за Ураломъ въ глуши, то и было въ деревнѣ, а здѣсь я былъ въ городѣ, въ Гомелѣ, о которомъ училъ даже на классной скамьѣ, на берегу Сожа, по которому ходятъ пароходы въ Кіевъ, на перекресткѣ двухъ желѣзныхъ дорогъ Минской и Брестско-Брянской, вблизи границы и Кіева. Вотъ почему было обиднѣе и досаднѣе, да и насѣкомыя-то были вдобавокъ тоже жидовскія, какъ и все въ Гомелѣ. Вы подумаете, можетъ быть что я остановился въ третьестепенной гостинницѣ и жестоко ошибетесь. Это была изъ лучшихъ въ Гомелѣ и я имѣлъ даже балконъ съ видомъ на копошащихся въ грязи свиней и двухъ хаекъ съ громадными челками, сладко улыбавшимися мнѣ изъ сосѣдняго окна. Мой лакей, конечно, тоже „изъ насихъ“, шустрый парень, нѣсколько разъ подходилъ, очевидно желая что-то сказать, но не рѣшался, наконецъ онъ сталъ сожалѣть о томъ, что мнѣ пришлось болѣе сутокъ сидѣть въ Гомелѣ совсѣмъ одному, что даже не съ кѣмъ слово сказать, а какъ разъ здѣсь есть одна барышня, совершенно случайно, какъ это всегда водится, молоденькая, хорошенькая и съ которой можно было-бы познакомиться. Тогда было-бы весело спать.

— Какъ на столѣ-то? воскликнулъ я весело.

— Она все умѣетъ, пояснилъ лакей. Оказа-

лось, что это была одна изъ евреекъ, кивавшихъ мнѣ въ окно. Красота ея состояла въ томъ, что ротъ у ней былъ до ушей, носъ какъ пуговка электрическаго звонка, лицо очень помятое и довольно мерзкое, особенно благодаря невообразимой челкѣ. Она была и пѣвицей, и гувернанткой въ благородномъ семействѣ, и управляла хозяйствомъ и даже служила наѣздницей въ циркѣ. А теперь живетъ, молъ, въ Гомелѣ и проѣзжающимъ глазки строитъ, такъ какъ это выгоднѣе и спокойнѣе, чѣмъ скакать на спинѣ скачущей лошади или возиться съ дѣтьми. Видя мое нежеланье знакомиться съ „мадамой", лакей удвоилъ ей похвалы, сталъ божиться и клясться, что она очень благородная дѣвушка и пріѣхала въ Гомель тоже изъ за разлитія рѣкъ, что потому совершенно необходимо познакомиться, что мы товарищи по несчастью. Очень долго слушалъ я его болтовню и такія восхваленія, что стоило бы ихъ записать въ записную книжку, но только въ записную книжку такъ какъ восхваленія были совсѣмъ гомельскія и, неудобныя всюду—кромѣ записной книжки, которую читаешь только самъ. Наконецъ я прогналъ очень огорченнаго парня, мечтавшаго заработать кое-что и улегся на моемъ возвышенномъ и жесткомъ ложѣ, гдѣ однако я не долго пролежалъ. Бока такъ заболѣли, что пришлось встать. Я вышелъ на балконъ. Снизу осадилъ меня снова лакей съ своими настойчивыми приставаніями, а изъ противуположнаго окна кивала ужасная физія, дѣлая знаки, qu'elle est a avoir. Тогда я сердито захлопнулъ дверь и спустилъ шторы и, не взирая на пасшееся стадо ароматичныхъ насѣкомыхъ, завалился спать на кровать. Къ довершенію всѣхъ

невзгодъ у меня заныли зубы, такъ что Гомель остался для меня въ самомъ черномъ свѣтѣ и я былъ несказанно радъ, когда поѣздъ привезъ меня въ Бахмачъ, гдѣ я пересѣлъ въ вагонъ курскаго поѣзда и полетѣлъ по направленію къ Кіеву. Мнѣ казалось, что я вновь увидѣлъ свѣтъ, вырвался изъ темницы, изъ вѣчной тьмы, такъ я былъ радъ оставить эти отвратительныя мѣста, изъ за которыхъ я опоздалъ въ Кіевъ на два дня.

4.

Кіевъ.

(Городъ. Подолъ. Андреевскій соборъ. Церкви Владиміра и Ярослава. Памятники).

Настоящіе старики сами никогда не называютъ себя стариками.

Ив. Тургеневъ.

Кто не ѣлъ кіевскихъ конфектъ, кто не слышалъ про сборища кіевскихъ вѣдьмъ на Лысой горѣ, кто не помнитъ массу сказаній про нашъ первый русскій городъ? Что касается меня, то кіевское варенье отъ Балабухи я предпочитаю другимъ конфектамъ, Лысую гору представлялъ себѣ съ дѣтства освѣщенной заревомъ костровъ, вокругъ которыхъ носятся страшныя вѣдьмы на козлахъ, пѣтухахъ и метлахъ и что у самаго большаго костра чортъ вѣнчается съ жабой, о сказаніяхъ и говорить нечего, я ихъ зналъ и всегда очень любилъ. Кіевъ имѣлъ всегда магическое значеніе для меня. Мнѣ казалось, что я нѣсколько виноватъ самъ предъ собой, что мнѣ всегда чего-то недоставало, что видѣть Кіевъ мнѣ слѣдовало обязательно. И вотъ я подъѣзжалъ къ сильно разлившемуся Днѣпру. Какъ только поѣздъ въѣхалъ на большой мостъ, чуть не касавшійся полотномъ дороги воды, такъ поднялся уровень Днѣпра, сразу развернулась вся панорама на Кіевъ. Солнце искрилось и кокетливо глядѣлось въ золотые купола лавры, глядѣвшей изъ за зелени лѣсовъ, далѣе мелькали золоченыя главы церквей временъ Владиміра и Ярослава, а въ голубой дымкѣ ранняго утра тонулъ у водъ Днѣпра Подолъ, надъ которымъ висѣла на горахъ Андреевская церковь, взгромоздившаяся на такой выступъ, что казалось вотъ-вотъ она сорвется и полетитъ, сіяя куполами на солнцѣ. Панорама Кіева дѣйствительно была хороша со стороны Днѣпра и теперь выдвигалась другая сторона города съ рядами пирамидальныхъ тополей, изъ за которыхъ выглядывалъ университетъ св. Владиміра и новый пестрый Владимірскій соборъ, а съ нимъ вмѣстѣ сотни домиковъ и домовъ, лежащихъ по откосамъ горъ, дорисовывали новый видъ Кіева, который однако послѣ вида съ Днѣпра уже не прельщалъ взглядъ. И вотъ не прошло и полчаса, какъ мы подъѣхали къ вокзалу, а я, оставивъ свой багажъ, уже мчался по Кіеву, глоталъ съ невообразимой жадностью все, что раскрывалось предъ моими глазами, рылся въ воспоминаніяхъ, создавалъ цѣлыя картины, вытаскивая изъ архива воспоминаній подходящее къ данному мѣсту сказаніе. Я не помню, чтобъ гдѣ-нибудь, когда-нибудь овладѣвалъ мной такой пароксизмъ болѣзни. Я взлеталъ на колокольни, упивался видами, ползъ по подземнымъ пещерамъ, носился по церквямъ, по улицамъ и садамъ, мчался по Подолу, лазилъ по крутикамъ и только тогда спокойно усѣлся въ вагонъ одесскаго поѣзда, когда

дѣйствительно могъ сказать, что я видѣлъ Кіевъ и, только сидя въ вагонѣ, я сталъ разбираться въ моихъ впечатлѣніяхъ. Тамъ, въ Кіевѣ, я принималъ все безъ всякой критики, глоталъ впечатлѣнія и укладывалъ ихъ не сортируя, громоздя одно на другое, чтобы не терять лишнее время на размышленія. Только усѣвшись въ вагонѣ я почувствовалъ также и ногами, что я поработалъ ими изрядно и что покой необходимъ. Послѣ Гомеля и Пинскихъ болотъ, когда нѣсколько затихъ мой пылъ, при малѣйшихъ благопріятныхъ условіяхъ, онъ вылился съ необычайной силой и я буквально проглотилъ Кіевъ и, если бы кто-нибудь остановилъ меня и спросилъ, какъ мнѣ понравилась рака великомученицы Варвары, я бы не сообразилъ, гдѣ такая мученица лежитъ, какая у ней рака, да и видѣль-ли я ее? Хотя въ послѣднемъ было трудно сомнѣваться, если дѣло шло къ концу осмотра города. Только спустя нѣкоторое время Кіевъ все рельефнѣе и рельефнѣе сталъ вырисовываться въ моей головѣ, всѣ достопримѣчательности я размѣстилъ по церквямъ и площадямъ, связалъ всѣ сказанія съ относящимися къ нимъ памятниками и Кіевъ вылился предо мной въ тѣ формы, которыя вѣками образовали первый русскій городъ.

Помню, я началъ осмотръ города отъ университета прекрасно лежащаго на возвышенности около Бибиковскаго бульвара, пирамидальные тополя котораго зелеными колоннами выдѣляются на красноватыхъ стѣнахъ университета св. Владиміра. Вблизи же университета лежитъ и ботаническій садъ. Не знаю почему, но сады Кіева не прельстили меня, ни красиво лежащій садъ при низкомъ, но изящномъ зданіи дворца, ни chateau de fleur съ вокзаломъ, собирающимъ кіевлянъ по вечерамъ звуками оркестра или опереточными куплетами, ни ботаническій садъ. Всюду мнѣ чего-то не доставало. Это „что-то“ всюду недостающее унесъ я изъ Кіева не отъ однихъ садовъ, а и отъ Лавры, и отъ Крещатика, и отъ пресловутыхъ храмовъ, да прямо и отъ всего города. Крещатикъ показался мнѣ далеко не такимъ прекраснымъ, какимъ я представлялъ его себѣ по разсказамъ. Сравненіе его съ Невскимъ совсѣмъ неудачно, развѣ только по многолюдности въ хорошую погоду въ послѣобѣденный часъ. Магазины хороши, но въ нихъ тоже было это „что-то“, которое не доставало. Институтъ благородныхъ дѣвицъ, присутственныя мѣста, театръ и другія зданія оказались казенными, заурядными постройками совсѣмъ не къ лицу такому городу, какъ Кіевъ. Особенно театръ, небольшое, сѣренькое зданіе, совсѣмъ разочаровалъ меня. Это разочарованье простерлось и до кіевскаго варенья, которое здѣсь страшно дорого и которое въ Петербургѣ нисколько не хуже здѣшняго. Конокъ здѣсь нѣтъ, не смотря на то, что Кіевъ расползся на громадное разстояніе. Когда я замѣтилъ одному кіевлянину этотъ недостатокъ, тотъ возопилъ даже. „Какъ? Въ Кіевѣ недостатки? Вашъ Петербургъ не выдерживаетъ съ нимъ никакого сравненія!“ и пошелъ, и пошелъ: „А Златоверхій монастырь! А Софія! А Лавра съ ея пещерами! А виды! А Николаевскій цѣпной мостъ черезъ Днѣпръ! А самъ Днѣпръ! Ваша Нева никуда не годится въ сравненіи съ Днѣпромъ! А одинъ видъ на Подолъ!“ и т. д. и т. д. Чуть не съ полчаса онъ перечислялъ красоты Кіева, о которыхъ мнѣ прожужжали всѣ уши еще въ Петербургѣ. И когда мы вернулись къ коночному вопро-

су, то кіевлянинъ замѣтилъ, что конка невозможна въ Кіевѣ, такъ какъ онъ лежитъ на холмахъ, что для желающаго ѣхать всегда къ его услугамъ много прекрасныхъ извозчиковъ, и рѣшилъ, что, если конки нѣтъ, значитъ ей и быть не слѣдъ. Положимъ, что Кіевъ лежитъ по холмамъ, но не всѣ холмы крутые, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ возможно было-бы устроить мосты. На всемъ Кіевѣ лежитъ печать чего-то недодѣланнаго, недоустроеннаго. Церкви въ старо-кіевской части дѣлаютъ впечатлѣніе далеко не грандіозное. Онѣ мнѣ показались ужасно низкими, расплывшимися по землѣ и нѣсколько лубочными. Одно что въ Кіевѣ дѣйствительно прекрасно и гдѣ всюду мнѣ мѣшавшее „что-то“ стушевалось совершенно, это виды, которые открываются со всѣхъ возвышенныхъ пунктовъ, эти всѣ виды и грандіозны, и красивы, и необыкновенно разнообразны. Подолъ вблизи совсѣмъ не интересенъ, это настоящая торговая часть, но, когда глядишь на него съ горы отъ Андреевской церкви, то онъ производитъ необыкновенно сильное впечатлѣніе, лежа на берегу Днѣпра, въ который вливается широкой лентой Десна, проползающая между лѣсовъ, луговъ и селеній. Многочисленныя церкви поднимаютъ свои луковки надъ домами и кокетливо блистаютъ на солнцѣ, какъ бы чувствуя, что на нихъ глядятъ глаза туриста съ высотъ .Андреевской церкви. И гора Щекавица съ своею церковью и блестки Іорданскаго озера красивы съ горы. Іорданское озеро, серебрящееся изъ за зелени деревьевъ, зелени, правда, очень молодой и скорѣе похожей на пушекъ, украшено легендой. Разсказываютъ, что въ колодезѣ близъ лежащаго монастыря былъ найденъ сосудъ, брошенный въ настоящій Іор-

данъ, однимъ паломникомъ во время странствованій по Палестинѣ. Необыкновенно красиво окаймлены берега Днѣпра многочисленными судами, поднимающими порой свои бѣлыя крылышки и скользящими по волнамъ. Сама церковь Андрея Первозваннаго, о которой мнѣ прожужжали уши въ Петербургѣ, не поразила меня, какъ я того ожидалъ. Въ этой церкви, въ Смольномъ соборѣ Петербурга и во всѣхъ постройкахъ графа Растрелли есть много общаго, что сейчасъ заставляетъ отгадать имя архитектора. Четыре легкія стрѣльчатыя башни окружаютъ главный куполъ и, дѣйствительно, придаютъ легкость всей церкви, а положеніе ее на высшемъ пунктѣ кіевскихъ высотъ, на выступѣ, прозванномъ „Уздыхальница“, гдѣ когда-то, по преданію, былъ апостолъ Андрей на пути изъ Корсуня и гдѣ Мстиславъ (XII в.) основалъ деревянную церковь, придаетъ много красоты всему зданію, парящему надъ крутикомъ.

Купола собора покрыты серебровидной крышей, что еще больше придаетъ сходства съ главнымъ соборомъ Смольнаго монастыря въ С.-Петербургѣ. Подъ ногами собора находится двухъэтажное зданіе, такъ что соборъ высится надъ нимъ. Этого требовали условія мѣстности, гдѣ горные ручьи подтачиваютъ почву. Андреевскій соборъ былъ заложенъ Елизаветой (въ 1744 г.) и выстроенъ въ стилѣ рококо Людовика XV-го. Тогда была мода на этотъ стиль и украшенія ввидѣ колоннъ коринѳскаго ордена очень нравились возлѣ округлыхъ зданій Франціи. Внутри собора замѣчательная запрестольная картина, которая много утратила отъ сырости, отъ подмалевыванія доморощенныхъ псевдо-художниковъ. Полотно изображаетъ Тайную вечерь, а тво-

рецъ этого сокровища не болѣе, не менѣе, какъ Леонардо-де-Винчи. Ужасно горько, что такая драгоцѣнность такъ испорчена и суровымъ временемъ и невѣжественными руками, хотя все же творчество великаго художника сквозитъ и теперь въ чудной группировкѣ апостоловъ, въ выраженіяхъ лицъ Христа и учениковъ. Я помню, какъ въ былые годы моего дѣтства мнѣ понравилась фотографія этой картины и я хранилъ ее въ моемъ альбомѣ, какъ любимую картинку, вѣроятно тогда уже чувствуя всю геніальность и силу этого произведенія *).

Въ Кіевѣ приходится особенно много бѣгать по церквямъ, такъ какъ почти всѣ его памятники имѣютъ религіозный характеръ. Вотъ почему необходимо было посѣтить всѣ храмы Ярослава и Владиміра, перенестись въ далекое прошлое, вытащить изъ архива воспоминаній запылившіяся сказанія и глядѣть, пожирая все глазами. Трехсвятительская церковь съ некрасивой зеленой крышей интересна своей стариной. Она построена 900 лѣтъ тому назадъ Владиміромъ святымъ на холмѣ, гдѣ стоялъ идолъ Перуна. Батый разрушилъ ее и 4 вѣка церковь лежала въ развалинахъ, пока Петръ Могила не отстроилъ ее вновь. Теперь это ничтожная приходская церковь.

Такую же судьбу испыталъ и другой храмъ временъ Владиміра, заложенный (въ 989 г.) великимъ княземъ на мѣстѣ убіенія варяга Θеодора и его сына Ивана, растерзанныхъ язычниками за исповѣдываніе христіанства. Отъ древней Десятинной

*) Противъ праваго клироса большая картина: апостолъ Андрей проповѣдуетъ евангеліе скифамъ и водружаетъ крестъ на кіевскихъ горахъ.

церкви почти ничего не осталось, она и падала во время погрома Кіева татарами, и горѣла, и вновь возрождалась изъ развалинъ и пепла, но, къ сожалѣнію, утратила свой прежній роскошный видъ, свои мозаики и греческія надписи. Это была настоящая усыпальница князей былаго времени: здѣсь покоились прахи Ольги, Владиміра, его жены греческой царевны Анны, внука и правнука Ярослава и другихъ. Теперь Десятинная церковь, называемая такъ потому, что Владиміръ опредѣлилъ десятую часть съ доходовъ своего имѣнія на поддержаніе этой церкви, представляетъ большой и тяжелый четырехъугольникъ съ однимъ большимъ куполомъ по серединѣ и четырьмя меньшими, украшенными луковками по угламъ крыши. Храмъ напоминаетъ соборы Нижняго Новгорода и Великаго Новгорода, но красивѣе этихъ послѣднихъ украшеніями на наружныхъ стѣнахъ. Въ храмѣ два богатыя надгробія святаго Владиміра и его бабки Ольги въ видѣ досокъ изъ сѣраго мрамора, съ золотыми и серебряными украшеніями и изображеніями почивающихъ здѣсь двухъ выдающихся личностей исторіи древней Руси. Въ старомъ Кіевѣ особенно замѣчательны еще двѣ святыни, составляющія съ лаврой гвоздь Кіева и каждый побывавшій въ Кіевѣ—обязательно бывалъ въ Софійскомъ соборѣ и покланялся мощамъ великомученицѣ Варварѣ, которая покоится въ Златоверхомъ Михайловскомъ монастырѣ. И Софійскій соборъ съ его 15-ю куполами и Михайловскій монастырь съ столькими же золотыми версями лежатъ другъ противъ друга по сторонамъ громадной площади, съ одной стороны которой тянутся казенныя некрасивыя зданія присутственныхъ мѣстъ, а въ серединѣ готовится къ открытію памятникъ Бог-

дану Хмельницкому. Подобная площадь должна была бы имѣть чудный видъ, но въ Кіевѣ, гдѣ столько запущеній и безпорядка въ городѣ, площадь выглядитъ пустыремъ. Громадныя лысины, не то площади, не то луга, лежатъ въ самыхъ лучшихъ мѣстахъ города. Деревянные сараи и заборы, жалкія постройки и покосившіяся изгороди парализуютъ всякую красоту. Вотъ почему и Софійскій соборъ съ его чудной, такъ называемой „тріумфальной", четырехъугольной колокольней, съ ея зеленымъ тѣломъ, глядящимъ изъ бѣлыхъ кружевъ лѣпныхъ украшеній, съ сіяющими 15-ю куполами, лежащими на разной высотѣ надъ соборомъ, и Михайловскій Златоверхій монастырь, искрясь и блестя на солнцѣ своей позолотой, страшно теряютъ и выглядятъ, словно они случайно сюда попали. И соборъ, и монастырь поразили меня своей приземистостью, такъ что я не могъ найти въ нихъ величія и той красоты, которая заставляетъ уноситься въ небеса. Съ этой точки я понимаю великолѣпіе храма. И всегда у меня является сравненіе съ удивительнымъ Кёльнскимъ соборомъ, который, уносясь своими стрѣльчатыми башенками въ небеса, наводя торжественное настроеніе своимъ органомъ и суровой обстановкой сводовъ внутри, подавляя своей красотой, легкостью и величьемъ, заставляетъ противъ воли молиться и съ губъ слетаютъ жаркія слова, уносящіяся прямо въ небо. Софійскій соборъ красивъ, какъ памятникъ временъ Ярослава, богатъ своими украшеніями и древностью, но, какъ соборъ, онъ не произвелъ на меня впечатлѣнія и совсѣмъ не возбудилъ молитвеннаго настроенія ни своимъ великолѣпіемъ, которое мнѣ показалось нѣсколько мишурнымъ, ни своимъ величіемъ, котораго

я въ немъ совсѣмъ не нашелъ. И соборъ, и монастырь имѣютъ много общаго и, лежа другъ противъ друга, составляютъ pendant одинъ другому. Но одна красивая колонча Софіи уже сразу беретъ перевѣсъ передъ бѣлой и тяжелой колокольней Златоверхаго монастыря. Это сходство простерлось и до внутренняго вида. И въ Михайловскомъ храмѣ временъ Святополка и въ Софіевскомъ соборѣ находятся одинаковыя древнія мозаики, изображающія одинаково Тайную вечерь. Такъ въ Софіевскомъ соборѣ на восточной стѣнѣ за столомъ съ священными сосудами, крестомъ, копьемъ въ видѣ ножа и т. п., покрытымъ багрянымъ покровомъ съ золотистыми цвѣтами, изображены два ангела, осѣняющіе божественный хлѣбъ. Возлѣ ангеловъ находятся два изображенія Спасителя въ голубой одеждѣ и золотистомъ иматіонѣ. Оба изображенія сдѣланы совершенно одинаково и отличаются тѣмъ, что Спаситель на право подаетъ хлѣбъ шести апостоламъ, а Спаситель на лѣво подаетъ вино въ золотой чашѣ другимъ 6-ти апостоламъ. На право греческая надпись: „пріимите, ядите, сіе есть тѣло мое, еже за вы ломимое, во оставленіе грѣховъ", на лѣво: „пійте отъ нея вси, сія есть кровь моя новаго завѣта, яже за вы и за многія изливаемая во оставленіе грѣховъ". Въ Михайловскомъ храмѣ тѣже два изображенія Спасителя, тѣже группы, но Тайная вечерь происходитъ передъ лицомъ Св. Троицы.

Главная святыня Михайловскаго монастыря: гробница св. великомученицы Варвары. Мощи покоятся въ роскошной ракѣ, драгоцѣнныя украшенія которой блистаютъ и сверкаютъ изъ за позолоты. Великомученица Варвара покоится безъ лѣвой руки, такъ какъ она была издревле удержана въ Греціи

и безъ части пальца правой руки, отданной польскому сенатору Георгію Осолинскому при митрополитѣ Петрѣ Могилѣ. Мощи св. Варвары привезла въ Кіевъ греческая царевна, жена Святополка, которой онѣ даны были въ приданое. Про мощи существуютъ массы легендъ. Такъ во время пожара, когда все сгорѣло, онѣ остались цѣлыми, во время страшной язвы, свирѣпствовавшей надъ Кіевомъ и его окрестностями, монахи Златоверхаго монастыря спаслись отъ болѣзни и т. д. Всякая святыня имѣетъ свои легенды и всѣ онѣ варіанты другъ друга. О самой Святой сторожъ, очевидно изъ солдатъ, съ внушительнымъ краснымъ носомъ, повѣдалъ мнѣ слѣдующій разсказъ. Сторожа этого я встрѣтилъ въ саду, гдѣ я усѣлся на скамейкѣ, любуясь видомъ, и гдѣ разговорился о Кіевѣ съ красносымъ моимъ собесѣдникомъ изъ за папиросы, которую тотъ попросилъ у меня и въ которой мнѣ, какъ некурящему, пришлось ему отказать. „Эта самая Варвара была дочь царя, или знатнаго вельможи греческаго, или боярина, какъ тамъ ихъ зовутъ. И жила она этта—въ Греціи. А царь въ ту пору осерчалъ на православныхъ христіянъ и давай ихъ травить: то звѣрьемъ дикимъ, то жегъ кого, то топилъ. Одно слово, напасть была.

А святая Варвара, словно маковъ цвѣтъ, была и не нравились ей всѣ эти идолища. Пошла этта она, покрестилась и говоритъ отцу: христіянка я, не хочу, говоритъ, знать твоихъ идолищевъ, а только, говоритъ, въ Бога вѣрую. Отецъ осерчалъ.— Ахъ, ты негодяйка, говоритъ, да я тебя за это уморю. И началъ онъ ее терзать и мучить. Бичевали ее этта воловьими жилами три дня и три ночи. Раны ей вострыми черепками растравляли. Ну, говоритъ,

иди опять къ намъ. А она все на своемъ. Знаю молъ православнаго Бога, а другихъ и знать не хочу. Тогда ее въ темницу бросили. А туда къ ней и сошелъ Спаситель съ небесъ и вся болѣзнь прошла и снова она стала здоровой и лучше прежняго еще. На утро, какъ увидѣли ее мучители, совсѣмъ разозлились, привѣсили ее за волосы къ дереву, стали жечь ее, когтями желѣзными строгали тѣло, какъ доску, да молотками по головѣ били. А потомъ самъ отецъ ей голову топоромъ отнялъ. Вотъ какъ праведные-то жили. За то она и святая!“

— Да ты откуда знаешь этотъ разсказъ?—спросилъ я его.

— Какъ откуда?—удивился онъ. Про святую-то Варвару? Всѣ знаютъ это. Монахи въ монастырѣ разсказываютъ. Я-то не все запомнилъ. Запамятовалъ маленько. А что святая она это точно.

И онъ началъ мнѣ разсказывать такія удивительныя вещи, что порой нельзя было понять въ чемъ дѣло. Да и самъ-то онъ, кажется, не понималъ, а передавалъ только то, что слышалъ отъ другихъ и какъ слышалъ.

— А вотъ тоже въ дальнихъ пещерахъ, разсказывалъ онъ, польщенный моимъ вниманіемъ къ его разсказамъ, тамъ за одной стѣной, какъ грѣшники въ аду кричатъ, и цѣпи шумятъ, и сковороды. Оно это такъ выходитъ, что и сумлѣнія нѣтъ. Да я то знаю, что за стѣной тамъ нищіе, а другіе и впрямь думаютъ адъ. А то вонъ теперь памятникъ на площади ставятъ, да съ нимъ все бѣда и выходитъ, что хвостъ лошади въ сторону Софійскаго собора. Повернули его этой головой къ собору, анъ вышло тоже плохо. Лошадь-то хвостомъ къ Михайловско-

му монастырю стала. Оттого и не открываютъ. Всяко ужъ ее ворочали, куда ни повернутъ, все хвостомъ на церковь выходитъ. Это навожденіе.

И дѣйствительно съ памятникомъ Богдану Хмельницкому, знаменитому гетману и освободителю Малороссіи отъ поляковъ, поставленнымъ на томъ мѣстѣ, гдѣ во времена Ярослава собиралось народное вѣче, вышло навожденіе. Самъ памятникъ и постаментъ мѣнялись нѣсколько разъ и только теперь постановка и отдѣлка его закончена. *) Первоначальный проектъ памятника знаменитому малороссійскому гетману, вышедшій изъ рукъ Микѣшина (художникъ, извѣстный памятникомъ 1000-лѣтія Россіи), былъ такой: Богданъ Хмельницкій вскочилъ на рѣзвомъ степномъ конѣ на вершину скалы: въ рукѣ у него булава; подъ конемъ повергнутъ іезуитъ, а ниже валится со скалы польскій панъ, еще ниже жидъ испускающій въ мученіяхъ духъ. Съ лицевой стороны, подъ усѣченной скалой, сгруппированы типы пяти племенъ: бѣлоруссъ, великоруссъ и 3 южноросса, изъ которыхъ выступаетъ на первый планъ кобзарь, готовясь извлечь изъ струнъ бандуры хвалебную пѣснь виновнику событія. На утесѣ скалы слова: „сгине Польша, сгине, а Русь буде пановати", внизу на пьедесталѣ, на лицевой сторонѣ: „Единая нераздѣльная Россія Богдану Хмельницкому", а слѣва барельефное изображеніе Переяславской рады. Мѣстная администрація, которой былъ представленъ этотъ проектъ на одобреніе, не затруднилась сдѣлать критическую оцѣнку его сама, безъ посредства спеціалистовъ. И вотъ какой она

*) «Новое Время» 88. 17 іюля № 4447.

дала приговоръ: Смѣлость постановки фигуры Богдана Хмельницкаго, артистическое ея исполненіе и безукоризненное положеніе группы изъ пяти фигуръ на передней части памятника не оставляютъ желать ничего лучшаго и соотвѣтствуютъ вполнѣ какъ самой мысли памятника, такъ и тѣмъ народнымъ и историческимъ воспоминаніямъ, которыя онъ невольно возбуждаетъ. Живая фигура отброшеннаго со скалы польскаго пана своею смѣлостью, и по мысли также соотвѣтствуетъ идеѣ памятника и общему гармоническому виду его. Остальныя фигуры іезуита и жида, хотя выражающія извѣстную идею, не получили одобренія. Фигура убитаго еврея, держащаго въ рукахъ ограбленные имъ церковные сосуды, производитъ тяжелое впечатлѣніе: смерть должна возбуждать чувство смиренія, видъ же еврея съ тою обстановкою, съ которою онъ представленъ, скорѣе можетъ вызвать чувства совсѣмъ иного рода и вредить серьезному впечатлѣнію, котораго должно ожидать отъ подобнаго памятника. Фигура іезуита съ крестомъ и четками, покрытаго польскимъ знаменемъ, какъ духовнаго лица, хотя чуждаго и враждебнаго намъ не должна быть оскорбляема, тѣмъ болѣе въ краѣ, гдѣ находится много католиковъ и гдѣ, слѣдовательно, монументъ этотъ можетъ вызвать раздраженіе: поэтому, по мнѣнію администраціи, фигуры эти слѣдовало замѣнить какимъ-нибудь другимъ аттрибутомъ подъ ногами лошади, напримѣръ, польскимъ знаменемъ, какъ бы выпавшимъ изъ рукъ польскаго пана. Измѣненія эти признавались необходимыми, чтобы избѣгнуть возбужденія утихающихъ страстей въ краѣ и придать болѣе серьезный и достойный видъ самому памятнику, напоминающему славныя страницы исторіи края. Согласно

этимъ замѣчаніямъ въ проектѣ памятника сдѣланы были измѣненія: подъ ногами коня помѣщена была фигура польскаго воина въ конфедераткѣ, при этомъ измѣнено положеніе руки на главной фигурѣ памятника: рука эта приподнята, указывая на сѣверъ, т. е. Москву. Въ этомъ видѣ проектъ памятника получилъ первоначальное одобреніе". Но вслѣдствіе нежеланія питать народную ненависть и разжигать страсти, рѣшено было снова измѣнить памятникъ. Еще не разъ подвергался онъ измѣненію, также какъ и постаментъ. Вмѣсто скалы думали устроить курганъ, а потомъ замѣнили его постаментомъ изъ тесаннаго камня. Къ числу „навожденій", какъ выразился сторожъ, относится и протестъ епархіальнаго начальства, нашедшаго неприличной и оскорбительной постановку конной фигуры противъ алтарной стѣны Софійскаго собора, мотивируя свое недовольство еще тѣмъ, что памятникъ будетъ закрывать видъ съ Крещатика на соборъ и что идущіе къ собору съ этой стороны будутъ видѣть заднюю часть лошади, чѣмъ каждый христіанинъ можетъ смутиться, творя крестное знаменіе въ направленіи на алтарную стѣну собора. Протестъ, вызвавшій переписку, остался однако безъ удовлетворенія, хотя и породилъ разсказы о томъ, что памятникъ поворачивали во всѣ стороны и будто бы вышелъ проектъ посадить двухъ сросшихся спинами Богдановъ Хмельницкихъ на лошадь, которая вмѣсто задней половины своего тѣла имѣла-бы вторую переднеюю и такимъ образомъ злосчастный задъ не могъ бы никого смущать. Теперь памятникъ представляетъ Хмельницкаго на лошади съ поднятой по направленію сѣвера рукой, а на скалѣ начертаны слова: „волимъ подъ

восточнаго православнаго царя" и „Богдану Хмельницкому единая, недѣлимая Россія", „1654—1888"... Памятникъ по красотѣ долженъ считаться первымъ послѣ памятника Петра на сенатской площади Петербурга...

Со временемъ, надо надѣяться, эта площадь будетъ украшеніемъ Кіева. Вокругъ памятника Богдана Хмельницкаго лягутъ пестрые цвѣтники, исчезнутъ всѣ заборы и антикрасоты и тридцать золотыхъ главъ Михайловскаго монастыря и Софійскаго собора ярче заблестятъ на красивомъ и достойномъ ихъ фонѣ зданій и зелени, и зеленая колокольня, высоко поднимающаяся надъ оградой вокругъ знаменитаго собора и одѣтая сѣтью бѣлыхъ барельефовъ, будетъ торжественнѣе глядѣть въ небеса.

Софійскій соборъ не очаровалъ меня своей красотой, не поразилъ своимъ блескомъ, но заинтересовалъ своими фресками и мозаикой, сохранившимися, какъ памятники сѣдой старины. Соборъ принадлежитъ къ памятникамъ временъ Ярослава и воздвигнутъ въ честь св. Софіи—Премудрости Божіей, вблизи могилы втораго русскаго князя христіанина Дира. Соборъ имѣетъ свою горькую исторію, идущую рука объ руку съ черными днями въ исторіи стольнаго города Кіева. Много разъ соборъ подымался изъ развалинъ, чтобы снова рухнуть или отъ огня, или въ общемъ погромѣ города татарами или своими же русскими во время распрей князей. Въ настоящее время отъ прежняго храма Ярослава осталось внутреннее расположеніе храма, за исключеніемъ западной части его и двухъ боковыхъ придѣловъ, которые надстроилъ на древнихъ стѣнахъ Петръ Могила.

Подъ сводами древняго храма стоитъ кипарисовая гробница Ярослава, роскошно отдѣланная изсѣченными изображеніями крестовъ, рыбъ, птицъ, греческихъ буквъ, деревъ. Здѣсь же въ соборѣ находится и рака съ мощами кіевскаго митрополита Макарія, убитаго татарами. Какъ бы ни были драгоцѣнны украшенія на этихъ ракахъ, онѣ теряютъ передъ мозаикой. Мозаика прежняго времени вмѣстѣ съ фресками придаетъ своеобразный видъ храму и поневолѣ вспоминаешь знаменитый Успенскій соборъ въ Москвѣ, сплошь покрытый изображеніями святыхъ и сверкающій своимъ золотомъ. Я уже упомянулъ объ мозаическомъ изображеніи Тайной вечери, но оно теряетъ передъ грандіозной мозаикой, изображающей Богоматерь, которая господствуетъ надъ всѣмъ храмомъ своей величиной и своеобразной красотой. Въ главномъ алтарѣ, въ верхней части полусвода — Божія Матерь, какъ воплощеніе Божіей премудрости, выдѣляется золотомъ на мозаичномъ фонѣ, съ поднятыми руками, въ голубой одеждѣ, съ багрянымъ поясомъ и съ золотымъ покровомъ, который спускается съ головы на плечи. Лицо Богоматери необыкновенно кротко глядитъ съ высокаго свода изъ полукруглой рамки съ греческой надписью. Монограммы Божіей Матери рѣзко выдѣляются своимъ чернымъ цвѣтомъ по бокамъ головы, также красная обувь на фонѣ золотаго камня, на которомъ стоитъ вся исполинская фигура. Широкая бѣлая полоса съ мозаическими арабесками опоясываетъ золотой фонъ и вмѣстѣ съ полусводчатой лентой съ греческой надписью изъ 45 псалма (6-й стихъ) отдѣляетъ всю картину отъ мозаики: „Тайная вечерь“. Это изображеніе Богоматери искони зовется „Нерушимой стѣ-

ной“, выдержавшей въ теченіи 8 вѣковъ всѣ невзгоды, пожары и разрушенія и смѣло глядящей своей стариной въ настоящее время.

Я очень люблю подобныя мозаическія картины, отъ нихъ вѣетъ величественной красотой, которая такъ идетъ ко всякому храму. „Нерушимая стѣна“ производитъ впечатлѣніе и, когда знаешь, что 8 вѣковъ тому назадъ она смотрѣла на прежнихъ людей, что эти глаза Богоматери видѣли татаръ, половцевъ, всю древнюю Русь съ ея сѣдиной, она выростаетъ еще болѣе въ глазахъ теперь глядящихъ на нее людей и голова невольно склоняется передъ этой удивительной мозаикой.

Колонны, поддерживающія арки, покрытыя мозаическими картинами, еще болѣе придаютъ сходства съ Успенскимъ соборомъ Москвы. Старинныя фрески очень своеобразны. Древняя живопись ограничена прежними требованіями и правилами изображенія святыхъ, въ ней столько же характерности и оригинальности, какъ въ іероглифахъ Египта. Всѣ эти: Романъ—діаконъ, Меркурій—воинъ съ его броней и щитомъ, Даміанъ—столбникъ съ поднятыми руками, Благовѣщеніе безъ всякой перспективы съ ангеломъ въ курьезной рамкѣ въ видѣ полудуги, Пелагея со всѣми шаблонными аттрибутами святой въ древней живописи—останавливаютъ проходящаго мимо. Но еще оригинальнѣе фрески подъ лѣстницами, ведущими на хоры по узкимъ и извилистымъ корридорамъ, изображающія княжескую охоту, фантастическихъ звѣрей, музыкантовъ, плясуновъ, растенія. Фрески эти очень своеобразны. Между ними мнѣ нѣкоторыя понравились особенно: человѣкъ, поражающій ощетинившагося вепря, котораго за ногу схватила собака или человѣкъ несущій око-

рокъ. Обѣ фрески безподобны по наивности и первобытности письма. Сколько дѣтскаго, чистаго сквозитъ въ этихъ рисункахъ, сколько желанія придать больше благолѣпія храму! Пораженіе человѣка съ птичьей головой—безподобно. Эти церковные символы въ видѣ сокола, нападающаго на зайца, лоси съ отрубленной ногой нарисованы съ цѣлью поднятія духа молящагося. Всѣ эти ангелы съ разноцвѣтными крыльями, всѣ эти серафимы, крылья которыхъ покрыты безчисленными очами, пророки въ овечьихъ кожахъ, мученики и мученицы съ бѣлыми крестами въ рукѣ, воины въ бронѣ съ копьями—все это трогательно, наивно, отъ всего вѣетъ глубокой стариной, а потому такъ и нравится. Въ древности весь Софійскій соборъ снаружи былъ покрытъ этими своеобразными византійскими фресками, какъ и другія церкви глубокой древности. Обнаженіе тѣла не допущено въ древнихъ византійскихъ фрескахъ, цвѣтъ одежды, ея покрой, длина все соблюдалось очень строго, также какъ и всѣ установленныя правила при изображеніи самихъ фигуръ, почему всегда легко отличить эти древнія фрески Византіи и почему сейчасъ-же бросаются въ глаза изображенія въ новѣйшемъ вкусѣ, а именно итальянскомъ, не гармонирующія съ фресками восточной церкви и нарисованныя гораздо позже. Воскресеніе Спасителя, находящееся въ сѣверной части храма, гдѣ выдѣляются полуобнаженныя фигуры, гдѣ соблюдена уже перспектива и группировка лицъ замысловатѣе, говоритъ о своемъ западномъ происхожденіи—совсѣмъ неумѣстномъ среди наивности и простоты всѣхъ остальныхъ фресокъ.

Георгіевская церковь, построенная Елизаветой Петровной на мѣстѣ древняго монастыря временъ

Ярослава, прошла для меня безслѣдно. Думаю, что послѣ Софійскаго собора и послѣ цѣлаго ряда кіевскихъ храмовъ Георгіевская церковь не можетъ остановить вниманіе туриста, который поспѣшитъ къ невысокому кирпичному четырехъугольному столбу съ куполомъ изъ бѣлой жести, увѣнчаннымъ крестомъ. Предполагаютъ, что открытыя здѣсь въ 1863-мъ году развалины, которыя еще до сихъ поръ находятся подъ землей, принадлежатъ Ириненскому монастырю, основанному Ярославомъ въ честь своей жены Ирины — бывшей шведской королевны Ингигерды, постригшейся передъ смертью въ монашество. Памятникъ хотя и обнесенъ чугунной рѣшеткой, но не удовлетворяетъ глазъ туриста. Вѣчно недостающее въ Кіевѣ: „что-то“ сказалось и въ памятникѣ Ирины и въ Золотыхъ воротахъ Ярослава, стоящихъ въ видѣ большихъ развалинъ среди довольно мизернаго сквера. Что это были за врата можно судить потому, что надъ ними во 2-мъ этажѣ помѣщалась церковь Благовѣщенія, а въ самихъ вратахъ были „коморы“—кладовыя и комнаты. Теперь эти гигантскія развалины, представляющія двѣ неравныя части, суть боковыя стѣны, которыя скрѣплены желѣзными связями и подперты каменными укрѣпленіями для прочности.

Это „что-то“ всюду мнѣ недостающее въ Кіевѣ особенно сильно сказалось въ памятникѣ св. Владиміру, прекрасно стоящему высоко надъ Днѣпромъ на одной изъ терассъ спускающихся къ рѣкѣ горъ. Бронзовая фигура князя съ крестомъ въ рукѣ, обращенная въ сторону Днѣпра, стоитъ на громадномъ чугунномъ пьедесталѣ въ видѣ восьмигранной призмы. Собственно говоря фигура упирается ногами въ небольшой цилиндрическій пьедесталъ, по-

ставленный на массивную призму, которая стоитъ на еще болѣе тяжелой и громоздкой призмѣ, помѣщенной еще въ свою очередь на терассѣ, къ которой идутъ пять ступеней.

Фигура князя, не смотря на то, что она въ 2 сажени, кажется очень миніатюрной и весь памятникъ имѣетъ тяжелый видъ, такъ что не представляетъ особенной красоты. На нижней призмѣ находится рельефъ представляющій крещеніе кіевлянъ и этотъ рельефъ очень украшаетъ одну изъ сторонъ пьедестала *). Если глядѣть внизъ, стоя подъ пирамидальными тополями, такъ скрашивающими пейзажъ, то глазамъ представляется блистающій золотой крестъ на вершинѣ бѣлой колонны, выглядывающей изъ за зелени. Это святое мѣсто не только для Кіева, но и для всей Руси. Здѣсь когда-то протекалъ ручеекъ, вливавшійся въ нынѣ совсѣмъ исчезнувшую рѣку Почайну, которая замѣтна только около озера Іорданъ. Когда-то Ольга заставила ожидать греческихъ пословъ на ихъ судахъ въ Почайнѣ рѣшенія ихъ участи. Въ Почайну былъ низвергнутъ Перунъ по приказанію Владиміра. На томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ теперь „Крещатикъ", были крещены 12 сыновей Владиміра. Ручеекъ, въ которомъ произошло крещеніе, протекалъ по глубокому оврагу. Теперь въ часовнѣ подъ арками пьедестала бѣлой колонны среди многихъ иконъ струится изъ чаши въ бассейнъ источникъ, придавая много задумчивости своимъ однообразнымъ плескомъ. Возлѣ

*) Высота фигуры 2 саж., высота пьедестала 7 саж. На пьедесталѣ надпись: «сооруженъ въ 1853 году». Надъ рельефомъ выпуклый бронзовый гербъ кіевскій, подъ рельефомъ Владимірская звѣзда, по бокамъ Владимірскіе кресты.

„Святаго мѣста" высится Кучинская гора, получившая большую извѣстность подъ именемъ Лысой и извѣстной, какъ сборище вѣдьмъ на шабашъ. Здѣсь, по преданію, собираются оборотни, упыри и вся нечисть, чтобы справлять свои грязные праздники. Не могу не вспомнить поразительную музыкальную картину Мусоргскаго: Ночь на Лысой горѣ, эту восхитительную иллюстрацію къ легендарному хаосу вѣдьмъ, полному удивительныхъ звуковъ, рокотанья грома, полной чудной поэзіи и мелодій. И теперь у Крещатицкаго памятника мѣстность дика и красива и бѣлая колонна особенно рѣзко выдѣляется на зеленомъ фонѣ. Стоя здѣсь, вспоминается великое событіе, 900 лѣтъ тому назадъ происшедшее здѣсь и придавшее на вѣки вѣковъ особое религіозное значеніе Кіеву, ставшему русскимъ Іерусалимомъ. Такъ и навѣваются эти древнія сказанія объ великой княгинѣ Ольгѣ, принявшей христіанство, объ ея внукѣ Владимірѣ—новгородскомъ князѣ, при которомъ въ Кіевѣ еще было много христіанъ и который совершилъ великій подвигъ, сокрушивъ серебрлоголоваго идола, съ золотыми усами, поставленнаго имъ-же самимъ въ Кіевѣ. Это выдающееся событіе — принятіе христіанства, украшено сказаніями о томъ, какъ послѣдователи Магомета, жиды хозарскіе и греки старались увлечь князя въ пользу своей вѣры, какъ Владиміръ отвѣчалъ посламъ и какъ онъ нашелъ болѣе всѣхъ подходящей для русскихъ вѣру грековъ. Князь позвалъ по совѣту бояръ и городскихъ старцевъ избранныхъ смышленыхъ мужей въ числѣ десяти человѣкъ и поочередно посылалъ ихъ къ магометанамъ, нѣмцамъ и грекамъ. Видя восхищеніе греческимъ богослуженіемъ своихъ пословъ и самъ уже склоненный къ религіи гре-

ковъ, Владиміръ рѣшился, по примѣру своей бабки Ольги, креститься. И вотъ онъ подступилъ къ греческому городу Корсуню и взялъ его. Только тогда онъ предложилъ свои условія грекамъ. „Если хотите, чтобы я крестился, сказалъ онъ, какъ равный, не прося и не одолжаясь, отдайте за меня замужъ вашу сестру царевну Анну, иначе я возьму Царьградъ, какъ я взялъ Корсунь“. Цари послали царевну въ Корсунь, гдѣ Владиміръ и крестился. Въ это время въ княжеской семьѣ многіе ея члены были уже тайно христіанами и даже между женами Владиміра были три, исповѣдовавшія вѣру грековъ. Владиміръ, какъ человѣкъ умный и проницательный, понялъ, что пришло время дать народу новую вѣру и, вернувшись съ греческими священниками въ Кіевъ, приступилъ къ крещенію своего семейства, а затѣмъ и кіевлянъ. Послѣ крещенія сыновей въ ручьѣ Крещатикѣ, протекавшемъ тогда по тому оврагу, гдѣ теперь находится лучшая улица города, Владиміръ объявилъ народу: „если кто не придетъ завтра на рѣку, богатый-ли, убогій-ли, нищій-ли, работный-ли—тотъ да будетъ мнѣ противенъ“, и толпы народа сошлись на берега Почайны, куда прибылъ и князь со всѣмъ духовенствомъ и семействомъ. Вся толпа вступила въ рѣку— старые и молодые, больные и здоровые... И тутъ-то совершилось великое событіе. При торжественномъ пѣніи клира, при поднятомъ и сіявшемъ на солнцѣ крестѣ — были крещены всѣ эти люди, набожно склонившіе свои головы надъ поверхностью искрящейся рѣки. Священнослужители должны были чувствовать все величіе роли, которую имъ пришлось играть, крестя эту толпу людей, погрузившуюся въ волны, этихъ дѣтей, изумленно глядящихъ съ ма-

теринскихъ рукъ на сіяніе креста и на блистающія золотыя одежды священниковъ. И Владиміръ, полный сознанія того великаго дѣла, которое онъ совершилъ, стоялъ, молясь за своихъ дѣтей и за прочность своего святаго дѣла.

И теперь на памятникѣ Владиміръ стоитъ съ крестомъ, увлеченный молитвой и глядитъ на катящіяся днѣпровскія волны.

Идя по Крещатику, обстроенному хорошими домами, но съ канавой посерединѣ, гдѣ струится вода, отъ которой пахнетъ довольно скверно, я встрѣтилъ своего знакомаго—кіевлянина.

— Ну что? въ восхищеніи отъ Кіева, закричалъ онъ, потрясая мнѣ руки.

Когда-же онъ узналъ, что я далеко не въ восхищеніи и только виды и мѣстность плѣнили меня, онъ думалъ, что я шучу.

— Ей Богу, божился я, Кіевъ ничуть не поражаетъ меня. Конечно Днѣпръ прекрасенъ и всѣ виды съ горъ красивы, да и самъ городъ съ цѣпнаго и съ желѣзнодорожнаго моста замѣчательно хорошъ, но...

— Вамъ трудно себѣ представить, какъ городъ похорошѣлъ, прервалъ онъ меня, вы не можете судить, какъ здѣсь все идетъ впередъ. Вѣдь за послѣднее время Кіевъ сталъ неузнаваемъ, вѣдь срыты цѣлыя горы, вѣдь на этомъ мѣстѣ, гдѣ мы съ вами стоимъ, еще не такъ давно былъ глухой оврагъ. А теперь, глядите, какіе магазины, кофейни, дома! Нашъ Крещатикъ хоть сейчасъ въ любую столицу. Вѣдь сколько овраговъ сравняли, сколько поднято низинъ, проведено дорогъ, черезъ Днѣпръ перекинуты мосты. Конечно вы поколесили всю Европу, потому такъ и строги къ Кіеву, а я увѣренъ, что нигдѣ на Западѣ не отыскать такого города.

Я вполнѣ согласился съ моимъ кіевляниномъ, что городъ могъ удивительно похорошѣть за послѣдніе года, но и выразилъ надежду, что лѣтъ черезъ 10, онъ будетъ болѣе благоустроенъ и еще болѣе соотвѣтствовать своимъ видомъ тому Кіеву, роль котораго ему пришлось и приходится играть въ исторіи Россіи.

5.

Кіевъ.

(По дорогѣ къ Лаврѣ. Лавра. Пещеры. Приключеніе въ пещерахъ).

«Много есть монастырей, поставленныхъ и отъ церквей, и отъ бояръ, и отъ богатства, но они не таковы, какъ поставленные слезами, пощеніемъ, молитвою и бдѣніемъ».

Несторъ.

Ежегодно тысячи богомольцевъ стремятся въ Кіевъ со всѣхъ сторонъ Россіи поклониться святымъ въ знаменитой Лаврѣ, слава о которой гремитъ на всю Европу. Знаменитые лаврскіе пещеры и храмы влекутъ массы туристовъ, которые поражаются богатствомъ церквей и суровымъ аскетизмомъ древнихъ иноковъ. Цѣлые поѣзда богомольцевъ ползутъ къ Кіеву, паломники пробираются пѣшкомъ изъ отдаленныхъ странъ, чтобы поклониться знаменитымъ святынямъ. Когда я подъѣзжалъ къ Кіеву, то невольно поддался тому впечатлѣнію, которое производитъ бѣлокаменная Лавра, сверкая золотыми куполами на горахъ по берегу величавой рѣки. Теперь когда я подъѣзжалъ со

стороны Кіева, по длиннымъ улицамъ, соединившимъ Кіевъ и Лавру въ одинъ городъ, Лавра потеряла въ своей грандіозности и только золотой куполъ высокой колокольни, какъ маякъ, горѣлъ на фонѣ синяго неба. Передъ Лаврой для меня совсѣмъ потерялись всѣ церкви и монастыри, осаждающіе туриста по дорогѣ и манящіе къ себѣ своей стариной. И поневолѣ поддаешься соблазну, лѣзешь во всѣ монастыри, глазѣешь на фрески, на иконы, на кадильницы, на архитектуру и мчишься снова дальше, чтобы снова глотать новыя и новыя впечатлѣнія. Всего больше запомнилась мнѣ Аскольдова могила, лежащая нѣсколько въ сторонѣ отъ прямой дороги изъ города въ Лавру. Красиваго здѣсь мало, но памятно и замѣчательно по имени похороненнаго здѣсь князя и незабвенно уже благодаря оперѣ, носящей это громкое названіе: „Аскольдова могила". Церковь, стоящая надъ Аскольдовой могилой, получила трещину и рѣшено было ее сломать, но Императоръ Николай I не допустилъ, къ счастію, этого вандализма и памятникъ старины уцѣлѣлъ.

Когда-то въ 882-мъ году сюда приплылъ Олегъ съ малолѣтнимъ Игоремъ и, объявивъ себя новгородскимъ купцомъ, ѣдущимъ въ Грецію, просилъ правящихъ въ Кіевѣ Аскольда и Дира спуститься къ берегу Днѣпра, гдѣ стояла флотилія Олега. Когда князья сошли внизъ, Олегъ, указавъ на Игоря, объявилъ имъ, что передъ ними сынъ Рюрика, а самъ онъ князь, они же отдѣлившіеся отъ дружины Рюрика и завладѣвшіе Кіевомъ не только не князья, но и не знатнаго рода. Оба князя, Аскольдъ и Диръ, были умерщвлены и Аскольдъ похороненъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь показывается его мо-

гила. Кромѣ Аскольдовой могилы, среди массы церквей и монастырей болѣе запомнились: Слупъ-монастырь съ необыкновенной архитектурой, придающей всей церкви видъ старинной дамы, нарядно одѣтой въ курьезныя для нашего времени платья, большой Никольскій монастырь (Военный Соборъ) и отъ котораго начинается Николаевская шоссированная аллея, граціозно спускающаяся подъ сѣнью тополей и липъ къ цѣпному мосту. Съ послѣдняго уступа шоссе лѣстница въ 223 слупени спускается къ Днѣпру и къ Николаевской часовнѣ, оттуда открывается красивый видъ на всю гору, на повороты дороги и на Аскольдову могилу. Еще помнится пятиглавая небольшая, довольно некрасивая церковь: Спасъ на Берестовѣ, на которую я обратилъ особенное вниманіе, зная, что передо мной самый древній храмъ Россіи. И маленькая колокольня и зеленая крыша надъ бѣлыми стѣнами нисколько не говорятъ за интересъ этой церкви, стоящей у воротъ въ крѣпостномъ валѣ. Церковь и горѣла, и рушилась и возникла снова только во времена Петра Могилы. Фрески, уцѣлѣвшія на западной стѣнѣ, конечно подновленныя, старше фресокъ Софійскаго собора, но послѣ этихъ послѣднихъ не производятъ уже того впечатлѣнія, какъ фрески Ярославова храма, когда ихъ видишь въ первый разъ. Здѣсь было когда-то село Берестово въ глухомъ лѣсу. Здѣсь же находился теремъ, въ которомъ жили наложницы Владиміра и въ которомъ умеръ великій князь. Вѣроятно здѣсь же произошелъ инцидентъ съ Рогнѣдой, послужившій темой оперѣ Сѣрова. По главной улицѣ въ Печорской части расположены гостинницы и постоялые дворы, куда стекаются богомольцы. Больницы и при-

станища для нищихъ разбросаны повсюду. Мнѣ говорили, что въ Лаврѣ въ лѣтнее время богомольцы пользуются даровымъ пропитаніемъ, зимой-же тремстамъ нищимъ братія даетъ ѣду. Въ лѣтнее время богомольцы стекаются десятками тысячъ и бываютъ годы, когда число ихъ превышаетъ 80 и даже 90 тысячъ. Лавра съумѣла противустоять проискамъ уніатовъ и католиковъ, умѣла поддерживать въ тяжелые годы духъ православныхъ и ея значеніе росло постоянно. Всѣ старинныя постройки Лавры были уничтожены страшнымъ пожаромъ въ началѣ прошлаго вѣка (1718), такъ что настоящія зданія не носятъ печатей старины. Вокругъ Лавры высится стѣна, сквозь которую ведутъ нѣсколько воротъ. У Святыхъ воротъ Лавры сгруппированы церковь Ѳеодосія Печорскаго, и большой Арсеналъ съ грудами ядеръ и пушками. Святыя ворота очень оригинальны. Надъ ними находится церковь въ два этажа, увѣнчанная золотымъ куполомъ. Стѣны церкви съ наружной стѣны сплошь покрыты фресками. Здѣсь когда то (1106 г.) кн. Черниговскій Святоша (Святославъ), построившій церковь, несъ послушаніе привратника. Во дворѣ за святыми вратами выдвигается во всемъ своемъ величіи бѣлая лаврская колокольня и знаменитый храмъ Успенія съ фресками надъ входомъ. Церковь очень красива и сіяетъ 7-ю золотыми куполами и сосудами, которые всѣ изъ чистаго серебра. Весь храмъ блещетъ богатствомъ, всюду сверкаютъ бриллiанты, всюду мерцаютъ огоньки въ серебряныхъ лампадахъ, играя на вѣнчикахъ образовъ. Въ богатыхъ ракахъ здѣсь находятся мощи многихъ угодниковъ, а также черепъ равноапостольнаго Владиміра, нижняя челюсть котораго находится въ Московскомъ Успенскомъ

соборѣ. Въ нижней части погребены многіе князья и знаменитыя лица, какъ Петръ Могила, графъ Румянцевъ и др. У собора я отыскалъ камень, указывающій на могилу Кочубея и Искры, казненныхъ благодаря проискамъ Мазепы. Существуетъ легенда, по которой Богоматерь въ Константинополѣ (во Влахернѣ) явилась во снѣ каменьщикамъ, повелѣвъ имъ идти въ ихъ пещеры въ Кіевъ, и, показавъ имъ чудную церковь въ воздухѣ, приказала имъ такую же выстроить въ Россіи надъ Днѣпромъ. При этомъ она дала золота на 4 года, „намѣстну“ икону и мощи святыхъ для будущаго храма. По преданію эта знаменитая икона и была та, которая и теперь виситъ надъ царскими вратами и составляетъ главную святыню Лавры и ей поклониться приходятъ со всѣхъ концовъ православнаго міра. Икона изображаетъ Успеніе Богородицы, причемъ особенность ея состоитъ въ томъ, что за ложемъ Богоматери стоитъ Христосъ и держитъ въ рукахъ душу Богоматери въ видѣ спеленутаго младенца. Все блещетъ драгоцѣнными камнями, среди которыхъ особенно выдѣляются прекрасные бриліанты. Икону эту опускаютъ на цѣпяхъ для лобзанія и надо видѣть эту громадную толпу богомольцевъ стремящуюся приложиться къ почитаемой святынѣ. Эта пестрая толпа поражаетъ разнообразіемъ лицъ и одеждъ, но всѣ они дышутъ такой вѣрой, что вполнѣ подчиняешься ихъ чувству. Здѣсь и больные, и убогіе, которые приплелись изъ далека, здѣсь странники, монахи, крестьяне, нищіе, все болѣе сѣрый людъ.

Колокольня, подымающаяся между келіями братій и Успенскою церковью, считается 10-мъ зданіемъ по вышинѣ (47 саж. съ крестомъ) и, стоя на

горѣ, скрашиваетъ весь пейзажъ, весь и безъ того красивый видъ на Лавру. Колокольня бѣлаго цвѣта ввидѣ восьмиугольника и поднимается четырьмя этажами подъ свой золоченый куполъ. Массы колоннъ, украшающихъ каждый этажъ и принадлежащихъ къ различнымъ архитектурнымъ орденамъ, сгруппировавшись по четыре или по двѣ для поддержки слѣдующаго яруса, необыкновенно красиво выступаютъ на общемъ фонѣ колокольни. Но и въ этой красивой колокольнѣ нашлось для меня всюду недостающее въ Кіевѣ „что-то", которое я долго не могъ себѣ объяснить. Сначала мнѣ показалось, что всѣ эти 32 колонны дорическаго ордена въ нижнемъ этажѣ не гармонируютъ съ колоннами іоническаго во 2-мъ этажѣ и коринѳскими колоннами третьяго этажа, но, разсмотрѣвъ внимательнѣе, я убѣдился, что именно разный стиль колоннъ и придаетъ легкость и красоту и что архитекторъ Шейденъ, строившій колокольню въ царствованіе Екатерины, имѣлъ много вкуса, соединивъ различные ордены въ одномъ строеніи. Одинъ изъ монаховъ, показывая мнѣ видъ съ колокольни, разрѣшилъ мое смущеніе. Оказалось, что колокольню предполагали въ былыя времена выстроить въ пять ярусовъ, почему она и производитъ впечатлѣніе недостроенной. Къ достопримѣчательностямъ всей Лавры и колокольни спеціально принадлежитъ знаменитый звонъ, особенное впечатлѣніе производитъ Успенскій колоколъ въ 1,000 пудовъ вѣсомъ, гудящій необыкновенно бархатно и малиново. Поднявшись на вершину колокольни по 374-мъ ступенямъ, лишившись духа и заполучивъ кратковременное сердцебіеніе, не раскаиваешься за лазанье. Видъ поражаетъ обширностью и захватываетъ духъ своей грандіозностью. Разлившійся Днѣпръ, опоясанный горами, золотоголовыя церкви Кіева, пирамидальные тополя, торчащіе повсюду между домами, Десна серебрящаяся сквозь золотую полуденную дымку, села, деревни, скользящіе по волнамъ пароходы, мосты, чернѣющіе полосками надъ синевой водъ,—все на перебой притягиваетъ вниманіе. Глазъ стремительно скользитъ отъ одной точки обширной панорамы къ другой и положительно не можетъ ни на чемъ остановиться, а красно-горлыя ласточки носятся, какъ стрѣлы, вокругъ колокольни, испуганныя появленіемъ людей на такой высотѣ. За колокольней идетъ покатый сходъ и длинная галлерея, ведущая къ монастырю ближнихъ пещеръ. Здѣсь сидятъ знаменитые кіевскіе нищіе, просящіе подаянье. Здѣсь можно увидѣть самые разнообразные типы этихъ несчастныхъ людей; при видѣ нѣкоторыхъ, буквально, холодѣетъ сердце...

Въ церкви Воздвиженія Креста, купивши восковую свѣчу, ожидаешь монаха, который ведетъ группу людей подъ землю въ эти узкіе темные ходы, прорытые руками иноковъ, ходы, какъ кротовыя норы, ведущіе по всѣмъ направленіямъ, то спускающіеся глубже въ землю, то поднимающіеся выше, то съужающіеся въ узкій проходъ, гдѣ мѣста только для одного человѣка, то раздвигающіеся въ небольшіе подземные храмы, гдѣ монахи въ былыя времена могли безпрепятственно совершать свои службы. Ходы шириною въ $1^1/_2$ аршина и до 3-хъ вышины имѣли маленькія отверстія для впуска воздуха, которыя были продѣланы со стороны рѣки въ глухихъ лѣсахъ, чтобы скрыть ихъ отъ людей. Первоначально въ песчано-глинистыхъ приднѣпров-

скихъ горахъ были сдѣланы еще варягами пещеры для прятанья добра. Въ нихъ-то и поселился монахъ Антоній, пришедшій съ Аѳонской горы и искавшій уединенія. Слава объ отшельникѣ и схимникѣ Антоніѣ быстро росла и появилось много послѣдователей, которые уходили въ пещеры, рыли новые ходы и положили начало Пещерному и Печерскому монастырю. Число пещерножителей быстро увеличивалось, становилось тѣсно подъ землей, почему и была выстроена деревянная наружная церковь. Антоній удалился въ глубь пещеръ, оставивъ игуменомъ одного изъ братій (Варлаама)*), мѣсто котораго потомъ занялъ Ѳеодосій, одинъ изъ первыхъ послѣдователей Антонія, стяжавшій съ нимъ наравнѣ большую славу своимъ подвижничествомъ.

Уставъ былъ принятъ Студійскій, одинъ изъ строжайшихъ уставовъ для иноковъ, которые, живя подъ землей, иногда десятки лѣтъ не выходили изъ пещеръ. Тамъ среди вѣчнаго мрака при тускломъ мерцаніи лампадъ, они посвящали всю свою жизнь молитвамъ и труду. Скудная пища, строгій постъ, изнурительныя работы, непрерывныя молитвы, борьба съ страстями и плотскими вожделѣніями, умерщвленіе плоти, доходящее до индійскаго факирства — поражаютъ каждаго. Трудно понять эту безграничную вѣру, этотъ характеръ иноковъ, эту силу воли, особенно въ нашъ вѣкъ. Люди терзали свое тѣло, подвергали его пыткамъ съ полной вѣрой, отъ всего сердца. Убѣжденіе можетъ сдѣлать

*) Кн. Изяславъ отозвалъ его игуменомъ въ монастырь святаго Дмитрія.

изъ человѣка факира, а нынче многіе этому не вѣрятъ. Меня всегда поражали описанія индійскихъ факировъ и тѣхъ поразительныхъ примѣровъ самоумерщвленія, какіе встрѣчаются на востокѣ. Религіозные экстазы выражались всегда въ самой разнообразной формѣ. Глядя на эти проходы, на эти могилы, гдѣ заживо погребали себя иноки, гдѣ они истязали себя во имя любви, окрыляемой теплой вѣрой, гдѣ они среди мрака проводили годы, удаляясь отъ всѣхъ благъ, которыя даетъ намъ жизнь, поражаешься глубинѣ этой вѣры и любви, этому самоотреченію отъ себя.

Нѣкоторые иноки зарывали себя въ узкихъ пещерахъ, закладывая изъ нихъ всякій выходъ, и тѣмъ прерывали связь со всѣмъ живущимъ. Они оставались въ своихъ могилахъ и послѣ смерти неприкосновенными, какъ уже отпѣтые и погребенные. Пещерный игуменъ навѣщалъ подобныхъ затворниковъ нѣсколько разъ въ недѣлю, подходя къ небольшимъ отверстіямъ, оставленнымъ для впуска воздуха въ могилу, клалъ просфору и кружку воды и удалялся, испросивъ благословеніе. О смерти затворника узнавали по нетронутой просфорѣ. Со временъ Ѳеодосія, когда былъ устроенъ наружный монастырь, умершихъ братій стали погребать въ боковыхъ нишахъ пещерныхъ ходовъ. Ниши обыкновенно задѣлывались досками, на которыя наносилось изображеніе усопшаго, продѣлывалось отверстіе, чтобы можно было приложиться къ мощамъ и означалось имя лежащаго въ нишѣ съ краткимъ его жизнеописаніемъ. До настоящаго времени сохранились только 6 такихъ досокъ. Извѣстно, что до сихъ поръ найдены далеко не всѣ мѣста погребенія, занесенныхъ въ списки похороненныхъ бра-

тій, а также, что существуетъ масса не открытыхъ или завалившихся подземныхъ проходовъ. Многія тѣла угодниковъ были сокрыты во времена нашествія татаръ и другихъ враговъ, почему ихъ до сихъ поръ не могутъ отъискать. Въ 1230 году землетрясеніе обрушило многіе проходы, а также произошли большіе почвенные обвалы. Дальнія пещеры съ своими внутренними и наружными церквями составляютъ монастырь дальнихъ пещеръ и отдѣляются отъ ближнихъ глубокимъ оврагомъ съ дикимъ лѣсомъ и тихимъ безмолвіемъ пустыни, дающимъ понятіе о тѣхъ дебряхъ, какіе здѣсь были прежде. Въ оврагѣ срубъ ввидѣ часовни съ иконами надъ колодцемъ, вырытымъ преп. Антоніемъ, еще глубже въ оврагѣ колодезь Ѳеодосія. Дальнія пещеры соединяются съ древними варяжскими пещерами, которыя выходятъ къ Днѣпру и которыя въ настоящее время засыпаны. Въ дальнихъ пещерахъ находятся мощи угодниковъ, изъ которыхъ 33 лежатъ открыто въ гробахъ, 13—въ затворѣ, 31 мироточивыхъ головъ и одна голень,—послѣднія 32 неизвѣстныхъ святыхъ. Въ печерскомъ Патерикѣ, составленномъ преп. Несторомъ и другими угодниками, находятся описанія жизни усопшихъ иноковъ. Странное впечатлѣніе произвели на меня эти ниши съ гробами въ этихъ темныхъ ходахъ, гдѣ мы толпою съ зажженными свѣчами въ рукахъ слѣдовали за монахомъ. Говорятъ, что монахи, показывающіе пещерныя святыни, исполняютъ тяжкую обязанность и этимъ какъ бы несутъ эпитимію, такъ какъ ходы такъ запутаны и такъ многочисленны, что основательно не изучивши, нельзя рисковать прогулкой по этимъ безконечнымъ коррידорамъ. Легко зайти въ такіе ходы, изъ которыхъ почти невозможно выбраться. Монахъ, шедшій предъ нами, съ сложенными крестообразно на груди руками, какъ-то слегка покачиваясь на ходу, медленно подвигаясь впередъ, называлъ намъ имена лежащихъ угодниковъ. Заглядывая въ гробы, я видѣлъ массу тряпочекъ и ленточекъ, въ которыя завернуты мощи называемаго угодника и передъ которыми толпа набожно склонялась въ молитвѣ. Странное это было зрѣлище! Во мракѣ сіяли огоньки, освѣщавшіе лица молящихся, въ которыхъ свѣтилась простодушная глубокая вѣра.

— Діонисій Щепа, священникъ и затворникъ, провозгласилъ монахъ и мы снова склонились.

Въ Патерикѣ разсказано, что, будучи священникомъ, Діонисій зашелъ въ день Пасхи за заутренней, чтобы покадить тѣла усопшихъ святыхъ и когда онъ пришелъ въ трапезную и воскликнулъ: „Святые отцы и братіе, сегодня есть великій день „Христосъ Воскресе!“, со всѣхъ сторонъ отвѣчалъ ему голосъ всѣхъ похороненныхъ святыхъ, какъ громъ: „воистину воскресе“.

— Меркурій-діаконъ, который былъ страшенъ бѣсамъ! Ипатій Цѣлебникъ, Зинонъ Постникъ!—И при каждомъ имени мы останавливались у гроба и толпа прикладывалась къ мощамъ. И ближнія и дальнія пещеры имѣютъ много общаго по внутреннему виду, только имена, произносимыя монахомъ, иныя. Церкви въ пещерахъ очень маленькія и производятъ тяжелое впечатлѣніе.

Святой Антоній спитъ въ серебряной гробницѣ, 73 святыхъ лежатъ въ нишахъ и 1 только въ затворѣ, 30 мироточивыхъ главъ. Здѣсь Ѳеодоръ и Василій спятъ вмѣстѣ въ одномъ гробу, какъ жили вмѣстѣ постоянно.

— Несторъ, лѣтописецъ! Отецъ отечественной исторіи спитъ въ гробу, освѣщенномъ тусклымъ свѣтомъ лампадки, висящей передъ образами.

— Іоаннъ многострадальный! Нашимъ взорамъ представилась голова, плечи и руки, если можно это еще назвать головой, плечами и руками, торчащія изъ земли. Іоаннъ, желая остаться дѣвственникомъ, вкопалъ себя въ землю для умерщвленія тѣла и провелъ 30 лѣтъ въ этомъ положеніи.

Двѣнадцать братій почиваютъ въ особенномъ затворѣ въ одномъ гробу. Они были строителями Печерской лавры.

Въ дальнихъ пещерахъ находится часть младенца, убіеннаго въ Виѳлеемѣ во времена Ирода. Многіе затворники почиваютъ въ отдѣльныхъ камерахъ, куда ведутъ маленькія окошечки. Не знаю, какъ назвать то впечатлѣніе, которое произвели на меня эти гробы, вѣрнѣе—никакого, за то мироточивыя головы буквально навели на меня ужасъ. Эти голые, пожелтѣвшіе отъ времени черепа, блестящіе отъ масла, возбудили во мнѣ непріятное чувство. Это масло на желтыхъ костяхъ, эта безпредѣльная вѣра толпы, это спокойное величіе ведущаго насъ монаха вызвали во мнѣ тяжелое раздумье. Со мной здѣсь случился инцидентъ, благодаря которому я никогда не забуду мое посѣщеніе пещеръ.

Когда я возвращался по двору мимо келій братій, чтобы отправиться въ обратный путь въ Кіевъ, я случайно узналъ, что въ дальнихъ пещерахъ лежатъ мощи Ильи Муромца, именовавшагося въ народѣ Чоботкомъ. Тотъ-ли это былъ Илья Муромецъ, который плѣнилъ Соловья Разбойника и который такъ картинно остановился въ глубокомъ раздумьѣ

на перекресткѣ трехъ дорогъ съ роковыми надписями, какъ это прекрасно было изображено художникомъ, но я не помнилъ, чтобы монахъ называлъ его. Неужели уѣхать изъ Кіева, не видѣвши гробъ знаменитаго богатыря, а можетъ быть это вовсе и не богатырь, не тотъ Илья. А вдругъ тотъ? Вѣроятно, я видѣлъ его, но забылъ, что было не мудрено, такъ какъ всѣ эти Макаріи, Аврааміи, Ѳеофаніи, Арефы, Нифонты и т. д. могли хоть кого сбить съ панталыку, но это имя было такое особенное, что я навѣрное обратилъ-бы на него вниманіе. Неужели уѣхать не видавши Илью? А чего было собственно смотрѣть? Гробъ, какъ у всѣхъ 73-хъ угодниковъ ближнихъ пещеръ, въ такой-же нишѣ, въ такой-же обстановкѣ. А все-таки тамъ лежитъ Илья Муромецъ! Можетъ быть и не тотъ, но все-же Илья-Муромецъ. Съ подобными размышленіями я подошелъ къ святымъ вратамъ и остановился въ полной нерѣшимости, идти-ли мнѣ дальше или возвратиться назадъ, а возвращаться въ церковь Воздвиженія Креста надъ входомъ въ ближнія пещеры было тоже порядочно далеко. Можетъ быть никогда вторично въ Кіевъ не попаду, рѣшилъ я, лучше ужъ теперь вернуться, чѣмъ въ другой разъ пріѣзжать даже въ Лавру, лучше поглядѣть на Илью Муромца теперь, чѣмъ потомъ мучиться сознаніемъ, что былъ такъ близко и не вернулся. И я отправился снова назадъ, спускаясь по крутымъ улицамъ, по длинной галлереѣ между рядами страшныхъ нищихъ, протягивающихъ съ нахальствомъ, нерѣдко нарочно изувѣченныя руки, и вскорѣ я снова шелъ съ свѣчкой въ рукахъ, съ толпой богомольцевъ по темнымъ корридорамъ ближнихъ пещеръ. Спускаясь по каменнымъ ступенямъ

изъ церкви въ проходъ, я сказалъ нашему путеводителю-монаху, что, уѣзжая сегодня изъ Кіева, я хотѣлъ бы приложиться только къ мощамъ угодника Ильи-Муромца и не желалъ-бы продолжать далѣе путь по пещерному лабиринту, такъ какъ не имѣлъ много времени въ запасѣ. Монахъ отвѣтилъ, что устроитъ и выведетъ меня сейчасъ же отъ гробницы Ильи, съ однимъ же мной онъ идти не могъ, такъ какъ раньше меня его ожидали. И вотъ снова мы зашагали мимо гробовъ съ мощами, снова толпа склонялась и прикладывалась къ мощамъ, а монахъ снова произносилъ имена угодниковъ заученнымъ монотоннымъ голосомъ. Наконецъ мы дошли до гроба Ильи. Гробъ съ мощами ничѣмъ не отличался отъ другихъ гробовъ и только монахъ процѣдилъ сквозь зубы: Илья-Муромецъ—и еще что-то, чего я не разобралъ. Я удовлетворилъ свое желаніе и теперь даже бранилъ себя за даромъ потерянное время, такъ какъ новаго ничего не увидалъ, а вторичная прогулка по пещерамъ показалась мнѣ излишней, скучной и очень непріятной. Мнѣ хотѣлось скорѣе выйти на воздухъ, увидѣть свѣтъ. Я напомнилъ монаху, что не имѣю времени оставаться дольше и очень-бы хотѣлъ выдти изъ пещеръ. Монахъ подвелъ меня къ боковому проходу и, указавъ впередъ, сказалъ, чтобы я свернулъ въ первый проходъ направо, а потомъ въ первый проходъ налѣво и я сейчасъ-же выйду въ церковь. Я посмотрѣлъ вслѣдъ удалявшимся дальше подъ землю огонькамъ и пошелъ впередъ настолько скоро, чтобы свѣча не потухла. Жутко было одному идти по мрачному проходу. Я прибавилъ шагу, повернулъ въ первый проходъ направо, затѣмъ въ первый проходъ налѣво, какъ мнѣ указалъ монахъ, шелъ, какъ

мнѣ показалось ужъ довольно долго, а конца проходу не было. Я прибавилъ шагу и къ моему великому ужасу моя свѣча потухла. Я остался въ могильномъ мракѣ. Ужасъ овладѣлъ мной, особенно когда, пробираясь ощупью вдоль стѣны корридора, я натыкался на гробы. Мнѣ казалось, что я своротилъ куда-то въ сторону, что я спускаюсь подъ землю. Мнѣ припомнились разсказы объ заброшенныхъ корридорахъ, о томъ, что выйти изъ пещеръ, не зная ихъ, страшно трудно и холодный потъ выступилъ у меня на лбу. Остаться здѣсь подъ землей въ этихъ могилахъ среди гробовъ и мироточивыхъ главъ, въ этой давящей темнотѣ казалось мнѣ чудовищнымъ. Я бросился бѣжать назадъ. Я не зналъ ни куда я бѣгу, ни что будетъ со мной, но я чувствовалъ потребность бѣжать впередъ и впередъ. Какъ мнѣ хотѣлось въ эти минуты свѣта и воздуха. Какъ неумолимо давила меня эта мертвая, тяжелая тишина. Минуты ползли для меня часами. Я уже отчаивался выбраться и кричалъ насколько мнѣ позволяли силы, но кромѣ глухаго эхо никто мнѣ не отвѣчалъ. Я былъ заживо похороненъ въ какихъ-нибудь боковыхъ проходахъ, куда не заходятъ монахи и, словно молнія, пронеслись въ моей головѣ воспоминанія дѣтства, моя добрая мать, мои друзья. О, чтобы я далъ, чтобы увидѣть ихъ! Хоть бы кусочекъ голубаго неба, только не этотъ могильный мракъ, не этотъ мертвый воздухъ, въ которомъ я задыхался и, стиснувъ пальцами потухшую восковую свѣчу, я бѣжалъ все впередъ и впередъ. Я готовъ былъ повѣрить, что можно посѣдѣть въ короткое время отъ ужаса и представилъ себѣ ясно весь этотъ ужасъ заживопогребенныхъ, когда они просыпаются въ могилѣ. Наконецъ судьба сжали-

лась надо мной: вдали блеснулъ огонекъ. Я бросился на него, я боялся, что онъ потухнетъ, а съ нимъ исчезнетъ всякая надежда выйти изъ пещеръ. Но увы! Этотъ огонекъ оказался слабымъ пламечкомъ лампады надъ гробомъ какого-то угодника, который въ полумракѣ навёлъ на меня еще большій ужасъ. Я опустился на полъ около гроба, не зная, что мнѣ дѣлать. Я пришелъ въ такое состояніе, что, если бы изъ гроба поднялся угодникъ, сверкая на меня своими мертвыми глазами, возсталъ-бы со всѣми атрибутами, которыми надѣляютъ покойниковъ въ „страшныхъ“ разсказахъ, я бы не пошевельнулся. Но вдругъ вдали мелькнулъ снова огонекъ, еще одинъ, другой, третій. Огоньки мигали. Теперь мнѣ показалось, что это миражъ, я боялся вѣрить въ возможность выйти изъ этого могильнаго мрака, чтобы не испытать всю тяжесть разочарованія, а разочарованіе подъ землей такъ ужасно! Спустя минуту я не сомнѣвался, что это шли люди, я бросился къ нимъ и на этотъ разъ я не ошибся. Это шелъ монахъ съ толпой паломниковъ. Выразить мою радость при видѣ дня я не въ состояніи. Я готовъ былъ прыгать и бить въ ладоши. Да, я понялъ все геройство и силу воли прежнихъ людей, которые проводили десятки лѣтъ въ этихъ могилахъ. Чтобы понять это, надо заблудиться въ этихъ ходахъ подъ землей и почувствовать разъобщенность съ людьми, надо погрузиться въ этотъ могильный мракъ въ полномъ одиночествѣ. Сидя въ пещерахъ у гроба угодника, я второй разъ со времени отъѣзда изъ Петербурга почувствовалъ, что мой туристическій жаръ исчезаетъ и я готовъ былъ все бросить и очутиться въ Петербургѣ. Я злился и на Илью Муромца и на свое

глупое любопытство, на педантизмъ мой, какъ туриста, и давалъ себѣ слово впредь не поддаваться этой жаждѣ все видѣть въ подобной степени, но это все было подъ землей и, какъ только я пришелъ въ себя отъ радости при видѣ свѣта, угаснувшій на нѣкоторое время пылъ разгорѣлся съ прежней силой и я полетѣлъ любоваться чудными видами Кіева, которые показались мнѣ теперь еще лучше, еще красивѣе, еще разнообразнѣе. Даже это неотступное „что-то“ въ Кіевѣ сократилось послѣ моего блужданія въ пещерахъ. Что значитъ для человѣка свѣтъ, воздухъ и жизнь. Вотъ почему, гдѣ больше свѣта, больше воздуха въ синевѣ небесъ—больше красоты, ярче цвѣта, больше поэзіи. Вотъ почему меня такъ неотразимо влечетъ къ себѣ югъ подъ куполъ синяго неба.

6.

Одесса.

(Безхарактерность. Эсплонада. Виды. Портъ. Театръ).

Лейбницъ писалъ по французски, хотя былъ нѣмецкій философъ.

***

Поѣзда по юго-западнымъ дорогамъ летятъ по заграничному, станціи съ прекрасными буфетами, виды изъ оконъ разнообразные. Мнѣ все нравилось. Я былъ такъ счастливъ, что выбрался изъ глуши и Пинскихъ болотъ, что ѣхалъ по цивилизованной странѣ. Пересѣвши въ Казатинѣ въ одесскій поѣздъ, я вообразилъ себя за границей, такъ цвѣтущи и красивы были виды на горы, селенія и городки Каменецъ-Подольской губерніи, славящейся своей живописной мѣстностью. Городки въ тѣни южныхъ деревьевъ съ минаретами тополей вырисовывались своими бѣлыми стѣнами на зеленомъ фонѣ. На слѣдующій день утромъ я подъѣзжалъ къ Одессѣ. Много разъ я слышалъ о нашемъ знаменитомъ портѣ, о томъ, что Одесса космополитическій городъ, что онъ имѣетъ совсѣмъ иностранный видъ, что русскаго въ немъ столько

же, сколько теперь русскаго въ Парижѣ, что въ Одессѣ столпотвореніе Вавилонское и смѣшеніе двунадесяти языкъ. Но все, что я ни слышалъ раньше объ Одессѣ, никакъ не вырисовывало въ моемъ умѣ чего-то опредѣленнаго. Напротивъ, чѣмъ боьше я слышалъ объ Одессѣ, тѣмъ туманнѣе становилось мое представленіе о ней. Безхарактерность, торговля, деньги не почемъ, прекрасный портъ, университетъ, пристегнутый къ городу, но не оказывающій никакого вліянія, мертвый внутренней жизнью, всемірный рынокъ, безконечное количество евреевъ, городъ золота, сплошная биржа, городъ, гдѣ волны людей приливаютъ и отливаютъ, ничего не внося, ничего не унося, пристань и т. д.

Вотъ опредѣленія, которыми снабжали Одессу въ разговорахъ и я не могъ себѣ представить городъ безъ гражданъ, одинъ гигантскій отель, гдѣ приливаютъ и отливаютъ народы, безъ постоянныхъ жителей, какъ въ другихъ городахъ, куда пріѣзжаютъ сдѣлать дѣло на короткое время, но пріѣзжаютъ постоянно со всѣхъ сторонъ, гдѣ все мѣняется, бѣжитъ, кипитъ, живетъ только настоящимъ. Въ былыя времена здѣсь были греческія колонія и, разсказываютъ, что Одесса была заложена итальянцемъ Дерибасомъ на мѣстѣ татарской деревушки Хаджи-Бей, чуть-ли не находившейся въ зависимости отъ Турціи. Французы дали жизнь этому городу. Ришелье и Ланжеронъ устроили его. И, дѣйствительно, жизнь Одессы поражаетъ. Кого-кого только не встрѣтишь на улицахъ и въ кофейняхъ. Здѣсь всѣ національности запада и востока, здѣсь можно услышать всѣ языки и нарѣчія, здѣсь даже мало преобладаетъ русскій языкъ, такъ много повсюду иностранцевъ. Одесса не русскій городъ,

не французскій, не турецкій. Одесса есть Одесса, porto-franco, знающій только свои торговые интересы, живущій только биржей. Біеніе его сердца—стукъ золота, которое течетъ здѣсь широкой рѣкой. Одесса не волнуется во время войны, ей не дороги чужіе интересы, она знаетъ только себя, знаетъ только своихъ временныхъ гостей, которые въ настоящія минуты гостятъ у ней, она уже забыла тѣхъ, кто уѣхали и не хочетъ знать тѣхъ, кто будетъ. Здѣсь евреи, французы, молдоване, нѣмцы, греки, турки, итальянцы — всѣ дома, всѣ у себя. Никто не чувствуетъ себя за границей. Это интернаціональный пунктъ, гдѣ все перепуталось, гдѣ всякій обычай всякой стороны у мѣста, гдѣ фески и цилиндръ одинаково подходятъ ко всякому, гдѣ рахатъ-лукумъ, пиво и самоваръ имѣютъ одинаковое право гражданства, гдѣ всякій найдетъ все, что можетъ встрѣтить дома у себя на далекой отчизнѣ. Людей здѣсь цѣнятъ по карману, здѣсь все на золото, это общая мѣра всему. Торгуютъ здѣсь всѣ, кто можетъ торговать: и евреи, и русскіе, и восточники и западники; здѣсь и articles de Paris, и вѣнскіе буковые стулья, и русская кожа, и голландское полотно и не такъ какъ въ Петербургѣ, гдѣ можно все достать, нѣтъ, все заграничное дешево, также дешево, какъ въ Парижѣ, Вѣнѣ, Амстердамѣ, хотя и платится за все русскими деньгами. Совершенно справедливо было сказано, не помню, въ какой газетѣ, что не слѣдовало вражеской Россіи флотиліи иностранцевъ громить Одессу ядрами. Всѣ страны вложили въ Одессу часть своего, а потому всѣ скорѣе должны отстаивать и защищать этотъ городъ. Одесса лежитъ въ Россіи, деньги здѣсь русскія—рубль и копѣйки, тѣже ка-

теньки, синички и чижики, кондуктора въ конкахъ говорятъ по русски, какъ и всѣ служащіе, вотъ почему Одесса русскій городъ, и я былъ этому радъ. Радъ, что Россія считаетъ своимъ такой чудный благоустроенный городъ, который подъ пару столицамъ. Въ немъ звучатъ отклики всѣхъ столицъ, потому затрудняешься его сравнить съ какой-бы то ни было въ отдѣльности. Меня, какъ туриста, Одесса плѣнила и роскошной мостовой, и чудными зданіями, и тѣнистыми бульварами. Планированъ городъ чуть не съ геометрической точностью, которая напомнила мнѣ Сан-Себастьянъ и нашъ Васильевскій островъ въ Петербургѣ. Всѣ улицы тонутъ въ морѣ зелени. Всюду деревья, въ два и въ четыре ряда, скрываютъ своими зелеными крышами проходящихъ отъ жаркаго южнаго солнца. Бездна бѣлыхъ акацій повсюду и когда ароматныя бѣлыя кисти одѣваютъ деревья, шпалеры деревьевъ, сады и бульвары мильонами цвѣтовъ, Одесса дѣлается похожей на свадебную корзинку, на невѣсту въ подвѣнечномъ туалетѣ. Весь воздухъ пропитанъ сладкимъ запахомъ, который бываетъ иногда до того силенъ, что вызываетъ непріятное чувство. Всѣ эти параллельныя улицы: Пушкинская, Ришельевская, Екатериненская, Преображенская и имъ перпендикулярныя: Дерибасовская, Греческая, Почтовая и масса другихъ такъ хороши, что даже красавецъ Петербургъ можетъ имъ позавидовать, а о кривой и оригинальной Матушкѣ-Москвѣ и рѣчи быть не можетъ. Скверы съ брызжущими фонтанами, съ чудными цвѣтниками, букетами розъ, густой тѣнью каштановъ манятъ къ себѣ проходящаго, роскошныя витрины магазиновъ, въ которыхъ выставлено все, что есть въ настоящую минуту

моднаго и интереснаго во всей Европѣ, приковываютъ вниманіе и на Ланжероновской улицѣ цѣлый участокъ магазиновъ образовалъ вокругъ небольшаго сквера съ фонтаномъ карэ, совершенно справедливо названное palais royal за сходство съ большимъ palais royal Парижа. Стѣны улицъ образованы прекрасными домами, которые подъ пару любой столицѣ, большіе отели напоминаютъ Парижъ, плоскія крыши переносятъ на востокъ, а нѣкоторыя зданія своими стрѣльчатыми украшеніями переселяютъ васъ въ Вѣну. Повсюду тянутся проволоки телефоновъ и телеграфовъ, густыми сѣтями перебрасывающимися изъ участка въ участокъ. Бѣгая по улицамъ города, поражаешься этой массѣ народа, спѣшащей впередъ, этому дѣловитому виду, которымъ большинство одѣто. Повсюду кіоски, кофейни и рестораны совсѣмъ на заграничный манеръ и между ними кондитерская на Екатериненской улицѣ, гдѣ продаютъ такой кофе, о какомъ у насъ въ Россіи и понятія не имѣютъ. Говорю такъ: „въ Россіи", потому что самъ слышалъ, какъ одинъ одесситъ, собираясь ѣхать въ Кіевъ, говорилъ о томъ, что поѣдетъ „въ Россію". Одесса лежитъ высоко надъ моремъ и у обрыва холмовъ украшена, какъ короной, рядомъ деревьевъ, образующихъ одинъ изъ лучшихъ бульваровъ, какіе я когда-либо видѣлъ. Четыре ряда роскошныхъ платановъ съ сиреневыми кустами между стволами оттѣняютъ зеленой гирляндой цѣлую стѣну громадныхъ каменныхъ палаццо въ которыхъ живутъ или аристократы Одессы или помѣщаются консульства, на что указываютъ гербы у подъѣздовъ. А консульствъ здѣсь масса: и бразильское, и французское, и турецкое, да, кажется,

консульства всѣхъ государствъ. Бульваръ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе. Подобнаго вида на море я не видалъ. Это единственный въ своемъ родѣ видъ. Видѣлъ я Средиземное море, голубую Адрію, пѣнящійся океанъ Атлантикъ, Нѣмецкое море, желтосѣрое Балтійское, но ничего подобнаго ни одно изъ нихъ не представляло.

Здѣсь все соединилось, чтобы сдѣлать видъ неотразимо прекраснымъ. Самый спускъ отъ бульвара, весь откосъ покрытъ чудными растеніями, между которыми желтѣютъ расходящіяся во всѣ стороны сбѣгающія къ морю зигзагами дорожки. Характерный запахъ буксуса говоритъ вамъ вмѣстѣ съ темно-синимъ небомъ о дальнемъ югѣ, согрѣвающимъ Одессу, шумъ листвы красавцевъ-платановъ навѣваетъ раздумье и глазъ скользитъ по волшебной панорамѣ, не зная, гдѣ ему остановиться, чѣмъ любоваться, куда глядѣть. На бульварѣ повсюду разбросаны скамейки, а на самой серединѣ его на площади, образуемой выходомъ на бульваръ между двумя полукругомъ вогнутыми большими домами Екатериненской улицы, стоитъ памятникъ губернатору Новороссійскаго края Ришелье, которому городъ обязанъ своимъ процвѣтаніемъ *). Въ постаментѣ памятника находится ядро, напоминающее о кононадѣ города иностранной флотиліи. У памятника надъ самымъ откосомъ стоитъ пре-

*) Ришелье изображенъ въ тогѣ съ поднятой рукой. На постаментѣ барельефы и надпись: «Герцогу Эмануэлю-де-Ришелье, губернатору Новороссійскаго края, основателю Одессы. 1803—1814, при губ. Воронцовѣ, благодарные горожане». Бронзовая фигура очень красива.

лестная кофейня—кіоскъ съ легкимъ павильономъ на крышѣ, съ массой столиковъ на крытыхъ террасахъ. Это кафе необыкновенно граціозно и придаетъ много красоты всему бульвару, особенно своей плоской крышей, украшенной вазами и ажурнымъ павильономъ въ восточномъ стилѣ. Видъ отсюда поразительный. Гигантская лѣстница, называемая лѣстницей титановъ, спускается 200 ступенями, раздѣленными на 10 маршей отъ памятника къ подножію холмовъ и къ морю. Своей шириной и величиной, прорѣзывая роскошные садики по откосамъ и оканчиваясь у небольшой изящной церкви на берегу моря, лѣстница производитъ грандіозное впечатлѣніе. Дѣйствительно, это ходъ для всѣхъ народовъ въ этотъ космополитическій городъ, вѣчно убранный по праздничному, такъ какъ всѣ 365 дней въ году у него пріемъ всѣхъ и отовсюду. Съ одной стороны этотъ восхитительный бульваръ оканчивается домомъ бывшаго губернатора Воронцова, въ саду котораго выдѣляется въ зеленомъ морѣ греческій портикъ, блестя своими бѣлыми колоннами и глядя въ дивную южную синеву Чернаго моря, съ другой стороны—красивымъ зданіемъ биржи съ колоннадой между двумя выступами зданія съ нишами, въ которыхъ статуи съ аллегорическими фигурами дня и ночи, сидящими на фронтонѣ зданія около большихъ часовъ между двумя плоскими вазами. Одесса, какъ торговый городъ, украшенъ красивой биржей, которая поневолѣ останавливаетъ туриста. Это одесскій храмъ и храмы въ религіозномъ смыслѣ сильно уступаютъ биржѣ, предъ которой бьетъ фонтанъ среди небольшихъ террасъ, сплошь покрытыхъ роскошными цвѣтни-

ками *). Попавши на бульваръ, невозможно оторваться отъ вида и пересаживаясь со скамейки на скамейку ходишь отъ биржи къ памятнику Ришелье и глядишь, глядишь и все мало. Кажется готовъ вѣчно сидѣть и глядѣть въ эту голубую даль съ розовыми и фіолетовыми отблесками, на это южное море, постоянно мѣняющееся, на эту жизнь, которая бьетъ ключемъ на берегу у подножія холма, въ пристаняхъ, въ этихъ гаваняхъ, на длинныхъ эстакадахъ, заползшихъ, какъ темныя змѣи, далеко въ море. Поѣзда летятъ по высокой галлереѣ эстакады растянувшейся вдоль берега, какъ грандіозный віадуктъ, тысячи повозокъ, телѣжекъ и фургоновъ шевелятся на берегу, по мостамъ, у таможенъ, повсюду кишатъ люди между этимъ безконечнымъ моремъ сараевъ, пакгаузовъ, складовъ, конторъ различныхъ обществъ, агентствъ, таможенъ, то ввидѣ небольшихъ домиковъ, то ввидѣ старинныхъ замковъ съ зубчатыми башнями, то ввидѣ небольшихъ будочекъ, то ввидѣ массивныхъ и большихъ домовъ. Всюду мѣшки, тюки, кули, горы досокъ... Загорѣлые черные люди суетятся, какъ муравьи.

Тысячи кораблей и пароходовъ качаются въ одесскомъ портѣ, а по синевѣ моря скользятъ и плаваютъ безконечныя яхточки, суднышки, лодочки, сверкая, точно бабочки, своими крылышками. Видъ восхитителенъ всегда и днемъ, когда море сверкаетъ брильянтовыми блесками, купая калёные

*) Теперь передъ биржей поставленъ памятникъ Пушкину, работы г-жи Полонской. На усѣченномъ обелискѣ прекрасный бюстъ поэта. Внизу обелиска четыре чаши, въ которыя струится вода изъ трубокъ. Памятникъ очень хорошъ.

лучи, когда цѣлый адъ кипитъ у подножія холма, свистятъ пароходы и паровозы, кричатъ тысячи голосовъ, визжатъ громадные краны и цѣпи, стучатъ доски и желѣзо и наверхъ на бульваръ доносится непостижимый хаосъ звуковъ, и вечеромъ когда красноватые лучи заходящаго солнца румянятъ всю окрестность, и ночью при лунѣ, обливающей серебромъ синее море, мирты и платаны, брони судовъ и глядящей на сотни огней, мелькающихъ въ этой живой безконечной панорамѣ, и рано утромъ, когда еще жизнь не проснулась, когда всѣ эти чудовища еще не успѣли проснуться и только пѣнье птицъ раздается въ прибрежныхъ садахъ. На бульварѣ все вниманіе приковываетъ не только видъ съ откоса на море и на берегъ, но и на гуляющихъ подъ тѣнью платановъ. Подобное смѣшеніе публики не всюду увидишь. Надъ ухомъ раздаются всевозможные языки, предъ глазами ежесекундно проходятъ тысячи лицъ въ самыхъ разнообразныхъ нарядахъ, самыхъ разнообразныхъ типовъ, сословій и положеній. Публика на бульварѣ, особенно послѣ дневной жары, когда повѣетъ прохладой и вся Одесса послѣ дѣловаго дня отправляется на прогулку, по моему, принадлежитъ къ достопримѣчательностямъ Одессы и ни одинъ туристъ не долженъ пропустить бульварную публику, представляющую очень своеобразное и пестрое зрѣлище. Внизу на пристаняхъ, въ докахъ клокочетъ настоящій адъ, напомнившій мнѣ Лондонъ. Лязгъ цѣпей, громъ желѣза, визжаніе чудовищныхъ блоковъ и крановъ, выклевывающихъ изъ нѣдра кораблей и пароходовъ своими носами громадные тюки, скрѣпя и рыдая при повертываніи, разрывающіе душу вопли громоздкихъ крючьевъ,

стукъ и гвалтъ, свистки и пыхтѣнье паровозовъ, летящихъ среди сутолки, гама, гвалта и криковъ. Всюду пыль отъ падающихъ тюковъ, всюду столбы мелкаго каменнаго угля, стоящаго колоннами въ душномъ воздухѣ, всюду накаленыя брони пароходовъ, высунувшихъ изъ воды свои животы, по которымъ бьютъ молотки, поправляя погрѣшности, всюду бѣлыя облака пара и сѣрый туманъ дыма и копоти и сверхъ всего жара, жара, пронизывающая тѣло до костей. Кругомъ сотни тысячъ людей, копошащихся повсюду, людей съ отчаянными лицами, привыкшихъ къ вѣчной борьбѣ съ моремъ и жарой, къ тяжестямъ и чернымъ сторонамъ этой жизни, толкающей ихъ на преступленія и на горькій физическій трудъ среди грохочущаго ада въ одесскомъ портѣ.

Одесса, какъ городъ, поклоняющійся золотому тельцу и какъ молодой городъ, не имѣетъ историческихъ памятниковъ или выдающихся церквей *). На углу Пушкинской улицы съ прекрасными ака-

*) Большой соборъ съ круглымъ куполомъ и четырехъугольной башней въ 4 яруса—некрасивъ. Въ немъ находятся гробницы преосвященнаго Димитрія, архіепископа херсонскаго и одесскаго и князя Воронцова, скончавшагося въ 1854 г. Вокругъ собора разведенъ скверъ съ памятникомъ князю Воронцову. Бронзовая фигура князя въ плащѣ стоитъ на пьедесталѣ, съ вдѣланными въ него бронзовыми досками. На одной изъ нихъ надпись: «Свѣтлѣйшему князю Михаилу Семеновичу Воронцову благодарные соотечественники. 1869». Католическая и лютеранская церкви, также какъ православные: Успенская и Срѣтенская, стоящія на старобазарной и ново-базарной площадяхъ, ничего интереснаго не представляютъ. Покровская церковь выдѣляется своей высокой колокольней. Интересенъ своей богатой архитектурой архіерейскій домъ.

ціями, съ домомъ, на которомъ находится доска съ надписью „здѣсь жилъ Пушкинъ 1823“ (Домъ № 17), и Почтовой улицы—находится синагога съ стрѣльчатыми окнами изъ пестрыхъ стеколъ, украшенная четырьмя зелеными куполами, довольно мрачно глядящая изъ за зелени акацій. Другая синагога въ Екатериненской улицѣ глядитъ также сумрачно и скучно, какъ и всѣ христіанскіе храмы, незначительные по архитектурѣ и совсѣмъ не интересные.

Зато зданіе судебной палаты, украшенное ребристыми колоннами съ акантами и завитками, роскошное зданіе государственнаго банка, мрачный домъ—окружной судъ за Сабанѣевскимъ мостомъ, оригинальный греческій базаръ: 2 зданія ввидѣ подковъ съ плоскими крышами и въ особенности театръ—выходятъ изъ ряда вонъ. Театры въ Одессѣ, гдѣ большой спросъ на удовольствія, являются необходимостью и одно зданіе городского театра совсѣмъ не отвѣчало такому городу, какъ Одесса. И вотъ недавно одесситы воздвигли себѣ храмъ искусствъ, такой грандіозный и прекрасный, что онъ составляетъ гвоздь интереса въ Одессѣ, выражаясь на французскій маноръ. Одесскій новый театръ, едвали не лучшій въ Европѣ, вполнѣ можетъ конкурировать съ пресловутой парижской grande-opéra

Примѣчаніе.

Изъ отелей лучшіе: Hôtel de Londres, возлѣ бразильскаго консульства на бульварѣ, Hôtel du nord—противъ Новаго театра Hôtel de l'Europe противъ театра, на углу Пушкинской и Ланжероновской. Hôtel Riche'ieu съ колоннадой по фасаду на углу Ришельевской и Ланжероновской улицъ, противъ новаго театра. Hôtel de Paris, Крымская гостинница у Сабанѣевскаго моста.

и съ фламандскимъ театромъ Антверпена. Роскошный портикъ, украшенный фигурами, группами и колоннами, увѣнчанный группой, величаво глядитъ на Ришельевскую улицу. Все великолѣпное зданіе, несущее куполъ ввидѣ короны, со всѣми своими галлереями и бюстами русскихъ композиторовъ и драматурговъ, какъ бы опутано сѣрой дымкой и величаво глядитъ съ одного изъ возвышеннѣйшихъ мѣстъ города на море, на суетящійся портъ, на palais-royal съ его магазинами, на биржу и на цвѣтники, подымая свой куполъ въ небеса и вырисовывая его на прозрачной синевѣ. Внутри театръ не менѣе прекрасенъ. Малиновый цвѣтъ залы борется съ богатой позолотой, а желтоватые мраморы колоннъ и стѣнъ фойэ просвѣчиваютъ розовыми жилками. Фойэ съ колоннами, переплетенными золотыми рѣшетками и гирляндами, при свѣтѣ роскошныхъ свѣтильниковъ выглядятъ волшебными залами ѳанастическаго дворца, которому еще болѣе сказочности придаетъ электричество.

Театръ привелъ меня въ восторгъ и мнѣ казалось громадной честью выступить на подобной сценѣ передъ космополитической публикой Одессы, одной изъ строжайшихъ изъ капризнѣйшихъ публикъ на землѣ, немилосердно свистящей посредственностямъ. И Петербургъ, и Москва могутъ позавидовать Одессѣ, украшенной подобнымъ храмомъ искусствъ. Во время моего пребыванія въ Одессѣ на сценѣ новаго театра играла знаменитая хореографическая артистка Виржинія Цукки, которую съумѣла оцѣнить даже капризная Одесса. Дѣйствительно геніальность Цукки поражаетъ всякаго, кто хоть сколько нибудь смыслитъ въ искусствѣ и артистка внесшая новое, неизвѣстное въ балетъ, спустившая фею на

землю, съумѣвшая заставить плакать и страдать вмѣстѣ съ ней зрителя въ балетѣ, нашедшая во всѣхъ этихъ воздушныхъ сильфидахъ и ундинахъ человѣческое сердце, придавшая смыслъ всякому рутинному и мертвому танцу, побѣдила всю публику, не любившую балетъ, заставивъ другими глазами посмотрѣть на всю хореографію. Тотъ, кто видѣлъ ее несчастной Эсмеральдой, идущей съ пытки на казнь, кто видѣлъ ее автоматической Коппеліей, кто наслаждался ея поразительнымъ пробужденіемъ жизни въ мертвомъ тѣлѣ въ засохшей муміи дочери Фараона, кто слѣдилъ за ея мимикой, когда она, опустивъ глаза, съ раскраснѣвшимся лицомъ, съ растрепанными волосами, съ застрявшей въ нихъ соломой, спускалась съ возлюбленнымъ по узенькой лѣстницѣ въ балетѣ „Тщетная предосторожность", кто видѣлъ ее полной отчаянья и силы жрицей Брама, тотъ никогда не забудетъ всю эту художественную картинную галлерею, всѣ тонкости исключительной мимики. Немудрено, что и капризная Одесса склонилась передъ мощнымъ талантомъ Цукки и что попасть въ театръ на ея представленія не было никакой возможности, даже соглашаясь внести за билетъ сумму въ десять разъ большую номинальной стоимости. Въ городскомъ театрѣ давали нѣмецкія трагедіи съ участіемъ вѣнской знаменитости—Миттервурцера, котораго мнѣ удалось увидѣть въ Шиллеровской трагедіи „Разбойники". Здѣсь постоянно бываютъ заѣзжія знаменитости и цѣлыя труппы съ звѣздами во главѣ. Здѣсь чередуются спектакли русской драмы, итальянской оперы, балета, итальянскихъ или нѣмецкихъ трагиковъ, французской и русской оперетки, сюда пріѣзжалъ армянскій артистъ Адамьянъ, здѣсь давали кон-

церты испанцы. Однимъ словомъ и въ этомъ отношеніи Одесса остается космополитомъ съ вѣчно мѣняющимися труппами артистовъ. Здѣсь всякая національность ко двору, здѣсь всякая труппа дѣлаетъ сборы, разъ только она хороша, на сценѣ здѣсь приняты всѣ языки и нарѣчія отъ малороссійскаго чуть-ли не до китайскаго. Ниже большаго храма искусствъ лежитъ англійскій клубъ, фэшенебельный домикъ, глядящій окнами на прекрасное зданіе публичной библіотеки и музея общества исторіи и древностей. Не думаю, чтобы библіотека въ Одессѣ такъ посѣщалась, какъ въ другихъ городахъ и только студенты Новороссійскаго университета пользуются, вѣроятно, книгами для своихъ работъ. Набѣгающимъ и исчезающимъ волнамъ народа нѣкогда читать въ Одессѣ, гдѣ свободный вечеръ проведешъ или въ театрѣ, или въ кафе-шантанѣ, отдыхая отъ дневной суеты.

Одесса, какъ всѣ порты, развратный городъ, гдѣ за деньги продается все, гдѣ насиліе случается зачастую, а похищеніе дѣвочекъ и дѣвушекъ практикуется постоянно. Вѣчная смѣна народа, масса матросовъ на пріѣзжихъ корабляхъ, южный климатъ—породили громадный развратъ.

Близость Турціи оказала тоже свое вліяніе, а рѣки золота топятъ всякіе проблески порядочныхъ чувствъ. Здѣсь сплошь да рядомъ исчезаютъ люди самымъ внезапнымъ образомъ, попадая въ ловко разставленныя сѣти красавицъ-фей съ ихъ Альфонсами, только и думающими, какъ бы очистить карманы пріѣзжему, а самого или запереть на нѣсколько времени или пустить облегченнаго на всѣ четыре стороны, чуть неискалѣченнаго. И глядя на рабочихъ у пристаней у меня мелькала мысль, что

эти работники, днемъ сгибающіеся подъ тяжестью тюковъ, ночью обращаются въ волковъ и преступниковъ, которымъ мѣсто на галерахъ и съ которыми упаси Господи всякаго встрѣтиться въ уединенномъ мѣстѣ за пакгаузами или складами.

Говорятъ, что прежде страшная пыль носилась по улицамъ, теперь-же брызжущіе фонтаны, превосходные водопроводы превратили эти пыльныя улицы въ роскошные сады, по которымъ ползутъ конки, паровые вагоны, развозящіе публику по чуднымъ окрестностямъ Одессы, гдѣ скалы, терассами спускаясь въ волны, принимаютъ причудливыя формы, гдѣ дачи и виллы одесситовъ потонули въ роскошномъ морѣ южной зелени. Для художника окрестности Одессы даютъ много пищи, одна скала „монахъ" на маломъ Фонтанѣ, выдѣляясь чернымъ силуэтомъ на синевѣ воды, просится на полотно, особенно освященная румянымъ закатомъ, когда голова „монаха" искрится и краснѣетъ, одѣтая покровомъ потухающей зари.

7.

На пароходѣ.

(Отъѣздъ. Въ Черномъ морѣ. Толки. Босфоръ. Въѣздъ въ Константинополь).

Море, всюду море.

Я сидѣлъ въ Одессѣ въ ожиданіи парохода, чтобы отправиться по волнамъ Чернаго моря въ Турцію. Пароходъ „Чихачевъ" отходилъ прямымъ рейсомъ изъ Одессы въ Константинополь и въ Египетъ въ субботу, въ 4 часа, и я заранѣе запасся билетомъ. Огромный черный пароходъ стоялъ у пристани, дожидаясь пассажировъ, совсѣмъ готовый къ отплытію. Кругомъ сотни такихъ-же желѣзныхъ морскихъ чудовищъ пыхтѣли и тихо покачивались въ полуснѣ, убаюканныя волнами. Цѣлый лѣсъ мачтъ съ парусами и флагами глядѣлъ на подъѣзжающихъ съ пристани, цѣлыя горы багажу тащились по длиннымъ моламъ, длинными червяками обозовъ, подползая къ кораблямъ. Пароходъ—это громадный домъ, волшебный замокъ, скользящій по волнамъ, поразительно сложный инструментъ, напоминающій какое-то чудовище, прорѣзывающее своей желѣзной острой грудью волны, бьющее по воздуху своими громадными парусинными крыльями,

перебирающее своими лапами соленыя струи, тяжело дышащее и пыхтящее въ своемъ бѣгѣ. Эти залы съ столами и пьянино, эти балкончики, подземелья, трюмы съ цѣлыми стадами скота, комнаты, закоулки, лѣсенки, мостики, кладовыя съ грудами товаровъ и припасовъ, эти блоки, красныя печи, гигантскія машины, сѣти веревокъ, болтающіяся снасти, шлюпки,—все это цѣлый особый міръ, плавучій городъ, который поражаетъ васъ и убѣждаетъ въ силѣ человѣка, давшаго жизнь этому чудовищу.

На пристани собралась громадная толпа народа, тутъ были и провожающіе и любопытные. Все говорило, шумѣло, суетилось. Я глядѣлъ на эту толпу, на Одессу, на весь берегъ и какъ-то чудно и странно становилось на душѣ. Не то, чтобы я волновался, не то, чтобы страшно было пускаться въ море, но, словно, я отрѣзывалъ какую-то нить, которая привязывала меня къ этому берегу, словно море должно было перенести меня въ новую жизнь, словно предо мной готовились развернуться новыя страницы, лучше, яснѣе, отраднѣе прежнихъ. И это чувство усилилось, когда мы стали отдѣляться отъ берега, когда пароходъ, пыхтя, сталъ проползать между своими дремлющими собратьями, когда публика на пристани замахала платками и шляпами, посылая послѣдніе привѣты уходящему пароходу. Берегъ все болѣе и болѣе уходилъ, красивая Одесса словно повертывалась, переставляя одно зданіе за другое, и стушевываясь, принимая все болѣе и болѣе видъ полосы. Мы ѣхали уже въ морѣ и берегъ все болѣе и болѣе уходилъ назадъ, отодвигался въ туманъ, а море все шире и мощнѣе выступало передъ нами. Не знаю почему, но меня охватило грустное чувство, тяжелая тоска залегла на сердцѣ, казалось,

что все мое прошлое, и хорошее и худое, оторвано, зачеркнуто, что оно скрылось для меня, какъ туманный берегъ, что я бросился въ невѣдомое безпокойное будущее, что предо мною выростаетъ что-то новое, незнакомое, необъяснимое. Въ моей головѣ проносились сотни впечатлѣній и я въ одну минуту пережилъ снова моменты изъ прошлаго, мнѣ казалось, что это были послѣднія искорки, что теперь все погасло, все исчезло, ничего не осталось... Во мнѣ вдругъ пробудилась потребность любить, любить всѣми силами души, любить до самозабвенья, до безумія и самому быть любимымъ. Словно вѣтеръ нанесъ на меня это чувство, которое вскорѣ пропало, какъ и все мечтательное настроеніе, навѣянное этимъ отрываніемъ отъ родной земли. „Чихачевъ“ съ его жизнью и пассажирами не позволилъ предаваться долго раздумью, зазвенѣлъ колокольчикъ, сзывающій пассажировъ къ обѣду. Рѣзкій звонъ сразу прервалъ нить размышленій, сразу отрезвилъ меня и я отправился къ столу.

Я никогда не забуду это плаванье и поѣздку въ Константинополь, такъ пріятно провелъ я эти дни, столько интереснаго, новаго выдвигалось предо мной на каждомъ шагу.

Мнѣ нѣсколько разъ случалось ѣздить по морямъ и я всегда боялся качки, такъ какъ былъ подверженъ ей и страдалъ въ былые годы отъ нея немилосердно. Я хорошо помнилъ эти страданія морской болѣзни, которыя угнетаютъ человѣка и доводятъ до мыслей о самоубійствѣ. Я боялся, что теперь придется снова перенести всѣ непріятности морскаго путешествія, но надѣялся, что удастся противустоять этой болѣзни. Ужасно, что при пер-

выхъ волнахъ, когда пароходъ наклоняется въ стороны, морская болѣзнь набрасывается со всею жестокостью на человѣка, не взирая на то слабый-ли онъ или крѣпкій, она одинаково начинаетъ мучить и теребить бѣдный человѣческій организмъ. Она угнетаетъ душу, забиваетъ всякую мысль, всякое чувство, вызывая отвращеніе ко всему, желаніе покончить съ муками во что бы то ни стало. Горло сдавливается, чувствуешь себя жалкимъ, ничтожнымъ существомъ, буквально исходишь весь отъ ужасной рвоты. Превращаешься въ трупъ человѣка, но въ трупъ, который переноситъ жестокую муку. При мнѣ одна дама отдѣлалась жестокимъ припадкомъ и была все остальное время здорова, не смотря на сильную качку, другіе страдаютъ всю дорогу и, выйдя на берегъ, качаются еще долгое время, проклиная море. Всѣ средства, подаваемыя во время качки, не могутъ спасти отъ припадковъ болѣзни и порой своимъ отвратительнымъ вкусомъ только вызываютъ тошноту. Морская болѣзнь — болѣзнь мозга, почему сильная воля можетъ лучше всего противустоять. Когда я ѣхалъ изъ Лондона въ Остенде, я это испыталъ на себѣ; я, буквально, не позволялъ себѣ заболѣть, не смотря на сильную качку и хотя съ трудомъ, но выдержалъ весь переѣздъ. Теперь, отправляясь въ море почти на двое сутокъ, я боялся не выдержать характеръ, хотя рѣшилъ бороться до послѣдней возможности. По совѣту капитана я ѣлъ много маслинъ, чай пилъ совсѣмъ безъ сахару, не пилъ ни молока, ни сливокъ, не ѣлъ масло и все жирное, возбуждающее тошноту. Въ 1-мъ классѣ ѣхало не особенно много пассажировъ, а къ обѣду явилось всего 8 человѣкъ, такъ какъ дамы, почувствовавъ едва замѣтную качку,

заперлися въ каютахъ. Случай помогъ мнѣ быстро со всѣми познакомиться. Одинъ изъ пассажировъ, глядя на мое усталое и замученное отъ бѣготни по Одессѣ и Кіеву лицо, обратился къ сосѣду, съ которымъ уже познакомился, и вполголоса сказалъ по англійски.

— Взгляните на этого бѣднаго молодаго человѣка. Онъ, навѣрное, ѣдетъ въ Египетъ, чтобы избавиться отъ чахотки, но едва ли ему придется оттуда воротиться.

Я однако все разслышалъ и предположеніе пассажира показалось мнѣ настолько комичнымъ, что я не выдержалъ и отвѣтилъ по англійски-же, что я здоровъ и ѣду въ Константинополь, а выгляжу такимъ усталымъ потому, что съ слишкомъ большимъ жаромъ глотаю всѣ впечатлѣнія.

Мой отвѣтъ произвелъ сильный эффектъ, всѣ присутствующіе смущенно замолчали, однако вскорѣ маленькое замѣшательство публики прошло, особенно когда увидѣли, что я смѣюсь отъ чистаго сердца и этотъ инцидентъ сразу всѣхъ перезнакомилъ и сблизилъ.

Къ вечеру появился туманъ. Все болѣе и болѣе густыя занавѣсы лохматаго марева надвигались на пароходъ со всѣхъ сторонъ и укутывали все море молочной густой пеленой. На мачтахъ зажглись красные и зеленые огни, свистки парохода отрывистые и тревожные пронизывали пространство, теряясь въ туманахъ и заставляя сжиматься сердце. Туманы! Какое это страшное слово на морѣ! Такъ и ждешь ежеминутно, что вотъ вотъ раздастся страшный ударъ при встрѣчѣ другого судна, пароходъ застонетъ въ предсмертныхъ мукахъ, а холодныя воды моря хлынутъ со всѣхъ сторонъ и поглотятъ всѣхъ и все...

Съ однимъ пассажиромъ—парижаниномъ, лѣтъ 30, мы очень сошлись и не разлучались съ нимъ все время. Оба мы ѣхали въ Константинополь туристами, а потому и рѣшились держаться другъ друга. Мы долго любовались съ нимъ нашимъ пароходомъ, который, словно гигантская птица, распустивъ свои крылья, несся въ туманѣ. Всѣ мачты, черныя трубы, снасти, веревки—придавали какой-то фантастическій видъ нашему Чихачеву, а раскаленное его сердце билось въ его мощной желѣзной груди особенно сильно. Испуганно вскрикивая и оглашая туманы, несся онъ все впередъ и впередъ и не хотѣлось уходить въ каюты, казалось, что здѣсь на верху можно предугадать опасность и предотвратить ее. Потомъ оказалось, что одинъ встрѣчный пароходъ прошелъ всего въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ насъ. Въ туманахъ, какъ говорилъ капитанъ, очень трудно распознать, съ которой стороны слышенъ свистокъ, почему такъ легко и случаются несчастья.

Я улегся на прекрасную кроват и, засыпая, все слышалъ тревожные свистки парохода. Утромъ, когда я вышелъ на рубку, отъ тумана не было и слѣда. Безконечное море виднѣлось во всѣ стороны, довольно большія волны покачивали пароходъ на столько, что трудно было стоять. Я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на игры дельфиновъ, плывшихъ за нашимъ пароходомъ. Они, изгибаясь колесомъ, выскакивали своимъ чернымъ тѣломъ изъ воды, катились по волнамъ и пропадали снова въ морской безднѣ. Море искрилось тысячами брильянтовъ и гребни волнъ, завертываясь, падали ослѣпительной пѣной, среди которой особенно рѣзко вырисовывались спины дельфиновъ.

Разговоры вертѣлись болѣе на Константинополѣ. Мы съ парижаниномъ старались разспросить у бывавшихъ въ Царьградѣ все, что насъ интересовало и мы не безъ волненія ожидали увидѣть Св. Софію, Золотой рогъ и Галатскую башню. Я столько читалъ и слышалъ о Константинополѣ, что, чѣмъ ближе мы придвигались къ Турціи, тѣмъ сильнѣе хотѣлось видѣть этотъ замѣчательный городъ. Мнѣ казалось, что я слишкомъ многаго ожидаю и навѣрное разочаруюсь. Жизнь на востокѣ, обычаи, религія, рѣшительно все должно было заинтересовать, такъ какъ все это было ново, и далеко не тѣ-же вѣчныя, хотя и интересныя варіаціи на одну и ту же тему, что всюду встрѣчается въ Европѣ. Константинополь, одной ногой стоящій въ Азіи, не долженъ походить ни на одинъ изъ европейскихъ городовъ, въ чемъ и была его главная прелесть. И со мной и съ парижаниномъ были путеводители и карты, которые мы ревностно изучили раньше и теперь сговаривались, какъ намъ быть въ этомъ оригинальномъ городѣ, гдѣ рѣшено было держаться другъ друга.

Многіе ѣхали въ Египетъ и звали меня съ собой. Если бы мнѣ позволило время, я навѣрное соблазнился бы и отправился бы въ страну пирамидъ, сфинксовъ и крокодиловъ, тѣмъ болѣе, что ѣхать въ миломъ обществѣ, нѣкоторые члены котораго уже бывали на берегахъ Нила, а слѣдовательно были знакомы съ этой страной, было очень заманчиво. Искушеніе было очень сильно, но это было невозможно, я долженъ былъ спѣшить въ Екатеринославскую губернію. За то почью я все время видѣлъ во снѣ и фараоновъ, и пирамиды, и лотосы на Нильскихъ волнахъ, и верблюдовъ въ пальмовыхъ оазисахъ песчаныхъ сте-

пей и всѣ прочіе аттрибуты, присоединяемые мной къ волшебному слову: Египетъ.

Извѣстно было, что мы ночью пріѣдемъ къ Босфору и, дожидаясь разсвѣта, будемъ стоять у входа въ проливъ, по которому Черное море вливается въ Мраморное и гдѣ теченіе такъ сильно, а берега сошлись такъ близко, что плаваніе въ темнотѣ даже для большаго парохода представляетъ опасность. Я собирался лечь раньше спать, чтобы не пропустить прелестей пролива, но надъ нами зажглись милліоны мерцающихъ звѣздъ, которыя, сіяя въ безконечной вышинѣ надъ моремъ, глядѣли безконечными глазами на насъ и всякій сонъ бѣжалъ. Сколько задумчивой прелести въ прекрасный тихій вечеръ весной надъ моремъ! Посеребренныя волны съ плескомъ бились о пароходъ, разсѣкавшій желѣзною грудью прохладныя струи, бѣлой пѣной обозначавшія пройденный только-что нами путь. Въ такія минуты обыкновенно вспоминается многое, сердце стучитъ громко и нервно и уносишься съ земли куда то далеко, словно душа покидаетъ тѣло и вкушаетъ невѣдомое блаженство, а тѣло замираетъ и въ устремленномъ взглядѣ, и въ безжизненной позѣ. Въ подобныя минуты иной разъ мнѣ думается: вотъ придетъ лохматая, ненавистная мнѣ зима съ ея холодами, снѣгомъ, застоемъ и я, сидя въ моей комнатѣ на далекомъ сѣверѣ и глядя сквозь окно на бушующую на улицахъ мятель, на мигающіе въ испугѣ газовые огоньки въ фонаряхъ, прислушиваясь къ завыванію ледянаго вѣтра, вспомню эту чудную южную ночь и, переживая избытокъ мною теперь проглоченныхъ впечатлѣній, снова замру въ этой позѣ, какъ теперь и, придя въ себя, почувствую пустоту и

охватитъ желаніе снова унестись на югъ подъ голубое небо, подъ этотъ удивительный куполъ, обсыпанный брильянтовой пылью, сюда на пароходъ къ искрящимся волнамъ, къ этому пыхтѣнью машины въ желѣзномъ корпусѣ нашего „Чихачева“... Мой французъ былъ подъ тѣмъ-же впечатлѣніемъ. Сначала онъ восторгался, а потомъ замеръ въ нѣмой позѣ, устремивъ куда-то въ даль свой взглядъ. Вѣрно, ему видѣлся Парижъ, его домикъ на улицѣ Saint-Lazaire, гдѣ осталась его возлюбленная, о которой онъ мнѣ много разсказывалъ, блестящія залы, полныя фешенебельной публики, пришедшей въ концертъ—и онъ самъ на эстрадѣ съ скрипкой въ рукахъ, которая плачетъ горькими слезами подъ скользящимъ смычкомъ.

И долго мы сидѣли, молча глядя въ даль, а когда пришли въ общую каюту, то застали остальную публику въ живѣйшей бесѣдѣ о Константинополѣ и Турціи. Говорили, что нѣтъ нигдѣ опредѣленныхъ цѣнъ на товаръ, что вина въ Турціи очень дороги, что трудно безъ привычки обращаться съ турецкой монетой, которая бываетъ порой продырявлена и потому многими не принимается, что порой цѣнность денегъ въ разныхъ городахъ мѣняется и что самыя употребительныя и удобныя монеты для иностранцевъ франки, особенно золотомъ, съ успѣхомъ принимаемые не только въ Европейской Турціи, но и въ Малой Азіи и Египтѣ. Мы съ жадностью ловили всякія новыя свѣдѣнія, надѣясь болѣе и болѣе почувствовать подъ собой почву.

— Курьезные города здѣсь на востокѣ,—разсказывалъ греческій консулъ, всюду въ Смирнѣ, въ Дамаскѣ, въ Багдадѣ масса зданій находится въ раз-

валинахъ. Когда случайно или отъ ветхости падаютъ карнизы или минареты ихъ не трогаютъ, рукой не пошевельнутъ, чтобы поправить сколько-нибудь зданіе и даютъ ему совершенно разрушиться, хотя бы это было чудо архитектуры и это дѣлается на основаніи Корана, который воспрещаетъ возстановленіе разрушившагося зданія, видя въ этомъ непокореніе воли Аллаха. Города обыкновенно грязные, улицы не мощеныя, освѣщенія нѣтъ или въ зачаточномъ состояніи, какъ въ Іерусалимѣ. Всюду тѣла животныхъ, безчисленныя собаки, всюду грязь и вонь. А безъ оружія нечего и думать путешествовать. Здѣсь всюду настоящая Азія со всей ея пестрой суетой, съ ея варварскими нравами, дикимъ фанатизмомъ, цѣной жизни человѣческой въ грошъ и т. п. А безъ знанія французскаго или итальянскаго языка—совсѣмъ скверно, да и зная одинъ изъ этихъ языковъ, безъ драгомана плохо нашему брату. Безъ этихъ людей никакъ не вывернешься повсюду въ Турціи, не говоря уже объ Египтѣ. Съ магометанами надо умѣть обращаться, надо знать ихъ безконечныя церемоніи и, чтобы сохранить время и деньги, всегда прибѣгать къ этимъ волкамъ — драгоманамъ, ожидающимъ насъ, европейцевъ, повсюду на востокѣ, зная, что безъ нихъ дѣло не обойдется. Надо знать слово: „бакшишъ“ это наше: „на чай“, звучащее повсюду на востокѣ подъ всякимъ предлогомъ и безъ предлога отъ малаго и стараго, отъ больнаго и здороваго, всюду „бакшишъ“, который звенитъ докучливо въ ушахъ иностранца.

И долго длились разговоры о востокѣ, пока мы всѣ единогласно не сознали необходимости отдыха и не удалились въ наши каюты. На слѣдующій

день утромъ мы должны были высадиться на берегъ. Мнѣ было нѣсколько жаль оставить пароходъ, такъ хорошо было ѣхать по тихому морю, когда качка не мучила безобразнымъ припадкомъ. Прекрасный обѣдъ и завтракъ, утренній кофе или чай и вечерній чай, все входящее въ плату 23 руб. за проѣздъ отъ Одессы въ Константинополь, вѣроятно, разсчитаны на то, что хоть часть пассажировъ болѣетъ и не можетъ пользоваться прекраснымъ столомъ и обильными порціями винъ, такъ щедро подаваемыми буфетчикомъ. Я заснулъ спокойно, убаюканный монотоннымъ плескомъ, полный ожиданій самыхъ фантастическихъ картинъ востока, которыя должны были съ разсвѣтомъ развернуться передъ моими глазами. Осторожный стукъ въ дверь моей каюты разбудилъ меня. Значитъ мы въѣзжали въ Босфоръ. Я на лету одѣлся и выскочилъ на палубу. Свѣжее розовое утро выглянуло мнѣ въ лицо. Горы стѣнами стояли, вглядываясь въ сѣрую даль Евксинскаго негостепріимнаго понта, вѣяло свѣжей зеленью, луговыми цвѣтами, розовыми пятнами глядѣли миндали изъ укутанныхъ цвѣточнымъ снѣгомъ персиковыхъ рощъ, вдали карабкались на утесы замки, поднимая свои башни надъ орѣшинами и разбрасывая зубчатыя стѣны по холмамъ, задумчивыя виллы дремали въ фантастическихъ садахъ, купающихъ края ароматныхъ луговъ въ голубыхъ струяхъ пролива. Извивы берега, мыски, заливчики, обрывы, скалы, зеленые луга, стройныя пинніи, бѣлые туманы, розовыя и лиловыя струи подходящаго утра, спугнутые барашки облаковъ съ лохматыми краями, журчащіе ручьи среди свѣтлозеленыхъ липъ и душистыхъ миртъ, роса и прохлада, но южная мягкая прохлада и матовый от-

тѣнокъ всей картины, соловьи на кустахъ гранатовъ, покрытыхъ цвѣточнымъ пламенемъ. развѣ это дѣйствительность? Это былъ чудный сонъ, это были грезы, навѣянныя югомъ, это была чудная идилія, не похожая на дѣйствительность, картина съ утрированнымъ освѣщеніемъ, съ неестественнымъ тономъ, съ сказочной обстановкой.

Пароходъ остановился и бросилъ якорь, дожидаясь, когда выглянутъ первые лучи солнца, чтобы войти въ самый проливъ. Такъ вотъ онъ—Босфоръ съ его быстро бѣгущими струями въ Мраморное море.

По этимъ водамъ, какъ повѣствуетъ древній миѳъ, плыла Іо, обращенная въ корову (Bous—быкъ, πορος—плаванье), которая и дала названіе этому проливу—то стѣсненному между узкими берегами, то забѣгающему своими волнами въ многочисленные заливчики, омывающему мыски и глотающему бѣгущіе съ горъ ручьи и рѣчки. Когда-то въ древности проливъ считали непроходимымъ, да и до сихъ поръ входъ въ Босфоръ *) изъ Чернаго моря опасенъ. Нерѣдко густые туманы заволакиваютъ бѣлыми пеленами всю окрестность, измѣняющіеся вѣтры и водовороты у вулканическихъ скалъ, не смотря на огни маяковъ европейскаго и азіятскаго береговъ, бросаютъ суда о страшные утесы. Недаромъ въ древности надѣлили этотъ проливъ ужасами, полными фантастичности, какъ пѣніемъ гарпій, страшнымъ великаномъ и непроходимыми скалами Сим-

*) Босфоръ имѣетъ 27 km. длины, направленіе SW на NO, Европ. берегъ съ извилинами 31 km., азіятскій 38 km.., глубина 30—60 m. ширина отъ 500—2,000 m.

плегадами, которыя постоянно то раскрывались, то закрывались, не пропуская ни одного корабля. Эта легенда такъ ясна для каждаго, кто видѣлъ группу утесовъ со стороны Мраморнаго моря, подымаясь по Босфору у европейскаго берега. Слѣдуя завиткамъ пролива и глядя впередъ, кажется, что скалы то раскрываются, то опять соединяются, угрожая погибелью всякому дерзкому, кто рискнетъ поравняться съ ними. Такъ вотъ этотъ Босфоръ, чрезъ который перешелъ Дарій съ своими войсками изъ Азіи въ Европу, гдѣ когда-то скользили ладьи Олега, русскихъ воиновъ и купцовъ, та дорога, по которой проникло христіанство въ Россію 900 лѣтъ тому назадъ. Эти городки, деревни, мѣстечки, бѣлые маяки, черные кипарисы, платаны и миндаль, ароматъ цвѣтовъ и соловьи, все это сразу охватило меня, наполнило мнѣ душу нѣгой и восторгомъ и приковало меня къ мѣсту. Тишина была поразительная. Кое-гдѣ плескалась рыба, да вдали на берегу гдѣ-то за соловьемъ раздавался голосъ, но такъ слабо, такъ невнятно, что походилъ скорѣе на отблескъ, на тѣнь звука. Я спустился въ мою каюту. Всѣ еще спали, а потому и я, не раздѣваясь, легъ на постель, ожидая движенія парохода.

Когда я поднялся вторично на верхъ, передъ моими глазами развернулась та же картина, но съ совершенно другой обстановкой. Все было облито солнцемъ, зелень деревьевъ рѣзко выдѣлялась на фонѣ скалъ, башни грозно и черно глядѣли на необыкновенно рѣзкія пятна розоваго миндаля и бѣлаго персика. Матовый свѣтъ, утренняя идилія съ соловьиной пѣснью исчезли, всюду была жизнь. На пароходѣ суетились, всѣ пассажиры глядѣли во всѣ глаза на волшебную панораму, которая мѣнялась

ежеминутно. Передъ нашими глазами выдвигались боковыя декораціи съ новыми замками, башнями, виллами, дворцами, отодвигались, расходились, вырисовывая тихія голубыя бухты съ кипарисовыми рощами, новые замки, мѣстечки и загородныя дачи Царь-града.

У входа въ Босфоръ между голыми утесами, надъ которыми вьются орлы и бѣлые сычи, съ азіятской стороны черными пустыми глазами глядятъ базальтовыя пещеры, населенныя птицами, обитателями моря. Народная фантазія полагаетъ, что въ этихъ птицахъ, носящихся надъ проливомъ, живутъ души проклятыхъ людей, здѣсь же у входа стоятъ страшныя скалы Симплегады и на одной изъ нихъ, говорятъ, находится камень ввидѣ постамента или алтаря съ надписью „divo Caesari Augusto". Затѣмъ выдвигаются Каваки: Румели-Кавакъ на европейскомъ берегу ввидѣ развалинъ спускается стѣнами къ водамъ, гдѣ съужаетъ проливъ моломъ, отвѣчающимъ такому-же молу съ азіятской стороны и такимъ-же развалинамъ замка на утесахъ. Оба замка глядятъ другъ на друга своими черными отверстіями оконъ въ своемъ безмолвномъ величіи, раскинувшись среди зелени винограда и тутовыхъ деревьевъ. Они, какъ два сторожа, оберегаютъ входъ въ проливъ и въ былыя времена соединялись цѣпью, которая не впускала вражескіе корабли. Румели-Кавакъ или „румелійскій Тополь" мѣстечко въ цвѣтущей долинѣ на берегу ручья („Хризороасъ" древнихъ) стоитъ на мѣстѣ древней святыни Сераписа и здѣсь былъ воздвигнутъ Язономъ алтарь Фригійской богинѣ Цибеллѣ. На азіятской сторонѣ выступаетъ мѣстность „Ключи Понта", гдѣ происходили сраженія

грековъ съ варварами, съ арабами, съ русскими, гдѣ камни обагрялись кровью много разъ, гдѣ Юстиніанъ превратилъ храмъ Зевса, покровителя благопріятныхъ вѣтровъ, въ церковь Архистратига Михаила, надѣясь защитить крылами архангела свой любимый городъ. Теперь безсильно стоятъ остатки былыхъ временъ, опутываемые плющемъ и виноградомъ, который прикрываетъ своими листьями старыя раны храма Громовержца. А дальше бѣлѣетъ гора Великана, у подножія которой, точно стадо испуганныхъ овецъ, сплотились бѣлые домики, изъ за которыхъ высовывается длинный минаретъ мечети. На горѣ показываютъ „постель Геркулеса" по сказанію древнихъ или „могилу Іосуа" по мнѣнію магометанъ, въ фантазіи которыхъ это былъ святой и къ его могилѣ постоянно приходятъ пилигримы.

На европейскомъ берегу первый большой заливъ омываетъ Боюкдере съ ея знаменитымъ платаномъ Готфрида Бульонскаго, представляющимъ семь громадныхъ деревьевъ, выросшихъ изъ одного корня и переплетшихся своими старыми вѣтвями. Турки называютъ дерево семью братьями (jedi kardasch). Здѣсь когда-то отдыхалъ съ крестоносцами Готфридъ, отправляясь въ Палестину, теперь же по вечерамъ здѣсь бываютъ гулянья и пестрыя толпы народа вереницами идутъ въ Терапію и обратно. Тутъ-же выдвигается грандіозное зданіе русскаго посольства, возлѣ котораго среди зелени каштановъ и акацій торчатъ шпили павильоновъ, повисли мостики надъ потоками и переплелись узорчатые цвѣтники, а на другой сторонѣ остатокъ пирамиды съ надписью по русски: „25 Іюня 1825 года", напоминающей о спасеніи Царь-града русскими

войсками съ Муравьевымъ во главѣ отъ мятежныхъ войскъ возставшаго вассала. И эта развалившаяся пирамида съ турецкими надписями и русскими словами, и „ворота русскихъ", которыя зовутся у турокъ „Бабъ-ель-Московъ" и русское посольство на берегу Босфора, вызываютъ грустное раздумье. Все это могло быть наше, все это было когда-то осѣнено крестомъ, а не мерцаніемъ полумѣсяца на турецкомъ небѣ.

Въ Терапіи, гдѣ въ зелени садовъ тонутъ виллы Константинопольскихъ магнатовъ, цѣлый рядъ зданій посольствъ; тутъ лѣтняя резиденція французскаго посольства, австрійскаго, англійскаго и холодное непривѣтливое зданіе нѣмецкаго. Терапія издревле славилась цѣлебными водами и теперь превратилась въ модное дачное мѣстечко. По Босфору спѣшатъ во всѣ стороны пароходы: одни развозятъ публику по европейскому берегу и поднимаютъ зеленый флагъ, въ отличіе отъ пароходовъ съ краснымъ флагомъ, скользящихъ по заливамъ, изрѣзавшимъ азіятскую сторону, а между ними зигзагами, забѣгая въ Европу и Азію, полосуя проливъ поперекъ, спѣшатъ пароходы подъ двуцвѣтнымъ флагомъ.

За тѣнистымъ паркомъ Терапіи тянутся мѣстечки Іеникой, Стенія, гдѣ, по сказанію, аргонавты воздвигли храмъ генію, который помогъ имъ въ борьбѣ съ великаномъ Амикусомъ, бебрійскимъ королемъ и поставили статую генію надъ храмомъ „спасенія". Константинъ Великій обратилъ храмъ въ монастырь, а крылатаго генія въ Архангела Михаила. Чудные дворцы ныряютъ въ зелени платановъ и серебряныхъ липъ, а въ Эмиргонѣ черные кипарисы поднимаются колоннами

изъ за дворцовъ, образуя оригинальныя рощи. И съ азіятской стороны глядятъ такіе же дворцы, блистая мраморами и оттѣняясь зеленью садовъ. По кряжамъ горъ торчатъ пиніи, черными зонтиками выглядывая изъ моря сладкихъ стручковъ, вѣтви которыхъ сплошь покрыты розовыми мотыльками цвѣтовъ, а кипарисы торчатъ надъ всей зеленью, вѣнчая горы и холмы, какъ зубцы фантастической короны. У воды пріютились Бейкосъ, гдѣ стоялъ „бѣшеный лавръ" надъ могилой убитаго аргонавтами Амикуса; отъ сорванныхъ листовъ этого лавра всякій сходилъ съума и впадалъ въ неукротимое бѣшенство.

Но вотъ берега съуживаются, камни на утесахъ вдаются въ воду и передъ нашими глазами съ двухъ сторонъ самаго узкаго мѣста пролива, гдѣ бушуетъ пучина, поднимаются два парныхъ замка въ развалинахъ: Румили-Гиссаръ (Румелійскій замокъ) и Анадоли-Гиссаръ. Первый представляетъ самое живописное мѣсто Босфора и выдвигается облитый лучами утренняго солнца, сидя на вершинѣ утеса, съ котораго ползутъ зубчатыя стѣны, словно оперная декорація.

Замокъ этотъ построилъ въ три мѣсяца Магометъ 2-й, за годъ до завоеванія Царь-града *). Повелитель османовъ заставилъ самихъ византійцевъ таскать камни и укрѣпить это орлиное гнѣздо, онъ обагрилъ ихъ кровью эти камни, съ которыми смѣшались кости несчастныхъ византійцевъ. Здѣсь засѣлъ Магометъ съ своими пушками, метавшими ужасныя каменныя ядра и останавливалъ всѣ проходящія по Босфору суда. При другихъ византій-

*) 1452-й годъ.

скихъ властелинахъ здѣсь были страшныя тюрьмы, именуемыя „замкомъ забвенія“, гдѣ томились христіане во власти турокъ. Анадоли-Гиссаръ, стоящій теперь ввидѣ провалившихся четырехъ башенъ, служилъ не менѣе страшнымъ мѣстомъ заточенія, почему и получилъ названіе „чернаго замка“.

Между замками Босфоръ носитъ у турокъ названіе „шейтанъ-акинтизи“ (чертово теченіе), черезъ него перешелъ Дарій по гигантскому мосту и глядѣлъ съ каменнаго трона, высѣченнаго въ скалѣ, который видѣлъ еще Діонисій, на переходящія войска въ 700,000 человѣкъ, на стада слоновъ и верблюдовъ, которыхъ онъ привёлъ, чтобы сразиться съ скиѳами.

Чувствуется близость Константинополя, такъ какъ виллы и мѣстечки сливаются уже въ сплошныя цѣпи и улицы, прерываемыя только зеленью парковъ и горами. За Анадоли-Гиссаръ впадаетъ рѣчка „Сладкія воды Азіи“ съ лѣтнимъ дворцомъ султановъ и прелестнымъ павильономъ-фонтаномъ, ввидѣ каменнаго пестро разрисованнаго арабесками, цвѣтами и надписями по бѣлымъ мраморнымъ стѣнамъ кіоска, съ далеко выдающейся крышей, украшенной блестящими полумѣсяцами на маленькихъ куполахъ. Тѣнистыя сикоморы и платаны собираютъ здѣсь по пятницамъ публику, которая, разстилая мягкіе ковры по лугамъ долины, куря или за чашкой кофе, проводитъ часы въ сладостномъ ничего—недѣланьи подъ защитой тѣни деревъ. Далѣе на берегу у мѣстечка Кандили (Фонарь) съ прибрежныхъ горъ открывается чудный видъ на извивающійся между горами Босфоръ, на замки, минареты и виллы. Мимо плывутъ Бебекъ, Арнауткой („албанская деревня“), деревня Курущема („сухой ключъ“) и деревенька Ортакой, а съ азіят-

ской стороны выглядываетъ въ Бейлербей-кой красивый дворецъ, но красоты береговъ уже сливаются въ пестрое море впечатлѣній и передъ глазами плыветъ только прекрасная картина, на которую глядишь, не разбирая отдѣльныхъ подробностей.

Мечеть въ Ортакой однако выдѣляется изъ общаго хаоса своей необыкновенной стройностью, своими бѣлыми колоннами и двумя чудными минаретами, блестящими, какъ сахаръ, глядящими въ голубое небо, какъ двѣ восковыя свѣчи, выдѣляющаяся среди небольшихъ домиковъ деревни и зелени садовъ, словно сказочный дворецъ. А на другой сторонѣ стоитъ дворецъ, гдѣ жила когда то Императрица Евгенія, любуясь на чудную Ортакойскую мечеть.

— Вотъ дворецъ Чараганъ, раздается голосъ на палубѣ и глядишь при этихъ словахъ на роскошное зданіе, блескъ, богатство и красоты котораго по внутреннему убранству превосходятъ всѣ европейскіе дворцы. Его длинный фасадъ растянулся по берегу Босфора, превратившись въ тюрьму низверженному султану Мураду, который бродитъ по чуднымъ покоямъ, любуясь видами на Азію изъ оконъ. Въ этомъ же дворцѣ погибъ несчастный его предшественникъ, султанъ Абдулъ Азисъ, казненный страшной смертью, посредствомъ ножницъ, смертью, которая наполнила когда то ужасомъ всю Европу. Даже досадно при видѣ Чараганскаго дворца, что убійца живетъ затворникомъ въ такомъ чудномъ гнѣздѣ, гдѣ малѣйшій предметъ поражаетъ роскошью и изяществомъ. А подъ нимъ на горѣ прячется въ зелени садовъ султанскій дворецъ Илдизъ Кіоскъ, окруженный цѣлымъ городомъ построекъ, садами и площадями, окруженный стѣна-

ми, которыя отдѣляютъ отъ прочаго міра этотъ уголокъ, доступный для немногихъ. Только мраморный мостъ соединяетъ сады султанскаго дворца, полныя экзотической зеленью, съ садами Чараганской тюрьмы. Въ Ильдизъ-Кіоскѣ Абдулъ-Гамидъ принимаетъ пословъ и министровъ, даетъ обѣды и аудіенціи, отсюда изъ дворцовыхъ оконъ онъ глядитъ на свой гаремъ, спрятавшійся въ зелень садовъ, окруженный коврами цвѣтовъ, среди которыхъ кокетливо стоитъ маленькій придворный театръ, глядитъ на бюро, дворцовыя вѣдомства и на роскошную игрушечку мраморную мечеть „Хамидіе" съ однимъ минаретомъ, съ кружевной рѣзьбой бѣлаго мрамора, съ кокетствомъ хорошенькой женщины, съ важностью придворной дамы, съ величіемъ отъ сознанія той роли, которую ей пришлось играть въ царствованіе Абдулъ Гамида, блистающую своими стѣнами. Каждую пятницу султанъ отправляется, какъ повелитель правовѣрныхъ, въ эту мечеть для совершенія своей религіозной обязанности, отъ которой отказаться не имѣетъ права не единый султанъ. Предшественники Абдулъ-Гамида посѣщали каждую пятницу одну изъ большихъ мечетей Стамбула; нынѣшній султанъ, не выѣзжающій за дворцовыя стѣны, отправляется или въ Хамидіе или въ мечеть Бешикъ-Таша, рядомъ стоящаго мѣстечка, гнѣзда всевозможныхъ дворцовъ. Каждую пятницу происходитъ „Селям-ликъ", т. е. торжественная процессія, во время которой султанъ, скромно одѣтый въ черный сюртукъ и самую простую красную феску, въ сопровожденіи двухъ маршаловъ, сидящихъ въ каретѣ, по строгому этикету, противъ султана и одѣтыхъ въ полную парадную форму, отправляется въ мечеть. По бокамъ кареты ѣдутъ служащіе

въ сіяющей золотомъ одеждѣ съ сложенными на груди руками. Въ закрытыхъ каретахъ слѣдуютъ мать султана, называемая Валидэ, и принцессы. Подъ звуки музыки и фанфары подвигается султанъ къ мечети среди занявшихъ всю площадь войскъ.

— Падишахъ чокъ яша! (живи долго, падишахъ) раздается оглушительный возгласъ солдатъ и Абдулъ-Гамидъ входитъ въ мечеть. Послѣ короткой службы и дефилированія бѣлолицыхъ войскъ передъ окномъ мечети, въ которомъ вырисовывается блѣдная фигура султана, проходитъ полкъ зуавовъ, состоящій изъ негровъ въ зеленыхъ тюрбанахъ, короткихъ кофточкахъ и штанахъ краснаго цвѣта. Этотъ пестрый парадъ, который развертывается во всемъ своемъ ослѣпительномъ блескѣ передъ глазами туриста, на долго оставляетъ впечатлѣніе. Въ немъ много театральнаго, непохожаго на реальную жизнь, а сознаніе того, что все, происходящее передъ глазами, болѣе, чѣмъ серьезно, вноситъ сильный диссонансъ и тѣмъ усиливаетъ впечатлѣніе.

Непосредственно за Бешикъ-Ташемъ, начиная собой Константинополь, тянется, блистая своими бѣлыми мраморами, сіяя золотыми рѣшетками, волшебный дворецъ Дольма-Бахче (насыпной садъ). Это какая-то волшебная декорація изъ сказочной феерія, это замокъ какой-нибудь добродѣтельной феи изъ апоѳеоза роскошно поставленнаго балета. Дольма-Бахче выдвигается передъ глазами въ проходящей панорамѣ, словно выростаетъ изъ голубыхъ струй Босфора по мановенію волшебнаго жезла, словно онъ только-что вынырнулъ изъ волнъ и усѣлся у самаго берега, блистая рѣшетками и гирляндами изъ золота, одѣвающими сплошной сѣтью бѣ-

лые мраморы, которые, какъ обсыпанные брильянтовой пылью, сіяютъ въ изящныхъ колоннахъ, вазахъ, барельефахъ, въ удивительной рѣшеткѣ, вырисовывающейся волшебными тенетами на фонѣ южной зелени. Въ садахъ между подушками миртовъ, на бархатныхъ газонахъ плещетъ фонтанъ и изъ пиній появляются такія необычайные ворота, покрытые сплошь рельефами, что положительно теряешь способностъ воспринимать. Глядя на этотъ дворецъ, не то театръ, не то храмъ въ колоннадахъ и золотыхъ нитяхъ, понимаешь, что государство можетъ обѣднѣть, такъ много богатствъ снесено въ Дольма Бахче. Попасть въ залы этого дворца почти невозможно, а его убранство, говорятъ, поражаетъ еще больше наружнаго вида. Этотъ оффиціальный дворецъ, выстроенный еще при Абдулъ-Меджидѣ (1853 г.) архитекторомъ Вальяно, не дозволяетъ ужъ любоваться ни большими казармами, ни высоко стоящимъ громоздкимъ зданіемъ нѣмецкаго посольства, ни предмѣстьями Царь-града, Фундукли и Тофане.

Мы подвигаемся все дальше и дальше, Босфоръ разступается, дачи и виллы сгроможденныя вмѣстѣ стѣсняются, минареты все чаще и чаще стрѣляютъ въ синее небо, панорама развертывается все быстрѣе и быстрѣе, точно передъ нами раскрываютъ заразъ всѣ страницы альбома, словно мы летимъ по музею, гдѣ утомляется глазъ, разглядывая безчисленныя рѣдкости.

На лѣво стелется по Азіатскому берегу Скутари, за которымъ поднимаютъ свои вершины гора Чамлища, увѣнчанная деревомъ и знаменитая видомъ, и гора Алемдагъ, потонувшая въ синеватой дымкѣ. У берега Скутари бѣлѣетъ среди водъ башня

Леандра, а съ другой стороны на европейскомъ берегу спускается Пера съ своими магазинами, отелями, массами домовъ по уступамъ горъ къ торговой и шумной Галатѣ, вѣчно суетящейся у береговъ Босфора и Золотаго Рога, который отдѣляетъ ее отъ Стамбула. Далеко выдается между Мраморнымъ моремъ, за которымъ синѣютъ Никомедійскія горы съ ослѣпительной снѣжной шапкой Виѳинскаго Олимпа, и Золотымъ Рогомъ, лентой опоясывающимъ Стамбулъ съ одной стороны, зеленый мысъ Сераля съ его садами, темными кипарисами, кіосками, стѣнами и остатками прежняго величія— дворцовъ Юстиніана, гдѣ прежде ютились въ гаремахъ красавицы завоевателей султановъ былыхъ временъ. Облитый солнцемъ, словно затканный золотой паутиной, разлегся громадный Стамбулъ между серпомъ Золотаго Рога и голубой Пропонтидой и глядитъ съ своихъ знаменитыхъ семи историческихъ холмовъ безчисленными минаретами и куполами на кишащую по ту сторону рога средневѣковую пеструю Галату, надъ которой царитъ ея неуклюжая и тяжелая башня. Невольно глазъ отъискиваетъ Св. Софію между безчисленными мечетями, которыя глядятъ среди блестяще бѣлыхъ минаретовъ, вѣнчающихъ знаменитые византійскіе холмы. Словно это громадный магометанскій алтарь, на которомъ водружены безчисленныя восковыя свѣчи во славу Аллаха и перемѣшанныя съ черными минаретами кипарисовъ они кажутся еще бѣлѣе, еще ослѣпительнѣе. А между амфитеатромъ зданій и домовъ, хаотической кучей спускающихся къ водамъ, снуютъ пароходы, корабли, каюки, барки. Дивный апоѳеозъ для волшебной феерiи береговъ Босфора, даже послѣ сказочнаго блеска дворца

Дольма-Бахче черпаешь новыя силы для впечатлѣній, глядя на сердце Ислама въ Европѣ, глядя на лѣса минаретовъ, ползущихъ по голубому небу, какъ побѣдоносныя стрѣлы, глядя на семь холмовъ стараго владыки міра, глядя на поразительный пестро раскрашенный силуэтъ Царь-града, который охватываетъ, подавляетъ, восхищаетъ.

8.

Константинополь.

(Путь до отеля. Исторія и легенды Византіи).

Въ извѣстныя лѣта быть естественнымъ, значитъ, быть необыкновеннымъ.

Ив. Тургеневъ.

Еще при въѣздѣ парохода въ Босфоръ, къ нему направился съ берега чиновникъ, чтобы исполнить всѣ требованія карантина, которыя однако ограничивались бѣглымъ взглядомъ на привезенный скотъ. Не успѣлъ нашъ пароходъ бросить якорь противъ Галаты, вблизи русскаго агентства, какъ со всѣхъ сторонъ съ поразительной стремительностью полетѣли къ Чихачеву тысячи каюковъ, тяжелыхъ барокъ и другихъ лодокъ. Это была настоящая осада. Въ кашѣ мелкихъ судовъ съ крикомъ, руганью толкались, опережали другъ друга, качались во всѣ стороны пестрыя чалмы и красныя фески. Еще визжала желѣзная цѣпь, погребая въ волнахъ тяжелый якорь, а лѣсенки ужъ скрипѣли со всѣхъ сторонъ. Словно обезьяны, съ отчаяніемъ на лицѣ, споря за первенство и за добычу, ползли со всѣхъ сторонъ самыя разнообразныя рожи, крича, шумя и ругаясь. Невозможно описать, что произошло на

палубѣ. Это была буквальная битва подъ акомпаниментъ визжанія цѣпей, пароходнаго свиста, мычанья испуганныхъ воловъ. Налетѣвшая толпа тащила чемоданы, пледы, самихъ пассажировъ, волоча все въ лодочки. Нѣкоторые иностранцы отбивались зонтиками и палками, еще болѣе опытные колотили вправо и влѣво. Тутъ зѣвать не приходится, иначе вашъ багажъ попадетъ въ разныя руки и найти его будетъ почти невозможно. Шумъ, визгъ, свистъ, гвалтъ, стукъ, крикъ стоитъ такой ужасный, что не разслышать свой собственный голосъ. Къ счастью, мы ожидали это вавилонское столпотвореніе и заперли наши вещи въ каютѣ. Рѣшивъ заранѣе остановиться въ Hôtel de France, мы отыскали комиссіонера отеля и, сдавъ ему наши вещи, спустились по трапу въ барку. Усатые гребцы въ фескахъ стали выбираться изъ этой каши судовъ около плѣненнаго Чихачева, на которомъ гоготала и кричала толпа, визжали краны, выплевывая изъ нѣдръ и подземелій товары на палубу, пыхтѣла машина и свистѣли пары, вырываясь изъ трубъ бѣлыми облаками. Мы лавировали между каюками, пароходиками и барками, наши гребцы ругались со встрѣчными, комиссіонеръ нѣсколько разъ вскакивалъ и грозился кулаками задѣвавшимъ насъ бортомъ каюка гребцамъ. Вотъ мы подъѣхали къ шумной и грязной Галатѣ, къ берегу, гдѣ выглядывала изъ за кучъ тюковъ очень непрезентабельная таможня. Здѣсь пришлось показать свой паспортъ и подвергнуться осмотру. Какъ это дѣлается во время дождей, Аллахъ вѣдаетъ. На наше счастье погода была превосходная. Вещи осматриваютъ совсѣмъ по первобытному способу подъ открытымъ небомъ на невѣроятно грязной набережной.

Особенная комиссія бываетъ съ книгами, такъ какъ вреда печатаннаго слова здѣсь особенно боятся и конфискуютъ все, что кажется сомнительнымъ чиновнику.

Здѣсь намъ пришлось познакомиться съ всесильнымъ словомъ не только Турціи, но и востока: „бакшишъ“ („даръ, даянье“). Этотъ бакшишъ, наше „на чай“ или „на водку“, преслѣдуетъ иностранца повсюду, это тѣ „чаи“, которые всесильны остановить осмотръ багажа, которые способны расправить морщины у восточника, которые у иностранца являются долгомъ на каждомъ шагу. Безъ бакшиша въ Турціи не на шагъ, колоссальный бакшишъ растворяетъ даже двери Дольма-Бахча.

— Это первое слово, которому научается въ Турціи ребенокъ, сообщилъ намъ комиссіонеръ отеля.

Мой французъ везъ съ собой скрипку и револьверъ и чиновникъ, нашедши то и другое (скрипку впрочемъ, мы не прятали, не считая ее въ числѣ запрещенныхъ вещей), объявилъ, что онъ не можетъ пропустить этихъ вещей. Но лишь только рука его почувствовала реализацію лучшаго для него на свѣтѣ слова, какъ все было пропущено и чемоданъ француза не былъ даже развязанъ.

Комиссіонеръ сдалъ наши вещи носильщику, а мы втроемъ пошли въ городъ. Узкія улицы съ грязной и невозможной мостовой, съ массой лавчонокъ, кофеинъ, латковъ, за которыми торчатъ самые разнообразные люди съ пирогами, халвой, фисташками, вертелами, на которыхъ тутъ-же изготовляется шашлыкъ. Шумъ и гамъ, толчея невообразимая. И что за лица, что за костюмы! Такъ бы и не ушелъ съ мѣста, такъ бы и глядѣлъ на про-

ходящихъ, не будучи все еще въ силахъ помириться съ дѣйствительностью и повѣрить, что находишься въ Константинополѣ. Комиссіонеръ привелъ насъ къ вагонамъ воздушной желѣзной дороги, которая, двигаясь подъ землей, доставляетъ публику изъ низко лежащей Галаты въ Перу, высоко забравшуюся на гору и спускающуюся крутыми, узкими и грязными улицами въ старое торговое, генуэзкое предмѣстье Царь-града.

Въ Константинополѣ пробылъ я нѣсколько дней, съ утра до вечера разглядывая всѣ достопримѣчательности и оригинальности турецкой столицы. Отъ отеля мы получили проводника по 8 франковъ въ день и остались имъ очень недовольны, такъ что пришлось смѣнить его. Оказалось, что онъ плохо знакомъ съ достопримѣчательностями города, страшно лѣнивъ на подъемъ и при всякой покупкѣ, при всякой поѣздкѣ обсчитывалъ насъ самымъ нахальнымъ образомъ.

Въ Константинополѣ такъ все не походитъ на то, къ чему мы привыкли, что даже каждая мелочь заслуживаетъ вниманія. Только элегантная, и то сравнительно, Пера, высоко лежащая на холмахъ и спускающаяся амфитеатромъ къ Босфору и Золотому Рогу, походитъ на Европу. Стоя у окна въ нашемъ отелѣ и глядя на узкія улицы, гдѣ надрывались отъ крика всевозможные торговцы, мнѣ казалось, что я нахожусь въ одномъ изъ большихъ итальянскихъ городовъ. Какъ-то трудно вѣрилось, что это Константинополь, Турція, хотя сюда чаще и чаще заглядываютъ туристы. И такъ я былъ въ городѣ, гдѣ болѣе 1200 лѣтъ тому назадъ христіанскіе колонисты изъ Мегары основали городъ. Этотъ городъ подпадалъ власти персовъ,

когда Дарій переправился съ своимъ гигантскимъ полчищемъ черезъ Босфоръ, власти спартанцевъ при Павзаніѣ, одержавшемъ побѣду при Платеѣ и прогнавшемъ персовъ, власти аѳинянъ при Кимонѣ и Алкивіадѣ и снова власти спартанцевъ при Лизандрѣ. Какъ странно бродить по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ когда-то шествовали герои латинскихъ уроковъ и древней исторіи.

Съ трудомъ отстоялъ городъ свою власть во время отступленія 10 тыс. грековъ при Ксенофонтѣ, томъ самомъ Ксенофонтѣ, подстрочные переводы котораго прячутъ гимназисты въ столы и по которымъ приготовляютъ переводы Anabasis'а къ греческимъ урокамъ. Сколько въ этомъ воспоминаній! Городъ, подкрѣпленный силами изъ Аѳинъ, выдержалъ осаду Филиппа Македонскаго и самъ не разъ оказывалъ помощь въ войнахъ Рима съ Митридатомъ, Антіохомъ и др., за что и былъ объявленъ свободнымъ городомъ. Городъ благоденствовалъ нѣсколько столѣтій и поражалъ всѣхъ красотами и богатствомъ, пока (въ 196 году послѣ Р. Х.) Септимій Северъ не разрушилъ Византію за то, что она три года стояла за его противника. Византія погибла тогда въ страшномъ погромѣ. Много лѣтъ лежалъ городъ въ развалинахъ, потерявъ имя главнаго города провинціи и только при Константинѣ Великомъ, этомъ христіанскомъ орлѣ, началась новая жизнь и новая исторія Византіи (330-й годъ). Константинъ осаждалъ своего соперника Лицинія въ окрестностяхъ Византіи и здѣсь, какъ говоритъ легенда, на азіатскомъ берегу Босфора явилось передъ нимъ знаменитое видѣніе креста съ надписью: „симъ побѣдиша". Тогда Константинъ перенесъ свою столицу въ Византію, въ свой „Новый

Римъ“ (Roma nova), и 40 дней длились праздники и торжества освященія новой столицы, которую потомки окрестили Константинополемъ. Лѣтопись Нестора приписываетъ учрежденіе столицы въ Византіи сну Константина, во время котораго таинственный голосъ объявилъ, что „въ Византіи подобаетъ Константинъ-граду создатися“. И царь, слѣдуя сну, выстроилъ роскошные дворцы, гипподромъ, дома сановникамъ и вельможамъ, церковь святой Софіи, святыхъ Апостоловъ, святой Ирины, святаго Макѣя, святаго архангела Михаила и др., провелъ сладкія воды и издалъ эдиктъ, что всѣмъ, прибывающимъ въ Новый Римъ, дается масса льготъ и привиллегій. И въ короткое время Константинополь могъ спорить по численности населенія съ Римомъ. На главномъ форумѣ Константинъ поставилъ высокую порфировую колонну, украшенную статуей Аполлона, около дворца устроилъ другой форумъ Augusteum и закончилъ начатый Северомъ пре-роскошный гипподромъ, украшенный статуями, колоннами, аркадами и другими произведеніями искусства изъ Греціи и Малой Азіи. Тогда-же былъ привезенъ изъ Дельфъ знаменитый золотой треножникъ и поставленъ въ серединѣ гипподрома на змѣиной колоннѣ. Гигантскія стѣны, напоминающія стѣны Вавилона и сохранившіяся до нашихъ дней, оцѣпили городъ отъ Мраморнаго моря до Золотаго Рога, создавъ гигантскій щитъ прекрасному городу. Городъ украшался постоянно, то знаменитой цистерной въ 1001 колонну для воды на случай осады города, такой величины, что въ ней могли спрятать не только всѣ сокровища столицы, но и всѣхъ жителей, то водопроводомъ ввидѣ громадныхъ двухъярусныхъ арокъ, смѣло переброшенныхъ надъ го-

родомъ императоромъ Валентомъ († 378 г.), то гигантскимъ обелискомъ на площади гипподрома и золотыми воротами (Porte aureea) со временъ Ѳеодосія Великаго. При Аркадіи и Гоноріи, сыновьяхъ Ѳеодосія, произошло распаденіе Римской имперіи и Аркадій, какъ первый восточно-римскій владыка, продолжалъ украшать свою столицу. Городъ росъ, окружался новыми рядами стѣнъ и рвовъ, ограждая себя отъ нашествія варваровъ.

И теперь, бродя по Константинополю и глядя на эти памятники глубокой древности, переживавшіе красные и черные дни съ Константинополемъ, дивишься ихъ массивной постройкѣ, ихъ прочности, передъ которой созданія современной архитектуры кажутся такими жидкими и неустойчивыми. Даже красотой они превосходятъ современное искусство, красотой, которая глядитъ изъ тысячалѣтняго прошлаго, о которомъ остались воспоминанія.

При Юстиніанѣ страшное возстаніе „Ника“ превратило часть города въ развалины, но императоръ украсилъ и востановилъ еще болѣе столицу. Кто не помнитъ о ристалищахъ зеленыхъ и голубыхъ и ихъ ненависти изъ уроковъ исторіи, кто не помнитъ блестящую императрицу Ѳеодору, бывшую пѣвицу и актрису, и Велизарія, усмирившаго страшное возстаніе, начавшееся въ гипподромѣ 13 января 532 г., во время котораго погибло 30 тыс. человѣкъ. При Юстиніанѣ была построена нынѣшняя турецкая мечеть, знаменитая святая Софія, роскошный дворецъ, конная статуя Юстиніана, колоссальная статуя Ѳеодосія Великаго также на конѣ и многія другія. Трудно себѣ представить, какъ роскошно украшенъ былъ городъ прежде, сколько колоссальныхъ статуй было всюду, прежде бывавшіе въ Кон-

стантинополѣ древніе путешественники описываютъ статуи Юноны, Всадника, Геркулеса, группы гиппопотама, слона, свиньи и волчицы, коня, сфинксовъ, осла, человѣка со львомъ, Василиска и Аспида и многія другія, которыя поражали своей величиной. Голову Юноны едва могли стащить съ мѣста 4 быка, а палецъ Геркулеса былъ толщиною въ станъ взрослаго человѣка. И всѣ эти бронзовыя и мѣдныя статуи и группы были разбиты уничтожены и проданы на вѣсъ во время латинскаго погрома.

Послѣ Юстиніана, оставившаго знаменитый до нашихъ дней сводъ законовъ: „Corpus juris civilis“, этотъ фундаментъ для всѣхъ новѣйшихъ законовъ, для Константинополя настаютъ бурныя времена нашествій варваровъ, персовъ, болгаръ, арабовъ и русскихъ. Къ этому времени относится и исторія о томъ, какъ хитрые монахи принесли изъ Китая коконы шелковичныхъ червей, спрятанные въ пустыя палки.

Во время правленія императора Константина Багрянороднаго великая княгиня Ольга приняла христіанство въ Царь-градѣ. Дворецъ, въ то время стоявшій на мысѣ Сераля, блисталъ такой роскошью, позолотой и мозаикой, что поражалъ всѣхъ посѣщавшихъ царскіе покои. Мозаика изображала лики святыхъ и сцены изъ священной исторіи. Весь дворецъ напоминалъ церковь и соединялся массой мраморныхъ галлерей съ Софійскимъ соборомъ.

Даже одежды царей были священническія и состояли изъ парчевыхъ ризъ, митръ, украшенныхъ драгоцѣнными камнями, и крестовъ. Также и всѣ церемоніи при дворѣ были совершенно религіознаго характера съ ношеніемъ хоругвей, съ пѣніемъ клировъ. Императоры принимали пословъ въ золо-

тыхъ палатахъ, которыя были круглой формы съ выступами, такъ что имѣли видъ звѣздъ. Серебряныя массивныя двери вели въ эти покои, полы которыхъ и стѣны блистали драгоцѣнными мраморными и золотыми мозаиками. Съ потолковъ висѣли серебряные свѣтильники, на полу стояли 62 блестящихъ подсвѣчника. На хорахъ стояли драгоцѣнные сосуды и чаши. Особенно блестяще былъ устроенъ „Соломоновъ столъ“ Константина, который былъ чудомъ искусства и стоялъ въ одной изъ роскошнѣйшихъ палатъ. Золотые львы лежали по бокамъ осыпаннаго драгоцѣнностями престола, надъ нимъ сидѣли золотыя птицы, ниже были золотыя сѣдалища и вблизи сіялъ алмазами золотой крестъ Константина. Тутъ же было золотое дерево съ массой золотыхъ птицъ, раскрашенныхъ цвѣтной эмалью въ пестрыя краски. Одинъ огромный золотой и два серебряныхъ органа помѣщались здѣсь-же въ палатѣ. Въ торжественныя минуты подъ музыку органовъ подымались золотые львы и грозно рычали, птицы надъ трономъ и на деревѣ пѣли на всевозможные лады. Какъ было не поражаться подобнымъ диковинкамъ Царь-града.

Послы Владиміра были изумлены блескомъ и торжественностью богослуженія грековъ и красотами заморскаго города.

Во время царствованія Алексѣя Комнена крестоносцы подъ предводительствомъ Готфрида Бульонскаго посѣтили Царъ-градъ и, проходя у Босфора, отдыхали подъ историческимъ платаномъ, извѣстнымъ подъ именемъ „семи братьевъ“ (1097 г.).

Почти черезъ сто лѣтъ (1147) крестоносцы втораго похода къ гробу Господню прошли Царь-градъ. Населеніе города въ это время стало слабѣть и не

имѣло силъ защищаться отъ корсаровъ и набѣговъ варваровъ, такъ что должно было пользоваться наемниками.

При Комненахъ и Ангелахъ государство шло быстрыми шагами къ ничтожеству. Сосѣди отнимали пограничныя страны, итальянцы взяли въ руки всю торговлю, пораженіе за пораженіемъ сыпалось со всѣхъ концовъ. Въ 1205-мъ году подъ предводительствомъ слѣпаго дожа Дандоло 40 тыс. крестоносцевъ подплыли къ Константинополю. 30 лѣтъ тому назадъ, когда во время войны дожъ, какъ посолъ, прибылъ въ Константинополь, онъ былъ ослѣпленъ вогнутымъ зеркаломъ, сильно отражавшимъ солнечные лучи и наведеннымъ ему прямо въ глаза. 9 мѣсяцевъ длилась осада города, онъ былъ взятъ. Возстанія, пожары и погромы обратили его въ груды пепла. Церкви, дворцы, даже могилы не были пощажены, съ трупа Юстиніана были содраны одежды. Кучи драгоцѣнностей, несмѣтныя богатства были расхищены венеціанцами и ихъ товарищами, участниками въ 4-мъ крестовомъ походѣ. Въ это время погибли многіе памятники, о которыхъ сохранились только сказанія очевидцевъ. Въ это тяжкое время погибли дворцы на мысѣ Сераля, гигантскія статуи и группы, роскошный Влахернскій дворецъ, бронзовыя фигуры были перелиты въ монету и пощажены были только лошади Лисипса, перевезенныя въ Венецію, гдѣ они до сихъ поръ стоятъ на соборѣ св. Марка. Балдуинъ Фландрскій, какъ король, былъ коронованъ въ св. Софіи, но и это королевство быстро пало, подточенное враждой и интригами. При послѣднемъ христіанскомъ царѣ Михаилѣ Палеологѣ свершилось грозное событіе — паденіе Византіи. Византія пала, отчаянно защищаясь, выбиваясь изъ послѣднихъ силъ, пала разнѣженная, развращенная, слабая и жалкая, но прекрасная и богатая, собравъ все, что въ ней было сильнаго, хорошаго и передъ смертью превратившись въ героиню, которую украсилъ мученическій вѣнецъ. Магометъ второй, сидя съ своими дикими полчищами въ Румели-Гиссарѣ, рѣшилъ разсорить прекрасный городъ, разстилавшійся, словно чудная декорація передъ его глазами. Два героя выступили въ защиту христіанства, два орла своего времени, передъ которыми должно склониться все почитающее доблестное и прекрасное. Одинъ изъ нихъ былъ послѣдній императоръ Михаилъ Палеологъ, другой генуэзецъ Джустиніани, бросившійся въ защиту христіанства, зажигавшій всюду мужество и отвагу, вносившій съ собой повсюду побѣду и ободреніе.

Магометъ велѣлъ перетащить свой флотъ изъ Босфора въ Золотой Рогъ на деревянныхъ балкахъ по землѣ, такъ какъ цѣпь закрыла входъ кораблямъ въ гавань Византіи. Бой былъ ужасный, небывалый, нечеловѣческій. Это дрались не люди, а дрались двѣ страшныя силы. Осажденные падали, падали и осаждающіе. Пальба пушекъ, стоны и рыданія, крики и громъ все смѣшалось въ страшный хаосъ. И каждый день турки шли новымъ приступомъ и каждый день кровавые потоки, и стоны, и крики, и плачъ и отчаяніе проносились надъ роскошнымъ Царь-градомъ.

Въ теченіи двухъ мѣсяцевъ много разъ турки врывались въ городъ, но христіане подъ предводительствомъ своихъ двухъ героевъ-вождей изгоняли врага и покрывали улицы его трупами. Императоръ былъ всюду наравнѣ съ солдатами, защищая изо всѣхъ силъ свой городъ. Джустиніани былъ

раненъ. Паника овладѣла всѣми, когда молва объ этомъ пролетѣла по городу. Но и раненый онъ велѣлъ приносить себя къ стѣнамъ и ободрялъ византійцевъ. Смерть Джустиніани была смертнымъ приговоромъ Византіи и, хотя императоръ, не слушая совѣтовъ сановниковъ покинуть городъ, по прежнему разгонялъ враговъ, мужество у гражданъ пало. Прекрасная легенда о послѣднихъ часахъ Византіи находится въ воскресенской лѣтописи. Магометъ 2-й, видя, что городъ не взять, видя гибель турокъ и безполезность осады, собралъ военный совѣтъ, рѣшая отступить отъ христіанской твердыни. Громадная туча повисла надъ городомъ и изъ ея кровавыхъ глазъ закапали слезы. Это явленіе было объяснено султану, какъ паденіе города, и Магометъ снова напалъ на Византію. А въ городѣ предвидѣли гибель еще раньше, черная туча, тяжело повисшая надъ Византіей, удвоила горькую вѣру въ погибель и сановники съ слезами уговаривали царя покинуть столицу. Но царь не сдался на просьбы и остался раздѣлить горькую участь своего народа. 29-го мая разъигрался послѣдній страшный бой, стонали люди, стонало оружіе, стонали камни. Царь причащался во Святой Софіи святыхъ таинъ и прощался съ народомъ. Онъ зналъ, что его часъ пришелъ и что гибель неизбѣжна и плакалъ горько народъ, прощаясь съ своимъ царемъ и онъ зналъ, что не видать ему завтрашней зари.

Императоръ палъ въ ужасной схваткѣ, палъ великій Константинополь, пала великая Византія, царь городовъ. Когда Магомету принесли голову послѣдняго Цезаря, онъ поцѣловалъ закрывшіяся уста, и велѣлъ патріарху выставить ее передъ Со-

фійскимъ соборомъ на колоннѣ до вечера, какъ святыню, украсивъ ее золотомъ и драгоцѣнностями. Тѣло же было похоронено съ почестями.

Между лавченками сапожника и другихъ мелкихъ торговцевъ покоится тѣло послѣдняго Палеолога подъ бѣлымъ гладкимъ камнемъ, надъ которымъ склонилась одинокая ива.

Ужасы царили въ Византіи, тысячи людей были зарублены, тысячи попали въ жестокую неволю, священные сосуды были разбиты, рѣдкія и драгоцѣнныя картины въ церквяхъ стерты и вмѣсто крестовъ заблистали полумѣсяцы. Святая Софія, воскрешенная Юстиніаномъ изъ развалинъ прежней константиновской Софіи, была обращена въ мечеть. Турецкіе варвары были ослѣплены и подавлены красотой этого храма, драгоцѣнными каменьями, блиставшими въ окованныхъ серебромъ и золотомъ 365-ти престолахъ, ея пестрыми мраморами, безчисленными ангельскими ликами, глядѣвшими съ идеальнаго купола. Магометъ-же 2-й сбилъ головы съ змѣиной колонны на гипподромѣ, опасаясь скрытыхъ въ нихъ чаръ. Цѣлый длинный рядъ султановъ послѣдовалъ на мѣстѣ прежнихъ императоровъ, султановъ воинственныхъ и жестокихъ, настоящихъ азіатскихъ варваровъ, султановъ слабыхъ и развратныхъ, злыхъ и преступныхъ. Въ Стамбулѣ, столицѣ отоманскаго царства, строились мечети въ честь Ислама, побѣдоносно выроставшаго на семи холмахъ, простиравшаго свои пальцы минаретами въ голубое небо, созидавшагося на награбленныя богатства, на добычи отъ раззоренія христіанскихъ городовъ. Это настоящіе надгробные памятники былыхъ царствъ, между которыми величественная Софія, проматерь всѣхъ стамбульскихъ мечетей,

такъ какъ ее рабски копировали и подражали ея величественной красотѣ до мелочей, водружая свои минареты во славу своему Аллаху, служитъ памятникомъ на могилѣ великаго Новаго Рима, былому православію и павшимъ въ защитѣ ея святынь героямъ.

Одинъ изъ султановъ Махмудъ 2-й нанесъ самъ сильнѣйшій ударъ своему государству, лишивъ свой тронъ непобѣдимаго оплота, передъ которымъ дрожали всѣ враги, онъ нанесъ ударъ въ самое сердце, истребивъ янычаръ, передъ которыми склонялось все, которые не знали преградъ, для которыхъ не существовало горъ, рѣкъ, стѣнъ, пушекъ, голода и жажды, холода и жары, огня и воды, дыханье которыхъ былъ непобѣдимый страшный фанатизмъ, превратившій ихъ полки въ нечеловѣческую стихійную силу, въ лермейскую гидру, которая при пораженіяхъ становилась еще сильнѣй, еще страшнѣй. Это была титаническая несокрушимая сила, двигавшаяся, какъ кипящая лава, какъ ледяная лавина, какъ бѣшеный потокъ, какъ полчище демоновъ съ ихъ смертоносными ятаганами. Меня всегда удивляла эта сила, которая была выработана поколѣніями, которая выросла въ оторванныхъ отъ семьи мальчикахъ насчетъ всѣхъ нравственныхъ чувствъ, насчетъ любви, насчетъ добра. Все, и любовь, и право, и законъ, было для янычара въ его ятаганѣ, въ его кривой саблѣ, которой онъ рубилъ пополамъ христіанъ. Отъ янычаръ зависѣло все. Война была не мыслима, если янычары отказывались воевать, когда-же они шли на войну, то шли, какъ волки, шли, какъ саранча, сожигая и истребляя все, что встрѣчалось. Для нихъ ни въ чемъ не было запрета, не имѣя ничего, имъ принадлежало все, не имѣя женъ, всѣ женщины были имъ женами, не имѣя главы, они сами были всѣмъ господами и все должно было преклоняться и дрожать передъ ними. Султаны нерѣдко зависѣли отъ нихъ. Султанъ Селимъ 3-й, видя ростъ этой страшной силы, видя свою зависимость отъ толпы янычаръ, рѣшился покончить съ ними, но за смѣлую попытку поплатился головой. Городъ пылалъ постоянно, сжигаемый янычарами, которые брали отступное отъ домохозяевъ, соглашаясь за опредѣленную сумму денегъ тушить пожаръ или совсѣмъ не поджигать нѣкоторыя строенія. Это были варвары, которые не видѣли границъ своимъ страстямъ нигдѣ, это были разбойники, обиравшіе всякаго прохожаго и проѣзжаго, убійцы, которые душили и рѣзали и христіанъ и правовѣрныхъ иногда ради каприза, иногда съ цѣлью грабежа, иногда отъ скуки. Они мстили даже султану за всякое ничтожное недовольство ужасающими пожарами и грабежами. Махмудъ 2-й рѣшилъ покончить съ янычарами, хотя понималъ, безъ сомнѣнія, что упраздненіемъ этой силы онъ нанесетъ страшный ударъ государству, а потому, задаривъ и подкупивъ начальника янычаръ и всѣхъ кого только онъ могъ, онъ рѣшилъ пересоздать уставъ для янычаръ, введя въ него дисциплину и оставляя неприкосновенными всѣ обычаи старины. Еще за два года до изданія и провозглашенія новаго янычарскаго устава (въ 1821 году) въ предмѣстьи Фанаръ вспыхнуло страшное возстаніе грековъ, выведенныхъ изъ терпѣнія грозной тираніей турокъ и необузданностью царскаго войска. Возстаніе было подавлено, султанъ хотѣлъ застращать несчастныхъ грековъ ужасомъ казней, десятки головъ полетѣли безъ суда и разспросовъ съ плечъ, главный греческій санов-

никъ былъ торжественно казненъ на площади, а патріархъ Григорій, который наружно не участвовалъ въ возстаніи и даже отлучилъ отъ церкви, по требованію турецкаго правительства всѣхъ главныхъ зачинщиковъ возстанія съ Ипсиланти во главѣ, былъ схваченъ 22-го апрѣля 1821 года въ субботу подъ свѣтлое воскресенье по приказанію Махмуда, отлично знавшаго, что патріархъ сочувствовалъ возстанію и давалъ совѣты, помощь и благословеніе всѣмъ фанарскимъ грекамъ. Патріарха свергли и повѣсили на желѣзныхъ воротахъ патріархіи въ Фанарѣ на берегу Золотаго Рога. Въ тотъ-же страшный день избіенія христіанъ были казнены три митрополита: эфесскій, никомидійскій и антіохійскій. Тѣло Григорія было отдано на поруганіе жидамъ, которые, послѣ всякихъ безчинствъ, утопили его въ морѣ. Это страшное возстаніе, жалобы пословъ и личная зависимость подвинули султана поступить круто, когда тысячи янычаръ, недовольные новымъ указомъ, собрались на площади мяснаго рынка и стали возмущать черпь. Загорѣлись дворцы великаго визиря и многихъ сановниковъ. Янычары безчинствовали, убійства, грабежи, насиліе шли повсюду съ ними. Ужасъ и отчаяніе овладѣли городомъ. Махмудъ велѣлъ вынести изъ стараго Сераля святое святыхъ всѣхъ турокъ— зеленое дырявое знамя пророка, которое обыкновенно завернуто въ 40 шелковыхъ покрывалахъ, и поднять на площади гипподрома. Тогда весь народъ, всѣ войска, все бросилось подъ священное знамя, все возстало противъ бунтовавшихъ янычаръ, которыхъ осадили на одной изъ площадей. Тутъ произошло неописуемое зрѣлище, наполнившее ужасомъ всѣхъ очевидцевъ. Янычары метались

въ отчаяніи съ воплями среди огня и дыма зажженнаго со всѣхъ концевъ рынка, ихъ стрѣляли, хватали убѣгающихъ и бросали въ шипящій адъ, гдѣ извивались въ предсмертныхъ мукахъ возставшіе. Народъ сталъ звѣремъ и выместилъ долголѣтнія муки и поруганіе этимъ несокрушимымъ людямъ. Ихъ топили въ цистернахъ, душили, рубили, разрывали на части одичавшіе горожане. Болѣе 20 т. янычаръ были истреблены за это время. Ихъ гніющія тѣла заразили рыбу, которую нельзя было ѣсть въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Янычары погибли, а съ ними гроза Турціи, превратившейся въ безсильный трупъ, отъ котораго постоянно отрываютъ куски. Братъ Махмуда 2-го, султанъ Абдулъ-Азисъ погибъ страшной смертью подъ лезвіями ножницъ въ роскошномъ Чараганскомъ дворцѣ, гдѣ томится теперь его убійца. Пѣсня Турціи подходитъ къ концу, это чувствуютъ и сами турки, вѣрящіе во всѣ легенды, которыя говорятъ о томъ, что снова крестъ заблеститъ надъ святой Софіей и имъ придется отступить по той-же дорогѣ въ Азію, по которой пришли въ Европу. И теперь бы Константинополь могъ быть снова христіанскимъ городомъ, теперь бы оправдались многія пророчества и легенды, если бы русскія войска въ 1878-мъ году не повернули бы на сѣверъ изъ деревушки Сан-Стефано, лежащей въ часовомъ разстояніи отъ Царь-града, а пошли бы къ историческимъ стѣнамъ древнихъ императоровъ, къ которымъ въ отдаленные вѣка много разъ подходили наши князья или подплывали со стороны Босфора, гдѣ Олегъ повѣсилъ свой щитъ. Пора было войти въ ворота семибашеннаго замка и водрузить трехцвѣтный флагъ и золотой крестъ въ тѣхъ мѣстахъ,

гдѣ мы получили христіанство. Еще теперь разсказываютъ легенду, что при постройкѣ Константинополя появился громадный змѣй, не мало напугавшій жителей. Однажды изъ облаковъ упалъ на змѣя громадный орелъ и, поднявшись въ небеса, долго боролся съ нимъ, но змѣй одолѣлъ и оба борца рухнули на землю, гдѣ жители убили змѣя и освободили орла. И въ отдаленныя времена мудрецы объявили, что змѣй есть басурманское знаменіе, а орелъ — христіанское, побѣда змѣя предвѣщаетъ побѣду басурманства надъ христіанствомъ, а убійство змѣя и спасеніе орла, что христіанство снова одолѣетъ басурманство. И много есть пророчествъ и легендъ, въ которыя вѣрятъ и христіане и магометане, и какъ-же не вѣрить, когда уже сбылась первая половина легенды о змѣѣ и орлѣ. Вопросъ только во времени, но что придетъ этотъ день побѣды креста и низверженія полумѣсяца въ этомъ даже турки не сомнѣваются, а роковой ходъ исторіи все ближе и ближе придвигаетъ день, когда сбудется и конецъ легенды о змѣѣ и орлѣ.

9.

Константинополь.

(Галата. Мостъ. Уличная жизнь. Старый Сераль. Фонтанъ Ахмеда. Св. Софія).

Слезы, что гроза, послѣ нихъ
человѣкъ всегда тише.

Ив. Тургеневъ.

Всѣ историческія событія, которыя пронеслись надъ Константинополемъ, сразу нахлынули ко мнѣ бурнымъ потокомъ, когда я стоялъ у окна отеля и глядѣлъ на тонувшій въ золотой дымкѣ Стамбулъ. Еще на пароходѣ я перелистывалъ книгу исторіи древней Византіи и теперь, находясь вблизи старыхъ семи холмовъ, видѣлъ тѣни прошедшихъ поколѣній, видѣлъ всѣ эти кровавыя битвы и расправы, грозныя казни и былой блескъ Византіи. Сначала Константинополь, какъ бы осадилъ меня, я не чувствовалъ подъ собой почвы, а потомъ захотѣлось скорѣе летѣть, все видѣть, все знать.

Мы отправились въ Айя-Софія прежде всего, для чего спустились снова въ Галату изъ Перы по подземной желѣзной дорогѣ и по пути зашли въ почтовыя конторы Франціи и Россіи. Здѣсь чуть-ли не каждое государство имѣетъ свою почтовую контору. Глаза разбѣгались пока мы шли по грязнымъ

улицамъ къ мосту, перекинутому черезъ Золотой Рогъ изъ Галаты въ Стамбулъ. Можно простоять цѣлые часы на мосту, разглядывая проходящихъ, такъ это все особенно и совсѣмъ не похоже на то, къ чему мы привыкли. Галата торговая часть города, полная всевозможныхъ конторъ, агентствъ, кофейнъ, магазиновъ, лавокъ, кафе-шантановъ. Это предвѣрье совсѣмъ европейской Перы, да и въ Галатѣ пахнетъ Европой. На улицахъ все спѣшитъ впередъ, шумя и крича, не обращая ни на кого вниманія. Галатскій мостъ самое оживленное мѣсто, съ него ведутъ много маленькихъ мостковъ на пристани всевозможныхъ пароходовъ, совершающихъ рейсы по Босфорскимъ берегамъ, въ Скутари, на Принцевы острова и далѣе на берега Мраморнаго моря. На пристаняхъ, которыя, какъ и мостъ, въ довольно скверномъ состояніи, гнѣздятся маленькія кофейныя и всевозможные продавцы. Видъ съ моста превосходный: тутъ и Стамбулъ съ своими мечетями и печальными кипарисами, и весь Золотой Рогъ сплошь до предмѣстья Эюба, и вся Галата съ ея неуклюжей и толстой башней, и Скутари за голубой полосой Босфора, и тысячи пароходовъ и каюковъ. Но публика притягиваетъ еще болѣе вниманіе, чѣмъ виды. Представители всѣхъ національностей запада и востока проходятъ мимо и никакъ не надивишься этой пестрой толчеѣ, этому разнообразію костюмовъ.

За проходъ и проѣздъ черезъ мостъ взимается плата съ пѣшехода 10 пара, съ экипажа $2^1/_2$ піастра, съ верховаго 40 пара. Деньги собираются какими-то людьми въ бѣлыхъ балахонахъ прямо въ карманы и, вѣроятно, государство не много получаетъ изъ этихъ потокомъ льющихся денегъ.

Перешедши мостъ, мы очутились на небольшой площади Стамбула передъ мечетью Іени-Джами (Новая мечеть) съ мраморными аркадами у предверья, окружающими маленькій дворикъ, на которомъ торчатъ нѣсколько старыхъ кипарисовъ около Шадрована (источникъ). Два необыкновенно стройныхъ и высокихъ минарета глядятъ изъ-за галлерей на шумную жизнь на площади, гдѣ раздаются звонки ползущей по узкимъ улицамъ Стамбула конки, гдѣ цирульники, башмачники, портные, кто брѣетъ, кто шьетъ, кто стрижетъ, гдѣ безчисленные торговцы снуютъ взадъ и впередъ, предлагая апельсины, халву, книги, ножи, мыло, цвѣты и другія мелочи. Тутъ-же стоятъ экипажи и ослы. Повсюду спятъ собаки и люди, растянувшись на отвратительной мостовой.

Слѣдуя конкѣ, покатившей въ узкую улицу, мы зашли на турецкую почту, пріютившуюся между жалкими домами. Повсюду писцы въ маленькихъ лавченкахъ съ худыми, но быстро двигающимися, пальцами строчатъ письма неграмотнымъ. Здѣсь у дверей почты и въ самомъ зданіи вѣчная толчея.

Потомъ оказалось, что весь Константинополь сплошная толчея. Всюду сутолока, всюду шумъ и гамъ, всюду всѣ спѣшатъ, бѣгутъ Богъ знаетъ куда. Женщинъ на улицахъ не меньше, чѣмъ мужчинъ, и онѣ также всѣ куда-то торопятся въ своихъ уродливыхъ пестрыхъ капотахъ, въ пестрыхъ полосатыхъ плащахъ, съ закрытымъ ртомъ и носомъ, а зачастую и съ совсѣмъ открытымъ лицомъ. Нѣкоторыя спрятались съ головой подъ вуали или пестрые платки. Иныя ходятъ въ пестрыхъ панталонахъ и въ маленькой кофточкѣ. Онѣ оказались женщинами изъ Ангоры. О красотѣ лучше и не

говоритъ: чахлыя, блѣдныя, желтыя, съ такими чертами лица, что порой дивишься, почему онѣ кутаются отъ нескромныхъ взглядовъ мужчинъ, развѣ какому пропащему могутъ понравиться эти безформенныя, толстоногія, блинолицыя, чучелообразныя дамы. Мужчины въ балахонахъ, въ халатахъ, въ кафтанахъ, въ буркахъ. Повсюду фески и все больше красныя, рѣже зеленыя или золоченыя, словно поле цвѣтущаго мака. Чалмы соперничаютъ съ фесками. Анатолійцы, валахи, южные славяне, цыгане, иностранцы-европейцы, армяне, татары, все это перемѣшано въ ихъ разнообразныхъ костюмахъ. То блеснетъ золотое шитье на пестро одѣтомъ, какъ попугай, усачѣ, то выдѣлится высокая шапка ввидѣ горшка вертящагося сухаго дервиша, то выплыветъ шалевый тюрбанъ съ длинной бахрамой, падающей на расшитую шелками и золотомъ куртку браваго анатолійца, то изумитъ въ лѣтнюю жару мѣхомъ оторочениый халатъ на плосколицемъ варварѣ-азіатѣ, то выдѣлятся широкіе рукава длинныхъ кафтановъ и широкіе штаны на духовныхъ и купцахъ, пестрота невообразимая, словно театральное зрѣлище. А тутъ поражаютъ атлеты-носильщики, идущіе парами и тройками въ ногу, таща на плечахъ балки, на которыхъ, какъ на рычагахъ, тащатся невообразимыя тяжести. Носильщики словно вылиты изъ бронзы и когда они идутъ, кажется, что подъ ихъ ногами почва то поднимается, то опускается. Они замѣняютъ нашихъ ломовыхъ извозчиковъ, немыслимыхъ въ узкихъ и крутыхъ улицахъ Константинополя. Носильщики соперничаютъ другъ съ другомъ, кто болѣе взвалитъ на спину, и по улицамъ двигаются высокія башни и пирамиды всевозможнаго товара, изъ подъ котораго

раздаются голоса, выкрикивающіе на всевозможные лады и наполняющіе своимъ безконечнымъ крикомъ всѣ улицы и площади. Маленькіе ослики тащатъ еще болѣе высокія башни, изъ подъ которыхъ ничего не видно, кромѣ 4-хъ тоненькихъ ногъ, перебирающихъ по ужасной мостовой. Изумляешься, какъ много досокъ и бревенъ, наложенныхъ крестъ на крестъ, можетъ снести осликъ, какія пирамиды кирпича онъ поднимаетъ на высокія площади города съ берега. Носильщики съ невѣроятнымъ грузомъ, ослики съ корзинами угля и кирпича толкаютъ васъ со всѣхъ сторонъ, вы сторонитесь и натыкаетесь на носильщиковъ, нагруженныхъ мѣшками или бочками съ водой, на васъ наѣзжаютъ телѣжки и лотки на колесахъ съ финиками, кишмишемъ, какими-то подозрительными на видъ кашицами и блинами. Повсюду, на всѣхъ улицахъ, во всѣхъ закоулкахъ среди всеобщей толчеи и шума спятъ днемъ, свернувшись въ клубочекъ, пресловутыя собаки, о которыхъ такъ много говорятъ всѣ бывавшіе въ Константинополѣ и на востокѣ. Эти желтыя, мохнатыя, небольшія собаки, полушакалъ, полулисица съ очень милой мордочкой, цѣлыми милліонами расплодились по Константинополю. Днемъ онѣ лежатъ повсюду, прямо среди улицъ, довѣряя себя во снѣ человѣку. Даже странно смотрѣть, какъ ихъ всѣ обходятъ и объѣзжаютъ. Это хозяева города и его санитары. Но сколько между ними инвалидовъ. У кого разорванъ бокъ, которая безъ глаза или съ оторваннымъ ухомъ, у которой волочится нога или вмѣсто пушистаго хвоста торчитъ какая-то жалкая запятая. Такъ какъ каждый кварталъ, каждый закоулокъ имѣетъ своихъ собакъ, то бѣда забредшей случайно въ чужія страны. На нее

накидываются стаи туземцовъ и, разорвавъ, пожираютъ ее. Собаки замѣчательно ласковы къ людямъ. Сколько разъ я гладилъ ихъ, подзывая къ себѣ, и онѣ довѣрчиво клали мнѣ на колѣни свои острыя мордочки. По вечерамъ всѣ спящіе псы пробуждаются и снуютъ по улицамъ, никогда не задѣвая человѣка. Все, что было выкинуто въ теченіи дня на улицу, а въ Константинополѣ бросаютъ рѣшительно все ненужное, собаки пожираютъ безслѣдно. Не будь этихъ санитаровъ, на улицахъ царствовала бы ужасная зараза и непроходимая вонь. Собаки родятся на улицахъ, щенками спятъ у ногъ матери на мостовой, растутъ, плодятся и издыхаютъ тутъ же на улицахъ, гдѣ ихъ сотоварищи пожираютъ въ теченіи ночи всѣ трупы. Днемъ собаки также флегматичны, какъ и сами мусульмане, и, кажется, скорѣе готовы очутиться подъ колесомъ, чѣмъ двинуться съ мѣста.

А направо тянется сѣренькій домикъ, нѣчто въ родѣ часовенки съ бренными остатками султана Мустафы IV, покрытыми 40 драгоцѣнными шалями. По самому берегу моря за домами ползетъ румелійская желѣзная дорога къ Андріанополю, отъ котораго черезъ Софію и Бѣлградъ открылось сообщеніе съ Вѣной. Узкую улицу съ ползущей конкой отдѣляетъ стѣна стараго Сераля отъ дворцовыхъ садовъ. Надъ стѣной торчитъ павильончикъ; когда-то султаны глядѣли отсюда на проходившія мимо процессіи. Напротивъ высятся красивыя ворота, за ними большое зданіе Высокой Порты Отоманской глядитъ дѣловито и казенно на большой дворъ.

Мы были на знаменитомъ холмѣ Акрополисѣ, гдѣ блестѣли прежде Золотыя палаты Юстиніана и гдѣ теперь грустно глядитъ на окружающую толчею у стѣнъ Сераля небольшая базилика Св. Ирины, стоящая со временъ Константина Великаго. Сераль это старая Византія, сердце древняго города Константина. Здѣсь возлѣ Золотыхъ палатъ былъ и блестящій гипподромъ съ бронзовой конной статуей Юстиніана, здѣсь перепутанной сѣтью стояли мраморныя аркады, соединявшія св. Софію съ дворцомъ, здѣсь были когда-то термы Аркадія, здѣсь выглядывали изъ-за зелени чудныхъ садовъ церковь Божьей Матери Одигитріи, блестящій дворецъ царицы Плацидіи и величественный монастырь Манѓана, а у самыхъ водъ Пропонтиды между миртами и кипарисами сіялъ красотой дворецъ Буколеонъ. Теперь многое исчезло, многое разрушено рукой безпощаднаго времени и только островками выплываютъ памятники изъ далекаго прошлаго среди зеленаго моря серальскихъ садовъ. Стѣны уцѣлѣли не всюду. Хорошо сохранились ворота, ведущія къ св. Софіи. Ворота „Bab-i-Humajum“ останавливаютъ вниманіе прелестной постройкой, пестрыми надписями Корана, между которыми красиво выдѣляются золотыя слова. Въ эти ворота, выстроенные еще Магометомъ 2-мъ (1478 г.) и которые наводили ужасъ на всѣхъ живущихъ и заставляли трепетать самыхъ безстрашныхъ, ворота, утыканные головами казненныхъ пашей, проходитъ султанъ во время извѣстныхъ большихъ празднествъ. Такъ во время мѣсяца Рамазана, султанъ прибываетъ въ Сераль, чтобы поклониться плащу пророка („чиркай-шерифъ“), зеленому знамени пророка („санджакъ-и-шерифъ“), хранящемуся въ 40 драгоцѣнныхъ шаляхъ, его посоху, саблѣ и мечамъ трехъ первыхъ калифовъ. Всѣ эти святыни Ислама хранятся въ особомъ небольшомъ зданіи противъ сокровищницы. Здѣсь же между

прочимъ находится рука Іоанна Крестителя, сохраненная турками во время погрома Византіи. Туристу почти невозможно проникнуть во внутренніе дворы и сады Сераля, къ которымъ путь ведетъ сквозь средніе ворота: „Ортакапу", украшенные колоннами и двумя башенками. Ворота имѣютъ пару дверей, пространство между которыми служило мѣстомъ, гдѣ попавшіе въ немилость паши и визиря схватывались палачами. Попасть въ тронную залу, султанскую сокровищницу, библіотеку, къ небольшой Готской колоннѣ, спрятавшейся въ зелени садовъ и въ Багдадскій кіоскъ, одѣтый фаянсами, увѣнчанный куполомъ и тонкой башенкой, съ дверьми, покрытыми перламутровыми и рѣзными изъ слоновой кости досками, также трудно, какъ и въ чудный дворецъ Дольма-Бахче. Въ нихъ впускаютъ съ разрѣшенія оберъ-церемоніймейстера султана, по просьбѣ посольства и особеннаго распоряженія самого султана, при чемъ попавшихъ въ эти замкнутыя для всѣхъ мѣста принимаютъ, какъ гостей султана и общипываютъ колоссальными бакшишами, доходящими до 100 франковъ и болѣе. Изъ доступныхъ мѣстъ Сераля я уже упомянулъ о замѣчательной церкви Св. Ирины, которая теперь обращена въ арсеналъ и въ которую не впускаютъ, за то можно полюбоваться ея строго византійскимъ стилемъ, не изуродованнымъ пристройками и подивиться гигантскимъ порфировымъ саркофагамъ византійскихъ царей. Эти саркофаги находятся передъ церковью и не вошли, благодаря своимъ циклопическимъ размѣрамъ. Можно попасть въ Чинили-кіоскъ, въ которомъ находится доступный для публики музей древностей. Въ галлереѣ у входа въ кіоскъ помѣщено нѣсколько гигантскихъ статуй, между которыми особенно

замѣчательна: Геркулесъ съ львомъ (голова послѣдняго отломана). Статуя эта найдена была на островѣ Кипрѣ и представляетъ Геркулеса, схватившаго за заднія ноги льва. Вмѣсто головы теперь чернѣетъ дыра. Вѣроятно это былъ фонтанъ и струя воды изрыгалась львомъ изъ пасти. Предполагаютъ, что статуя принадлежитъ ассирійскому искусству *). На дворѣ Сераля стоитъ платанъ янычаръ съ раскрытымъ чернѣющимъ чревомъ, съ широко раскинутыми вѣтвями, цѣлое тысячелѣтіе стоящій на этомъ холмѣ Византіи. Здѣсь когда-то собирались янычары, требуя отъ султана смерти имъ непріятнаго сановника.

Когда мы прошли ворота „Bab-i-Humajun," направляясь къ св. Софіи, мы вышли на небольшую площадь, среди которой поразилъ насъ такъ называемый фонтанъ или источникъ Ахмеда 3-го. Мнѣ кажется, что это лучшій перлъ арабской архитектуры, одинъ изъ самыхъ блестящихъ памятниковъ востока. На востокѣ, подразумѣвая Аравію, Турцію, Египетъ и т. д., въ сухихъ мѣстахъ, гдѣ солнце жжетъ неумолимо, гдѣ накаляются и камни и пески, источники и фонтаны являются истиннымъ благодѣяніемъ. Потому фонтаны окружаютъ уваженіемъ и придаютъ имъ чуть-ли не религіозное значеніе, потому имена строителей вырѣзываются съ благодарностью на каменныхъ плитахъ и украшаютъ ихъ многими прекрасными надписями изъ Корана. Ахметъ 3-й поставилъ себѣ чудный памятникъ на площади Константинополя и сдѣлалъ слѣдующую

*) Другая замѣчательная статуя: Юпитеръ изъ Газы. Статуя изъ мрамора, принадлежитъ 2-му вѣку по Р. Х. Въ кіоскѣ замѣчательныя статуи: Андріанъ въ лавровомъ вѣнкѣ и сцена сраженія.

надпись изъ золотыхъ буквъ, выражающую годъ построенія этого фонтана съ его причудливыми іероглифами по бѣлымъ сверкающимъ мраморамъ и по блѣднозеленымъ и голубымъ плитамъ фаянсовъ: „Тарихъ (время построенія фонтана) султана Ахмеда течетъ изъ языка водяной трубы: открой ее во имя Господня и помолись за Ахмеда-хана". Черезъ сложеніе чиселъ, выраженныхъ всѣми буквами этой надписи, получается число 1141 (или=1728 г. послѣ Р. Х.), выражающее годъ окончанія постройки этого павильона съ далеко выдающейся крышей, увѣнчанной пятью небольшими куполами. Арабески, маленькія узорчатыя ниши, четыре мраморныхъ бассейна, принимающихъ воду изъ трубочекъ подъ пестрыми арками, золотыя рѣшетки, точно мелкая кольчуга и кружева, закрывающія сплошь отверстія ввидѣ оконъ между колоннъ, пестро разрисованный выдающійся нижній край крыши, узорчатыя ленты и пояса фаянсовъ дѣлаютъ все небольшое зданіе невыразимо-прекраснымъ. Мнѣ показалось, что лучшаго я уже ничего не увижу въ Константинополѣ и, когда я разглядывалъ подробности фантастическихъ рисунковъ, въ памяти моей выдвигались лучшіе памятники Европы, на ряду съ которыми и даже на одно изъ первыхъ мѣстъ между которыми я смѣло помѣстилъ фонтанъ Ахмеда. Въ Брюсселѣ меня плѣнилъ величественный palais de justice, въ Лондонѣ величественно-грозный парламентъ, въ Петербургѣ прекрасный Эрмитажъ, въ Нижнемъ удивительная Строгоновская церковь, въ Берлинѣ туманно-розовый новый музей — и всѣ эти зданія не позволяли уѣхать, не бросивъ имъ прощальнаго взгляда; тоже было и съ прекраснымъ фонтаномъ Ахмеда, который мнѣ понравился больше всего въ

Константинополѣ, больше чуднаго дворца Дольма-Бахче, больше поразительно-стройныхъ минаретовъ, больше черныхъ кипарисовъ—этихъ деревьевъ смерти, этихъ печальныхъ монаховъ растительнаго царства, больше величественно-прекрасной Софіи. Фонтанъ Ахмеда такъ подходитъ къ современному мнѣ турецкому Константинополю, какъ брюнеткѣ пунцовый розанъ, какъ огненной испанкѣ кастаньеты, какъ Нилу его бѣлые лотосы, какъ Венеціи ея молчаливые каналы, какъ самой Турціи ея бѣлые минареты возлѣ куполистыхъ однообразныхъ мечетей.

Мы подошли къ св. Софіи былыхъ временъ, къ мечети Айя-Софія турокъ, къ храму, который отъ глубокой древности до нашего времени служилъ всеобщимъ удивленіемъ, ради котораго ѣздили въ городъ Константина, смѣлость постройки, громадные размѣры, красота и величественность котораго прогудѣла по всему свѣту. Это тотъ храмъ, смѣнить полумѣсяцъ на крестъ надъ которымъ мечтаетъ все христіанство, храмъ, предъ которымъ умолкъ грубый вандализмъ ожесточенныхъ осадой турокъ, красоты котораго завоевали себѣ уваженіе всего христіанскаго и мусульманскаго міра, храмъ, создавъ который Юстиніанъ воскликнулъ: „Слава Господу, сподобившему меня совершить это великое дѣло. Я превзошелъ тебя Соломонъ!"

Передъ нами была св. Софія, этотъ храмъ храмовъ, этотъ образецъ церквей всего восточнаго христіанства, это созданіе величайшихъ зодчихъ того времени—Анѳимія Тралесскаго и Исидора Милетскаго, затмившее всѣ зданія міра и украшенное всѣмъ, чѣмъ только можно было украсить его въ то время. Храмъ Діаны Ефесской долженъ былъ

отдать свои драгоцѣнныя колонны, Аѳины свои сокровища, Мидія свои сѣро-голубые мраморы. Софія выросла на развалинахъ храмовъ Рима, Делоса, Бальбека, Трои, Египта, Кизикоса и др. Каждый золотой крестъ, каждый драгоцѣнный сосудъ, каждый свѣтильникъ, каждый алтарь и камень имѣютъ свою исторію и придаютъ этому изумительному храму безконечную драгоцѣнность и красоту. „Пожаръ способствовалъ ей много къ украшенію“, фраза, относящаяся къ Москвѣ, относится къ св. Софіи въ равной степени, если еще не болѣе. Послѣ обоихъ страшныхъ пожаровъ во время мятежа, возникшаго изъ-за изгнанія патріарха Хризостома (404 г.) и во время рѣзни голубыхъ и зеленыхъ, не щадившихъ даже памятниковъ и святынь, Юстиніанъ воздвигъ ее изъ развалинъ въ томъ ошеломляющемъ блескѣ, который поразилъ и ослѣпленныхъ войною турокъ, когда они, ворвавшись въ храмъ, бросились на запершихся здѣсь христіанъ и когда потоки крови обагрили драгоцѣнные мраморы, а стоны и рыданья погибавшихъ потрясли высокій сводъ Софіи съ его удивительными мозаиками. Снаружи Софія, принявъ обликъ мечети, утратила совсѣмъ свою физіономію и только колоссальный куполъ съ блестящимъ полумѣсяцемъ высится надъ безчисленными пристройками, куполами, купольчиками, куполками, образуя въ общемъ какой-то хаосъ зданій, въ которомъ не разобраться, какую-то пирамиду нагроможденныхъ домиковъ, башенъ, полубашенъ, выступовъ, закоулковъ и глухихъ стѣнъ. Четыре большіе минарета, воинственно торчащіе по угламъ и выстроенные тремя султанами, стоятъ какъ сторожа ислама, какъ грозные тюремщики, вокругъ христіанской святыни. Возлѣ храма за невысокой

стѣной, окружающей дворъ, надвинулись старыя стѣны Сераля съ ихъ зубчатыми башнями и скверные деревянные дома, какихъ всюду масса въ Стамбулѣ. Дома выглядятъ ящиками, сложенными на скорую руку изъ драночекъ и планокъ, съ плоскими крышами, съ рѣшетками изъ драни въ окнахъ, чтобы скрыть глядящихъ на улицу женщинъ отъ нескромныхъ взоровъ. Дома эти лѣпятся вдоль стѣнъ и глядятъ черезъ узкій проулочекъ на оригинальные ворота, не то въ турецкомъ, не то въ китайскомъ вкусѣ, торчащіе въ Софіевской стѣнѣ. Ворота необыкновенно оригинальны съ ихъ еще болѣе, чѣмъ у фонтана Ахмеда, выдающейся крышей, пестро разрисованной снизу и украшенной купольчиками сверху. Вокругъ загроможденной Софіи на дворѣ влекутъ вниманіе то фонтанъ съ купольчатой крышей и золотой рѣшеткой между 8-ю колоннами возлѣ одинокаго многовѣковаго, застывшаго, словно вылитаго изъ чугуна кипариса, одѣтаго въ свой погребальный нарядъ изъ неподвижной листвы, то круглое зданіе, гдѣ прежде хранились священные сосуды и гдѣ теперь хранятся съѣстные припасы для рядомъ стоящаго „имарета“—столовой для нищихъ, то восьмигранное строеніе подъ куполомъ, гдѣ теперь находятся могилы или тюрбе султана Мустафы перваго и его сына султана Ибрагима. На дворѣ повсюду виднѣлись правовѣрные. Кто растянувшись спалъ на каменныхъ плитахъ, кто хлопоталъ около мѣшковъ, укладывая въ нихъ какой-то скарбъ, кто занятъ былъ ѣдой, а кто мылся у фонтана, не обращая ни на кого вниманія, точно онъ былъ у себя дома. И всѣ эти люди, занятые каждый своимъ дѣломъ, не обращали другъ на друга вниманія, словно они никого не

видѣли. Дворы мечетей на востокѣ открыты для всѣхъ и каждый правовѣрный располагается, какъ дома. Дворъ мечети—это священное, неприкосновенное мѣсто, гдѣ, не смотря на вѣчную толчею народа, не исчезнетъ самый ничтожный ящикъ или мѣшекъ. Пріѣзжіе турки, отправляющіеся по дѣламъ въ городъ, спокойно оставляютъ во дворѣ мечети свое добро, твердо увѣренные, что никто не прикоснется къ нему. Дворъ всякой мечети это сборище народа, здѣсь и лавочки и продавцы съѣстнаго, молитвъ изъ Корана на пестрыхъ бумажныхъ листкахъ и выковыренныхъ камешковъ изъ мозаичныхъ стѣнъ св. Софіи, и слесаря, постукивающіе молоточкомъ, и общественные писцы, которымъ диктуютъ письма при громадномъ стеченіи любопытной толпы, интересующейся самыми ничтожными и никому не интересными происшествіями и дѣлами диктующаго, и чистильщики сапогъ, безпрерывно призывающіе своимъ стукомъ щеточки объ деревянный лотокъ, и нищіе съ бритыми головами, съ протянутыми загорѣлыми руками, и портные на разостланныхъ небольшихъ коврикахъ съ ножницами въ рукахъ, и пестро наряженные смотрители мечети въ полосатыхъ кафтанахъ и яркихъ шапочкахъ. И всѣ дворы Стамбульскихъ мечетей имѣютъ характеръ базара и пріюта для всѣхъ.

Мечети правовѣрныхъ, служа мѣстомъ сборища только для молитвъ, проповѣдей и чтеній, служатъ и благотворительными учрежденіями. Каждая мечеть это монастырь, гдѣ во имя Бога дѣлается много добра, гдѣ все нравственное и высокое изъ проповѣдей Магомета получило примѣненіе. Въ этихъ безчисленныхъ пристройкахъ скрыты богатѣйшія библіотеки, столовыя для бѣдныхъ, гдѣ ежедневно кормятся на счетъ мечетей сотни нищихъ, пріюты, госпитали, школы: нисшія и высшія, нѣчто въ родѣ духовныхъ академій. Профессора нерѣдко избираютъ сами мечети аудиторіями и, сидя на коврикѣ или на мѣшкѣ, читаютъ растянувшимся или сидящимъ вокругъ нихъ молодымъ софтамъ и студентамъ лекціи по богословію и законовѣдѣнію. Въ мечетяхъ однако не освящается бракъ, не совершается обрѣзаніе и другіе подобные церковные обряды. Служа мѣстомъ молитвъ, чтенія Корана, проповѣдямъ, мечети призываютъ къ себѣ нищихъ, больныхъ, несчастныхъ, голодныхъ, удрученныхъ, подаютъ пищу, лекарство, утѣшеніе, ученье и потому играютъ высокую роль въ жизни магометанъ. Св. Софія, превратившись въ мечеть, превратилась также въ гнѣздо благотворительности и пріютила въ своихъ придѣлахъ и пристройкахъ сотни несчастныхъ, нищихъ, жаждущихъ знаній и утѣшенья. И, если при первомъ взглядѣ досадно, что наружный видъ св. Софіи, этого „воплощенія религіозной мысли восточнаго христіанства“, исчезъ въ нагроможденной кучѣ зданій, то значеніе ихъ такъ велико, цѣль такъ высока, что не только миришься но вполнѣ подчиняешься прекрасной идеѣ мечети, выростившей этотъ лѣсъ пристроекъ, нагромоздившей эти кучи, ползущія къ куполу.

Христіанъ впускаютъ въ св. Софію за большой бакшишъ, который многократно берется всѣми сторожами, вымогается даже угрозой изгнанія вслѣдствіи якобы явившагося предписанія не допускать иностранцевъ къ осмотру святой Софіи безъ особыхъ разрѣшеній. Мы спустились по довольно грязной лѣстницѣ къ дверямъ храма, завѣшаннымъ тяжелымъ кожаннымъ платомъ, по которому на при-

шитой красной матеріи начертаны надписи изъ Корана. Намъ принесли кожанныя туфли, неимовѣрно широкія, которыя мы одѣли поверхъ сапогъ и затѣмъ сторожъ съ бритой головой, поругавшись съ нашимъ драгоманомъ, приподнялъ уголъ засаленной занавѣски и мы вошли въ храмъ, поразившій пословъ Владиміра.

Софія внутри—это гигантская зала, осѣненная каменнымъ небеснымъ сводомъ, изъ подъ котораго струится широкими лучами свѣтъ въ рядъ оконъ, блестящимъ вѣнцомъ стоящихъ подъ куполомъ. Двуярусныя галлереи пестрыхъ мраморовъ поражаютъ красотой, 107 колоннъ Софіи съ медальеобразными монограммами Юстиніана и Ѳеодоры спорятъ пестрой окраской: то выдѣлется ефесскій темнозеленый мраморъ, то малиновый ѳиванскій порфиръ изъ Авреліанскаго храма Солнцу въ Римѣ. Храмъ поражаетъ размѣрами, парящимъ куполомъ и глядишь на него, ничего не видя, восхищаясь всѣмъ, не сознавая, что лучше, что красивѣе. Жужжаніе неотвязчивое, какъ жужжаніе мухъ, вырвало меня изъ этого настроенія, которое навѣялъ чудный храмъ. Я оглянулся: разостлавъ свой коврикъ, юноша колотилъ головой объ полъ, выкрикивая свою молитву. Онъ не замѣтилъ, какъ мы подошли, глаза, обращенные въ сторону Мекки не дрогнули и унесенный далеко своимъ религіознымъ экстазомъ онъ продолжалъ биться объ полъ. Что-то страшное, сокрушительное было въ его молитвѣ, словно бредъ вырывался изъ его груди, словно болѣзнь заставляла корчиться это молодое тѣло. Какъ тяжела и страшна молитва фанатика! Въ одномъ изъ угловъ лежалъ на коврикѣ мальчикъ въ синемъ кафтанчикѣ. Его черные глаза горѣли, какъ угли, онъ

лежалъ неподвижно, блѣдный, измученный и однообразнымъ голосомъ выговаривалъ стихи Корана. Его худое тѣло изрѣдко судорожно вздрагивало, маленькіе кулаки сжимались сильнѣе, а глаза совсѣмъ неподвижные глядѣли нѣсколько вправо отъ стариннаго алтаря, въ сторону Мекки, въ сторону Мираба изъ разноцвѣтнаго мрамора, этого мусульманскаго алтаря, окруженнаго восковыми свѣчами и съ тяжелой каменной доской, указывающей направленіе какъ разъ на Каабу. Зимой Софія убирается коврами, лѣтомъ циновками, но и ковры и циновки лежатъ криво и нарушаютъ впечатлѣніе вслѣдствіе того, что направленіе Мекки не совпадаетъ съ алтаремъ христіанъ. Возлѣ Мираба стоитъ каѳедра „Мимберъ“, на которую ведетъ узкая лѣстница съ рѣшеткой изъ каменныхъ кружевъ. Надъ Мимберомъ высится узкая, острая крыша, воинственно глядящая на храмъ. По пятницамъ поднимается по лѣстницѣ шатибъ (проповѣдникъ) и произноситъ „шутбе“ (проповѣдь), восхваляя пророка. Шатибъ держитъ въ рукахъ блестящій мечъ и, стоя между двумя знаменами, напоминаетъ о былой побѣдѣ, когда погибли сотни христіанъ въ этихъ стѣнахъ. Въ храмѣ поднимаются съ пола маленькія эстрады, поддерживаемыя колоннами и служащія, одна съ позолоченными рѣшетками, ложей для султана, другая, робко прижавшаяся къ грандіознымъ колоннамъ храма, поддерживающимъ галлереи, гдѣ прежде помѣщались женщины, служитъ для чтецовъ Корана, третья для муэдзиновъ, призывающихъ къ молитвѣ, также какъ и съ высокихъ балкончиковъ минаретовъ, откуда пять разъ въ день раздается жалобный крикъ муэдзиновъ. Прежнія богатыя мозаики исчезли, Коранъ запре-

щаетъ изображенie людей и животныхъ, а потому золотая краска скрыла древнie образа и только шестикрылые херувимы, парящie подъ сводомъ, свидѣтельствуютъ своими крыльями о блескѣ образовъ стараго времени. Вмѣсто головъ золотыя звѣзды ислама блестятъ съ пилястровъ храма. За то всюду драгоцѣнные ковры, шелковыя матерiи съ надписями стиховъ Корана, всюду круглые зеленые щиты съ именами Магомета и первыхъ калифовъ, всюду переплетенныя красивыми арабесками вычурныя буквы составляющiя священныя изреченiя и сѣть лампадъ словно гигантская паутина заплела всю мечеть, словно титанъ-паукъ связалъ желѣзными нитями стѣны храма. На громадныхъ желѣзныхъ прутьяхъ виситъ цѣлая сѣть перекрещивающихся проволокъ въ одной плоскости, низко надъ поломъ. Лампады, люстры, шкалики, лампочки тысячами висятъ въ этихъ тенетахъ, словно пойманные свѣтляки. По вечерамъ въ молитвенные дни и въ теченiи мѣсяца Рамазана эти свѣтильники блестятъ тысячами искръ, сiяютъ, какъ звѣздное небо, освѣщая молящихся и оставляя въ темнотѣ куполъ.

Вблизи Мираба на одной изъ колоннъ намъ показали слѣдъ руки, будто-бы принадлежащiй Магомету 2-му, въѣхавшему въ храмъ на лошади по лежащимъ горами трупамъ. На другой колоннѣ находится рубецъ. Здѣсь пришелся ударъ Магомета побѣдителя, стоявшаго на конѣ надъ горой христiанскихъ тѣлъ и глядѣвшаго, какъ его солдаты давили и топтали побѣжденныхъ. На галлереяхъ показываютъ мраморную доску съ надписью: „Henricus Dandolo“. Это гробовая плита венецiанскаго дожа, разгромившаго вмѣстѣ съ крестоносцами Византiю, увезшими удивительную золоченую трапезу изъ

алтаря. Трапеза была обвѣшана вѣнцами императоровъ на тройныхъ цѣпяхъ и осѣнена замѣчательнымъ балдахиномъ. Во время кораблекрушенiя трапеза погрузилась со всѣми награбленными богатствами въ Мраморное море, гдѣ и теперь иногда бываетъ видна въ тихую ясную погоду и блеститъ оттуда своими золотыми вѣнцами. Намъ показывали въ Софiи еще другiя диковинки: и „тюрбе“ султановъ, и „Потѣющую колонну“ въ металлической бронѣ, въ которой есть отверстiе доставляющее возможность убѣдиться, что мраморъ влаженъ, и „Прозрачный камень“ въ одномъ изъ оконъ верхней галлереи, горящiй и блестящiй какъ-то особенно ярко, вслѣдствiи отраженiя солнечныхъ лучей, и ясли Христа изъ Виѳлеема ввидѣ куска темнаго мрамора, и колоссальныя алебастровыя вазы изъ Пергама, и „холодное окно“ съ постоянно вѣющей прохладной струей воздуха. Повидимому, турки сами считаютъ св. Софiю христiанскимъ храмомъ, играющимъ только временно роль мечети и вѣрятъ не менѣе христiанъ, что надъ ея куполомъ блеснетъ снова крестъ на мѣстѣ поверженнаго полумѣсяца. Разсказываютъ, что въ день паденiя Византiи, въ день смерти тысячей христiанъ, въ то время, когда турки ломились въ громадныя металлическiя двери св. Софiи, въ храмѣ шла обѣдня. Тысячи людей внимали службѣ, горячо молясь и возсылая мольбы о спасенiи къ небесамъ подъ губительные удары ломившихся въ двери варваровъ. И чѣмъ громче было пѣнье, тѣмъ страшнѣе удары и вой за дверьми. Двери пали съ оглушительнымъ трескомъ и турки бросились на христiанъ. Священникъ взялъ чашу святыхъ даровъ, на полусловѣ прекратилъ службу и направился къ стѣнѣ. Надъ его головой блеснули кри-

вые сабли и ударились въ каменную стѣну, поглотившую служителя съ чашей. И когда снова заблеститъ крестъ на Софіи, говоритъ легенда, стѣна разступится и служитель выйдетъ съ чашей и докончитъ прерванную службу. Говорятъ, что потаенная дверь была найдена и отворена во время одной изъ передѣлокъ храма. Она ведетъ въ скрытую часовенку. Сами турки вѣрятъ этой легендѣ и боятся ее. Какъ-то охотно вѣрится въ нее и ждешь, что вотъ вотъ настанетъ то мгновенье, когда выйдетъ служитель съ чашей въ христіанскую Софію и своды ея во всей красѣ древнихъ мозаикъ снова огласятся пѣніемъ такъ поразившимъ когда-то пословъ Владиміра.

10.

Константинополь.

(Гипподромъ. Мечети Стамбула и памятники старины).

Толпа падаетъ ницъ передъ всякой славой Всѣ люди одержимы холопствомъ.

Эмиль Золя.

Мы вышли на узкую продолговатую площадь Атмедіанъ, прежній гипподромъ, знаменитое историческое мѣсто распрей партій голубыхъ и зеленыхъ, окруженное главной турецкой тюрьмой, музеемъ янычаръ, школой ремесленниковъ и чудной Ахмедовой мечетью съ шестью высокими мраморными минаретами, торчащими изъ темной зелени кипарисовъ. Этотъ гипподромъ былъ со временъ глубокой древности мѣстомъ сборища народа, ареной борьбы изъ-за трона и церкви, здѣсь во время возстанія „Ника“ и кровавой борьбы цирковыхъ партій, среди мраморныхъ сидѣній, окружавшихъ площадь лежало 35 тыс. убитыхъ, здѣсь совершались казни и здѣсь же гремѣли фанфары во время ослѣпительныхъ тріумфовъ. Прежде это было блестящее мѣсто ристалищъ, противъ которыхъ безсильны

были и церковь, и государство. Гипподромъ былъ украшенъ статуями и колоннами и лежалъ около спуска къ Мраморному морю на мраморныхъ аркахъ, раздѣленный пополамъ узкой, но длинной террассой, на которой были: обелискъ, колонна Константина и колонна изъ трехъ свившихся змѣй съ треножникомъ на змѣиныхъ головахъ. Царская ложа, помѣщавшаяся надъ 24-мя высокими колоннами, блистала роскошью, а подъ ней ютились клѣтки для дикихъ звѣрей и конюшни. Терассы и ступени спускались по бокамъ гипподрома и отдѣлялись отъ арены довольно глубокимъ рвомъ съ водой, служившимъ какъ преградой для дикихъ звѣрей, такъ и для публики, готовой въ порывахъ броситься на арену. Длинныя колоннады, богато уставленныя по карнизамъ вазами, статуями и урнами, изъ мрамора и бронзы выдѣлялись на фонѣ темныхъ кипарисовъ и пурпуроваго покрова, перекинутаго черезъ весь гипподромъ для защиты публики отъ солнечныхъ лучей. Здѣсь при звукѣ фанфаръ выходили пышно одѣтые, блиставшіе герольды и, окинувъ взоромъ пеструю толпу, наполнившую гипподромъ, роскошные ковры и флаги, цвѣточныя гирлянды, вѣнки розъ у ложи императора, объявляли объ ожидаемыхъ зрѣлищахъ. Здѣсь происходили тѣ неописуемыя по блеску ристалища и игры, которыя были порождены варварствомъ. На аренѣ гибли люди въ когтяхъ дикихъ звѣрей, умирали гладіаторы, доставляя своей мученической смертью минуты наслажденія стотысячной толпѣ, здѣсь блистала Ѳеодора, возведенная Юстиніаномъ въ императрицы, здѣсь происходили передъ глазами зрителей всѣ тѣ ужасы кровавыхъ игръ, описаніе которыхъ не въ состояніи вызвать всѣхъ подробностей былыхъ

картинъ. И какъ прежде церковь воевала противъ жестокостей цирка, такъ потомъ все духовенство съ патріархами во главѣ посылали свои благословенія и проклятія сходившимся въ циркѣ партіямъ. Крестоносцы нанесли ударъ гипподрому, раззорили всѣ памятники искусства, сплавили всю бронзу, разбили статуи, низвергли колоннады, увезли нѣкоторыя диковинки и оставили площадь въ развалинахъ, надъ которыми печально застыли 2 обелиска и змѣиная колонна, торчащіе и по нынѣ на жалкой площади, не дающей никакого понятія о прошломъ блескѣ и жизни этого кусочка земли. Мало площадей такъ много пили крови, какъ площадь Согласія въ Парижѣ и гипподромъ Константинополя. Гигантскій обелискъ, воздвигнутый Ѳеодосіемъ Великимъ, былъ привезенъ имъ изъ Египта. Это родной братъ иглы Клеопатры по наружному виду, но годится ей въ далекіе предки по древности. Изъ прекрасно сохранившихся іероглифовъ этого колоссальнаго монолита извѣстно, что фараонъ Тутлисъ третій воздвигъ обелискъ за 1600 лѣтъ до Р. Хр. Всѣ три памятника гипподрома и обелискъ съ подножіемъ, на которомъ изображены рельефами сцены изъ жизни Ѳеодосія Великаго, и змѣиная колонна съ 29-ю оборотами змѣй и обрубленными палицей Магомета головами, и обелискъ Константина Багрянороднаго, когда то весь одѣтый въ бронзовый панцырь, сдернутый съ него святотатными руками крестоносцевъ, сидятъ глубоко въ землѣ своими основаніями и надъ высокой новой корой Константинополя зданія сидятъ много выше древнихъ памятниковъ. Основанія колоннъ виднѣются изъ глубокихъ черныхъ ямъ, заросшихъ крапивой и бузиной и окруженныхъ рѣшетками. Всѣ три памятника,

свидѣтели былаго блеска и величія, уныло глядятъ на современную ничтожную площадь и стоятъ, чувствуя сами, что имъ слѣдовало погибнуть вмѣстѣ съ колоннадами, статуями и арками въ общемъ погромѣ. Они, какъ три старика, забредшихъ въ свой старый домъ, видятъ все новыя лица, новые порядки и жалѣютъ, что пережили свое время. Обелискъ Константина Багрянороднаго глядитъ полуразвалившимся скелетомъ, угрожая ежеминутно паденіемъ, но правовѣрные не дѣлаютъ никакой попытки предотвратить могущія произойти несчастія. Вѣроятно, они слѣдуютъ Корану, который велитъ оставлять разрушающееся зданіе и не противодѣйствовать всемогущей волѣ Аллаха. Въ небольшомъ домикѣ, въ родѣ лавочки, какіе то черные усачи въ пестрыхъ чалмахъ принимали бумажные свертки отъ осаждающихъ лавочку женщинъ въ уродливыхъ капотахъ. Оказалось, что это подаются всевозможныя прошенія о пенсіяхъ и пособіяхъ, по крайней мѣрѣ, такъ объяснилъ намъ драгоманъ. Обѣгавъ музей янычаръ съ его чучелами, наряженными въ разноцвѣтные костюмы, съ манекенами прежняго султанскаго войска, которые, стоя вдоль стѣнъ и глядя мертвыми глазами, наводятъ тоже непріятное чувство, какъ восковые манекены musée Grévin Парижа и Panopticum Берлина, гдѣ дѣлается жутко, оставаясь на единѣ съ этими поддѣлками людей, мы отправились къ Ахмедовой мечети. Самое лучшее украшеніе современнаго Атмедіана, конечно, бѣлая мраморная мечеть, лежащая за длинными галлереями, среди кипарисовъ и дубовъ. Ея шесть минаретовъ, украшенные то двумя, то тремя балкончиками отличаютъ ее отъ всѣхъ мечетей и принесли не мало бѣдъ, такъ какъ изъ за числа минаретовъ возникла цѣлая религіозная война. Султану Ахмеду грозило отлученіе за оскорбленіе святыни Каабы, имѣющей шесть минаретовъ и тѣмъ превосходствующей надъ всѣми мечетями востока. Препирательства усложнялись и исторія шести минаретовъ окончилась бы, вѣроятно, крайне печально, если бы одинъ изъ царедворцевъ не посовѣтовалъ султану выстроить у Каабы седьмой минаретъ и тѣмъ сохранить ея превосходство.

Внутри Ахмедова мечеть блещетъ восточной роскошью: повсюду пестрые узорчатые голубые, зеленые и бѣлые фаянсы, вездѣ индійскія пряжи и дорогіе ковры, инкрустаціи изъ перламутра. Мирабъ блещетъ драгоцѣнными камнями и, заключая маленькій кусочекъ чернаго камня Каабы, дѣлаетъ всю мечеть одной изъ наиболѣе посѣщаемыхъ и чтимыхъ. Здѣсь празднуются торжества, какъ рожденіе Магомета, отсюда отправляются богомольцы на поклоненіе святыни Каабы въ Мекку, причемъ во время богослуженія присутствуетъ султанъ. Вблизи гипподрома ближе къ Мраморному морю лежатъ двѣ мечети Мемеда-паши, одна, бывшая церковью святой Анастасіи, другая маленькая айя-Софія, бывшая церковью св. Сергія. Обѣ мечети принадлежатъ къ отдаленнымъ временамъ и ихъ древность потребовала моего визита, хотя въ общей массѣ мечетей у меня не осталось въ воспоминаніяхъ ничего отъ нихъ. Въ окрестностяхъ гипподрома среди населенныхъ улицъ, полныхъ крика, шума, прохожихъ, торговцевъ, собакъ иословъ, возлѣ рельсъ конно-желѣзной дороги возвышается колонна Константина Великаго изъ краснаго мрамора, одѣтая мѣдными кольцами. Молнія разбила стоявшаго Аполлона работы Фидіаса и

разрушила лучи свѣтлаго бога, сдѣланные, по преданію, изъ гвоздей, которыми былъ пригвожденъ Спаситель. Одинъ изъ императоровъ династіи Комненовъ реставрировалъ колонну, водрузивъ крестъ на ея вершинѣ. Въ 17 в. колонна рухнула отъ землетрясенія и была вновь воздвигнута въ настоящемъ видѣ. Это тоже руина славнаго прошлаго, которую покинулъ лучезарный богъ, оставивъ одинъ печальный скелетъ. Мимо этой колонны двигались торжественныя процессіи по ряду блестящихъ форумовъ. Здѣсь проходили увѣнчанные цари, возвращаясь побѣдоносно изъ походовъ по миртамъ и розамъ, по лаврамъ и розмарину, среди ликующаго народа, между пурпуромъ украшенными стѣнами. Въ Стамбулѣ повсюду на каждомъ шагу встрѣчаются могильные памятники, выглядывающіе изъ дворовъ мечетей, изъ за угловъ домовъ. При каждой мечети находятся тюрбе, подъ поломъ которыхъ лежатъ тѣла султановъ, а въ часовняхъ подъ драгоцѣнными индійскими шалями, расписанными стихами Корана, стоятъ катафалки. Тюрбе эти блещутъ роскошью и драгоцѣнностями. Особенно замѣчательны въ Константинополѣ два мавзолея: тюрбе Махмуда 2-го возлѣ сгорѣвшей колонны и тюрбе Сулеймана возлѣ великолѣпной мечети Сулейманіи. Катафалкъ Махмуда 2-го стоитъ въ часовнѣ съ стѣнами, покрытыми фаянсами и куполомъ, сплошь покрытымъ рельефами. Солнечные лучи, дробясь, въ узорчатыхъ кипарисовыхъ окнахъ, звѣздочкахъ и розеткахъ капризной рѣзьбы играютъ въ перламутровыхъ подставкахъ для Корана, который читается муллами въ извѣстные часы дня въ память усопшихъ. Кромѣ катафалка Махмуда 2-го, закрытаго кашемирскими шалями съ феской, вмѣсто

тюрбана, какъ знакъ реформы, съ блестящимъ бриллiянтовымъ аграфомъ, находятся еще катафалки Абдулъ-Азиса, сына Махмуда 2-го, къ фескѣ котораго приколота громадная бриллiянтовая звѣзда, матери султана, его женъ, братьевъ и дѣтей, лежащихъ подъ болѣе простыми памятниками. Повсюду черный бархатъ, еще рельефнѣе оттѣняющій шитье серебра и жемчуга, хрустальную люстру, дрожащую отъ солнечныхъ лучей сотнями искръ и красныя фески съ бриллiянтами. Въ окна глядятъ деревья маленькаго садика, наполненнаго надгробными памятниками ввидѣ узкихъ мраморныхъ плитъ, торчащихъ неправильно во всѣ стороны, съ изображеніемъ фесокъ, звѣздъ, солнцъ иль тюрбановъ на концахъ.

Но еще прекраснѣе тюрбе Сулеймана, переносящая зрителя въ очарованныя страны. Среди бѣлыхъ и малиновыхъ колоннъ, несущихъ куполъ среди мраморовъ и фаянсовъ, подъ темно-гранитнымъ парчевымъ небомъ съ блестящими цвѣтами, въ которыхъ, какъ слезы, дрожатъ алмазы, среди стѣнъ, покрытыхъ причудливыми арабесками—стоятъ гробницы Сулеймана и его любимой жены Роксаланы, Сулеймана 2-го, Ахмеда 2-го, принцессъ. Гробъ Сулеймана Великолѣпнаго, скрытый восхитительными восточными шалями, окруженъ рѣшеткой, сіяющей всѣми переливами перламутра. Драгоцѣнные камни сіяютъ въ этой часовнѣ повсюду, дневной свѣтъ, войдя въ эти покои смерти, превращается въ какой-то таинственный полусвѣтъ, въ которомъ, какъ въ розоватомъ туманѣ, тонутъ гробы былыхъ владыкъ, сіяя бриллiянтовыми лучами. Сама мечеть Сулейманія съ двумя парами различной величины минаретовъ, съ ея арками

высится мраморной громадой на одномъ изъ ближнихъ холмовъ къ Золотому Рогу. Сулейманъ вполнѣ справедливо названъ великолѣпнымъ и всѣ памятники его царствованія поражаютъ роскошью. Зеленые платаны рѣзко оттѣняютъ мраморы мечети и ея сверкающіе купола. И Сулейманія, какъ всѣ мечети Стамбула, рабски подражаетъ св. Софіи. Во всякой мечети во всѣхъ деталяхъ видишь чуть не фотографическіе снимки деталей св. Софіи. Внутри въ полумракѣ блещутъ пестрые мраморы, высятся восхитительныя колонны древнихъ храмовъ Эфеса и выдѣляются четыре изъ дворца Юстиніана, на которыхъ прежде стояли статуи Ѳеодоры, Юстиніана, Евдокіи и Венеры. Золотые свѣтильники, драгоцѣнные ковры Персіи и Индіи, желѣзная сѣть съ лампочками, висящая низко надъ поломъ, даже шестикрылые херувимы на пилястрахъ подъ куполомъ, которые явились въ Сулейманіи ввидѣ какого-то темнаго рисунка, все служитъ небольшой варіяціей красотъ св. Софіи. И мечеть „Свѣтъ Османа“ (Nuri-Osmanie) и „Новая Мечеть“ (Jeni-Джами) у Галатскаго моста и мечеть Баязида, и всѣ остальныя безчисленныя мечети выстроены по образцу святой Софіи и различаются величиной, числомъ минаретовъ и деталями внутренняго убранства. Мечеть Баязида особенно оживлена, ея дворъ это постоянный сборный пунктъ торговцевъ и нищихъ. Здѣсь въ теченіе всего дня толчея и базаръ. Здѣсь восточная жизнь выступаетъ особенно ярко. Тысячи голубей, которыхъ здѣсь прикармливаютъ, парятъ вокругъ двухъ высокихъ минаретовъ. Съ шумомъ слетаютъ эти пернатыя стада на дворъ, видя разсыпанныя сѣмена, вылетая изъ подъ карнизовъ, изъ-за колоннъ, изъ галлерей. Говорятъ, что

эти голуби расплодились отъ пары голубей, которыхъ купилъ Баязидъ у одного нищаго и пожертвовалъ ихъ мечети. По пятницамъ здѣсь кормятъ уличныхъ собакъ, кучами сбѣгающихся на дворъ мечети.

Мечеть Баязида лежитъ возлѣ большаго морскаго министерства на мѣстѣ древняго дворца Эски-Сераля съ большимъ дворомъ, окруженнымъ желѣзной рѣшеткой, съ красивыми воротами и высокой башней „Сераскератъ“, съ которой открывается прекрасный видъ на всѣ окрестности. На вершину башни ведутъ сотни ступеней и, хотя восхожденіе нѣсколько утомительно, туристы считаютъ своей обязанностью взглянуть на Константинополь à vol d'oiseau.

Изъ остатковъ прежняго величія Византіи, изъ ровестниковъ гипподрома и св. Софіи особенно характерны колоссальныя цистерны, разбросанныя по всему Стамбулу. До нашего времени уцѣлѣло очень мало изъ этихъ замѣчательныхъ сооруженій. Лучше всѣхъ сохранилась цистерна въ 1001 колонну. Спустившись по узкой и ветхой лѣстницѣ подъ землю, мы очутились въ полумракѣ громаднаго подземелья, среди рядовъ каменныхъ столбовъ. Колонны состоятъ каждая изъ трехъ поставленныхъ одна на другую. Надъ поломъ подземелья торчатъ не болѣе трети отъ вторыхъ колоннъ. Ходишь въ этомъ подземельномъ каменномъ лѣсу и переносишься въ далекіе прошлые вѣка. Эта громадная цистерна служила для воды, во время осады города. Теперь и въ эти таинственныя подземелья проникли практическіе люди. Длинныя нити шелка, мотающіяся на колеса, протянулись между мрачныхъ колоннъ. Странно какъ-то видѣть этотъ спокойный духъ

промышленности здѣсь, гдѣ вѣетъ совсѣмъ инымъ временемъ, гдѣ фантазія создаетъ иные образы и картины. Остальныя цистерны почти совсѣмъ не доступны для публики и приходится ограничиться осмотромъ этой гигантской цистерны.

Бродя по холмамъ Стамбула повсюду наталкиваешься на памятники древнихъ красотъ лучезарной и блестящей Византіи. То набредешь на закрытый тѣнью платановъ разрушенный домикъ, въ которомъ находится могильный камень Константина Палеолога, умершаго отъ руки турка во время погрома Византіи, даже мусульмане чтутъ эту могилу, зажигая надъ ней восковыя свѣчи, то остановишься передъ сѣрой колонной Марція, украшенной четырьмя орлами, находящейся въ частномъ саду и, о варварство, даже застроенной съ одной стороны какой-то конюшней или сараемъ, которому она должна служить подпоркой. Этотъ памятникъ, когда-то украшенный статуей императора Марція, какъ и обелиски гипподрома, ушелъ своимъ постаментомъ подъ землю, турецкую грязь, наросшую надъ византійской землей. Турки зовутъ этотъ сѣрый мраморный монолитъ „кисъ-ташъ“—„камень дѣвственности“ или „колонна дѣвъ“, вслѣдствіи легенды, которая приписываетъ этому мрамору удивительное свойство указывать какимъ-то чуднымъ образомъ дѣвушекъ, потерявшихъ невинность. Надъ Стамбуломъ громадными арками повисъ гигантскій Валентовъ акведуктъ, у ногъ котораго цѣлое море домовъ и лачугъ, тѣсно прижавшихся къ его старымъ сѣрымъ камнямъ. Въ Стамбулѣ много восточной роскоши, много волшебнаго великолѣпія. Фонтанъ Ахмеда, усыпальница Сулеймана съ ея малиновымъ свѣтомъ, отъ котораго горятъ розовымъ пламенемъ

бѣлые мраморы колоннъ, Ахмедова мечеть, не говоря уже о св. Софіи, поражаютъ туриста и весь этотъ блескъ, всѣ эти красоты арабесковъ и мраморовъ, все это сіяніе золота и алмазовъ оказывается ничтожнымъ и жалкимъ передъ древнимъ величіемъ Византіи, передъ изумительными красотами и великолѣпіемъ умершаго Царь-града, на скелетъ котораго мы пріѣзжаемъ поглядѣть изъ далекаго далека.

11.

Константинополь.

(Большой Базаръ. Бани. Турки. Вертящіеся и ревущіе дервиши).

L'art de connaître les hommes se peut apprendre, mais ne se peut enseigner.

Louis XIV.

Великую достопримѣчательность для всякаго пріѣзжаго представляетъ базаръ. Это гигантскій рынокъ, безконечно длинные ряды, громадные кварталы, спрятавшіеся подъ крыши съ маленькими купольчиками, изъ дали имѣющими видъ грибовъ, это наша толкучка въ грандіозныхъ размѣрахъ, цѣлый торговый городъ съ крикомъ, шумомъ, гамомъ и такой толчеей, какой нигдѣ не встрѣтишь кромѣ такихъ большихъ городовъ, какъ Каиръ или Дамаскъ. Это цѣлый лабиринтъ улицъ, переулковъ и закоулковъ, изъ которыхъ можетъ выбраться только опытный обыватель. Самъ громадный базаръ, такъ называемый „большой базаръ", переплетенный изъ пассажей, улицъ и проулковъ, лежащій, какъ громадная паутина, между мечетями Баязида и мраморной „Нури-Османіе", окруженъ цѣлыми пригородами рынковъ. Рынокъ рыбъ (балыкъ-базары), гдѣ бѣлѣютъ животы кефалы, навалены цѣлыя пирамиды раковинъ, улитокъ, слизняковъ, каракатицъ, гдѣ цѣлыя кучи креветокъ и краббовъ, цѣлые мѣшки устрицъ стоятъ стѣнами на каждомъ шагу; рынокъ цвѣтовъ съ букетами и вѣнками розъ, акацій и паскали, рынокъ плодовъ съ корзинами миндаля, фисташекъ, финиковъ, горами цвѣтной капусты и огурцовъ и другіе рынки съ ихъ шумной жизнью цѣпью разлеглись вокругъ большаго базара. Изъ пригородныхъ отличается шумомъ и гамомъ египетскій рынокъ, гдѣ можно достать рѣшительно всѣ снадобья, требуемыя аптекаремъ, парфюмеромъ, знахаремъ, красильщикомъ. Здѣсь висятъ пучки корешковъ, хвосты выхухоли, флаконы съ розовой эссенціей, здѣсь причудливыя стклянки съ красками для волосъ, для ногтей, арабская краска для бровей, ревень, корица, гвоздика, мускатный орѣхъ, тамариндъ, алоэ, сандалъ, краски, индиго, камфора, опій, гашишъ, ртуть, перецъ, анисъ и всякая всячина въ громадныхъ мѣшкахъ подъ легкими навѣсами лавокъ. Я, кажется, охотно-бы повѣрилъ, если бы мнѣ назвали въ числѣ сѣры, мастики, аниса, гуми-арабика—веревки отъ повѣшенныхъ, пуповину новорожденнаго, волосы изъ кошачьихъ хвостовъ, слюну удавленника и всякую другую мерзость, употребляемую вѣдьмами и колдунами. Сами продавцы въ длинныхъ кафтанахъ и пестрыхъ чалмахъ, флегматично сидящіе, поджавъ ноги и курящіе трубки и кальянъ, переносятъ васъ на улицы Багдада во времена 1001-й ночи. Положительно вѣрится въ сказки, когда бродишь по этимъ длиннымъ улицамъ, дышащимъ востокомъ, гдѣ самъ являешься рѣзкимъ анахронизмомъ.

Въ большомъ базарѣ царитъ вѣчный полусвѣтъ, увеличивающій таинственность. Небольшія струи его падаютъ въ отверстія купольчиковъ на плоской крышѣ базара, который торгуетъ почти до заката солнца, запираясь за часъ до мрака, когда появляются сторожа, бдящіе до разсвѣта.

Нигдѣ не увидать такой жизни, какъ въ будни въ базарѣ. А буднями считаются понедѣльникъ, вторникъ, среда и четвергъ, такъ какъ въ пятницу магометане справляютъ рамазанъ, въ субботу евреи— шабашъ, въ воскресенье христіане закрываютъ свои магазины. Въ будни здѣсь текутъ пестрые потоки толпы и никогда не наглядишься на эти одежды, на эти лица на эти сцены, вѣящія на васъ настоящимъ востокомъ, отрѣзывающія васъ отъ всего, къ чему вы привыкли у себя въ „Европѣ". Цѣлыя улицы, наполненныя только сафьяновыми туфлями, развертываются передъ вашими глазами и какихъ только туфель здѣсь нѣтъ! Съ кисточками, съ золотомъ, съ поддѣльнымъ жемчугомъ, съ мѣхомъ, съ бантами, съ пуфами. Цѣлыя улицы съ стеклянными издѣліями, съ фарфоровыми посудинами, глиняными трубками, мѣдными кофейничками, отороченными мѣхомъ шапочками, фесками, платками, шелками, пестрыми одѣялами, чудными скатертями, рѣдкими древностями и т. д. тянутся на версты во всѣ стороны. Каждая промышленность, каждое ремесло занимаетъ цѣлую улицу. И глядишь, глядишь до одурѣнія на расшитые золотомъ и шелками кафтаны, на удивительныя чадры и легкіе, какъ пухъ, шелковые платки, дивишься на восточныя шали, башлыки, шелковыя рубашки, матеріи, тонкія работы изъ золота и серебра, на удивительные ковры, индійскія парчи, оружіе, дамасскіе клинки, задыхаешься въ ароматахъ порфюмерныхъ улицъ, гдѣ повсюду розовое масло, мускусъ, душистыя деревья, чётки, зеркала изъ Персіи, бергамотовыя и жасминныя эссенціи, душистые гребни и всякія другія мелочи.

Большіе караванъ-сараи или ханы, предназначенные для храненія товаровъ и для конторъ, лежатъ возлѣ базара большой колоніей и образуютъ узкую улицу, заросшую плющемъ по сѣрымъ стѣнамъ тяжелыхъ домовъ. Изъ лучшихъ хановъ считается первымъ ханъ Валидэ, выстроенный матерью султана Ибрагима. Въ немъ сотни купцовъ имѣютъ свои конторы и гигантскіе склады товаровъ. Здѣсь же въ этомъ большомъ зданіи, окружающемъ дворъ съ фонтанами, живутъ многіе купцы. Серьезный и суровый видъ хана напоминаетъ монастырь. Сходство это увеличивается еще благодаря тому, что разъ въ годъ ханъ Валидэ бываетъ ареной оригинальнаго религіознаго празднества, когда экстазъ правовѣрныхъ достигаетъ высокой точки и заставляетъ трепетать съ трудомъ попавшихъ на праздникъ европейцевъ. Ежегодно 10-го числа мѣсяца Мугарема послѣ захода солнца раздается жалобная музыка, возвѣщающая прибытіе процессіи, оплакивающей смерть Гуссейна, сына Калифа Али, смерть воина, павшаго во время битвы при Кербелѣ, болѣе чѣмъ за шесть вѣковъ до Р. Х. Сотни страждущихъ персовъ съ горькими пѣснями, съ рыданіемъ и стонами медленно двигаются по двору; въ бѣлыхъ одеждахъ, которыя при свѣтѣ факеловъ кажутся саванами, выступаютъ вереницы удрученныхъ тяжкимъ горемъ людей, оплакивающихъ смерть Гуссейна съ дикимъ фанатизмомъ и жалобнымъ пѣньемъ въ одно и тоже время. Но-

выя толпы съ обнаженной грудью, въ которую они бьютъ кулаками, проходятъ мимо. За ними выступаютъ фанатики, обвѣшенные визжащими цѣпями, по которымъ капаетъ кровь, такъ колотитъ тѣло желѣзная цѣпь. Въ темнотѣ сверкаютъ обнаженные мечи, которые заставляютъ сжиматься сердце зрителя отъ ужаса. Передъ вашими глазами при вопляхъ и крикахъ выплываетъ изъ темноты толпа мужчинъ, которые въ религіозномъ экстазѣ ударяютъ себя мечами по головѣ. По лицу, волосамъ и плечамъ текутъ кровавые ручьи и превращаютъ бѣлое одѣянье въ ужасныя кровавыя рубашки. И долго блистаютъ мечи, какъ молніи, и при каждомъ взмахѣ ихъ новые потоки крови струятся по плечамъ несчастныхъ мусульманскихъ факировъ. Шествіе замыкаетъ бѣлая лошадь съ окровавленнымъ сѣдломъ, лошадь павшаго Гуссейна. У ея сѣдла вьется привязанный бѣлый голубь—душа Гуссейна, а слѣдомъ за ней идутъ трое закованныхъ въ цѣпи маленькихъ дѣтей, изображающихъ дѣтей Гуссейна, уведенныхъ въ рабство. При видѣ ихъ—толпа стонетъ и рыдаетъ, также и послѣ каждой остановки поѣзда, когда имамъ читаетъ главу изъ жизни Гуссейна. Въ этомъ праздникѣ столько крови и ужаса, пѣсни такъ горьки и жалобны, мракъ отъ свѣта факеловъ такъ густъ, а вопли толпы такъ грандіозны, что надо обладать очень крѣпкими нервами, чтобы спокойно смотрѣть на ныряющую въ мракъ процессію.

Дѣйствительно, что городъ, то норовъ — что страна—то обычай. Въ Константинополѣ на каждомъ шагу приходится вспоминать эту мудрую поговорку. Трудно удержаться, чтобы не купить чегонибудь. Бродя по базару, ежесекундно бросаешься

на разные предметы, желая вести съ собой на родину въ подарокъ диковинку изъ далекой стороны. Ну, какъ не купить феску, какъ не захватить сафьяновыхъ туфель или шелковаго платка. Эти соблазны непреодолимы. Много путешествуя, я выучился обуздывать порывы накупанья всякой дряни и теперь рѣшился остановиться на нѣсколькихъ мелочахъ, а то бывало везешь изъ Спа всевозможные ящички съ рисунками, изъ Швейцаріи—всевозможную деревянную рухлядь, ввидѣ чернильницъ, домиковъ, сернъ и прочей дребедени, изъ Венеціи—всякія издѣлія изъ мозаики — и т. д. И вѣдь нельзя не купить. Просто совѣстно передъ собой дѣлается, кажется, словно преступленье совершилъ, ну и накупаешь и набиваешь мѣшки и чемоданы разными свертками.

Здѣсь на базарѣ надо имѣть большой запасъ терпѣнія и хладнокровія. Покупки приходится пріобрѣтать черезъ драгомана, который при этомъ не забываетъ себя, пользуясь вашимъ незнаніемъ языка и обдирая васъ, какъ липку. Итальянцы сложили даже про Перу стихи: „in Pera sono tre malanni: peste, fuoco, dragomanni“ (Въ Перѣ три бѣдствія: язвы, пожаръ и драгоманы). И это совершенно вѣрно, такъ какъ на нашу долю выпалъ особенно скверный драгоманъ, особенно алчный, особенно лѣнивый и несвѣдущій, хотя особенно зарекомендованный намъ отъ гостинницы. Туфли и феску, стоящія нѣсколько піастровъ, я купилъ сравнительно легко, хотя мой драгоманъ кричалъ, торговался, разъ десять уводилъ насъ изъ магазина. Мой сотоварищъ купилъ себѣ нѣсколько дорогихъ вещей и, покупая ихъ, мы вынесли ужасную пытку. Торговецъ красивый турокъ съ огненными глазами назначилъ

большую цѣну, чуть не въ десятеро, за прекрасную шелковую скатерть, расшитую шелками и за такой же коверъ. Мы вздумали было торговаться, но драгоманъ просилъ насъ обождать, а турокъ послалъ толстоносаго мальчишку въ фескѣ въ ближайшую кофейную. Оказалось, что пока мы не выпили по маленькой чашкѣ кофе съ гущей, о торговлѣ не могло быть и рѣчи. Затѣмъ мы начали торговаться, предложивъ турку четверть настоящей цѣны. Мы спорили, уходили для виду, возвращались, уходили, чтобы дѣйствительно уйти, но турокъ посылалъ за нами толстоносаго мальчишку въ фескѣ. Мы покупали скатерть и коверъ чуть не полъ часа. Это обычай востока, который никакъ не обойти. Сейчасъ-же послѣ посѣщенія большаго базара мы отправились познакомиться съ другимъ курьезомъ Константинополя—съ восточными банями. Слабыя копіи съ нихъ появились и въ Петербургѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ, но по нимъ трудно судить о Константинопольскихъ баняхъ—такихъ-же восточныхъ, какъ базаръ, такихъ-же пестрыхъ, какъ турецкіе шали, такихъ-же интересныхъ по убранству и по публикѣ, какъ все въ Константинополѣ для насъ европейцевъ и особенно европейцевъ-сѣверянъ.

Мы вошли, пройдя узкій корридоръ, въ довольно обширную залу съ купольчатымъ потолкомъ, обставленную мягкими диванами, обвѣшенную и устланную дорогими, мягкими коврами съ самыми причудливыми восточными узорами. Въ срединѣ залы однообразно журчалъ фонтанъ, придавая много нѣги всей залѣ, въ одномъ изъ угловъ которой выглядывала маленькая кофейная. Характерная паутина веревокъ протянулась подъ куполомъ и баньщики

щеголяютъ ловкостью забрасыванья простынь на эти толстыя нити. Мы не хотѣли терять время и продѣлать всю длинную процедуру и рѣшили остаться зрителями, выпивъ по чашкѣ кофе. Я еще въ Петербургѣ испыталъ и продѣлалъ всѣ фокусы восточнаго мытья, а потому не порывался идти мыться, жалѣя дорогое время. Нѣсколько турокъ съ повязанными полотенцами головами лежали на диванахъ, отдыхая отъ массажа и попивая кофе. Съ нами въ одно время вошелъ молодой турокъ, надъ которымъ баньщикъ продѣлалъ при насъ всѣ фокусы. Обвязавъ полотенце вокругъ тальи и одѣвъ деревянныя туфли, молодой турокъ направился, а вслѣдъ за нимъ и мы, въ теплую комнату съ каменнымъ поломъ и скамьями, гдѣ проводятъ нѣсколько минутъ прежде, чѣмъ вступить въ жаркое отдѣленіе бани. Здѣсь царитъ невозможная температура, градусовъ чуть-ли не въ 50, такъ что мы вынесли ее, полураздѣтые, нѣсколько минутъ и предались бѣгству, посидѣвъ предварительно въ полутеплой комнатѣ, чтобы сгладить переходъ. Среди мраморныхъ стѣнъ горячаго отдѣленія бани баньщики ловко массируютъ моющихся, распростертыхъ на низкихъ деревянныхъ скамьяхъ. Массажъ производится необыкновенно комично, баньщикъ прыгаетъ ногами по спинѣ, по груди лежащихъ, вывертываетъ руки и ноги, ворочаетъ голову, ломаетъ пальцы, мнетъ и третъ чуть-ли не съ ожесточеніемъ, топя въ мыльной пѣнѣ моющагося, который дѣлаетъ при этомъ необыкновенно комичныя лица. Уходя, мы положили на подставленное зеркало по нѣсколько піастровъ и, удовлетворивъ любопытство по отношенію къ банямъ, понеслись дальше въ уличной толчеѣ.

Масса кофеинъ и кабачковъ привлекаютъ толпу къ столикамъ. Мы поспѣшили съ перваго же часа блужданія по городу познакомиться съ турецкими ресторанчиками. Спрашивая кофе, мы пожирали глазами эту пеструю толпу, вѣчно мѣняющуюся, вѣчно суетящуюся. Турецкій кофе нѣчто совсѣмъ особенное. Въ маленькой фарфоровой чашечкѣ подаютъ кофе на половину смѣшанный съ гущей, безъ сахара и молока. Скорѣй назову вкусъ его оригинальнымъ, чѣмъ пріятнымъ. Турки пьютъ его съ наслажденіемъ. А было время, что нѣкоторые султаны подвергали кофе и табакъ остракизму наравнѣ съ виномъ и всякому преступавшему этотъ законъ грозила смертная казнь.

Курящихъ повсюду много. Сидятъ они съ длинными трубками, нерѣдко пропуская дымъ сквозь флаконъ съ водой, въ который, ради шика, кладется порою гвоздика или роза, прыгающая въ флаконѣ при движеніи и бульканьи воды. Употребляютъ при куреніи гашишъ и опіумъ, погружаясь въ сновидѣнія и въ то отрадное состояніе, къ которому потомъ постоянно стремятся курильщики, не страшась безумія, которое они вдыхаютъ съ парами наркотическихъ ядовъ. На лицѣ замираетъ блаженная улыбка, глаза заволакиваются дымкой, душа улетаетъ съ земной оболочки въ волшебные сады гурій. Рѣже встрѣтишь погруженныхъ въ чтеніе газетъ, хотя „Тарикъ“, „Мизанъ“ и „Сеадетъ“ встрѣчаются въ нѣкоторыхъ ресторанахъ. Турецкія кушанья нерѣдко очень непривлекательны на видъ, а на вкусъ и совсѣмъ противны, тѣмъ не менѣе мы сочли своимъ долгомъ попробовать эту своеобразную стряпню. Въ открытыхъ кухняхъ-кабачкахъ повсюду красовался пилавъ, эта скверная

смѣсь риса съ перцемъ, медомъ, шафраномъ, сваренная въ жиру, повсюду на небольшихъ вертелахъ жарятся вкусные куски баранины — „шашлыкъ“, и, еслибы можно было помириться съ пылью и грязью, можно было бы остаться совсѣмъ довольнымъ поджаренным кускомъ баранины прямо на спицѣ. Мы пробовали съ большимъ недовѣріемъ всѣ эти пироги изъ жира и муки съ сыромъ или говядиной, именуемые „берекъ“, пироги съ медомъ, называемые „баклава“, всѣ эти кадаифы и халвы, всѣ эти молочныя блюда изъ козьяго молока подъ названіемъ „каимакъ“ и др. и большею частью наше недовѣріе къ произведеніямъ мѣстной кухни оправдывалось. На турецкихъ обѣдахъ подаютъ много зелени; въ кушанья, гдѣ только можно, примѣшиваютъ медъ и сахаръ. Свинину, рыбъ, телятъ не ѣдятъ, дичь употребляютъ очень рѣдко. Что особенно хорошо—это шербетъ, замороженные ягодные и фруктовые соки, къ которымъ не рѣдко примѣшивается розовая эссенція. За столомъ вилокъ и ножей не употребляютъ, ѣдятъ только правой рукой, считая страшной неблаговоспитанностью ѣсть также и лѣвой или помогать ей при ѣдѣ.

Во время мѣсяца „Рамазана“ магометане должны поститься и въ теченіи дня до захода солнца не имѣютъ права принимать пищу. Въ это время день становится ночью, а ночь днемъ, когда ѣдятъ и посѣщаютъ другъ друга. Не исполнять предписаній религіи турокъ не можетъ, во всемъ повинуясь Корану, который учитъ ихъ на каждомъ шагу, какъ должно поступать. Турки фанатики и потому слѣпо слѣдуютъ всѣмъ завѣтамъ Магомета, какъ полнымъ смиренія и небеснаго свѣта, такъ и дикимъ, воинственнымъ. Народныя черты турокъ: честность, го-

степріимство, доброта—общеизвѣстны. Коранъ предписываетъ милосердіе и помощь несчастнымъ и больнымъ и благотворительность турокъ развилась широко, особенно сгруппировавшись возлѣ мечетей. Доброта турокъ подчасъ бываетъ трогательна, такъ около моста на площади передъ Новой мечетью, на дворахъ Сулейманіи и Св. Софіи — часто раздается крикъ: „ассадъ куплари" (птицы для освобожденія) и турки любятъ покупать птицъ, чтобы пустить ихъ на волю, любятъ освободить изъ тюрьмы несостоятельнаго должника, заплатить его долгъ.

Въ туркѣ много симпатичныхъ чертъ, но много и обратныхъ. Ненависть къ гяурамъ, къ немагометанамъ безграничная, смерть, убійство христіанъ, какъ смерть собакъ, никогда не имѣло въ ихъ глазахъ значенія смерти магометанина.

Полигамія, униженное положеніе хозяйки дома, называющей мужа не иначе, какъ „господинъ" и „властитель" (ефенди) и вмѣстѣ съ тѣмъ нерѣдко держащей его подъ башмакомъ, главенство отца семейства и приниженность остальныхъ членовъ, рабство, существующее еще и по нынѣ, легкость развода для мужчины, для котораго довольно сказать женѣ: „я отпускаю тебя", чтобы быть самому свободнымъ и жениться сколько угодно разъ, жалкая и однообразная жизнь женщины въ гаремѣ, протекающая въ ничего—недѣланьи и въ сплетняхъ, все это развертываетъ новыя и новыя страницы жизни и быта этого народа.

Мнѣ прежде приходилось и читать и слышать о Турціи, но это потонуло въ массѣ другихъ впечатлѣній, теперь-же, когда мнѣ пришлось лицомъ къ лицу встрѣтиться со всѣмъ тѣмъ, что казалось такимъ отдаленнымъ, всякая мелочь привлекала мое вниманіе.

Достоинство и даже нѣкоторое величіе каждаго турка, которое скользитъ даже въ мальчикахъ, не оставляетъ его ни на минуту, даже въ минуты злобы—онъ полонъ достоинства. Онъ всегда оригиналенъ въ своей красной фескѣ съ болтающейся кисточкой. Его мѣры иныя, чѣмъ у европейца, дѣленіе года на мѣсяцы и дни самостоятельное, часы дня совершенно не совпадаютъ съ нашими часами. Его небольшіе чаще деревянные дома лѣпятся другъ къ другу, выставляя на улицу крытые балкончики съ переплетами изъ дранокъ въ окнахъ. Дома притиснулись или одинъ къ другому или къ развалинамъ стѣнъ и древнихъ памятниковъ, лежащихъ среди мусора и грязи.

* *
*

Громадную достопримѣчательность для туриста представляютъ вертящіеся дервиши. Монастырь ихъ, вопреки ожиданію, не въ центрѣ Стамбула, а въ Европейской Перѣ, въ маленькомъ закоулкѣ у самой главной улицы Grande rue de Pèra, гдѣ сверкаютъ газовые языки въ блестящихъ витринахъ со всевозможнымъ товаромъ европейскихъ городовъ, гдѣ богатые отели посольства и консульства, гдѣ раздаются куплеты изъ оперетокъ въ многочисленныхъ кафе-шантанахъ, гдѣ прогуливается весь beau-monde. Какъ-то странно перенестись изъ садика около роскошныхъ мраморныхъ артилерійскихъ казармъ въ мавританскомъ стилѣ, нѣчто въ родѣ чуднаго дворца, прямо изъ аллей, полныхъ фешенебельной европейской публи-

ки, въ монастырь дервишей, въ среду фанатиковъ, въ среду ярыхъ магометанъ. Мы очутились за рѣшеткой, окружающей арену и протянувшейся, какъ паутина, между колоннъ, отдѣляющихъ середину залы. Тамъ сидѣли дервиши въ ихъ длинныхъ зеленыхъ юбкахъ, въ высокихъ войлочныхъ шапкахъ, напоминающихъ сахарныя головы. Дервиши сидѣли неподвижно въ ожиданіи сеанса и, казалось, дремали подъ унылое чтеніе молитвъ Корана одного изъ дервишей. Служба уже шла. Дервиши порой кивали головами, порой застывали въ полулежачихъ позахъ, пока зала не огласилась заунывной пѣсней. Ей вторила флейта, плача и стеная, выдѣлывая какія-то колѣнца и фіоритуры. Въ этомъ сочетаніи голоса и флейты было столько грусти, столько тоски. Дервиши поднялись. Пѣснь гипнотизировала ихъ. Они вздрагивали и дрожали. У одного дервиша-юноши глаза загорѣлись, какъ искры, а тѣло судорожно вздрагивало; у другого блѣднаго субъекта лицо приняло какое-то блаженное выраженіе, улыбка застыла, глаза вперились въ пустое пространство, руки скрестились на груди, вся его тощая фигура въ длинномъ платьѣ словно вытянулась. Дервиши скользили. Ихъ босыя ноги словно не задѣвали полъ. Они плыли въ воздухѣ, слегка согнувши тѣло въ одну сторону, или протянувъ руки, или сложивъ ихъ на груди, или закинувъ ихъ за голову. По залѣ плыли не люди, а тѣни, перепрыгивающія черезъ коврикъ главнаго дервиша. Но пѣсня звучала сильнѣе, страстнѣе, флейты визжали и стонали, порой билъ барабанъ, дервиши вертѣлись на полу плавно и мѣрно, описывая круги. Словно невидимая сила заставляла вертѣться этихъ людей, не

вѣрилось, что возможно описывать такіе круги, сохраняя постоянно одно и тоже разстояніе съ сосѣдями. И чѣмъ сильнѣе и громче раздавался мотивъ, тѣмъ скорѣе вертѣлись дервиши. Не мыслимо здоровому человѣку дѣлать подобныя движенія. Это волчки, платья которыхъ развивались, это фантазія, грезы, носящіяся передъ глазами, это кошмаръ, галюцинація. Эти протянутыя руки, развѣвающіяся юбки, блестящіе глаза, мертвыя лица или лица съ застывшимъ выраженіемъ счастья съ нѣсколько оскаленными зубами — заставляли замирать сердце. Вѣрится, что это автоматы или бездушныя тѣла, души которыхъ въ раю Магомета; страшно смотрѣть на эти живые волчки, страшно видѣть воочію этотъ припадокъ сонамбулизма, овладѣвшій всей залой. Только главный дервишъ не вертѣлся, а сновалъ между вертящимися съ удивительной ловкостью, словно тѣнь. Каждую пятницу происходитъ это символическое изображеніе круговаго теченія созвѣздій, это гипнотизированіе звукомъ и каждую пятницу спѣшатъ иностранцы поглядѣть на послѣдователей знаменитаго мистика Мевлана Челаледина изъ Коніи, основателя этого ордена и подивиться захватывающимъ душу танцемъ.

Еще страшнѣе сеансъ ревущихъ дервишей въ Скутари по четвергамъ или въ монастырѣ въ предмѣстьи Касимъ-Паша. Этотъ сеансъ буквально наводитъ ужасъ. Кажется, что толпа бѣшенныхъ сумасшествуетъ и не вѣрится, что это религіозная церемонія въ монастырѣ. Дервиши доходятъ въ завываніяхъ молитвъ и въ своихъ танцахъ до того, что падаютъ на полъ съ пѣной у рта и бьются въ сильномъ припадкѣ или теряютъ сознаніе. Ужасно

видѣть этихъ людей, доходящихъ до неистовства, до невѣроятной оргіи, до нечеловѣческой быстроты въ танцахъ и до бѣшенства и хрипоты отъ крика молитвъ. Начинается сеансъ въ такой-же залѣ, какъ у танцующихъ дервишей, спокойнымъ чтеніемъ молитвъ и церковнымъ пѣніемъ. Крича и неистовствуя держутся дервиши за руки цѣпью и качаются во всѣ стороны, какъ пьяные. „Иль-ла" раздается среди ихъ криковъ. Шейхъ возбуждаетъ дервишей, воодушевляя ихъ. Съ хоръ несется пѣніе, плачъ флейтъ, восхваленія пророка, на аренѣ стукъ, топотъ, шумъ, крикъ, гвалтъ и порой покрывающій весь этотъ хаосъ голосъ шейха. Волосы становятся дыбомъ, когда глядишь на этихъ бѣснующихся, скачущихъ, ревущихъ людей. Нѣкоторые съ пѣной у рта падаютъ на полъ, ихъ уносятъ съ арены, а остающіеся ревутъ еще сильнѣе, бѣснуются еще больше. Масса женщинъ приходитъ на эту страшную службу, приводя дѣтей, больныхъ или имѣющихъ какой-нибудь недостатокъ. Послѣ сеанса дѣтей кладутъ на полъ, лицомъ къ низу. Ведомый двумя дервишами шествуетъ престарѣлый шейхъ, касаясь ногами лежащихъ дѣтскихъ тѣлъ. Его лицо еще полно упоенья, онъ наступаетъ на дѣтей въ забытьѣ, погруженный еще въ восторженное настроеніе и народъ вѣритъ, что прикосновеніе шейха въ эти минуты должно благодѣтельно отозваться на ихъ дѣтяхъ.

Во время самой высокой степени экстаза одинъ изъ зрителей, очевидно магометанинъ и, судя по одеждѣ, изъ простонародья съ большими задумчивыми глазами и блѣднымъ лицомъ, судорожно поднялъ руку къ верху и громко крикнулъ что-то. Ясно было, что зрѣлище производило на него неотразимое впечатлѣніе, что пѣніе и звуки флейтъ загипнотизировали и его. Прошло нѣсколько минутъ еще и онъ закричалъ съ дервишами непонятныя намъ слова, завертѣлся было, но вдругъ судорожно задрожалъ и упалъ на полъ безъ чувствъ. Не успѣлъ онъ умолкнуть, какъ въ толпѣ раздался женскій вопль. Понятно, что подобныя зрѣлища страшно дѣйствуютъ и что долго не можешь прійти въ себя, покинувъ монастырь. Мало того, спустя много времени потомъ раздается этотъ крикъ и шумъ въ ушахъ, это однообразное гипнотическое повтореніе словъ: „иль-ла", эти жалобные звуки флейтъ, хвалебныя пѣсни, шопотъ и выкрикиванья шейха. Не вѣрится въ дѣйствительность и кажется, что все подстроено, такъ страшенъ весь сеансъ ревущихъ дервишей. И если плясуны производятъ впечатлѣніе грезы, мечты, витающей вдали отъ земли, если они навѣваютъ грустное раздумье, то ревущіе дервиши оглушаютъ, поражаютъ васъ, вносятъ вамъ въ душу разладъ и ужасъ, который долго преслѣдуетъ васъ. Вѣроятно, всѣ религіозныя секты всѣхъ религій производятъ приблизительно одно и тоже тяжелое впечатлѣніе своими обрядами. Подобныя зрѣлища всегда подливали масло къ моему туристическому жару и я мчался впередъ еще съ большимъ рвеніемъ, еще съ большимъ желаніемъ все увидать.

12.

Константинополь.

(Семибашенный замокъ. Стѣны. Кладбища. Фанаръ).

«Теперь и у могилъ похищаютъ ихъ тайны».

* * *

Перейдя мостъ, мы взяли коляску и покатили по узкимъ, грязнымъ и невозможно тряскимъ улицамъ Стамбула по направленію къ семибашенному замку и знаменитымъ византійскимъ стѣнамъ.

Ѣзда по улицамъ Константинополя нѣчто невозможное. Толчки ежеминутные. Коляска визжитъ и стонетъ, лошади шагаютъ по мусору и нечистотамъ. Кругомъ глядятъ жалкіе домики, стѣны, развалины, порой вынырнетъ жидовское дерево, все усыпанное темнорозовыми мотыльками цвѣтовъ или выглянетъ граціозная кисть фіолетовой глициніи, болтающаяся гдѣ-нибудь подъ самой крышей деревяннаго домишки... Иногда засинѣетъ Мраморное море, выглядывая изъ за зданій, иногда высунется черный кипарисъ, сдавленный между домами. Чудная бѣломраморная мечеть Валиде, украшенная прихотливыми арабесками, узорчатыми башенками, ребристыми минаретами показалась настоящей драгоцѣнной бездѣлушкой.

Мы ползли по лабиринту проулковъ вдоль рельсъ конки, карабкались на холмы, спускались въ овраги, круто повертывали то вправо, то влѣво. Повсюду виднѣлись грязныя кофейни, лавченки и продавцы, громко выкрикивавшіе свой товаръ. Чѣмъ дальше отъ центра, тѣмъ становилось пустыннѣе и вотъ вдали показалась зубчатая спина длинной стѣны, взгромоздившаяся на холмы, спустившаяся во рвы, ощетинившаяся своими безчисленными башнями и связавшая Мраморное море и Золотой Рогъ, на семиверстномъ разстояніи отстоящихъ другъ отъ друга.

Передъ нами семибашенный замокъ на половину въ развалинахъ, мѣстами одѣтый плющемъ и кустами. Громадныя трещины и щели чернѣютъ въ стѣнахъ замка, гдѣ гробовое молчаніе царитъ необыкновенно величаво. Неуклюжія башни глядятъ черными амбразурами оконъ въ синюю даль Мраморнаго моря. Лавръ и миндаль растутъ по вершинамъ стѣнъ и башенъ, высовываясь своими вѣтвями изъ за громадныхъ зубцовъ. Во дворѣ, заросшемъ бурьяномъ, уныло глядитъ маленькая мечеть. Пусто, дико и грустно. Нѣтъ прежнихъ блестящихъ мраморовъ, нѣтъ жизни. И прежде семибашенный замокъ игралъ не веселую роль и прежде онъ неоднократно бывалъ могилой, изъ которой неслись стоны. Пожалуй, гробовой покой болѣе къ лицу этимъ разсѣвшимся стѣнамъ, этимъ колоссальнымъ мертвымъ камнямъ.

Прежде здѣсь была тюрьма имѣсто казней, здѣсь содержались послы иностранныхъ державъ во время смутныхъ временъ, здѣсь торчали надъ зубцами стѣнъ головы казненныхъ сановниковъ.

Чудный видъ открылся намъ, когда мы взобрались на самую высокую башню по шаткимъ ступенямъ. Мраморное море съ бѣлой башней Санъ-Стефанскаго маяка, голубыя горы на горизонтѣ, черныя кипарисовыя рощи за зубцами стѣнъ, золотистый Стамбулъ съ безчисленными мечетями, но въ совершенно иномъ видѣ, чѣмъ съ Сераскератской башни, развернулся передъ нами. Трудно было оторваться отъ этой волшебной панорамы, а рядомъ выросло миндальное дерево, покрытое свѣжими плодами. Мы сорвали на память по вѣткѣ съ миндалемъ.

Золотые ворота, имѣвшие три пролета, служили прежде для въѣзда торжественныхъ поѣздовъ и тріумфальныхъ шествій императоровъ. Здѣсь ликующій народъ сыпалъ розы, встрѣчая тріумфаторовъ, здѣсь блестѣли золотыя украшенія у двухъ мраморныхъ колоннъ и блистала золотая статуя побѣды, здѣсь при восторженныхъ крикахъ толпы въѣзжалъ императоръ Михаилъ Палеологъ... Теперь эти ворота замуравлены по приказанію прежнихъ султановъ, такъ какъ у турокъ живетъ и по сейчасъ легенда, что въ эти ворота въѣдутъ вскорѣ новые побѣдители Константинополя.

Мы выѣхали за городъ и покатили вдоль гигантскихъ стѣнъ среди полей и кипарисовыхъ рощъ. Чудное южное солнце блистало въ синевѣ неба и циклопическія постройки стѣнъ съ ихъ безконечными круглыми и четырехъугольными башнями напоминали театральную декорацію. Совершенно забываешься у этихъ громадныхъ трехъ стѣнъ съ ихъ рвами, валами и башнями, съ ихъ зеленой щетиной деревьевъ, выросшихъ въ разщелинахъ стѣнъ и между стѣнами, и кажется, что стѣны эти окружаютъ не турецкій Константинополь, не городъ

правовѣрныхъ, а старую былую Византію со всѣми ея диковинками, съ золотыми львами во дворцѣ, съ поющими эмалевыми птицами, съ всѣмъ прежнимъ блескомъ гипподрома Юстиніана.

Безконечная цѣпь развалинъ съ грудами обрушившихся камней, стѣны съ выбитыми зубцами тянутся до самаго Фанара на каждомъ шагу выдвигаются старыя башни, большія городскіе ворота. И всѣ эти развалины, всѣ эти трещины и бреши, затянутыя плющемъ, говорятъ о томъ страшномъ днѣ, когда стѣнобитныя машины Магомета 2-го трещали подъ стѣнами и громили этотъ каменный щитъ. Во всей стѣнѣ столько величія, массивности и суровости, что она напоминаетъ стѣны глубокой древности. Я никогда не видалъ прежде подобныхъ стѣнъ, но, увидѣвъ эти камни, собранные ржавыми желѣзными полосами въ гигантскую броню, изгрызенную войной и временемъ, я сейчасъ же вспомнилъ, что подобныя стѣны должны были быть у Ниневіи.

Громадныя кладбища тянутся по другую сторону дороги. Эти обители мертвыхъ сторожатъ Византію, окруживъ городъ со всѣхъ сторонъ. Всюду подъ сѣнью темныхъ гигантскихъ кипарисовъ съ ихъ неподвижной черной листвой стоятъ мраморные столбы или украшенные фесками или солнцами, или закругленные на вершинѣ. Темныя кипарисовыя аллеи тянутся по кладбищамъ и столько печали въ одѣяньи этихъ гигантовъ—деревьевъ, столько печали въ ихъ неподвижной мрачной листвѣ. Бѣлые памятники, покачнувшіеся во всѣ стороны еще рельефнѣе выдѣляются во мракѣ этихъ кипарисовыхъ лѣсовъ, какъ войска, обступившихъ весь городъ.

Около небольшаго христіанскаго кладбища стоитъ монастырь съ свѣтлымъ источникомъ въ подземной часовнѣ. Здѣсь же ключъ, съ которымъ соединена легенда. Во время осады Константинополя турками, одинъ изъ монаховъ жарилъ рыбы на берегу ключа. Когда ему сообщили о взятіи города, онъ не повѣрилъ извѣстію и воскликнулъ: „скорѣе я повѣрю, что эти рыбы на половину поджаренныя оживутъ и уйдутъ въ воду“.—Не успѣлъ онъ окончить свою фразу, какъ рыбы выскочили изъ сковороды и уплыли въ глубину. Путеводитель показывалъ намъ какихъ-то рыбокъ, увѣряя, что это тѣ самыя, которыя жарились на сковородѣ монаха.

Мы ѣдемъ безъ конца. Развалины стѣнъ съ башнями и воротами ползутъ змѣей на холмы, опускаются въ овраги, вырисовываются зубцами на темно-синемъ небѣ. Красными пятнами торчатъ жидовскія деревья, персики одѣты въ подвѣнечный нарядъ, а съ другой стороны дороги тянутся кладбища съ высокими стройными кипарисами.

Въ темномъ подземельѣ журчитъ источникъ св. Троицы, куда не только греки, но и турки считаютъ обязанностью бросить мѣдную монету.

Хотѣлось попасть въ мечеть Эюба, выстроенную Магометомъ 2-мъ надъ могилой знаменосца пророка. Въ роскошной мраморной мечети, недоступной туристамъ, хранится величайшая святыня правовѣрныхъ—мечъ пророка, которымъ султаны опоясываются при вступленіи на престолъ. Мы очень досадовали, что не могли попасть въ эту мечеть, но дѣлать было нечего и мы направились по невозможной дорогѣ къ Каріе-джами, небольшой мечети, совсѣмъ спрятанной между домами. Каріе-джами знаменита своими мозаиками и фресками и путеводители считаютъ непремѣннымъ долгомъ показать эту маленькую мечеть старо-византійскаго стиля всякому туристу.

Самая мечеть обложена мраморными плитами и всѣ фрески и мозаиковыя картины затерты и замазаны известкой, за то паперть вся покрыта удивительной живописью еще 14-го вѣка. Глядишь и удивляешься, какъ дожили до насъ эти картины, какъ пощадила рука варвара эти сокровища древняго искусства.

Поклоненіе волхвовъ, рождество, появленіе ангела Іосифу, убіеніе младенцевъ въ Виѳлеемѣ и др. сцены изъ священной исторіи сильнымъ диссонансомъ глядятъ съ куполовъ и стѣнъ предверій мечети. Въ боковой часовнѣ мозаики поражаютъ красотой и легкостью.

Стѣны ползутъ дальше къ Золотому Рогу, дорога дѣлается убійственной, крутые спуски въ кипарисовыхъ рощахъ дѣлаются очень рискованными. А по дорогѣ пришлось еще посмотрѣть Текуръ-Сарай, пустой и угрюмый замокъ, нависшій надъ стѣнами и представляющій, вѣроятно, остатокъ прежняго роскошнаго Влахернскаго дворца. Здѣсь былъ прежде храмъ Влахернской Божьей Матери, сгорѣвшій до основанія въ былыя времена.

Стѣны ввидѣ кряжа развалинъ дотянулись до Фанара, греческаго предмѣстья Константинополя, съ каменными домиками, съ небольшими садиками и хорошенькими гречанками. Зашли мы и въ патріархію, пріютившуюся здѣсь подальше отъ воинственныхъ минаретовъ, этихъ копій ислама. Въ новомъ зданіи мало интереснаго и только въ церкви между колоннами помѣщены нѣсколько диковинокъ, какъ архіерейскій престолъ Іоанна Златоуста, возбудив-

шій сомнѣніе въ своей подлинности, карнизъ иконостаса—обломокъ отъ Софійскаго собора и двѣ древнія мозаики—Христосъ и Богоматерь.

Между двумя дворами высятся желѣзные ворота, которые имѣютъ теперь значеніе историческаго памятника, такъ какъ на нихъ былъ повѣшенъ патріархъ Григорій по повелѣнію султана Магомета 2-го. Обратный путь лежалъ по узкимъ улицамъ Стамбула возлѣ Золотого Рога. Мы снова попали на ужасный путь съ невозможной мостовой, съ рытвинами, куда влѣзала наша коляска, съ горами мусора, на которыя едва втягивали нашъ экипажъ лошади. Только около Новаго моста прекратились толчки и мы были ради радешеньки, что разстались съ мучительной необходимостью сидѣть въ колясҡѣ и ѣхать по самой адской мостовой.

13.

Константинополь.

(Сладкія воды Европы. Башня Леандра. Скутари. Принцевы острова. Отъѣздъ).

«Богъ не требуетъ, чтобы люди вѣрили тому, чего они не въ состояніи понять».

Іоаннъ Виклефъ.

Окруженный кипарисовыми кладбищами Константинополь почти не имѣетъ садовъ и парковъ за исключеніемъ небольшихъ садиковъ по „главной улицѣ Перы", открывающихъ чудные виды на уголки Босфора или Золотого Рога, поэтому турки такъ цѣнятъ долину Сладкихъ водъ Европы, эти острова Петербурга, Тиргартенъ Берлина, Булонскій лѣсъ Парижа. Конечно достопримѣчательнаго долинка съ рѣчкой по срединѣ впадающей въ Золотой Рогъ, представляетъ очень мало, такъ какъ ни запущенный Султанскій дворецъ, ни малоинтересная мечеть, ни старый паркъ, ни деревеньки, лежащія въ долинѣ за паркомъ, не интересны. Правда, пріятно провести часокъ въ зеленой долинѣ среди цвѣтущихъ луговъ, подъ старыми платанами на бе-

регу рѣчки, но туристу, дорожащему каждымъ часомъ, ѣхать въ сладкія воды положительно нечего въ простой день, за то въ пятницу „Сладкія воды" представляютъ такой интересъ, что грѣшно не побывать въ долинѣ.

Масса публики ѣдетъ по пыльной дорогѣ, пролегающей по полямъ, покрытымъ посѣвами или колючими кустарниками стелющимися по засохшей землѣ или направляется въ каюкахъ и гондолахъ по Золотому Рогу. Мы наняли у галатскаго моста каюкъ и поплыли вдоль Золотого Рога въ устье рѣчки, которая въ противуположность соленой морской водѣ получила кличку „Сладкихъ водъ"... По пятницамъ вся долина усѣяна гуляющими. Массы каюковъ, гондолъ, барокъ и лодочекъ тѣснятся по берегамъ рѣчки, тысячи колясокъ, каретъ, шарабановъ, пролетокъ, paniers de Nice, фаэтоновъ, тележекъ, неуклюжихъ арбъ, запряженныхъ волами съ самой разнообразной упряжью, съ самымъ пестрымъ убранствомъ попадаются на каждомъ шагу. Повсюду разостланы ковры и шали, всюду группы турчанокъ съ дѣтьми, съ рабынями, всюду массы мужчинъ. Красныя фески, какъ яркіе цвѣты, вырисовываются на зелени, а пестрые дамскіе туалеты выглядываютъ самыми прихотливыми узорами восточнаго ковра. Тутъ раздается пѣніе, играются всякія игры, предаются сладкому мечтанію, пьютъ и ѣдятъ, ѣдутъ народъ посмотрѣть и себя показать. Здѣсь на лицо гаремы султана, пашей и великихъ визирей, здѣсь вся константинопольская знать во всемъ своемъ блескѣ. Всюду въ колясках и каретахъ, окруженныя евнухами, выглядываютъ прелестныя личики, привѣтливо улыбающіяся проходящимъ. Дамъ изъ Сераля мы встрѣтили, не до

ходя Сладкихъ водъ Европы. Одалиски высовывали въ окна свои хорошенькія головки, съ наслажденіемъ глядя на жизнь. У многихъ выраженіе лица словно застыло и безучастно глядѣли онѣ наивными глазами изъ окна кареты. Плачевныя турецкія пѣсни съ акомпаниментомъ барабановъ и скрипокъ придаютъ много меланхоліи. Пѣсни однообразны и некрасивы. Мы посѣщали много кабачковъ и кафешантановъ въ Перѣ и Галатѣ и всюду насъ встрѣчалъ и провожалъ одинъ и тотъ же заунывно-грустный, однообразный мотивъ, такъ характеризующій востокъ.

Назадъ мы отправились пѣшкомъ по тропинкамъ, ведущимъ по крутымъ мѣловымъ откосамъ и буграмъ, прорѣзаннымъ оврагами и покрытымъ скудной растительностью, въ которой преобладаютъ колючіе дроки. Такъ понятно выраженіе „горькія травы", когда идешь по окрестностямъ Константинополя и кажется, что находишься не подъ стѣнами столицы востока, а гдѣ-то вдали, въ глуши Палестины или Сиріи.

Подошелъ вечеръ. Небо было облито кровавой зарей, все болѣе и болѣе переходившей въ темный пурпуръ. Когда мы взгромоздились на одинъ изъ болѣе высокихъ мѣловыхъ бугровъ, передъ нашими глазами вынырнулъ весь Стамбулъ изъ Золотого Рога и мы остановились совсѣмъ ослѣпленные. Ни съ старой неуклюжей Галатской башни, ни съ высокой каланчи Сераскерата, ни съ семибашеннаго замка мы не имѣли такого вида на Стамбулъ. Въ тишинѣ опускающагося надъ городомъ вечера, на темно-пурпурномъ фонѣ черными колоннами вырисовывались всѣ минареты, всѣ кипарисы, а гигантскія арки Валентова водопровода съ просвѣчи-

вающимъ небомъ дополняли прелесть всей картины...

Когда мы подошли къ городу и поравнялись съ мечетью, возгласъ муэдзина: „нѣтъ Бога, кромѣ Бога и Магомета пророкъ его, идите на молитву“ уже прозвучалъ. Изъ окрестностей Константинополя, кромѣ Сладкихъ водъ Европы, кромѣ обязательнаго для каждаго туриста Босфора, мы посѣтили Скутари и Принцевы острова, а мой спутникъ, оставшiйся еще на недѣлю въ Константинополѣ, собирался взойти на гору Бургурлу и посѣтить Бруссу съ снѣжнымъ блистающимъ Азiатскимъ Олимпомъ.

Передъ стелющимся полосою на Азiатскомъ берегу Скутари обращаетъ на себя вниманiе каждаго въѣзжающаго въ Константинополь бѣлая башенка, стоящая на маленькомъ островкѣ, словно она высунулась изъ воды, стоя на днѣ. Эта башня Леандра служила для закрыванiя цѣпью входа въ Босфоръ и теперь обращена въ маякъ, горящiй по вечерамъ яркимъ пламечкомъ среди водъ пролива.

Камень-островокъ, служащiй подводнымъ фундаментомъ башни, назывался въ древности „Дамалисъ“ въ честь жены полководца Хараса, умершей въ Скутари. Полководецъ былъ посланъ аѳинянами на помощь византiйцамъ противъ Филиппа Македонскаго. Надъ мавзолеемъ на этомъ островкѣ аѳиняне поставили колонну съ изображенiемъ тельца на вершинѣ. Кромѣ того, что имя Дамалисъ означало тельца, колонна служила также памятникомъ основанiя Византiи, съ которымъ была соединена легенда объ Io, переплывшiй Босфоръ подъ видомъ коровы.

Названiе „башня Леандра“ должно быть произо-

шло по ошибкѣ, такъ какъ поэтическое сказанiе, соединенное съ этимъ именемъ принадлежитъ не Босфору, а Дарданелламъ, не этому невѣроятно быстрому протоку, а Геллеспонту и именно въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ суровый Ксерксъ намѣревался переправиться въ Европу и гдѣ онъ велѣлъ высѣчь непокорныя воды за то, что онѣ вздумали разрушить мостъ, переброшенный владыкой персовъ, могущественнымъ царемъ. Тамъ же переплывалъ морской проходъ, шириной менѣе версты, и лордъ Байронъ, желавшiй подражать Леандру и, прибывши изъ Абидоса въ Сестосъ, схватившiй лихорадку.

Хотя легенда о Геро и Леандрѣ и принадлежитъ Сестосу, гдѣ когда-то высился роскошный храмъ Афродиты, украшенный колоннами и башней, висѣвшiй вмѣстѣ съ грозной скалой надъ морской пучиной, тѣмъ не менѣе легенду разсказываютъ въ Константинополѣ, какъ бы принадлежащей къ этой небольшой бѣлой башенкѣ, стоящей, какъ часовой, передъ „золотымъ городомъ“ Скутари или Хризополемъ, какъ его звали въ старину. Леандръ изъ Абидоса, пришедши на праздникъ богини Афродиты, принесъ горлинокъ въ жертву богини любви и увидѣлъ подъ сводами темнаго храма, окутаннаго благовонiями и ароматомъ розъ, красавицу жрицу Геро. И вотъ, охваченный порывомъ страсти, юноша не страшится пучинъ пролива и приплываетъ, какъ вѣрный любовникъ, къ красивой жрицѣ въ Сестосъ. Богиня любви помогаетъ юной четѣ, пока зимнiя бури не поглощаютъ вѣрнаго Леандра, тѣло котораго принесли холодныя волны къ ногамъ обезумѣвшей отъ горя жрицы. Геро хоронитъ себя также въ объятiяхъ Геллеспонта, не желая жить безъ Леандра.

Турки называютъ бѣлую башню Кызъ-Кулези, т. е. башней дѣвы, разсказывая, что ее выстроилъ султанъ Магометъ 2-й для своей дочери, которой была предсказана смерть отъ укушенія змѣи. Одинъ персидскій принцъ, влюбленный въ затворницу, посылалъ тайнымъ образомъ цвѣты своей возлюбленной. Подъ листья и цвѣты запряталась змѣя, которая укусила царевну въ руку, и если бы не поспѣлъ царевичъ къ своей возлюбленной, уже лежащей безъ чувствъ, и не высосалъ ядъ, страшное предсказаніе исполнилось бы со всей своей силой.

Скутари—это цѣлый городъ съ узкими и грязными улицами, съ многочисленными мечетями, съ знаменитымъ монастыремъ воющихъ дервишей, съ 50 тысячами жителей, съ особымъ губернаторомъ во главѣ, съ гигантскимъ желтымъ зданіемъ казармъ, которое бросается такъ рѣзко въ глаза, когда подъѣзжаешь къ Константинополю, съ обелискомъ изъ гранита надъ могилой павшихъ въ Крымской войнѣ англичанъ, съ высокой горой Бургурлу, украшенной нѣсколькими деревьями на вершинѣ и куда непремѣнно таскаютъ всѣ проводники всѣхъ туристовъ, посѣщающихъ Скутари, съ самымъ громаднымъ и замѣчательнымъ турецкимъ кладбищемъ всего мусульманскаго міра. Это кладбище дѣйствительно достопримѣчательность. Мертвые кипарисы съ неподвижной зеленью, эти муміи растительнаго царства разрослись до гигантскихъ размѣровъ. Между ихъ угловатыми и нерѣдко торчащими изъ земли корнями тысячи мраморныхъ памятниковъ покачнулись во всѣ стороны. Это цѣлое море мраморныхъ столбовъ, цѣлый хаосъ бѣлыхъ камней, цѣлая выставка надгробныхъ памятниковъ всего востока. Мусульмане любятъ это кладбище и мечтаютъ быть похороненными въ Азіи, вѣря, что скоро наступитъ день когда европейцы вытѣснятъ ихъ черезъ Босфоръ. Сколько здѣсь каменныхъ красныхъ фесокъ! Чѣмъ больше по объему феска на мраморномъ столбѣ, стоящемъ въ головахъ, тѣмъ знатнѣе здѣсь лежащій покойникъ. Фески, не сидящія на самой вершинѣ столба, говорятъ, что спящій въ могилѣ турокъ былъ обезглавленъ, что не только не считается позоромъ, но часто даже цитируется въ стихахъ. Изреченій изъ Корана и трогательныхъ надписей въ прозѣ и стихахъ повсюду масса и почти на каждомъ памятникѣ есть просьба о „фатіэ“ (молитвѣ) за душу покойнаго. По праздникамъ все живущее спѣшитъ въ эту кипарисовую рощу для прогулокъ, гдѣ появляются всевозможные разносчики и въ тихомъ саду мертвыхъ просыпается шумная и веселая жизнь.

Маленькие пароходики, развозящие публику въ Скутари и на Принцевы острова, плаваютъ постоянно взадъ и впередъ по волнамъ Мраморнаго моря и устью Золотаго Рога.

Какъ быть въ Константинополѣ и не посѣтить Принцева острова, эти маленькія бирюльки, игрушечьки, напомнившія мнѣ своей прелестной миніатюрностью швейцарскіе деревянные домики и серны. Это маленькие райки, потонувшие среди тропической зелени садовъ, съ роскошными виллами, съ задумчивымъ плескомъ фонтановъ, съ алыми розами, съ красавицами-гречанками, съ пѣснями подъ акомпаниментъ дрожащихъ лютенъ, съ блестящими струями волнъ. На островкахъ высятся скалы съ монастырями. Сюда удалялись отшельники, монахи, патріархи, упиваясь красотами природы. Съ этихъ скалъ, гдѣ теперь повсюду могилы мучениковъ,

павшихъ отъ рукъ правовѣрныхъ, отшельники любовались фіолетовымъ маревомъ, окутавшимъ Никомедійскія горы, серебрящимся моремъ съ играющими въ волнахъ дельфинами, синими вершинами Румелійскихъ горъ.

Пароходикъ плаваетъ отъ пристани къ пристани по островкамъ, приставая то къ Принкипо, самому большому изъ островов, то къ Проти, то къ Антигони, то къ Халки, забѣгая въ пристани.

Какъ райски хороши Принцевы острова! Не даромъ одно ихъ наименованіе казалось такимъ привлекательнымъ. А въ сущности они названы „принцевыми“ не потому, что служили резиденціей принцевъ, не потому, что цари считали эти острова выходящими изъ ряда по красотѣ, а потому, что сюда ссылали въ заточеніе лицъ царскаго рода во время византійскихъ императоровъ, потому что острова служили тюрьмой и мѣстомъ казни сверженнымъ царямъ, опальнымъ сановникамъ, гонимымъ царевнамъ и принцамъ, которыхъ здѣсь заточали въ монастырь. Такъ царица Ирина предъ своимъ заточеніемъ на Лесбосѣ жила въ изгнаніи на островѣ Принкипо, куда ея тѣло было обратно перевезено для погребенія; царица Зоя до новаго возведенія на тронъ томилась въ монастырѣ на вершинѣ скалъ Принкипо; царица Анна Долоссена умерла въ здѣшнемъ монастырѣ изгнанницей. Много крови христіанъ здѣсь было пролито правовѣрными, поэтическіе камни и скалы обильно обагрены кровью царей и священнослужителей, такъ что турецкое названіе „Кизиль-адаларъ“ („красные острова“) болѣе подходитъ исторически, чѣмъ за красноватый оттѣнокъ земли островов.

Первый островокъ Проти—скалистъ и глядитъ

сурово и пасмурно, крутые его берега обрываются въ трепещущее золотыми блестками море. Второй Антигони съ монастыремъ на вершинѣ скалы напоминаетъ о заточеніи константинопольскаго патріарха Меѳодія, брошеннаго на семилѣтнее затворничество въ яму съ двумя наводившими ужасъ на населеніе разбойниками. Между скалъ изъ за зелени садовъ глядятъ домики, проплывающіе мимо живописной панорамой. Островъ Халки, изрѣзанный заливчиками съ школами, съ домиками грековъ, съ монастыремъ Троицы, съ чистенькимъ городкомъ Халки, надъ которымъ виситъ на скалѣ Георгіевскій монастырь, проплылъ мимо пароходика и островъ Принкипо, отдѣленный отъ Халки узкимъ проливомъ, предсталъ во всей своей красотѣ. Эвкалипты высунули свои голубоватыя вѣтки изъ за зелени катальпъ и розовыхъ жидовскихъ деревьевъ, лиловыя вистаріи повисли по амбразурамъ оконъ и балконовъ, розы и каприфоліи обвили бесѣдки и балюстрады мраморныхъ террасъ, на которыхъ плещутъ фонтаны. Красивыя виллы торчатъ своими башенками и балкончиками. На всемъ лежитъ отпечатокъ поэзіи. На высокихъ горахъ словно орлиныя гнѣзда усѣлись монастыри, къ которымъ спиралью ползетъ дорога между скалами и остатками развалинъ. И монастырь Христа, и монастырь св. Георгія открываютъ чудные виды съ вершинъ двухъ горъ острова. Никомедійскій заливъ весь, какъ на ладонѣ, минареты Стамбула тонкими иглами прорѣзываютъ небо, снѣжный Олимпъ осыпанъ золотой пылью, а море искрится, трепещетъ, переливаетъ въ серебро, въ голубое и фіолетовое.

Прошедши всѣ формальности съ таможней и пас-

портомъ, я помѣстился на пароходѣ „Владиміръ“ отправляющемся въ Россію, въ Севастополь.

По дорогѣ въ Екатеринославъ я не могъ удержаться отъ соблазна видѣть Крымъ, тѣмъ болѣе, что и путь черезъ Севастополь былъ несравнимо ближе пути черезъ Одессу. Мой спутникъ—французъ проводилъ меня до палубы Владиміра и отплылъ снова въ маленькой баркѣ къ берегу. О, какъ бы мнѣ хотѣлось ѣхать съ нимъ дальше въ страну музъ и боговъ, въ страну чудныхъ миѳовъ и классицизма, въ дальнюю Грецію, въ историческія Аѳины. Но мои желанія слишкомъ ненасытны, я готовъ былъ-бы летѣть и въ Римъ, и въ Египетъ, и въ Индію, но все это не могло быть „по дорогѣ“ даже въ самомъ извращенномъ смыслѣ.

„Владиміръ“ засвистѣлъ. Осаждавшіе торговцы, какъ обезьяны, бросились къ лѣстницамъ, прыгая съ нихъ чуть не на ходу въ барки и каюки, окружавшіе пароходъ. Я оглянулся на Стамбулъ, на св. Софію, на мысъ Сераля, на шести-минаретную мечеть Ахмеда, на арки Валентова водопровода, все тонуло въ золотистомъ утреннемъ туманѣ. Увижу-ли когда нибудь снова удивительную столицу востока, а если и увижу то съ полумѣсяцемъ или съ крестомъ надъ Софіей?

Снова выдвигались красоты Босфора, снова блеснулъ сказочной красотой Дольма-Бахче, выплылъ дворецъ, гдѣ жила когда-то Императрица Евгенія, дворецъ, про который сказалъ султанъ, что онъ никогда не въѣдетъ въ это зданіе, такъ какъ оно осквернено бабой. Стройная мечеть въ Ортакой, суровые замки—развалины Анадоли-Гиссаръ и Румили-Гиссаръ красовались во всей ихъ поэтичной прелести. Терапія, Боюкдере, цвѣтущіе персики,

темные кипарисы, платаны и магноліи, оба Кавака у конца Босфора, все притягивало, все плѣняло и восхищало. Вотъ потянулись скалы. Пароходъ пронзительно засвистѣлъ и запыхтѣлъ, какъ испуганная птица, передъ нами открылось море, длинное, безконечное, Черное море. Берегъ сталъ убѣгать, съуживаться, стушевываться, отъ него осталась полоса... еще немного, полоса превратилась въ узкую линію, море блеснуло и земля совершенно пропала, только блестки море, какъ разсыпанныя золотыя зерна, искрились и блистали. Мы плыли въ открытомъ морѣ.

14.

Въ морѣ.

(Драма на морѣ. Въ виду Крымскаго берега).

«Трагедія очищаетъ въ насъ чувство состраданія и сочувственнаго страха».

Аристотель.

Мы шли малымъ ходомъ. „Владиміръ" тяжело пыхтѣлъ, публика, измученная морской болѣзнью, высыпала на палубу. Волны стихли нѣсколько и морской вѣтерокъ пріятно освѣжалъ лицо. Мы плыли въ виду Севастополя, который маленькимъ пятнышкомъ лежалъ у подножья горъ прославленнаго Крыма.

Пріятно было глядѣть на туманное очертаніе горъ, на все болѣе и болѣе раздвигающійся берегъ южнаго Крыма. Весело и спокойно становилось на душѣ, особенно послѣ сильной морской передряги, которую пришлось намъ испытать. Мы такъ чудно вошли въ Черное море съ его изумрудной тишиной, такъ весело прошелъ завтракъ, во время котораго я познакомился съ нашими пассажирами втораго класса и командой парохода. Я поѣхалъ

во второмъ классѣ изъ Константинополя и, такъ какъ пришлось за билетъ платить золотомъ, то онъ мнѣ обошелся дороже билета перваго класса. 2-мъ классомъ я остался очень доволенъ, особенно, когда познакомился съ милыми дамами изъ Ялты, ѣздившими на день въ Константинополь.

Къ вечеру стало качать и довольно сильно. Волны съ шумомъ разбивались о носъ корабля и обдавали порой палубу солеными брызгами.

— Къ утру покачаетъ, говорили на пароходѣ.

Въ первомъ классѣ дѣло, должно-быть, было плохо. Всѣ тамъ запрятались, прислуга бѣгала съ лимонами и виномъ и носила чашки. Высокій сухой англичанинъ повязалъ себѣ голову полотенцемъ и, пожелтѣвъ и посинѣвъ отъ приступовъ ужасной болѣзни, томился около мачты, страшась войти въ каюту. Наши дамы тоже не выдержали, попробовали было посидѣть на палубѣ, да и тутъ стало плохо. Пришлось и имъ скрыться въ каюту и отдаться терзаніямъ и мукамъ этого бича на морѣ. Я поспѣшилъ улечься въ кровать, когда пароходъ сталъ качаться еще сильнѣе, поднимаясь на гребни волнъ и опускаясь въ морскія бездны. Ужасное это чувство. Знаешь, что находишься во власти моря и волнъ, что эти черныя пучины могутъ поглотить тебя въ свои страшныя нѣдра, чувствуешь себя такимъ ничтожнымъ, такимъ безсильнымъ. И главное надо вѣрить, что не поддашься этому сильному морю, что побѣдишь свой жалкій страхъ. Можетъ быть потому, что я такъ вѣрилъ въ свое слово, вѣрилъ, что, если возьму себя въ руки, то не буду боленъ, я заснулъ спокойно, убаюканный этой качкой, отъ которой стоналъ и страдалъ бѣдный молодой человѣкъ французъ, лежавшій въ сосѣдней койкѣ.

Утромъ, когда я проснулся, качка стала еще сильнѣй. Стоять на ногахъ можно было только держась за стѣну. Тѣмъ не менѣе я съ аппетитомъ напился чаю и вышелъ на палубу.

Море бурлило и злилось. Оно одѣлось въ темно-сѣрый плащъ, изрѣзанный зловѣщими бѣлыми гребнями. Громадныя волны поднимались рядомъ съ пароходомъ, какъ бы выростая со дна, вѣтеръ сносилъ ихъ гребни, падавшіе шумными водопадами, загибалъ ихъ вершины и поднималъ новые громадные валы.

Мы должны были около полудня прибыть въ Севастополь, но разыгравшееся море помѣшало намъ.

— Судно тонетъ, раздалось на пароходѣ. Капитанъ и помощники глядѣли въ подзорныя трубы. Напрасно я силился разглядѣть что-нибудь.

— Держи на судно, командовалъ капитанъ, надрываясь отъ крика, который едва былъ слышенъ среди грохота волнъ и завыванія вѣтра.

Вскорѣ я увидѣлъ вдали судно, сначало оно показалось мнѣ птицей, потомъ вынырнувшимъ дельфиномъ и только потомъ, спустя нѣкоторое время, я разглядѣлъ мачты и остовъ судна, сильно колыхавшагося на волнахъ.

Когда мы подъѣхали совсѣмъ близко, раздирающая душу картина предстала нашимъ глазамъ. Это было небольшое судно, растерзанное вѣтромъ и волнами, которое держалось на водѣ только благодаря тому, что было нагружено лѣсомъ. Обломанныя мачты зловѣще торчали надъ ревущими волнами. Носъ и корма были изуродованы, руля не было, волны гуляли по палубѣ, съ ревомъ переливаясь черезъ судно и унося въ разъяренное море все, что могли оторвать и обломать. Эти обломки

судна то всплывали на гребни волнъ, то падали въ пропасти и намъ казалось, что море совсѣмъ поглотило это утлое обезображенное судно. Самое ужасное было то, что на палубѣ было шесть человѣкъ, шесть несчастныхъ, продрогшихъ, измученныхъ человѣкъ, которые ежесекундно ожидали, что ударитъ для нихъ страшный часъ смерти, что сейчасъ придется разсчитаться съ жизнью, отдавшись грозному морю, ревущему съ торжествомъ и съ жадностью, готовое принять шесть несчастныхъ своихъ жертвъ.

Сердце захолонуло, когда я увидалъ эти несчастныя фигуры, окоченѣвшія, продрогшія, измученныя, усталыя, можетъ быть давно уже борящіяся противъ страшной стихіи. Увидѣвъ нашъ пароходъ, надежда воскресла въ нихъ. Они махали намъ, одинъ изъ нихъ упалъ на колѣни, простирая къ намъ руки. Отчаяніе и ужасъ исказили ихъ лица.

— И всегда одно и тоже, горячился капитанъ, всегда одно и тоже. Пускаются на такомъ суднышкѣ въ море. Авось проплывемъ. Ну не будь лѣса, они бы давно погибли. Да не замѣть мы ихъ, они не продержались бы до вечера. И теперь едва держутся. Сумасшедшіе! Спасай ихъ, когда и подойти къ нимъ невозможно.

Капитанъ побагровѣлъ и посинѣлъ, надсаживаясь отъ крика и отдавая приказанія. На палубѣ появились многіе пассажиры. Одна изъ дамъ, болѣвшая съ самаго нашего выхода въ море, увидѣвъ погибавшее судно, несчастныхъ шесть человѣкъ, еле держащихся у обломковъ мачтъ, еле сопротивляющихся напору волнъ, перекатывающихся черезъ палубу, сразу выздоровѣла, не смотря на страшную качку, такъ сильно подѣйствовала на нее эта мор-

ская драма. Мы съ жадностью ловили всякое движеніе судна, всякую волну, горою выроставшую между нами и погибавшими и заслонявшую ихъ всякій разъ, когда нашъ „Владиміръ“ ловко подходилъ къ судну. Внезапно подымавшійся валъ бросалъ или насъ или утлое суднышко въ сторону, совершенно закрывая своимъ гребнемъ все судно. Долго мы бились напрасно. Море ревѣло. Сѣрое небо сквозило изъ за стремительно летящихъ облаковъ. Тысячи струй и брызгъ висѣли въ воздухѣ, словно мы очутились въ пѣнѣ грознаго водопада, словно безконечное число морскихъ чудовищъ съ ревомъ и стономъ изрыгали эти фонтаны, и водовороты, и подымали гибельные валы. Жутко и страшно было глядѣть, какъ бѣдная шкуна, словно щепка носилась во всѣ стороны. Матросы бѣгали на пароходѣ, капитанъ сердился и кричалъ, пассажиры, словно, замерли на своихъ мѣстахъ, люди на суднѣ, мокрые и слабые, хватались за веревки, за бортъ, за брусья на палубѣ, силясь удержаться и не быть снесенными. Нѣсколько часовъ мы бились напрасно, бросаемые канаты волочились по волнамъ, не достигая съ отчаяніемъ протянутыхъ рукъ погибавшихъ. Наконецъ какимъ то счастливымъ случаемъ вздувшаяся волна вмѣсто того, чтобы снова отбросить шкуну дальше отъ парохода, придвинула ее, что дало возможность перебросить канатъ и завязать его за обломки мачтъ и за брусья. О томъ, чтобы перевести несчастныхъ, продрогшихъ и изможенныхъ людей на пароходъ, не могло быть и рѣчи. Мы двинулись было малымъ ходомъ впередъ. Но вдругъ пароходъ вздрогнулъ отъ легкаго толчка. Волна перерѣзала толстый канатъ и судно оторванное отъ парохода было далеко отброшено

въ сторону. Возгласъ досады и ужаса раздался среди успокоенныхъ было нѣсколько пассажировъ.

— Нѣтъ, ничего не подѣлаешь, кричалъ капитанъ, можно весь день и всю ночь пробиться съ ними и все-таки ничего не выйдетъ. А волны одна за другой, падая на палубу, поражали сильными ударами несчастныхъ, дрожащихъ отъ холода, и уносили то часть борта, то доску, то обломанныя перекладины, которыя выклевывались изъ нѣдръ разваливающагося судна.

Мы ожидали каждую минуту, что шкуна перевернется или разсыплется на мелкія части. „Владиміръ“ снова сталъ пытаться подойти, но всякій маневръ былъ безуспѣшенъ. Волны относили насъ такъ далеко другъ отъ друга, что не могло быть и рѣчи о подачи помощи. Вдругъ нашъ пароходъ запыхтѣлъ сильнѣе и мы полетѣли дальше. Неужели капитанъ рѣшился бросить этихъ людей на погибель? Страшно было подумать что-либо подобное.

Многіе бросились за разъясненіемъ къ капитану. Погибавшіе, увидѣвъ, что пароходъ удаляется, упали на колѣни и замахали шапками. Одинъ поднялъ руки къ небу. Столько отчаянія, столько мольбы было въ этомъ жестѣ, въ этой безмолвной молитвѣ среди ревущихъ волнъ, что сердце сжалось отъ мучительной боли. Оказалось, что капитанъ рѣшился сдѣлать маневръ, описавъ кругъ, и подойти съ другой стороны къ судну, чтобы попытать счастье съ той стороны. Матросы стояли съ канатами на готовѣ. Люди на шкунѣ, понявъ въ чемъ дѣло, также засуетились. Когда мы подлетѣли довольно близко къ шкунѣ, матросы бросили канаты нѣсколько за разъ. Одинъ изъ нихъ попалъ на изуродованный носъ шкуны и, къ счастью, запу-

тался въ обломкахъ и веревкахъ. Одинъ изъ людей на шкунѣ съ страшной опасностью бросился къ носу, обвязавъ тѣло и ноги веревками, чтобы волны его не унесли. Онъ пробрался впередъ и повисъ надъ пучиной. Волны подняли шкуну, человѣкъ висѣлъ теперь высоко надъ нашимъ пароходомъ. Онъ цѣплялся и ногами и руками и, доползши до каната, прижалъ его къ груди. Пальцы его до того окоченѣли, что отказались ему повиноваться. Онъ работалъ всей рукой, которая замѣняла ему одинъ палецъ. Ему удалось обмотать канатъ вокругъ себя и онъ сталъ подвигаться обратно. Теперь каждую секунду волны могли, дернувъ канатъ, оторвать его и погребсти въ своей страшной могилѣ. Несчастный нѣсколько разъ погружался въ волны со всей передней частью шкуны и мы всякій разъ съ замираніемъ сердца страшились его больше не увидѣть и всякій разъ радостное восклицаніе: „онъ тутъ" раздавалось между нами. Канатъ удалось закрѣпить, по этому канату спустили еще два и мы малымъ ходомъ, таща на буксирѣ этотъ жалкій намёкъ на судно, медленно двигались впередъ. Къ счастью мы были въ нѣсколькихъ часахъ хода отъ Севастополя, а то не успѣли-бы сегодня войти въ пристань, если-бы и успѣли, то по карантиннымъ правиламъ послѣ шести часовъ пополудни съ судовъ на берегъ никого не пускаютъ и пришлось бы переночевать на пароходѣ.

Какъ пріятно было увидѣть вырисовавшійся туманной полосой берегъ, какъ отрадно было слышать эти названія: „Чатыръ-Дагъ", „Яйла", относившіяся къ высотамъ горъ, блестѣвшимъ своими снѣгами въ голубоватомъ туманѣ.

Небо стало проясняться, облака бѣжали на югъ и голубой куполъ все болѣе и болѣе открывался.

Берегъ Крыма съ его изломанной линіей былъ передъ нами. Крымъ! Сколько въ этомъ словѣ тепла, свѣта, поэзіи и очарованья! На нашемъ далекомъ сѣверѣ это слово звучитъ такъ сладко, такъ пріятно и нерѣдко навѣваетъ самыя лучезарныя грезы. Сколько я всегда слышалъ о Крымѣ, объ его удивительныхъ красотахъ, о тепломъ югѣ подъ голубымъ небомъ, о татарахъ, обитателяхъ Крыма, объ орѣховыхъ рощахъ, ханскомъ дворцѣ съ фонтаномъ слёзъ, знаменитымъ Бахчисарайскимъ фонтаномъ, благодаря Пушкину, объ этихъ чудно звучащихъ названіяхъ, какъ Ялта, Массандра, Ливадія, Алупка, Гурзуфъ, Ореанда, отъ которыхъ вѣетъ ароматнымъ тепломъ и волшебной сказкой. Крымъ! Это древняя Таврида, эта колыбель европейской исторіи съ Греціей и Италіей, страна краснощекихъ персиковъ и душистаго винограда, страна, гдѣ Ифигенія приносила жертвы богамъ на каменистой груди Кастель-горы, страна, видавшая Аргонавтовъ съ ихъ золотымъ руномъ, страна съ журчащими потоками между камней, страна, окутанная прозрачной вуалью востока съ его жгучей страстью, страна красоты и упоенья, этотъ Крымъ выдвигался все болѣе и болѣе передъ моими глазами. Эвксинскій понтъ, носившій еще грековъ въ ихъ отдаленныя колоніи на берегахъ Тавриды, бьется, какъ и прежде, о прибрежные камни. Только исчезли тѣ чудные города съ мраморными храмами и кумірами, исчезли дворцы съ колоннадами, башнями и террасами, исчезли поразительныя богатства древней Тавриды, отъ которыхъ остались намъ одни преданія и имена, какъ Партенитъ, Кастель

и др. Заглохли чудные порты, замолкли журчащіе фонтаны, обрушились гигантскіе храмы и дворцы. Я столько читалъ и слышалъ о настоящемъ и прошедшемъ Крымѣ, что не могъ себѣ уяснить всей прелести его, напротивъ, мнѣ казалось, что Крымъ мнѣ не понравится, что все раздуто неимовѣрно. Видѣвши горы Швейцаріи, я былъ увѣренъ, что разочаруюсь въ Крымской Яйлѣ и Чатыръ-Дагѣ. Я жаждалъ увидѣть этотъ уголокъ земли, привлекавшій древнихъ людей и привлекающій постоянно туристовъ со всѣхъ концовъ Европы.

И чѣмъ ближе мы подвигались, тѣмъ яснѣе опредѣлялся берегъ, тѣмъ рѣзче выступали подробности. Голый и пустынный берегъ встрѣчалъ насъ, камни и камни повсюду, пустыня подъ жгучимъ солнцемъ безъ зелени, безъ лѣсовъ, грозная своей голытьбой, развертывалась все больше и больше. А исторія говоритъ, что за этой пустыней скрывались города, какъ Сурожъ, блиставшій красотой и богатствомъ, городъ съ сотней церквей, съ богатѣйшими парчами, столица цѣлаго царства, неприступная крѣпость. И такихъ городовъ было много. Не даромъ и милетцы, и византійцы, и итальянцы такъ любили Тавриду, не даромъ слава о полуостровѣ разнеслась во всѣ стороны. Было-бы непростительнымъ грѣхомъ, проѣзжая черезъ Севастополь, не взглянуть на южный берегъ, омываемый Чернымъ моремъ и такъ часто передаваемый художниками на полотнѣ.

Мы уже миновали бѣлый маякъ торчащій на камняхъ и зашли за вѣтеръ, почему волны уменьшились и „Владиміръ" могъ среднимъ ходомъ двинуться впередъ, не опасаясь разрыванья канатовъ. Изъ трехъ канатовъ два были цѣлы, третій волны

успѣли перерѣзать. Несчастные люди на шкунѣ столпились вмѣстѣ, прижавшись другъ къ другу, накрывшись мокрыми рогожами, Богъ знаетъ откуда появившимися.

Вскорѣ сталъ обозначаться Херсонесскій храмъ, а за нимъ и Севастополь. Какъ мы были рады, когда вошли въ прекрасную, глубоко врѣзавшуюся въ крутые берега Севастопольскую бухту и пристали къ городу. Я былъ въ Севастополѣ—въ Крыму... Даже не вѣрилось...

15.

Севастополь.

(Памятники. Развалины. Братское кладбище. Малаховъ курганъ. Камышъ. Херсонесъ. Георгіевскій монастырь. Инкерманъ).

«Миръ—это время, когда сыновья хоронятъ отцовъ, война—когда отцы хоронятъ сыновей».

Геродотъ.

Я бродилъ по Севастополю и на каждомъ шагу натыкался на памятники войны, на груды развалинъ, на остатки былыхъ зданій и стѣнъ. Въ новомъ Севастополѣ, возрождающемся изъ груды камней и пепла, интереснаго мало. Нѣтъ сомнѣнія, что это растетъ будущій красавецъ—городъ, который расползется своими правильными улицами и бульварами во всѣ стороны, всползетъ на курганы и холмы, одѣнется чудными зданіями и скверами, опояшется роскошной набережной со всѣхъ концовъ, по всѣмъ извивамъ мысовъ и врѣзавшихся бухтъ и бухточекъ, составляющихъ знаменитый портъ, вмѣстѣ съ Севастопольскимъ рейдомъ, портъ не имѣющій себѣ со-

перниковъ. Севастополь это Гибралтаръ Чернаго моря, такъ удивительно устроила природа этотъ рейдъ, такъ старательно прорѣзавъ водой мѣловые изгибы, такъ высоко насыпавъ вулканическими изверженіями мысы и косы. Весь интересъ не въ возрождающемся городѣ съ его ничтожной растительностью по бульвару, по берегу моря, гдѣ стоитъ красивый ресторанъ съ башенкой и балконами, гдѣ играетъ музыка подъ акомпаниментъ морскаго прибоя, не въ красивыхъ зданіяхъ по Екатерининской улицѣ и Морской, гдѣ прогуливаются севастопольцы, все заключается въ развалинахъ, въ этихъ старыхъ стѣнахъ, въ колоннахъ храма Петра и Павла, въ могилахъ, въ кладбищахъ, въ грудахъ мусора и камней. Только теперь въ послѣдніе года люди зашевелились между развалинъ, пробудились отъ апатіи, охватившей послѣ погрома города. Это трупъ великана-богатыря, изрубленный на части и лежащій долгіе годы забытый. Только теперь брызнули на него живой водой, только теперь онъ начинаетъ оживать и когда вздохнетъ полной грудью, когда оживетъ совсѣмъ, снова слава о силѣ и могуществѣ его прогремитъ по свѣту громовыми раскатами. Я нашелъ только оживающій трупъ. Мертвенность чувствовалась повсюду. Нѣкоторыя улицы представляютъ до сихъ поръ сплошныя груды развалинъ. И сколько говоритъ каждая руина, глядящая черными амбразурами оконъ, каждый обрушившійся карнизъ, каждая упавшая колонна! Привѣтливо ожидающая посѣтителей гостинница Ветцеля на Екатерининской улицѣ, пріютилась въ развалинахъ дома, гдѣ жилъ герой Крымской кампаніи Нахимовъ. Севастопольскій музей даже по зданію, въ которомъ онъ пріютился, будетъ всегда достопри-

мѣчательностью города. Онъ пріютился также въ развалинахъ дома, разрушеннаго бѣшенной бомбой. Развалина принаряжена, превращена въ изящную постройку съ легкими балкончиками и кокетливыми галлереями и содержитъ портреты героевъ Крымской кампаніи, карты, планы, книги и проч., напоминающее черную годину Севастополя. Весь откосъ къ южной бухтѣ, къ синимъ заливамъ, со всѣми ихъ переливами южнаго моря, врѣзавшагося въ землю, покрытъ руинами, надъ которыми царитъ роскошная руина стараго храма Петра и Павла, изъ за которой выглядываетъ соборъ во имя князя Владиміра, выстроенный надъ могилами нашихъ героевъ-адмираловъ, доблестно павшихъ въ эту горькую кампанію, во время которой мы сами были больше себѣ враги, чѣмъ блокирующіе англичане и французы. Подъ храмомъ спятъ: Нахимовъ, Корниловъ, Лазаревъ и Истоминъ, четыре героя, которые умерли, спасая бѣдный Севастополь, которые погибли въ тѣ минуты, когда бомбы свистѣли надъ городомъ, когда съ оглушительнымъ трескомъ рушились зданія, когда падалъ обозженный до вершины цвѣтущій миндаль, покрывая розовыми умирающими цвѣтами несчастныхъ мучениковъ-солдатъ, погибавшихъ сотнями на каждомъ перекресткѣ.

Великолѣпные руины храма Петра и Павла, стоящія на горѣ, поражаютъ своей красотой. Сѣрые колоннады, окружающія храмъ, напоминающій храмъ Тезея въ Аѳинахъ, полны неописуемой красоты. Совсѣмъ переносишься въ Элладу, въ область миѳовъ, когда глядишь на эти величественныя развалины, вокругъ которыхъ распустился желтый дрокъ и душистая жимолость. Вьюнки заползли въ колоннады храма, пестрыя бабочки влетаютъ въ выло-

манныя окна, рои легкихъ ласточекъ плывутъ въ глубокой синевѣ, спускаясь въ гнѣзда, привѣшанныя къ полуразрушеннымъ роскошнымъ портикамъ. Я видѣлъ этотъ храмъ въ чудный лѣтній день, когда солнце обливало сѣрыя колонны золотымъ свѣтомъ, проникая въ самые затаенные уголки, когда цвѣты и чудная листва разросшихся кустовъ старались прикрыть обломки стѣнъ, затянуть окрестныя развалины, спрятать куски обрушенныхъ колоннъ. Отъ земли вѣяло югомъ, знойнымъ югомъ. Видѣлъ я этотъ храмъ въ чудную южную лунную ночь, когда рѣзкія тѣни придавали особенно много фантастичности. Храмъ казался очарованнымъ и вѣрилось, что въ этомъ мертвомъ царствѣ, среди цѣлыхъ участковъ развалинъ, царитъ что-то сверхъестественное...

Уныло и печально глядятъ зданія библіотеки и дворянскаго собранія, оба на Екатерининской улицѣ, оба въ развалинахъ, оба жертвы отчаянной бомбардировки, изрѣшетившей верфи, адмиралтейства, церкви, форты и батареи. Зданіе дворянскаго собранія, глядящее слѣпыми глазами на Екатерининскую площадь, среди которой брызжетъ фонтанъ въ хорошенькомъ скверѣ, было когда-то украшеніемъ красиваго города. Теперь оно наводитъ неизгладимую тоску. Театръ въ полуразрушенномъ состояніи стоитъ на площади, гдѣ сходятся Екатерининская и Морская улицы, которыя, описавъ каждая по полукругу, сходятся снова у плещущаго фонтана на Екатерининской площади. У базарной площади кипитъ уже жизнь и Морская вся приняла видъ города конца 19-го столѣтія. Здѣсь и магазины, и кофейныя, и рестораны, и отели и, наконецъ, эспланада или скверъ на бе-

регу синяго южнаго моря, отъ волнъ котораго городъ поднимается амфитеатромъ. Чудный видъ открывается изъ садика еще молодаго, но уже богато опушившагося южной пышной листвой, съ цвѣтущими черешнями, которыя едва успѣли поднять отъ земли свои кроны, а уже нарядились въ подвѣнечные уборы. На Екатерининской площади стоитъ деревянный театръ, гдѣ играютъ заѣзжіе актеры. Но театръ крохотный, какъ игрушка, напомнилъ мнѣ театры заграничныхъ водныхъ мѣстъ.

Еще когда мы въѣзжали въ южную бухту, Севастополь вырисовывался и развертывался длинной панорамой съ грудами развалинъ, съ новѣйшими постройками. Еще тогда бросилея въ глаза высоко стоящій памятникъ Казарскому изъ бѣлаго камня. Это усѣченная пирамида, на которой на постаментѣ съ бронзовыми барельефами помѣщена чугунная древняя трирема. Одинъ изъ барельефовъ изображаетъ самого Казарскаго, на одной изъ сторонъ пирамиды простая надпись: „Казарскому. Потомству въ примѣръ“ и „1834“, годъ геройскаго подвига капитана-лейтенанта, командавшаго 18-ти пушечнымъ бригомъ Меркуріемъ и съумѣвшаго спасти въ турецкую войну свое судно отъ погибели. Его настигли нѣсколько громадныхъ турецкихъ кораблей, изъ которыхъ одинъ былъ вооруженъ 74-мя, а другой 110-ю пушками. Ужъ было рѣшено взорвать „Меркурій“ на воздухъ, чтобы не отдаться врагу. „Меркурій“ выдержалъ страшный бой, подвергаясь ежесекундно неминуемой гибели и, не смотря на превосходство громадныхъ турецкихъ кораблей, Казарскій съ командой заставилъ удалиться непріятеля. Памятникъ очень красивъ.

Лезвія топориковъ, торчащія группами по угламъ постамента подъ триремой, красивая рѣшетка, нѣсколько пострадавшая въ Крымскую войну и, конечно, главнымъ образомъ сама изящная трирема, нѣсколько напоминающая гондолу среднихъ вѣковъ, дѣлаютъ весь памятникъ очень изящнымъ. Вокругъ небольшой бульваръ, выглядывающій зелеными кустами надъ стѣной, поддерживающей осыпающійся холмъ. И здѣсь груды камней, и здѣсь груды мусора.

Отъ Екатерининской площади спускается широкая каменная лѣстница къ южной бухтѣ. На вершинѣ лѣстницы, на площадкѣ выдѣляется красивый легкій портикъ, покоящійся на ребристыхъ снѣжно-бѣлыхъ каменныхъ колоннахъ. Это Графская пристань. Площадка съ строго-классическимъ портикомъ открываетъ чудный видъ на бухту и на суда, толпящіяся повсюду. Изъ за лѣса мачтъ выглядываютъ черныя и красныя трубы пароходовъ, бѣлыя крылья мелкихъ судовъ, желтые носы и желѣзныя груди гигантовъ кораблей. У противоположнаго берега стоятъ круглыя знаменитыя поповки, которыя своимъ страннымъ видомъ притягиваютъ вниманіе. Лодочки и ялики бороздятъ блестящую поверхность бухты, всегда спокойной, всегда тихой, защищенной высокими берегами, какъ стѣнами. На крутомъ мысѣ, образованномъ южной бухтой и корабельной, глядитъ громадный и лучшій въ Европѣ по величинѣ и устройству Севастопольскій эллингъ, устроенный русскимъ обществомъ пароходства и торговли.

Тамъ кипитъ жизнь отъ зари до зари. Тысячи рукъ неустанно работаютъ, созидая машины, починяя пароходы. Звонко бьютъ молоты о желѣзныя

груди морскихъ чудовищъ, съ лязгомъ тянутся крѣпкія цѣпи, визжатъ громоздкіе блоки. Надъ эллингомъ на самомъ концѣ мыса передъ высокимъ и длиннымъ зданіемъ казармъ, которыя были обращены въ руины во время войны и которыя теперь вновь оправились, стоитъ памятникъ Лазареву, глядящему съ своего пьедестала на шумящіе доки, высеченные въ камняхъ и раздѣленные шлюзами, взорванные непріятелемъ, на пеструю толчею въ заливѣ, на таможни, адмиралтейство, на ползущій товарный поѣздъ по полотну желѣзной дороги вдоль южной бухты къ гаванямъ отъ главнаго вокзала въ концѣ бухты. А на той сторонѣ изъ зазелени деревьевъ кладбища высится пирамида, осѣненная крестомъ. Это храмъ на кладбищѣ, храмъ изъ темнаго порфира, привезеннаго съ Кастель—горы, храмъ, подъ которымъ покоятся защитники Севастополя, храмъ, составляющій центръ одного изъ самыхъ горькихъ и печальныхъ мѣстъ Севастополя—братскаго кладбища. Что ни шагъ на этомъ кладбищѣ, то памятникъ защитнику города, что ни памятникъ, то мрачная трагедія, то ужасное воспоминаніе о черномъ годѣ, о невообразимыхъ ужасахъ войны, отъ которой морозъ идетъ по кожѣ.

Здѣсь лежатъ всѣ они бѣдные, несчастные воители, жертвы величайшаго варварства, герои возмутительнѣйшихъ страницъ исторіи. Здѣсь лежатъ поселяне, оторванные отъ полей далекихъ губерній, пришедшіе пѣшкомъ, пригнанные, какъ скотина, усталые и замученные, посланные въ бой, подавляемые превосходствомъ врага, складывавшіе свои несчастныя головы, молча снося голодъ и муки.. Вотъ они жертвы пушекъ, нераспорядительности, непро-

стительной оплошности, дутой самоувѣренности начальниковъ, смѣявшихся надъ врагомъ, который уже надвигался съ моря и земли. Здѣсь лежатъ жертвы войны, убитые осколками гранатъ, павшіе подъ выстрѣлами врага, раздавленные рухнувшими зданіями, заморенные голодомъ и холодомъ, въ то время когда многіе начальники упивались шампанскимъ и говорили рѣчи, полныя бахвальства и самовосхваленія. Воровство, недобросовѣстность, безпечность вотъ что царило въ эту горькую войну, когда солдатъ мёръ отъ голоду и истощенія больше, чѣмъ отъ пуль врага.

Когда англичане уже подходили, въ Севастополѣ жгли фейерверки въ честь начальника, говорившаго, что врагъ не дерзнетъ подойти близко, что только трусы могли бѣжать изъ города. И самъ-же начальникъ бѣжалъ первый съ полиціей и подчиненными властями, оставивъ городъ въ смятеніи и ужасѣ. А англичане уже высадились и шли по полуострову. Страшная битва при Альмѣ очистила еще больше дорогу. Враги шли, не встрѣчая отпору. Ихъ не ожидали. Надъ врагомъ все время смѣялись, вмѣсто того, чтобы готовиться къ встрѣчѣ. Враги были поражены безпечностью. Это была не война, а торжественное шествіе англичанъ и французовъ по вражеской странѣ. Вотъ они, несчастные защитники Севастополя; отъ памятниковъ ихъ вѣетъ ужасомъ горькаго прошлаго. Такъ и видятся эти блѣдные призраки, этотъ пылающій городъ, павшій жертвой отечественнаго безобразія и халатности. Такъ и видятся длинные обозы изувѣченныхъ и раненныхъ. Ихъ везутъ по ухабамъ, по камнямъ, ихъ бросаютъ на дорогѣ. Нигдѣ ни доктора, ни фельдшера, ни больницы. Раненныхъ бросали вмѣстѣ съ убитыми

въ кучи. Богъ разберетъ! Защитники города хватались въ предсмертныхъ судорогахъ пальцами за голую землю и умирали въ страшныхъ мученіяхъ одни, забытые, безъ ухода, безъ помощи. Имъ мерещились далекія поля, родныя семьи, родительскія хаты—и они умирали на далекой чужбинѣ въ ужасныхъ мукахъ, прося смерть прекратить ихъ нечеловѣческія страданія. А тамъ далеко: въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ другихъ городахъ собирались деньги, припасы и дѣлали корпій. Все это отсылалось, но ничто не доходило, а что и доходило, такъ лежало неприкосновеннымъ, ожидая разныхъ формальностей. Припасы или не доходили или сгнивали, пока разныя комиссія собирались изслѣдовать и записать ихъ, такъ что потомъ топили мѣшки муки въ рѣчкахъ и прудахъ. Жертвователи должны были платить за свое пожертвованіе и подвергаться безконечнымъ процедурамъ, такъ что они спасались изъ Симферополя, увозя обратно припасы и пожитки. Сердце обливается кровью, когда глядишь на эти братскія могилы, на эту пирамидальную церковь съ красивыми фресками. Ужасно братское кладбище по воспоминаніямъ! Если бы они всѣ, лежащіе здѣсь подъ землей, могли-бы встать и повѣдать каждый свою кончину, кровь могла-бы замерзнуть отъ подробностей ужасающей трагедіи, разъигравшейся въ Севастополѣ. И есть люди, которые оправдываютъ войну!

Съ Графской пристани—храмъ на братскомъ кладбищѣ кажется такимъ печальнымъ, такимъ одинокимъ, что невольно спускаешься по ступенямъ къ ожидающимъ публику яликамъ и ѣдешь на сѣверную сторону раздѣлить одиночество этого горькаго уголка нашей родины...

И на каждомъ шагу натыкаешься въ Севастополѣ на развалины и могилы и на каждомъ шагу видишь мѣста, гдѣ разъигрывались ужасныя трагедіи. Когда выйдешь изъ подъ прелестнаго портика Графской пристани на площадь и пройдешь на лѣво два шага въ сторону Екатерининской улицы мимо лавочки съ минеральными водами, то васъ останавливаетъ громадный красивый домъ, бывшій Красильникова, весь въ развалинахъ. Онъ выходитъ полукругомъ на площадь и смотритъ полуразрушенными арками слѣпо и уныло. Здѣсь внизу помѣщались караимскія лавки и извѣстная всѣмъ горожанамъ кондитерская Іогана. Разорвавшаяся граната зажгла домъ и крыша съ оглушающимъ трескомъ провалилась между стѣнъ. Это было въ тоже время, когда прилетѣвшая пуля воспламенила массу пороха, лежавшаго на Графской пристани и изуродовавшаго своимъ взрывомъ всю лѣстницу. Въ этой же части стоитъ соборъ св. Николая, въ которомъ отпѣвали трехъ адмираловъ: Нахимова, Корнилова и Истомина, а также и всѣхъ павшихъ офицеровъ. Въ соборъ попало всего нѣсколько осколковъ гранатъ и двѣ бомбы. Возлѣ собора была башня адмиралтейства, на которой были часы, увезенные французами въ „Камышъ" и поставленные на деревянной башенькѣ на бульварѣ.

Малаховъ курганъ! Сколько въ этомъ имени грому, треску, шуму, слезъ, смерти, стоновъ, страданія. Малаховъ курганъ! Когда слышишь это названіе вдали отъ Севастополя, то рисуешь себѣ неодолимую твердыню, что-то грозное, въ родѣ горы, на которой стоитъ крѣпость Карсъ.

— Только-то! вотъ все впечатлѣніе, которое про-

извелъ на меня этотъ историческій бугоръ земли, на вершину котораго дорога вьется улиткой по одной изъ траншей.

Трудно вѣрить, что этотъ приземистый холмъ, изрѣзанный траншеями, такъ дорого стоилъ французамъ и далъ Пелисье титулъ герцога.

Въ былыя времена здѣсь на возвышенности стоялъ кабакъ, куда приходилъ шкиперъ Малаховъ, извѣстный пьяница. Кончилось тѣмъ, что онъ поселился на курганѣ, пьянствуя въ кабакѣ постоянно. Этотъ шкиперъ и далъ поводъ назвать народу курганъ Малаховымъ. На холмѣ стояла башня, отъ которой осталось только одно основаніе.

Здѣсь виднѣются повсюду рвы и валы, груды мусора, песку и камней. Эти рвы были дорогами, по которымъ передвигались защитники города. Сторожъ показываетъ эти рвы, называя ихъ громкимъ именемъ бастіоновъ.

— Вотъ это 4-й бастіонъ, говоритъ онъ, это вотъ 3-й, а тамъ вонъ 2-й.

Здѣсь за этими насыпями, боченками, плетенками, мѣшками скрывались наши солдаты. Бомбы вязли въ этихъ сооруженіяхъ и насыпяхъ, и эти нагроможденныя съ виду жалкія укрѣпленія держались лучше гранита.

Пули и бомбы изорвутъ, размечутъ линію, опрокинутъ плетушки и мѣшки, а черезъ часъ, глядишь, навалили новый мусоръ, новые мѣшки и снова все въ исправности и пули врага не страшны. Вотъ 4-й бастіонъ, выдержавшій со славой осаду въ продолженіи столькихъ мѣсяцевъ до конца. Мины непріятеля ничего не могли подѣлать, русскія контрмины заставили его отказаться отъ славы одолѣть это укрѣпленіе. Но оно измѣнилось до неузнаваемости. Все изуродовано, валы обсыпались. Словно кто перекопалъ всю мѣстность.

Я былъ на вершинѣ Малахова. Пустыня.

Всюду слѣды разрушенія, всюду рвы, всюду груды мусора и камней отъ растрѣленной башни, служившей мишенью врагу. Останавливаешься поневолѣ въ глубокомъ раздумьѣ на вершинѣ этого холма, взглянуть на который пріѣзжаютъ англичане изъ-за тридевять морей, слава о которомъ прогремѣла по всей Европѣ. Эти рвы были наполнены трупами, кровь лилась потоками, въ воздухѣ висѣлъ сѣрый дымъ, въ которомъ поминутно сверкали зловѣщія молніи, пули барабанили и сыпались какъ дождь, раскаты выстрѣловъ не переставали гремѣть и въ этомъ громѣ порой выдѣлялся оглушающій трескъ разорванной гранаты. И въ этомъ аду, въ этой жарѣ и смрадѣ все смѣшалось. Враги съ отчаяніемъ ползли на курганъ, на которомъ вскорѣ взвилось враждебное знамя. А теперь здѣсь все такъ мертво и пустынно, что давитъ эта тишина и хочется услышать разговоръ, крики, жизнь.

Съ Малахова открывается далекій видъ и на городъ, и на бухты, и на батареи, усѣвшіяся на мысахъ, и грозно глядящія на входы въ бухты. Это цѣлые форты, дремлящіе на сторожѣ. Первая, далеко заползшая въ море, встрѣтившая нашъ пароходъ, когда мы въѣзжали въ рейдъ—Константиновская батарея. Вотъ она. Я сразу узналъ ее съ Малахова кургана. Бѣлая, длинная приземистая съ двумя этажами черныхъ оконъ, она совсѣмъ прижалась къ морю, которое окружило ее съ трехъ сторонъ. Пули перелетали черезъ нее, а въ народѣ говорили, что всѣ ядра отскакиваютъ отъ ея бѣлыхъ стѣнъ изъ „гранитъ-камня“, имѣющаго что-

то чудодѣйственное въ своемъ составѣ. На мысахъ торчатъ, охраняя входы въ заливъ, то зубчатыя башни Михайловской крѣпости, то грозныя стѣны Александровской, а у самаго города вблизи Графской пристани, опустивъ свои подошвы въ волны, лежитъ когда-то разстрѣленная самымъ нещаднымъ образомъ Николаевская батарея. Всѣ эти крѣпости молча глядятъ вдаль, выглядывая врага и ожидая приказанія огласиться раскатами грома и освѣтиться зловѣщими молніями. Съ Малахова кургана открывается далекій видъ. Петропавловскія колоннады разрушеннаго храма рисуются чернымъ силуэтомъ на фонѣ краснаго заката. Огненная заря выглянула изъ-за колонны и напомнила мнѣ Валентовъ водопроводъ, когда я смотрѣлъ на Константинополь съ окрестныхъ мѣловыхъ холмовъ высоко поднявшихся надъ синевой Золотаго Рога.

Надо постоять на этомъ курганѣ самому, чтобы понять тѣ чувства, которыя поневолѣ испытываются возлѣ этихъ кровавыхъ мѣстъ. Вотъ мѣсто, гдѣ стоялъ Корниловъ, гдѣ пораженный осколкомъ бомбы въ нижнюю часть живота, онъ упалъ блѣдный, бездыханный, обливаясь кровью, гдѣ почти до самаго конца осады сохранялся крестъ, выложенный изъ ядеръ и бомбъ. Вотъ мѣсто возлѣ остатковъ башни, гдѣ адмиралъ Нахимовъ стоялъ съ зрительной трубой, осматривая линію непріятельскихъ укрѣпленій, гдѣ онъ упалъ, раненный въ голову непріятельской пулей. Все ужасныя мѣста. А остатки Малаховской башни грозно, хотя и безсильно глядятъ на раззоренный холмъ. Вотъ и мѣсто „Чортовой площади“ передъ башней, гдѣ падалъ смертоносный дождь пуль и ядеръ. Въ гибельный день штурма въ остаткахъ башни засѣло 30 солдатъ.

Начальникъ 1-й девизіи французовъ Макъ-Магонъ думалъ, было, выкурить солдатъ изъ башни и велѣлъ зажечь фашинникъ, но, спохватившись, что огонь дойдетъ до пороховыхъ погребовъ, велѣлъ потушить. Громадная граната упала къ башнѣ, но ее успѣли залить, за ней слѣдомъ взвилась другая и, разорвавшись, переранила осажденныхъ. Осколокъ ударился въ образъ Николая чудотворца, висѣвшій въ углу, и разбилъ его въ дребезги. Слабо мерцавшая лампада потухла. Ужасъ напалъ на оставшихся живыхъ, которые сочли случившееся за дурное предзнаменованіе и Малаховъ, неприступный Малаховъ, сдался врагу.

Рядомъ съ этими мрачными воспоминаніями встаютъ и другія, особенно когда взглянешь на эти длинныя кладбища иностранцевъ. Надъ похороненными англичанами поставленъ памятникъ ихъ соотечественниками, а тамъ далеко въ Лондонѣ на площади Ватерло стоитъ Guards-Mémorial или „Crimea“, какъ его еще называютъ, поставленный въ память тѣхъ несчастныхъ 2,162 офицеровъ и солдатъ, которые пали въ Крымскую кампанію. Бронзовая фигура, изображающая Славу, гордо глядитъ въ небеса. Обширное французское кладбище обращено въ цвѣтникъ. Здѣсь въ склепѣ подъ большимъ памятникомъ спятъ десять французскихъ генераловъ, а кругомъ павшие воины. Съ глубокимъ уваженіемъ переступилъ я въ это жилище мертвыхъ. Ихъ гуманность, ихъ обращеніе съ имуществомъ и людьми покореннаго города выше всякой похвалы. Французы съумѣли и въ войнѣ остаться галантными. Они охраняли русское добро отъ разсвирѣпѣвшихъ турокъ, они приказывали прятать иконы, чтобы спасти ихъ отъ алчности азіатскихъ

варваровъ, они покупали свѣчи къ русскимъ иконамъ, они стяжали себѣ повсемѣстное уваженіе своимъ вниманіемъ и человѣчностью. Они оживили опустѣвшія окраины, ихъ живой, предпріимчивый характеръ не могъ помириться съ разрушеніемъ и смертью. Они создали цѣлый городъ Камышъ, они устроили чудную гавань въ Балаклавѣ, они хранили многія имѣнія отъ расхищенія. Ихъ начальники, останавливаясь въ помѣщичьихъ домахъ, откуда бѣжали хозяева, не только оставляли все неприкосновеннымъ, но, уѣзжая, оставляли деньги за издержанное на пропитаніе добро и скотъ. А Камышъ? Довольно вспомнить это имя, чтобы преклониться передъ подвижностью характера, передъ предпріимчивостью французовъ. Городъ Камышъ у Камышевой бухты выросъ, словно, по волшебству. Тутъ былъ посаженъ бульваръ, вблизи котораго возвышалась башенка съ часами, взятыми изъ Севастополя, тутъ выросли дома, привезенные по частямъ изъ далекой родины, тутъ были и улица Славы и улица Наполеона, обѣ широкія, застроенныя гостинницами, ресторанами, кафé. Тутъ былъ и театръ, выстроенный по желанію французскаго императора нѣкимъ Шово, присланнымъ для этого въ Камышъ. Шово, строившій даже въ Африканскихъ пустыняхъ, былъ геніемъ въ своемъ дѣлѣ и въ 3 недѣли съ разными архитектурными хитростями выстроилъ театръ на 1,200 человѣкъ. И каждый вечеръ французы спѣшили въ театръ, платя франками за мѣста и аплодировали пріѣзжей изъ Парижа труппѣ. Камышъ блестѣлъ, здѣсь манили и магазины, гдѣ можно было найти все, что угодно, и манящія вывѣски въ родѣ: „Café spectacle“, „au bel-air“ и др. Все это было устроено на скорую

руку, такъ что это былъ городъ—не городъ, магазинъ—не магазинъ, блескъ—не блескъ, что-то въ родѣ ярмарки, и все-же французская ловкость и изворотливость съумѣли устроить такой уголокъ, гдѣ блестѣлъ прекрасный хрусталь, гдѣ съ обитыхъ ситцемъ или обоями стѣнъ глядѣли разнообразныя картины, гдѣ веселая пѣсня, веселая и безпечная, какъ самъ французъ, заставляла думать, что находишься въ настоящемъ городѣ.

И вотъ ихъ могилы! Здѣсь лежатъ ихъ истлѣвшія кости, вдали отъ любимой и прекрасной родины, вдали отъ всего, что такъ дорого каждому человѣку. У меня въ рукахъ былъ букетъ миндальныхъ цвѣтовъ и черешенъ. Я, не задумываясь, положилъ ихъ на могилы нашихъ враговъ, соотечественники которыхъ еще недавно поднимали вопросъ о возвращеніи Россіи двухъ сфинксовъ, увезенныхъ во Францію во время Севастопольской кампаніи.

Въ pendant Камышу, англичане устроили въ Балаклавѣ городъ съ телеграфами, пароходами, желѣзной дорогой, фабриками, мастерскими. Горько, что теперь все запущено и пришло въ упадокъ, а Балаклава съ ея удивительной гаванью превратилась въ скучный уголокъ, мало привлекающій даже туристовъ.

* * *

Посѣщающій Севастополь туристъ считаетъ долгомъ своимъ побывать въ Георгіевскомъ монастырѣ, въ Херсонесѣ и въ Инкерманѣ. Эти три мѣстечка настолько интересны, что грѣшно не поглядѣть ихъ, когда находишься всего въ нѣсколькихъ верстахъ. Самый близкій изъ нихъ Херсонесъ.

Когда мы подъѣзжали къ берегу на пароходѣ, большой Херсонесскій храмъ, выстроенный по образцу многихъ нашихъ русскихъ храмовъ, бросился въ глаза. Сидя на пустынномъ каменистомъ Трахейскомъ полуостровѣ, онъ особенно выдѣляется. Херсонесскій первоклассный монастырь произвелъ на меня впечатлѣніе чего-то скучнаго, рутиннаго, подчищеннаго. Словно это не греческій монастырь, а казенный домъ. Церкви и палаты, выстроенныя на развалинахъ стараго Херсонеса, печально глядятъ въ даль синяго моря. Скучно и грустно. Сонъ и тишь. Такъ бы и закричалъ, чтобы нарушить эту тишину. И это мѣста, гдѣ когда-то кипѣла жизнь. Трахейскій полуостровъ былъ оживленъ, видѣлъ многіе народы. Здѣсь были цвѣтущіе сады и роскошные парки богатой республики. Здѣсь процвѣталъ роскошный городъ, окруженный поясомъ заводовъ, полный торговыхъ учрежденій, полный силы и блеска. Роскошныя статуи, гигантскіе водопроводы, тѣнистые сады украшали древній Херсонесъ около 2-хъ тысячъ лѣтъ тому назадъ. Херсонесъ счастливо отбивался отъ нападеній варваровъ, а также и князя Владиміра. Владиміръ одолѣлъ Херсонесъ, бывшій въ это время въ зависимости отъ Византіи, только сокрушивъ водопроводы и отведя воды источниковъ. Здѣсь крестился Владиміръ и женился на греческой царевнѣ Аннѣ.

Херсонь или „Корсунь“, какъ его звали на Руси, возникалъ дважды. Когда онъ былъ разрушенъ въ болѣе южной части полуострова, гдѣ основался еще въ IV вѣкѣ на мѣстѣ Діофановскаго Евпаторіона, гдѣ отражалъ гунновъ, турокъ, скифовъ и грековъ, онъ возникъ во второй разъ на томъ мѣстѣ

полуострова, гдѣ теперь вблизи Севастополя стоитъ монастырь на древнихъ развалинахъ.

Когда Крымъ былъ присоединенъ къ Россіи, то на мѣстѣ древняго города стояло еще много драгоцѣнныхъ памятниковъ. Но всепожирающее время и невѣжество истребили рѣдкіе мраморы, низвергли башни и стѣны, этихъ свидѣтелей славы и могущества, видѣвшихъ, по преданію, въ стѣнахъ города Андрея Первозваннаго. Древнія фрески, роскошные камни изъ памятниковъ, воротъ и зданій, пошли на постройку Севастопольскихъ батарей. Александръ I-й приказалъ остановить это варварство, но было уже поздно. Теперь попадаются порой рѣдкіе мраморы съ греческими и латинскими надписями, обломки колоннъ, украшавшихъ богатые херсонскіе храмы, древнія монеты и недавно одесское общество археологіи открыло мраморный пьедесталъ изъ подъ мѣдной статуи, которая была поставлена во время Митридата Понтійскаго полководцу Діофанту за побѣду надъ скифами въ 89 г. до Р. Х., какъ повѣствуетъ разобранная на пьедесталѣ надпись. Горько и грустно бродить по этому кладбищу и невольно осаждаетъ мысль, почему новый Херсонесъ не возникъ на берегу этого синяго южнаго моря, въ странѣ персика и миндаля, на полуостровѣ, изрѣзанномъ бухтами, на мѣстѣ, признаннымъ съ глубокой древности благодатнымъ. Увы, вмѣсто журчащихъ фонтановъ, тѣнистыхъ садовъ, городскаго шума и торговой дѣятельности на Трахейскомъ полуостровѣ владычествуетъ покой кладбища, который давитъ и гнететъ васъ и спѣшишь къ жизни изъ этой могилы, гдѣ похороненъ богатый и могущественный городъ.

* * *

На груди оригинальныхъ темныхъ базальтовыхъ скалъ, обрывающихся круто къ морскимъ пучинамъ, стоялъ въ былые года знаменитый храмъ Діаны, въ которой перенесена была изъ Греціи Ифигенія. Мысъ Фіолентъ, на грозныя скалы котораго указываютъ, какъ на мѣсто храма богини-дѣвственницы, врѣзывается своими каменными глыбами, стѣнами и обрывами въ ревущее море, которое дико плещется и реветъ у его подножія, какъ ревѣло и 2 тысячи лѣтъ тому назадъ, когда дочь Агамемнона ходила по мраморнымъ галлереямъ, вглядываясь въ туманную даль, въ сторону далекой и милой родины.

Георгіевскій монастырь расположился своими постройками и садами среди каменныхъ глыбъ. Сначала недоумѣваешь, за что платишь большія деньги извозчику, трясешься длинныя 12 верстъ по однообразной и скучной дорогѣ и въ концѣ концовъ долженъ помириться лицезрѣніемъ самого обыденнаго и ничего особеннаго не представляющаго монастыря съ торчащей церковной колокольней.

Но когда очутишься лицомъ къ лицу съ этими грозными черными утесами въ шапкахъ зеленоватаго моха, со всѣми ихъ переливами и закругленными куполами, съ ихъ пещерами и арками, когда взглянешь въ бездну, гдѣ колышется море, словно синяя мантія, украшенная горностаями, которые, какъ сотни искръ, взлетаютъ къ камнямъ, гложутъ и обработываютъ ихъ своими струями, когда поглядишь на монастырь, висящій точно греза на вышинѣ скалъ, точно фантазія, когда поглядишь на зелень тополей и персиковъ, обсыпанныхъ цвѣтами и висящихъ гдѣ-то надъ головой на недосягаемой высотѣ, то поймешь прелесть Георгіевскаго монастыря, оцѣнишь всю удивительную красоту этой

грозной картины природы. Спускаешься отъ монастыря къ морю по извилистымъ тропинкамъ, огибая скалы, и все поражаешься, что море лежитъ такъ глубоко. Кажется вотъ-вотъ сейчасъ и спустишься къ самымъ голышамъ, блистающимъ на берегу, какъ разбросанные самоцвѣтные каменья, а глядишь—до моря все также далеко, а голыши превратились въ скалы, а вдали у моря блистаютъ всѣми цвѣтами новые голыши, которые тоже окажутся скалами, когда подойдешь къ нимъ поближе. И вотъ, наконецъ, спустишься къ морю. Оно, синее, тонетъ вдали въ розоватомъ сумракѣ, дрожитъ серебряными и изумрудными полосками, словно на немъ легкая прозрачная ткань, сквозь которую проглядываютъ золотые блестки и бѣлые гребни. Южное море имѣетъ много своеобразной прелести. Оно влечетъ въ свои синія глубины, оно рисуетъ воображенію сказочные дворцы и хоромы подводныхъ жителей, оно навѣваетъ задумчивость, отъ которой не скоро освободишься. Сколько разъ, бывало, подойдешь къ берегу, сядешь на камень, станешь глядѣть куда-то въ даль, въ синеву, въ легкое марево, да такъ и застынешь. И многое рисуется въ эти минуты, многое всплываетъ изъ прошлаго, сколько лицъ, сколько событій, сколько грезъ и фантазій! А затѣмъ одолѣютъ иныя мысли, чувствуешь себя ничтожнымъ, крохотнымъ, летишь къ звѣздамъ, за туманы, за облака и тихая грусть одѣнетъ все существо.

Южное море! Какъ оно не похоже на наши желто-сѣрыя моря, непривѣтливыя и грозныя, въ лучшія минуты отражающія блѣдное небо. У Георгіевскихъ скалъ море еще красивѣе, еще обаятельнѣе, еще властнѣе. Это дѣлаютъ скалы, черные базальты

и трахиты. Такъ понятно, что здѣсь высится монастырь теперь, что двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ здѣсь стоялъ храмъ Діаны, высясь надъ дѣвственными скалами, принимая вѣчный гимнъ ревущаго въ безднѣ моря...

***

Тамъ, гдѣ въ длинную бухту, кривымъ рогомъ вдавшуюся въ берегъ, вливается Черная рѣчка, хребетъ горъ сдвинулся грозно, образовавъ узкую долину, и выступилъ крутымъ мысомъ въ море. Это и есть знаменитый Инкерманъ съ его высотами и долиной, съ его обрывами и ущельями. Въ громадной Инкерманской скалѣ въ древнѣйшія времена были высѣчены пещеры камнеломцами, приготовлявшими здѣсь камни для грандіозныхъ построекъ Херсонеса. Здѣсь же въ мрачныхъ пещерахъ укрывались христіяне во время преслѣдованія язычниками, здѣсь же жилъ св. папа Климентъ и собственноручно изсѣкъ въ камнѣ храмъ, еще въ 70-хъ годахъ по Р. X. здѣсь былъ ученикъ апостола Петра. Изгнанники изъ Рима, осужденные императоромъ Траяномъ на работы въ камнеломняхъ, жили, какъ звѣри, въ этихъ пещерахъ. Здѣсь на скалѣ, предполагаютъ, древнюю крѣпость Ѳеодоро. Еще Палласъ видѣлъ на одномъ изъ утесовъ круглую мрачную башню, которая рухнула во время войнъ и образовала груду развалинъ. Турки, взявъ скалу и крѣпость, окрестили ее современнымъ именемъ (Ин—пещера, Керменъ—крѣпость). Большая скала съ жалкими зубцами стѣнъ и развалинами башенъ глядитъ на синее зеркало тихой бухты, опоясанной скалами. Чудный видъ открывается съ балкона на каменной груди скалы. Вся бухта передъ вами. Сколько ходовъ и проходовъ въ скалѣ, соединяющихся съ

высѣченной въ камнѣ церковью, той самой, надъ которой, говорятъ, работалъ изгнанный Траяномъ папа Климентъ святой. Многочисленныя пещеры глядятъ точно черные мертвые глаза въ долину. Пещеры производятъ негостепріимное впечатлѣніе, особенно тѣ, которыя не устояли противъ всемогущаго времени, многія вывѣтрились, обвалились, многія рухнули вслѣдствіи разработки прекраснаго Инкерманскаго камня. Къ сожалѣнію много чудныхъ памятниковъ исчезло безслѣдно. Лѣстницы и галлереи не оставили и слѣдовъ. Пещеры Инкермана даже въ ихъ печальномъ видѣ поразительны. Это удивительный трудъ, памятникъ исключительному долготерпѣнію и настойчивости. Особенно блестящъ былъ водопроводъ, по которому была отведена вода изъ Черной рѣчки. Каналы на аркахъ, висѣвшіе надъ пропастями и просверленные въ грудахъ камней тунели, представляли исключительную работу.

Татарская легенда разсказываетъ о мудромъ юношѣ Саміанѣ, получившимъ за свою мудрость сѣдую бороду и изгнаннаго жидами изъ роднаго города въ Инкерманъ, заросшій въ то время дикими густыми деревьями и наполненный страшными звѣрями и чудовищами, выходившими изъ водъ Кыды-Лимана (имя бухты). Саміанъ долженъ былъ удалиться, такъ какъ жиды хотѣли иначе убить его мать. Но освѣтившагося мудростью и хранимаго Богомъ и пророкомъ юношу не тронули дикіе звѣри, хотя жиды и считали его погибшимъ. По требованію паши, которому во снѣ явился Магометъ и сказалъ, что умирающаго сына паши можетъ спасти только Саміанъ, молодой человѣкъ покинулъ пещеры и явился въ городъ, гдѣ творилъ чудеса. По проискамъ жидовъ, паша, забывъ благодарность,

рѣшился погубить Саміана, заподозрѣннаго въ колдовствѣ, но воины и убійцы, подосланные жидами, остались съ юношей, раздѣляя его работы и молитвы. Когда, наконецъ, жидамъ удалось убить юношу и бросить тѣло въ море, воды разступились, отказываясь принять трупъ святаго, пока преступленіе не будетъ раскрыто.

Такова легенда про Инкерманъ, легенда, хранящаяся кое-гдѣ между старцами въ татарскихъ селеніяхъ и сильно напоминающая легенду объ изгнанномъ папѣ Климентѣ и утопленіи его.

Сидя среди камней на скалѣ, возлѣ остатковъ древнихъ укрѣпленій поддаешься этому безмолвію, этой тишинѣ, царящей и надъ зеркаломъ залива и надъ кустомъ распустившагося шиповника, на цвѣтокъ котораго лѣниво опустилась бабочка и надъ этими стариками зубцами камней, какъ корона вѣнчающими знаменитую скалу. Эти зубцы глядятъ равнодушно въ глубокую долину съ ея камнями, какъ глядѣли 24-го октября 54 года и 4-го августа 55-го, когда каменная грудь скалы дрожала отъ раскатовъ пушечнаго грома, когда люди, забывъ, что они люди, гибли въ узкомъ ущельѣ, когда нашъ солдатъ доказалъ снова свое умѣнье стоять за родину и умирать за нее. О, эти страшные два дня въ Инкерманскомъ ущельѣ, этой могилѣ, куда скатились массы жертвъ людскаго варварства, халатности и возмутительнѣйшаго безпорядка главнокомандующихъ князей Меншикова и Горчакова. Въ одно сраженіе здѣсь легло 6 генераловъ, 1,289 офицеровъ и 11 тыс. солдатъ. Въ одно сраженіе! А во второе 11 генераловъ, 249 офицеровъ и 8 тыс. солдатъ. И всѣ они эти генералы и офицеры, эти 19 тысячъ солдатъ—слава Россіи, они боролись, какъ львы, умирали, какъ герои. Оторванные отъ сельскихъ работъ, не спавшіе нѣсколько ночей, изнуренные, замученные, пришедшіе подъ дождемъ, на разсвѣтѣ были посланы въ бой и они забыли усталость и изнуреніе, они героями шли на врага и героями падали въ узкомъ ущельи. Упущенія, нераспорядительность, отсутствіе плановъ мѣстности, разрозненность съ другими отрядами и масса другихъ обстоятельствъ погубило дѣло. Колыванцы, охотцы, таратунцы лѣзли одни за другими, падали подъ градомъ пуль, отбивали, побѣждали, надрывая послѣднія силы и, не дождавшись помощи, пали всѣ въ этой ужасной, кровавой войнѣ, всѣ—и генералы, и офицеры, и, солдаты. Глядишь въ это ущелье и кажется, что въ лунную ночь здѣсь можно увидѣть призраки павшихъ героевъ. Страшная это долина, горькая по всему своему прошлому, могила не только героевъ войны, но героевъ, пострадавшихъ за вѣру, могила и русскихъ, и англичанъ, и римлянъ, и скиѳовъ, и турокъ.

16.

Симферополь—Алушта.

(По дорогѣ къ Симферополю. Симферополь. Дорога на южный берегъ. Ангарское ущелье. Скала Демерджи. Алушта).

«Увы, не объятія смерти суровой
А крики ребенка поэта убьютъ».
Андрей Сабо.

Не могу сказать, какъ мнѣ было обидно и досадно, что не пришлось побывать въ древней столицѣ гиреевъ, въ знаменитомъ Бахчисараѣ съ его удивительнымъ ханскимъ дворцомъ, минаретами, мечетью, съ ханскимъ кладбищемъ, гдѣ спятъ вѣчнымъ сномъ 16 царствовавшихъ хановъ, гдѣ однообразно брызжетъ фонтанъ слёзъ, тотъ самый Бахчисарайскій фонтанъ, о которомъ писалъ Пушкинъ, воспѣвая Марію Потоцкую вмѣсто Дамеры, дѣйствительной любимицы хана Крымъ-Гирея, въ честь которой и воздвигнутъ фонтанъ. Конечно, послѣ восточности Константинополя, Бахчисарай не могъ мнѣ быть столько интереснымъ, какъ всякому другому, пріѣзжающему прямо изъ Россіи, но было ужасно обидно не видѣть зеленую мечеть, оригинально расписанныя стѣны и ворота дворца, отъ котораго вѣетъ Азіей и прочія диковинки столицы крымскихъ хановъ. Особенно интересны окрестности Бахчисарая: Успенскій монастырь въ громадной скалѣ, въ стѣнѣ которой, словно гнѣзда ласточекъ, приклеелись балкончики, галлереи, бесѣдочки, караимское кладбище, извѣстное подъ названіемъ Іосафатовой долины, старинный Чуфутъ-Кале, эта „жидовская крѣпость“, этотъ остатокъ сѣдой старины, драгоцѣнное мѣсто для археолога, замѣчательный Мангупъ, этотъ былой городъ, весь помѣщавшійся на платформѣ гигантской скалы, къ которому слова: „между небомъ и землей“ относились болѣе чѣмъ къ какому-либо городу, Мангупъ, ввидѣ многихъ развалинъ, притягивающій особенно вниманіе путешественниковъ, эту столицу Готовъ, къ которой былъ доступъ только съ одной стороны утеса,—все это пришлось мнѣ пропустить, скрѣпя сердце. Я долженъ былъ спѣшить къ своему мѣсту назначенія и могъ удѣлить только немного времени знаменитому и прославленному южному берегу Крыма. Дорога до Симферополя, куда я направился въ вагонѣ, намѣреваясь двинуться изъ Симферополя въ Алушту, привела меня въ восторгъ и разогнала нѣсколько досаду, вызванную невозможностью посѣтить Бахчисарай съ его окрестностями. Поѣздъ летѣлъ по насыпямъ, віадукамъ, мостамъ, переброшеннымъ черезъ пропасти, то влеталъ въ тунели, то проползалъ ущелья, въ которыхъ скалы сдвигались невѣроятно близко одна къ другой. То блистало море своей синевой, вдавшись капризнымъ заливчикомъ къ подошвамъ отдаленныхъ скалъ, то стройные пирамидальные тополя, столпившись въ узкой долинкѣ, шуршали своей весенней зеленью, то мелькали скалы, принявшія видъ

развалинъ, то зіяли черные обрывы, маня въ свою глубину. Инкерманъ навѣсился надъ полотномъ желѣзной дороги, а полныя зелени и цвѣтовъ Качинская и Бельбекская долины, утонувшія въ рощахъ, покрытыхъ снѣгомъ цвѣтовъ персика и миндаля, манили къ берегамъ журчащихъ рѣчекъ, въ зелень луговъ, подъ шатры цвѣтущихъ рощъ.

* *
*

На вокзалѣ въ Симферополѣ была суета. Многіе садились, многіе тащили изъ вагоновъ свои пожитки и спѣшили къ извозчикамъ. Я былъ въ числѣ послѣднихъ и, нанявъ за 50 коп. (по таксѣ) извозца, поѣхалъ въ Петербургскую гостинницу, отъ которой ежедневно по утрамъ отходитъ почтовая карета на южный берегъ Крыма, направляясь въ Ялту. Прежде я думалъ ѣхать изъ Севастополя черезъ Байдарскіе ворота, но потомъ раздумалъ. Осенью я надѣялся снова побывать въ Крыму и пополнить тогда мои пробѣлы. Человѣкъ склоненъ многое устраивать въ будущемъ и откладывать, надѣясь, что ничто не можетъ помѣшать въ его планахъ. Увы! Почти всегда встаютъ преграды и потомъ каешься, зачѣмъ возлагалъ надежды на будущее. Какъ-бы тамъ ни было, я очутился въ Петербургской гостинницѣ въ Симферополѣ, губернскомъ, а слѣдовательно главномъ городѣ Таврической губерніи. Но онъ совсѣмъ не похожъ на главный городъ и Севастополь уже теперь „главнѣе" его. Здѣсь въ Тавридѣ происходитъ почти тоже, что въ Херсонской губерніи, гдѣ Херсонъ ничто передъ Одессой, роль которой въ Крыму принадлежитъ Севастополю. Въ Симферополѣ нѣтъ моря, нѣтъ историческаго прошлаго, а слѣдовательно и памятни-

ковъ старины, нѣтъ красивыхъ зданій, нѣтъ ничего, чтобы могло привлечь туристовъ. За то здѣсь есть все, что дѣлаетъ городъ губернскимъ и главнымъ въ административномъ отношеніи. Здѣсь стоитъ самый казенный изъ казенныхъ губернаторскій домъ, казарменная архитектура и классическій желтый цвѣтъ, въ который онъ окрашенъ, краснорѣчиво говорятъ о его важномъ значеніи, здѣсь и присутственныя мѣста, и окружной судъ, и тюрьма, и соборная площадь, и городской садъ, и богоугодныя заведенія, однимъ словомъ, все какъ быть должно и что быть должно все выдержано до педантизма въ строго казарменномъ стилѣ. А между тѣмъ здѣсь всегда масса пріѣзжающихъ и всѣ гостинницы, какъ Grand-Hôtel, Россія, Ливадія, Золотой якорь, Московская, Ялта, Крымская и др. не могутъ пожаловаться на плохія дѣла. Происходитъ это оттого, что Симферополь главный рынокъ Крыма, главный центръ, отъ котораго идутъ дороги въ Евпаторію, въ Саки, въ Севастополь и Бахчисарай, въ Ялту, въ Ѳеодосію, въ Керчь. Мнѣ кажется, что нашъ братъ не можетъ засидѣться въ Симферополѣ и, поглядѣвъ на соборъ самой рутинной постройки, на обелискъ, поставленный въ память князя Долгорукова-Крымскаго, побѣдителя Крыма, на рынокъ съ его пестрой толчеей, поспѣшитъ исчезнуть *). Какъ-то давитъ эта однообразность, эта рутина и чувствуешь, что попадаешь въ цѣпи неизгладимой тоски. И обелискъ, въ постаментъ котораго вдѣланъ медальонъ съ лицомъ князя Долгорукова, над-

*) Теперь къ достопримѣчательностямъ Симферополя надо отнести еще вновь открытый памятникъ Императрицѣ Екатеринѣ Великой.

треснувши по швамъ, одѣлся мѣстами травой и уныло глядитъ на пыльную площадь, на которой въ полуснѣ застыло нѣсколько извозчиковъ. Только рынокъ развлекаетъ своей суетой, крикомъ, шумомъ, гамомъ и толчеей. Рыночная площадь украшена фонтаномъ ввидѣ довольно некрасиваго усѣченнаго обелиска, на срѣзанной и нѣсколько закругленной вершинѣ котораго стоитъ урна на малопричудливой подставкѣ. Вода льется изъ четырехъ трубокъ, помѣщенныхъ по сторонамъ обелиска. Повсюду деревянные балаганы, лавки, телѣги, арбы или маджары. Повсюду кучи товаровъ, груды овощей, муки, чесноку, мыла, кувшиновъ молока и другихъ продуктовъ. Толпа пестрая, разнообразная и по костюмамъ и по лицамъ. Тутъ и нѣмцы, и жиды и цыгане, и татары, и греки, и армяне. Всѣ съ своимъ товаромъ, съ своимъ разговоромъ. Цыгане гарцуютъ на продаваемыхъ лошадяхъ, нѣмки возлѣ мѣшковъ картофеля сидятъ съ незатѣйливой работой, помня, что время—деньги, жидовки, черныя, неопрятныя продаютъ всякую дрянь, кое-гдѣ гремитъ цыганская музыка, а любители танцевъ, особенно загорѣлые, полунагіе цыгане лихо отплясываютъ, окруженные толпой любопытныхъ. Говорятъ, лѣтомъ, когда созрѣютъ плоды, базаръ особенно привлекателенъ. Цѣлыя горы краснощекихъ персиковъ, золотистыхъ абрикосовъ, самыхъ разнообразныхъ сливъ и вишенъ привлекаютъ туриста на каждомъ шагу.

Вокругъ города, особенно по берегамъ Салгира, который я принялъ за ручей, такъ онъ малъ и жалокъ, тянутся сады, особенно красивые въ своемъ весеннемъ нарядѣ. Кое-гдѣ изъ подъ карнизовъ бѣлыхъ домовъ висятъ кисти лиловой глициніи, абрикосъ и черешня совсѣмъ покрылись цвѣтами и при каждомъ дуновеніи вѣтерка роняютъ бѣлый снѣгъ.

Предмѣстье Симферополя—татарская часть города, бывшій прежде городъ „Акъ мечеть". Это цѣлая фруктовая роща, въ которой проложены узкія улицы съ бѣлыми стѣнами, скрывающими татарскіе домики. Кое-гдѣ вырисовывается некрасивый минаретъ мечети. Прежде густо заселенный татарскій городъ значительно опустѣлъ теперь. Татаръ сильно притѣсняли русскіе, а кромѣ того мусульманскіе проповѣдники, порой наѣзжающіе въ Крымъ, волнуютъ татаръ, затрагивая главнымъ образомъ религіозные вопросы, увлекающіе татаръ изъ ихъ мѣстъ.

Я былъ очень радъ, когда усѣлся на одно изъ открытыхъ мѣстъ мальпоста, ежедневно отходящаго въ 9 часовъ утра и приготовлялся видѣть красоты южнаго берега. Предо мной проплывали затонувшія въ садахъ красивыя дачи, виноградники, спускающіеся къ самому Салгиру, вдоль берега котораго бѣжало шоссе. Всѣ сады были въ необыкновенно богатыхъ нарядахъ. Красивыя скалы съ черными пещерами, обитаемыми теперь летучими мышами и когда-то ютившими, вѣроятно, первобытныхъ сыновъ Крыма, сгруппировались вмѣстѣ надъ долиной и смѣнили сады, которые новымъ зеленымъ моремъ съ цвѣтущими волнами появились на нашемъ пути. Сколько неописуемой красоты въ цвѣтущемъ деревѣ! Это цѣлый букетъ, цѣлое море цвѣтовъ. Глядишь и не наглядишься этими бѣловато-розовыми вѣтвями, кое-гдѣ украшенными зеленымъ листкомъ. А когда видишь не одно, не десять, а сотни, тысячи, цѣлое море такихъ деревьевъ, цѣлыя рощи роскошныхъ букетовъ нельзя не придти

въ восторгъ. Маленькія татарскія деревни съ плоскими крышами, приземистыя и невзрачныя совсѣмъ потонули въ зелени деревьевъ. Мы проѣхали деревеньку съ развалинами толстой и грубой стѣны, которую мнѣ назвали Эски-сарай и объяснили развалины былымъ ханскимъ дворцомъ. У станціи Мамутъ-Султанъ мы остановились. Снова пришлось мнѣ подосадовать на недостатокъ времени и на мою спѣшку и отказаться отъ посѣщенія пещеръ Кызилъ-Коба съ ихъ темными галлереями, подземными залами, полными мрачной фантазіи и таинственности, полными своеобразныхъ подземныхъ красотъ и источника Салгира, бьющаго изъ подъ розоватыхъ скалъ Палатъ-горы, пробившаго громадную котловину подъ грозно нависшей скалой. Среди необыкновенно синей воды, среди пѣны и брызгъ плещутся форели, мелькая надъ поверхностью серебристыми спинками. Мы неслись по равнинѣ среди восхитительныхъ крымскихъ луговъ. Земля холмилась, обрывалась овражками, ползла на небольшіе пригорки и убѣгала на горы за облака.

И всюду были цвѣты, цѣлое море цвѣтовъ. Роскошные бархатные ковры малиновыхъ піоновъ поражали глазъ и въ этомъ малиновомъ морѣ узкими и причудливыми арабесками были вышиты узоры зеленымъ, желтымъ и синимъ. Луговой піонъ или воронецъ, какъ его зовутъ на югѣ, это темно-малиновая чаша, окруженная паутиной мелкой зелени и украшенная золотисто-желтой пылью. Онъ красивъ своими атласистыми лепестками, своими тонкими, разрѣзными листиками, своей великолѣпной окраской, но когда передъ глазами развертываются малиновые луга, одѣвшіе и пригорки, и холмы, и равнины своимъ драгоцѣннымъ плащемъ, просто

умиляешься, теряя способность восхищаться. И какихъ только нѣтъ цвѣтовъ на крымскихъ лугахъ! Дремлики одинъ лучше другаго, расписные тюльпаны съ холодной фарфоровостью ихъ цвѣтовъ, синіи гіацинты съ ихъ колокольчиками и бубенчиками цвѣтовъ, желтые крестики душистыхъ сурѣпицъ и все это среди чудной бархатной травы. Такъ бы и бросился на эти ковры, такъ бы и потонулъ въ этихъ пестрыхъ, душистыхъ, цвѣточныхъ волнахъ.

А Яйла, эта цѣпь горъ съ пастбищами, съ пропастями, съ зубьями въ родѣ древнихъ замковъ, съ иглами и шумящими потоками все ближе и ближе подвигается къ намъ. Дорога желто-сѣрой змѣей бѣжитъ среди цвѣтущихъ луговъ къ горамъ и къ темнымъ лѣсамъ на ихъ каменныхъ грудяхъ. И вотъ насъ поглотила роща, полная цвѣтущихъ деревьевъ. Здѣсь еще больше цвѣтовъ, и земля въ цвѣтахъ, и кусты въ цвѣтахъ, и деревья въ цвѣтахъ. Горы сдвинулись и въ иныхъ мѣстахъ совсѣмъ сошлись у шумящаго ручья Ангары, скачущей съ плескомъ и шумомъ по камнямъ. Мы въ Ангарскомъ ущельѣ. Словно природа напрягла всѣ свои усилія, словно она съ особенной любовью одѣла красотами это ущелье. Здѣсь и темные дубы, и лапчатые клены, и бѣлый снѣгъ черешенъ, и колючій боярышникъ въ розовыхъ и бѣлыхъ нарядахъ, и букеты подснѣжниковъ, но какихъ роскошныхъ подснѣжниковъ, и цѣлыя подушки блѣдно-палевыхъ баранчиковъ, одѣвающихъ камни, и пальмы папоротника у жемчуженныхъ струй Ангары и темныя скалы, одѣтыя разноцвѣтными плѣсенями и мхами, и журчаніе водопадовъ спускающейся съ горъ Ангары, и пѣніе птицъ, и черные зѣвы пропастей, и синее южное небо, маленькимъ клочкомъ глядящее въ это

дивное ущенье. Станція Таушанъ-Базаръ выплыла изъ за зелени деревьевъ. Я былъ радъ полазить по скаламъ пока мѣняли лошадей. Я рвалъ цвѣты и вдыхалъ ихъ упоительный ароматъ. Какая безконечная прелесть во всемъ, какъ легко на душѣ, какъ мчишься къ этому синему клочку неба, далеко висящему надъ вершинами скалъ! Мы ѣхали въ горы; съ каждымъ шагомъ мы все выше и выше поднимались къ вершинѣ Чатыръ-дага. Ангара злобно шумѣла и билась о камни, стремясь къ цвѣтущимъ лугамъ, далеко оставшимся позади насъ. Буковыя рощи съ ихъ оригинальными пепельными стволами, прямыми, какъ колонны, гладкими, какъ камень, цѣпляющимися крѣпкими корнями за камни, раскинули шатры своей чудной мягкой зелени надъ дорогой и по откосамъ горъ. Буковая роща! Сколько чистоты, воздуха, сладостной тѣни, аромату и задумчивости въ этомъ словѣ. Букъ такъ подходитъ къ горамъ, его стволъ такъ идетъ къ камню, что кажется, другое дерево не имѣло право расти на мѣстѣ бука. Въ буковыхъ рощахъ столько таинственности, столько молчаливой красоты, что невольно сравниваешь ихъ съ колоннадами храмовъ.

А дорога вьется выше и выше, все ближе и ближе къ гребню горъ, отдѣляющему южное побережье. Мы поднялись къ облакамъ, которыя бѣлою вуалью одѣли грозный Чатырдагъ. Кажется, что вершина его такъ близка отъ насъ, а поди, попытайся проникнуть къ ней, глядящей изъ-за облака! Камни все грознѣе и грознѣе торчатъ на нашей дорогѣ, лошади идутъ тише. Мы на самомъ перевалѣ. Вотъ еще нѣсколько саженей и мы на рубежѣ. Горная цѣпь словно порвалась, впереди необозримая даль. Неужели это море? Горы террасами бѣгутъ въ долины,

по нимъ вьется дорога, описывая зигзаги, по нимъ летятъ шумными каскадами горные ручьи и потоки. Внизу зеленая и цвѣтущая долина Алушты и, словно бѣлыя точки, выдѣляются домики и селенья. Туманы то поднимаются, то опускаются, словно занавѣсы, и не понимаешь сразу, гдѣ море, гдѣ небо. А мы ужъ летимъ по дорогѣ внизъ среди скалъ, камней, цвѣтущихъ кустовъ, черезъ журчащіе потоки, мы спускаемся изъ подъоблачныхъ пространствъ къ южному, знаменитому берегу. Что за виды! Каждую минуту новый видъ. То море является справа, то слѣва, то впереди. Мы вертимся во всѣ стороны вмѣстѣ съ дорогой и летимъ за потоками въ долину къ морю. Прощай, Чатырдагъ, съ твоими зелеными пастбищами, съ пасущимися стадами овецъ, охраняемыми страшными овчарками и чабанами (пастухами)! Какъ мнѣ хотѣлось взойти на его вершины, подышать его туманами, испытать всѣ трудности восхожденія на горы, но—увы, это „но" несло меня безъ оглядки внизъ, къ морю, въ зеленую долину. Напротивъ насъ по ту сторону долины каменной стѣной стоитъ величественная скала Демерджи. Она вся во всемъ своемъ величіи отъ подошвы до вершины раскрылась и образовала стѣну долины. Къ ея подножію ползутъ виноградники и фруктовые сады, изъ зелени которыхъ она высится во всей своей красѣ. Это гигантская единственная въ своемъ родѣ скала, за которой торчатъ иглы и шпицы цѣлаго кряжа горъ, идущаго къ Ѳеодосіи и обрывающагося мысами и пропастями въ синее море. Вся могучая каменная грудь Демерджи испещрена фантастическими лѣстницами, замками, обрушившимися колоннами и дворцами, а на вершинѣ ея, гордо разсѣкающей облака, камни приняли видъ сидящей женщины. Многіе на-

ходятъ профиль Императрицы Екатерины, но всѣ согласятся, что каменная женщина, сидящая на вершинѣ скалы, очень рельефно выступаетъ на фонѣ облаковъ. Когда глядишь на эту каменную женщину на вершинѣ Демерджи не сомнѣваешься, что народная фантазія не могла не украсить легендой эту странную игру природы.

Въ татарскихъ деревняхъ еще сохранился разсказъ, что въ злополучное время смутъ въ Крыму, когда татарскіе ханы забыли свои старые законы, когда стали увлекаться почестями и орденами иновѣрныхъ, въ Алушту прибылъ неизвѣстный дервишъ, поразившій всѣхъ своими чудесами. Многіе въ Крыму томились тяжелымъ положеніемъ дѣлъ и тяжкой зависимостью отъ турокъ и, услышавъ о дервишѣ, поспѣшили къ нему съ цѣлью узнать о будущемъ ханства. Дервишъ, видя ихъ слезныя мольбы, созвалъ всѣхъ на молитву. Весь народъ собрался на площадь и сталъ внимать таинственнымъ словамъ дервиша. И вдругъ закипѣло море и раздались три страшныхъ подземныхъ удара. Весь народъ въ ужасѣ и смятеніи палъ ницъ. Когда дервишъ началъ вертѣться, творя молитвы, и въ изнеможеніи упалъ на землю, раздался самый страшный ударъ. Всѣ окрестныя горы затрепетали на своихъ основаніяхъ. Демерджинская скала покрылась чернымъ дымомъ, а Бабуганъ и Чатырдагъ закутались въ туманы. Когда дымъ разсѣялся весь народъ съ трепетомъ увидалъ на оконечности скалы каменную фигуру въ образѣ сидящей женщины.

— Визяри и аги, возопилъ дервишъ, простирая руки къ вершинѣ Демерджи, царство хановъ скоро погибнетъ и надъ вами воцарится христіанская царица, похожая на эту и пока эта каменная женщина будетъ сидѣть на Демерджи, царство наслѣдниковъ ея будетъ несокрушимо. Предсказаніе дервиша сбылось, говоритъ легенда, черезъ нѣсколько лѣтъ Крымъ достался Императрицѣ Екатеринѣ II-й.

Среди цвѣтущаго боярышника открылся Кутузовскій фонтанъ. У каменнаго водоема стояло нѣсколько татаръ, стройныхъ, высокихъ съ черными глазами и поили лошадей. Дѣвочка въ пестрой юбкѣ съ змѣйками изъ черныхъ волосъ, ввидѣ многихъ маленькихъ косичекъ, сидѣла на камнѣ и внимательно разсматривала сидящихъ въ мальпостѣ.

Фонтанъ въ Крыму—это центръ жизни, такъ какъ вода драгоцѣнность. Каждая струйка воды отводится канавками на поля табаку и виноградники, каждая капля цѣнится въ гористой мѣстности Крыма, почему на фонтанъ смотрятъ съ особеннымъ почтеніемъ. Здѣсь когда-то во время войны русскихъ съ турками Кутузовъ потерялъ глазъ и былъ раненъ пулею въ голову. Лучшаго памятника, какъ фонтанъ, въ Крыму нельзя было придумать и имя каждаго устроителя водоема высоко чтится татарами. За Кутузовскимъ фонтаномъ выплыла изъ орѣховой рощи деревенька Шумы, состоящая изъ домиковъ, прилѣпившихся къ скаламъ, домиковъ, сплетенныхъ, какъ шалаши, изъ хворосту, замазанныхъ глиною и одѣтыхъ сверху плоскою крышею, тоже замазанной глиною. Здѣсь въ горахъ плоская крыша играетъ большую роль, выгадывая хоть маленькое мѣстечко, гдѣ можно посидѣть. Татарскія деревни—это настоящія колоніи гнѣздъ стрижей, привѣшенныя къ камнямъ. Глядя на деревеньки у Демерджи по ту сторону долины, ни за что не подумаешь, что это человѣческое жилье, такъ низки, такъ малы эти курьезныя хаты татаръ.

Мы уже совсѣмъ спустились въ долину и ѣдемъ среди Алуштинскихъ садовъ, изъ за изгородей которыхъ торчатъ печальные кипарисы и черешни. Повсюду ежевика переплела свои длинныя плети съ лозинкой или ломоносомъ, нашей крымской ліаной, которая своими длинными вьющимися вѣтвями тянется на деревья, переплетая ихъ вѣтви, и одѣвая тополя, буки и дубы букетами бѣложелтыхъ цвѣтовъ ввидѣ крестиковъ заставляя цвѣсти кипарисъ и сосны, которыя изрѣдко попадаются въ садахъ.

Мы въѣхали въ тополевую аллею. На нѣсколько верстъ растянулась эта удивительная колоннада гигантскихъ деревьевъ. Тополя сомкнулись въ два ряда, пропуская узкой полосой дорогу среди двухъ зеленыхъ стѣнъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ одѣтыхъ не только клиновидными ароматными листами тополей, но и кожистою зеленью плюща. Этотъ послѣднiй одѣваетъ стволы, тянется къ острымъ вершинамъ гигантовъ деревьевъ, ползетъ по вѣтвямъ и придаетъ всей прекрасной аллеѣ своимъ контрастомъ зелени еще болѣе видъ исполинской зеленой колоннады.

И вотъ я въ Алуштѣ, на берегу моря, на южномъ берегу Крыма, у подножія Демерджи, ввиду Палатъ-Горы, шапкообразной Кастели, Бабугана и цѣлаго ряда вершинъ безконечной Яйлы. Здѣсь еще въ 6-мъ вѣкѣ императоръ Юстиніанъ I, чтобы удержать горныхъ жителей отъ набѣговъ въ долину, выстроилъ каменное укрѣпеніе, отъ котораго остались на задворкахъ татарскихъ домиковъ три полуразрушенныя башни. Алуштинская долина прорѣзала собой горную цѣпь и образовала ворота къ морю, которые съ глубокой древности старались укрѣплять и тѣмъ воспрепятствовать набѣгамъ скифовъ. Отъ стѣны древняго замка Алустона почти ничего не осталось, также какъ и отъ разрушенныхъ башенъ. Отъ одной изъ нихъ уцѣлѣло только основаніе, двѣ другія ввидѣ развалинъ жмутся къ стѣнамъ татарскихъ домиковъ. У самаго подножія Демерджинской скалы уныло глядятъ развалины крѣпости „Исарчикъ". Говорятъ, что въ былыя времена и надъ Демерджинской скалой возвышалась крѣпость, какъ орлиное гнѣздо, ютящаяся среди облаковъ, гордая, дерзкая и недоступная; говорятъ, что длинная каменная стѣна ползла по Яйлѣ, и переползала весь Чатырдагъ. Остатки этой циклопической стѣны порой и теперь встрѣчаются въ лѣсахъ на Яйлѣ и называются по татарски „Ташъ-Хабахъ", что означаетъ каменную стѣну.

Алушта мирно и спокойно спитъ среди своихъ садовъ и виноградниковъ, пропитанная ароматомъ мирта и цвѣтущихъ черешенъ, подъ плескъ синяго моря, подъ палящими лучами солнца. Храмъ Θеодора Стратилата съ красивой готической архитектурой выглядываетъ вмѣстѣ съ тополями и кипарисами изъ за садовъ, дачъ и татарскихъ домиковъ. Мнѣ показалось Алушта безжизненной и скучной и я радъ былъ проститься съ скучнымъ мѣстечкомъ лежащимъ въ красивой долинѣ, у подножья красивой скалы, на берегу красиваго моря.

17.

Южный берегъ Крыма.

(Южный берегъ. Кастель. Аю-Дагъ. Гурзуфъ. Массандры. Ялта. Учанъ-Су. Ливадія. Ореанда. Ай-Тодоръ. Алупка).

«Красоты природы облагораживаютъ человѣка». ***

Вотъ онъ южный берегъ Крыма, въ одномъ названіи котораго заключается столько тепла и свѣта, что поневолѣ ожидаешь что-то особенное, вотъ та панорама, гдѣ одно имя звучнѣе другаго, гдѣ одно названіе краше другаго. И дѣйствительно этотъ южный берегъ Крыма не даромъ славится красотами. Конечно, горы Крыма не соперничаютъ съ горами западной Европы, но красота ихъ совсѣмъ особенная, а главное, что море, это чудное, синее море, которое нельзя не любить, которое не смѣешь не любить, которое не достанетъ духу не любить, оно все здѣсь, у ногъ этихъ горъ, скаты которыхъ покрыты орѣховыми рощами, пѣной горныхъ потоковъ, лѣсами буковъ, непроницаемой сѣтью ліанъ-ломоносовъ, дачами и мѣстечками, татарскими деревнями и садами. Чтобы познакомиться съ Крымомъ

поближе надо всползти на горы, надо жить въ деревняхъ и лѣсахъ, надо вести скитальческую жизнь.

Даже скучная и мертвая Алушта можетъ продержать нѣсколько дней туриста своими прогулками на Чадырдагъ, къ 1000 головой пещерѣ, на вершину Демерджи и Кастели, къ источнику Савлухъ-Су, гдѣ находится монастырь Косьмы и Даміана. Отъ Алушты ведетъ прекрасное шоссе до самой Ялты, оно ползетъ по скаламъ и горамъ, имѣя съ одной стороны стѣны горъ, а съ другой пропасть, отъ которой отдѣляетъ небольшая каменная стѣна, ползущая перилами вмѣстѣ съ дорогой черезъ горы и овраги, черезъ бѣшено мчащіеся ручьи, черезъ деревни, сквозь лѣса и рощи до самой Ялты. Еще лучше другая дорога, которая вьется по самому берегу моря, пробѣгающая всѣ прекрасныя южно-бережныя мѣстечки и имѣнія.

За Алуштой дорога вьется змѣей, поднимаясь изъ долины между зарослями вяза и клена, увитыми ліанами, на грудь Яйлы. Орѣховыя деревья такъ далеко развѣсили свои мощныя вѣтви, что каждое изъ нихъ образуетъ громадный шатеръ. Ихъ темные большіе листы образуютъ густую чащу, среди которой весной висятъ длинныя желтоватыя сережки, словно многочисленныя гусеницы, а осенью все дерево украшено своеобразными кистями орѣховъ, похожихъ на зеленые яблоки. Тамарисы съ ихъ розовыми метелками торчатъ у садовъ алуштинскихъ дачъ, ползущихъ съ дорогой на горы. Яйла то подходитъ къ самому морю, то отступаетъ отъ него, а отдѣльныя горы большими шапками высятся на берегу. За Алуштой вскорѣ показывается Кастель—гора, крутая, словно одѣтая каменной броней, заросшая лѣсомъ. Громадныя груды

камней лежатъ повсюду, словно окаменѣвшіе каскады. Кастель (по гречески крѣпость) очевидно была въ древнія времена сильно заселена. Еще недавно на каждомъ шагу встрѣчались развалины стѣнъ циклопической постройки. Кромѣ этихъ камней, затянутыхъ плющемъ и мхомъ и валявшихся въ тѣни дубовъ и буковъ, на Кастели встрѣчались слѣды монастырей и церквей, кладбищъ и водопроводовъ болѣе поздняго, но для насъ очень отдаленнаго времени. На Кастели среди развалинъ были еще недавно камни монастыря Св. Прокла, который многіе предполагали на горѣ и который на средневѣковыхъ картахъ означался Пангрополи (по-татарски: Ай-Брокуль—„св. Проклъ"). Не помню гдѣ-то читалъ, что прежде на Кастели жила прекрасная и добродѣтельная царица Ѳеодора, при которой гора была въ цвѣтущемъ состояніи. Всюду были башни, монастыри, стѣны торчавшія изъ зелени лѣсовъ, густо одѣвшихъ всю прекрасную Кастель. Существуетъ легенда, что есть потаенные ходы подъ Кастель съ скрытымъ тамъ несмѣтнымъ богатствамъ, что главный ходъ запертъ желѣзною дверью, которая завалена камнями, заросла колючимъ кустарникомъ, затянулась плющемъ и ломоносомъ. Теперь Кастель совершенно лишена своихъ развалинъ и только источникъ журчащій вблизи моря у ея подошвы до сихъ поръ носитъ имя источника Ѳеодоры.

Форма Кастели необыкновенно напоминаетъ вулканъ, а грозныя трахитовыя скалы, каменная броня горы и засыпанный обломками скалъ и камней, уже заросшій деревьями кратеръ ясно говорятъ о тѣхъ стихійныхъ катастрофахъ, которыя пронеслись надъ этими мѣстами. Походъ на Кастель очень труденъ, но за то кратеръ и очаровательный видъ на изрѣзанный заливами южный берегъ вполнѣ вознаграждаютъ за усталость и пройденныя трудности. Одинъ видъ на горбатый Аю-Дагъ, лежащій далеко въ водѣ и выставившій свою щетинистую спину изъ волнъ, образуетъ грандіозный мысъ, отдѣленный отъ Кастели цѣлымъ рядомъ мысиковъ и скалъ. Когда ѣдешь по почтовой дорогѣ, то кажется, что Кастель поворачивается на своемъ основаніи и трудно оторвать глаза отъ этой прекрасной горы, отъ этого потухшаго вулкана, составляющаго нѣкоторый pendant горбатому Аю-Дагу, какъ по красотѣ, по исключительному положенію, отрѣзанности отъ горной цѣпи крымскихъ горъ, такъ и по имени. Прежде и Аю-Дагъ назывался Кастелью, но съ прибавленіемъ „Біукъ", что означаетъ „большая", а настоящая Кастель звалась малой — „Кучук-Кастель". Обѣ горы необыкновенно красивы, обѣ образуютъ, какъ Демерджинская скала въ Алуштѣ, фоны прелестнымъ декораціямъ на южномъ берегу, обѣ тонутъ въ золотисто-фіолетовой дымкѣ въ полдень и окутываются въ легкое розоватое марево съ закатомъ. Это двѣ природныя крѣпости, два исполина, сидящихъ на самомъ берегу и охраняющихъ побережье отъ яростныхъ волнъ. Между ними по изломанному берегу и въ обѣ стороны отъ Кастели къ Алуштѣ и отъ Аю-Дага къ Ялтѣ развертываются красивыя панорамы, напоминающія знаменитый Corniche на югѣ Франціи у Ниццы и Ментоны.

Побродите по этимъ тропинкамъ между скалъ, между кучъ камней, среди безконечныхъ виноградниковъ, вдохните въ себя въ жаркій лѣтній день сладкій ароматъ мирта и олеандра, опуститесь подъ тѣнью маслины или развѣсистаго орѣха возлѣ звенящаго ключа на обломокъ скалы, прислушайтесь

къ плеску моря и вы вкусите эти красоты юга, вы поймете, почему люди стремятся къ солнцу, къ свѣту, къ теплу, почему слово „югъ" имѣетъ столько обаянія и безконечной прелести. Всѣ эти заливчики, островки, мыски и скалы, всѣ эти желѣзные кипарисы и душистые лавры Кучукъ-Ламбата и Партенита съ ихъ виллами, всѣ эти виноградники Ай-Даниля князя Воронцова, гдѣ зрѣютъ лучшія лозы съ береговъ Рейна, Венгріи, Андалузіи и Бордо, всѣ эти сады и рощи Артека и Карасана, спящіе подъ звонъ горныхъ ключей, — переносятъ васъ прямо въ Италію. Куда ни повернись—все дивные виды, отовсюду видъ на горы и на море. Зубья Яйлы грозной короной торчатъ надъ моремъ и купаютъ свои подошвы въ голубыхъ струяхъ моря. „Медвѣдь-гора", горбатый Аю-Дагъ прилегъ къ самой поверхности, выставивъ свою крутую спину, обросшую лѣсомъ. И здѣсь, какъ на Кастели, всюду обломки прежнихъ построекъ, остатки циклопическихъ стѣнъ, полузаросшихъ ежевикой и колючимъ держи-деревомъ. Здѣсь предполагаютъ на вершинѣ горы надъ пропастью, обрывающейся въ море, старый замокъ Тавровъ, далеко глядѣвшій въ морскія пучины.

Къ стѣнамъ красноватыхъ скалъ Аю-Дага жмутся съ одной стороны Артекъ съ его виноградниками, ползущими къ Гурзуфу, съ другой Партенитъ съ его тѣнистыми орѣховыми рощами. Въ древнія времена здѣсь въ Партенитѣ, на что указываетъ и названіе, былъ храмъ дѣвы, жестокой богини Тавровъ, въ честь которой приносились въ жертву иноземцы. Многіе предполагаютъ, что храмъ богини Діаны, въ которомъ находилась Ифигенія, былъ именно здѣсь въ Партенитѣ. Существуетъ разсказъ, что

здѣсь былъ выстроенъ роскошный дворецъ съ зеркальными стѣнами, съ бассейнами и чудными садами. Неизвѣстные люди обитали этотъ недоступный дворецъ, куда ежегодно приплывалъ корабль и привозилъ знатныхъ юношей, царей и архонтовъ, проводившихъ ежегодно по мѣсяцу въ таинственномъ дворцѣ. Въ это время во дворцѣ гудѣла музыка, раздавалось пѣніе и мертвыя стѣны оживали. Въ этотъ дворецъ привозили красавицъ-дѣвушекъ со всѣхъ концовъ земли, натирали ихъ мазями, упражняли гимнастикой и танцами, подготовляя къ пріѣзду высокихъ гостей. Когда-же мѣсяцъ оргіи и дикихъ наслажденій проходилъ, дѣвушекъ безжалостно убивали, бросая ихъ тѣла въ разъяренное море. Греческая легенда говоритъ, что въ этотъ замокъ безчестія были увезены молодыя монахини изъ монастырей Тавриды и что за это гнѣвъ Божій разразился надъ дворцомъ. Въ ту минуту, когда палачъ готовъ былъ обезглавить первую дѣвушку, а полупьяные разодѣтые въ парчи и золото гости собирались на корабль, страшный ударъ пошатнулъ весь Аю-Дагъ. Гора разсѣлась, громадные пламенные языки лизнули упавшія стѣны и колоннады и похоронили подъ обломками дворца всѣхъ нечестивыхъ чужестранцевъ.

Такова легенда, указывающая на то, что Аю-Дагъ не всегда молчалъ и что онъ, какъ и его дружка Кастель извергали пламя и лаву, потрясая всю окрестность подземными ударами.

На обрывистыхъ мысахъ, лапами вдавшимися въ море, прежде было много грозныхъ замковъ Тавровъ, посвященныхъ жестокому божеству, алкавшему смерти и крови.

Теперь въ мирномъ и цвѣтущемъ Партенитѣ по-

рой находятъ, слѣды древнихъ церквей и жилищъ. Въ Партенитѣ родился епископъ Готѳіи св. Іоаннъ, жившій въ 8 вѣкѣ. Но ни цвѣтущій Карасанъ, ни Артекъ съ его греческою церковью, ни Ай-Даниль съ его изогнутыми крымскими соснами, цѣпляющимися корнями за камни, какъ старыми высохшими и длинными пальцами, съ его шипучимъ виномъ въ родѣ шампанскаго, ни Партенитъ съ его ручьями и орѣхами, изъ которыхъ одинъ, распростерпій во всѣ стороны свои мощныя вѣтви надъ уныло плещущимъ фонтаномъ — особенно старъ и замѣчателенъ, ни татарская девевня возлѣ почтовой дороги „Кизиль-Ташъ" съ остатками развалинъ на красноватой скалѣ, не могутъ сравниться съ Гурзуфомъ. Самъ Аю-Дагъ изъ Гурзуфа поражаетъ особенной красотой. Сколько въ немъ красокъ, сколько всевозможныхъ переливовъ, сколько грознаго величія Аю-Дагъ, это лучшая декорація для Гурзуфа. Онъ своимъ мысомъ заползъ такъ далеко въ море, какъ ни единая гора Крыма и отражается во всей своей красотѣ въ спокойной бухтѣ синяго моря. Какъ онъ хорошъ этотъ каменный медвѣдь въ жаркій золотой день, когда его щетинистый контуръ ползетъ по синему небу надъ зеркальнымъ искрящимся моремъ, онъ весь красный тогда, на его стѣнахъ всѣ оттѣнки до зеленаго и чернаго и до краснаго, какъ огонь. Какъ хорошъ онъ, когда налетитъ гроза и море потемнѣетъ и покроется горностаемъ, когда на черномъ небѣ, освѣщенномъ сіяніемъ молній, онъ еще болѣе черный, еще болѣе грозный и угрюмый въ своемъ величественномъ спокойствіи лежитъ среди разсвирѣпѣвшихъ стихій. Онъ является тогда грознымъ каменнымъ гигантомъ, давящимъ ревущее въ безсильной злобѣ море и лижущее его каменныя подошвы... Какъ онъ хорошъ въ вечернемъ сумракѣ въ фіолетовыхъ и розовыхъ туманахъ, въ которыхъ онъ тонетъ, погружаясь въ сладостный покой или лунной ночью, когда его громадный силуетъ совсѣмъ уподобляется съ жадностью пьющему звѣрю... Есть на свѣтѣ много горъ и выше, и красивѣе, и въ снѣжныхъ шапкахъ, и въ померанцевыхъ рощахъ, а такой, какъ Аю-Дагъ—нѣтъ, нѣтъ уже потому, что Черное море обхватило его со всѣхъ трехъ сторонъ и то любовно и нѣжно, то грозно и злобно качаетъ его въ своихъ „негостепріимныхъ" волнахъ.

Гурзуфъ—это татарская тѣсная деревенька, прилѣпившаяся къ высокому, изгрызенному временемъ, зазубренному утесу, въ которомъ многіе находятъ профиль Императора Александра Благословеннаго. Дѣйствительно, вглядитесь внимательнѣй въ скалу съ цѣлью найти желаемый профиль и вы найдете его, смотрящимъ на Яйлу. Громадный утесъ круто обрывается въ море и несетъ на своей вершинѣ слѣды древнихъ укрѣпленій и развалины башенъ временъ Юстиніана. Сѣрый утесъ словно вытянулъ свою морду въ море и выставилъ, какъ звѣрь, изъ подъ татарской деревушки, свою утесистую лапу, образуя маленькіе заливчики и мыски. Бывшая деревенька Горзувита прежнихъ временъ—разрослась въ большое селенье, одѣвши весь амфитеатръ утесовъ, спускающихся къ морю.

Что это за дивное мѣстечко Гурзуфъ, не даромъ возлюбили его многіе художники и поэты. Одинъ роскошный паркъ стоитъ многаго. Цѣлыя аллеи желѣзныхъ кипарисовъ въ ихъ набальзамированной древесинѣ, цѣлыя рощи можевельниковъ, олеандровъ и магнолій съ ихъ упоительными бѣлыми ча-

шами цвѣтовъ. Что за уголки въ этомъ роскошномъ паркѣ! То наткнешься на поэтичный фонтанъ съ его тонкими струями, то на кипарисъ, возлѣ котораго въ 20-хъ годахъ сиживалъ Пушкинъ, почему за нимъ и осталось названіе Пушкинскаго кипариса, то на одинокую скамеечку подъ громаднымъ дубомъ... Ресторанъ въ восточномъ стилѣ съ его балкончиками и лѣсенками, деревянными кружевами и куполообразными крышами, словно драгоцѣнная игрушка, глядитъ изъ зелени экзотическихъ растеній.

А море? Въ немъ лежатъ два громадные утеса, свалившіеся въ одну изъ катастрофъ съ Аю-Дага. Трудно себѣ представить что-нибудь красивѣе этихъ двухъ утесовъ, особенно, когда скользишь въ легкой лодочкѣ по тихому морю, искрящемуся отъ серебрянныхъ звѣздныхъ лучей—и хочется любить въ такую дивную тихую ночь, хочется слышать слова нѣги и ласки, особенно когда донесется громкая пѣсня, звенящая надъ тихо плещущими струями... Любить! И грустно на душѣ, и грудь сжимается, и сердце бьется неровно, и такъ хорошо, что готовъ обнять весь міръ и по щекамъ катятся слезы, слезы тоски, слезы восторга, слезы любви и слезы одиночества. А море все плещетъ и блистаетъ, а пѣсня звучитъ, какъ серебряный колокольчикъ. Съ берега вѣетъ сладкій ароматъ магнолій. Господи какъ хорошо!..

* * *

За Гурзуфомъ новые мыски и заливчики. Тутъ на берегу разлегся Никитскій садъ, училище садоводства и безконечные виноградники. Учредители этого сада были такіе корифеи, какъ Палласъ и Стевенъ. Въ Магарачской долинкѣ повсюду дачки.

Онѣ всползли на утесы, прижались къ скаламъ, повисли надъ обрывами. Рѣдкій путникъ не попробуетъ крымскихъ винъ на мѣстѣ. Какъ-то совѣстно будетъ вспомнить потомъ, что вотъ былъ на мѣстѣ, а вина и не испробовалъ. Здѣсь въ Крыму на каждомъ шагу все виноградники и прославленныя вина. Магарачъ славится своими ликерами и виномъ, хотя оно нѣсколько дорого на мѣстѣ, но это происходитъ, кажется, при покупкѣ бутылками, такъ какъ здѣсь торгуютъ en gros. За Магарачомъ слѣдуютъ три Массандры съ хорошенькой церковью, изъ подъ которой бьетъ ключъ считаемый цѣлебнымъ. Густыя орѣховыя деревья обросли всю церковь. Верхняя Массандра, взгромоздившаяся на горы вмѣстѣ съ церковью и темными соснами открываетъ великолѣпный видъ на море и двѣ нижележащія Массандры.

Въ нижней Массандрѣ роскошный паркъ, поражающій своей растительностью. Я его видѣлъ во всей красѣ, когда всѣ луга были одѣты пестрыми коврами, когда вѣчно-зеленые кожистые кусты покрылись бѣлыми кистями восковыхъ цвѣтовъ, когда группы всевозможныхъ кипарисовъ особенно выдѣлялись своей темной окраской на фонѣ весенней листвы буковъ, грабовъ и платановъ, когда птицы вторили горнымъ ручьямъ и благоуханіе весны наполняло каждый уголокъ.

Всѣ уголки роскошнаго сада прелестны. Угрюмые дубы, невѣсты-груши, красавцы-платаны, монахи-кипарисы, кокетки-грабины то сплелись вѣтвями, то сомкнулись въ группы. Ломоносы, порой толще морскихъ канатовъ, опутали старые вязы и просунули сквозь ихъ жесткую листву нарядные бѣловатые букеты, виноградъ и плющъ задернули зеленой сѣтью ноздреватые стволы дубовъ и убрали зе-

леными гирляндами скалы и камни. Земляничное дерево съ его оригинальной гладкой красноватой корой стояло во всей прелести своего вѣчно-зеленаго наряда.

Всѣ эти мѣста: сады Массандры, Никитскій садъ, Гурзуфъ и др. я посѣтилъ, путешествуя изъ Ялты, гдѣ провелъ нѣсколько дней. Впервые подъѣхалъ я къ Ялтѣ уже вечеромъ. Дачи зачастили, сады сомкнулись плотнѣе. Сладкій ароматъ цвѣтовъ наполнилъ вечерній воздухъ, горы закутались въ туманъ, море накинуло фіолетовый плащъ. И вотъ мы обогнули скалу, другую и вдругъ вся необъятная ширь засыпающаго въ вечернемъ сумракѣ моря развернулась предо мной, Яйла сразу отодвинулась полукругомъ назадъ и раскрыла нѣсколько гигантскихъ террассъ, спускающихся амфитеатромъ къ морю. Вся Ялта, какъ на ладони, предо мной. Всюду мелькаютъ огоньки, всюду домики и сады. Мы проѣхали мимо бѣлой церкви, сидящей надъ всей Яйлой среди кипарисовой рощи, и быстро понеслись внизъ къ морю къ гостинницѣ Ялта *), у дверей которой остановился мальпостъ.

* *
*

Ялта—это настоящій заграничный курортъ со всѣми его хорошими и дурными сторонами. Это маленькій приморскій городокъ Италіи, живописно лежащій подковой вокругъ тихаго залива на склонѣ горъ. Повсюду масса домиковъ, дачъ и отелей, между которыми первенствуетъ роскошная во всѣхъ отношеніяхъ гостинница „Россія“. Это своего рода дворецъ, окруженный садикомъ самыхъ чудныхъ

*) Теперь Центральная.

южныхъ растеній на набережной моря. Здѣсь въ гостинницѣ всѣ удобства для самаго прихотливаго вкуса. Ея громадныя и нарядныя залы для чтенія, для билліарда, столовыя ставятъ Hôtel на одну доску съ лучшими Hôtel'ями европейскихъ столицъ. Вблизи набережной скучены лавки, кофейни, базары, остальныя гостинницы, пароходныя агентства, трактиры—и эта часть грязная, вонючая, пыльная, непривлекательная. „Чистая“ Ялта съ ея миніатюрнымъ общественнымъ садикомъ, съ ея парадными магазинами, гдѣ все продается въ тридорога сравнительно съ другими городами Россіи и гдѣ въ витринахъ повсюду красуются самыя ненужныя вещицы съ надписями „Souvenir de Jalta“, „на память о Ялтѣ“, съ дачами, купальнями, почтой, телеграфомъ, клубомъ и библіотекой, разнаряженными гуляющими по бульвару рѣзко противорѣчитъ всему дикому Крыму. Здѣсь безчисленные больные проводятъ зиму, вдыхая ароматъ розъ, когда въ сосѣднихъ губерніяхъ лежитъ снѣгъ, здѣсь лечатся виноградомъ, купаньями и воздухомъ. И со всѣхъ концовъ Россіи спѣшатъ въ этотъ чудный по климату и положенію уголокъ больные. Ялта живетъ пріѣзжими, здѣсь все устроено для пріѣзжихъ и музыка въ саду, и прекрасные экипажи, и чичероне-татары въ ихъ пестрыхъ костюмахъ, дожидающіе васъ на набережной, и верховыя лошади, и лодки для прогулокъ по морю. Въ Ялтѣ, если позволяетъ погода, останавливаются пароходы по пути въ Батумъ и Одессу. Ялта соединилась теперь съ пригородными деревеньками, совсѣмъ слившись съ Ауткой, ползущей въ горы и населенной большей частью греками. Въ Ауткѣ изъ-за акацій и черешенъ глядятъ двѣ церкви. Деревни Ай-Василь и Дерекой, осыпанныя

пунцовыми цвѣтами граната, украшенныя зеленью каштановъ и инжира, отдѣлены отъ Ялты аллеями и садами. Во время сезона масса пріѣзжихъ ищетъ помѣщенія въ пригородныхъ деревняхъ, ради дешевизны, такъ какъ въ Ялтѣ цѣны дѣлаются недоступными, за все дерутъ самымъ безбожнымъ образомъ и ради воздуха, такъ какъ въ Ялтѣ отъ скученности лавокъ, базаровъ, агентствъ разныхъ компаній, харчевенъ и трактировъ въ низменной части города появляется міазма, вредно дѣйствующая на здоровье. Въ теченіи сезона въ Ялтѣ гремитъ музыка, куда ни сунься всюду народъ, всюду послѣднее слово моды. Въ Ялту ѣдутъ скучающія барыни, ѣдутъ повеселиться и показать свои наряды. Ялтинцы давно привыкли эксплоатировать пріѣзжихъ, а татары совсѣмъ стали плутами, только и глядящими въ карманъ пріѣзжихъ, Нѣтъ, жить въ Ялтѣ скучно туристу. Только прогулки въ горы и къ окрестностямъ Ялты могутъ задержать на нѣсколько дней. А вокругъ Ялты есть, что поглядѣть. Сады Нижней Массандры, водопадъ Учанъ-Су, Ливадія, Алупка, Ореанда, Гурзуфъ—всѣ эти мѣстечки можно превосходно обозрѣть, избравъ центромъ Ялту, главную точку всего южнаго берега.

Водопадъ Учанъ-Су или „летучая вода“ (по татарски) падаетъ съ горы въ 5-ти верстахъ. Какъто странно быть въ Ялтѣ и не видѣть граціозный водопадъ, который особенно хорошъ весной, когда таятъ снѣга на горахъ. Уже изъ Ялты видна бѣлая узкая полоска, словно прядь шелка, лежащая на фонѣ темныхъ горъ. Я отправился пѣшкомъ черезъ Аутку, мимо каменныхъ стѣнъ садовъ, черезъ которыя свѣшивались розовыя вѣтки жидовскаго дерева, лапы винограда и длинныя руки плюща, мимо

домиковъ, выглядывающихъ балкончиками и окнами изъ фруктовыхъ садиковъ. Дорога шла въ гору, постепенно поднимаясь надъ моремъ и раскрывая все шире и шире панораму всей ялтинской долинки. Бѣлая церковь среди немногихъ кипарисовъ царила надъ всѣми домиками, взгромоздившись на высокій холмъ, по морю бѣжалъ пароходъ, оставляя за собой серебристую полосу, бѣлые мотыльки парусовъ порхали по голубой поверхности, трепетно вздрагивая своими блестящими крылышками на волнахъ... Рядомъ съ дорогой въ глубокой лощинѣ бѣжала рѣчка Учанъ-Су, шумя по камнямъ и стремясь подъ желѣзный мостъ на набережной, чтобы слиться съ морскими струями. Эти бѣгущія воды уже оборвались съ высоты, уже пролетѣли съ вершины горъ въ пропасть, уже обколотились о камни и утесы и теперь стремились къ покою, стремились слиться со всѣми безчисленными струями моря, гдѣ смѣшались воды Днѣпра, Буга, Дона и Дуная, гдѣ онѣ должны были потерять свое имя и предаться забвенію.

По обрывамъ и скаламъ возлѣ дороги, выползшей изъ Аутки и описывающей зигзаги при поднятіи въ горы, всюду торчатъ колючіе кусты рускуса, этого оригинальнаго въ ботаническомъ смыслѣ растенія. Его твердые зеленые листья для каждаго неботаника, оканчивающіеся острыми колючками, суть вѣтви и несутъ ничтожные бѣлые цвѣточки или красныя ягоды, чѣмъ и доказываютъ свою „нелистность“. Этотъ рускусъ большими зарослями тянется вдоль дороги, взбирается на утесы и тѣснится между другими кустами. Масса Молочая, ярко-желтаго, какъ золото съ красноватымъ оттѣнкомъ, очень наряднаго и яркаго, торчитъ повсюду. Шиповникъ, ежевика, плющъ, мелкіе кусты дуба, граба

и клена переплелись въ густую изгородь и украсились букетами ломоноса, который рядомъ съ розовымъ цвѣткомъ шиповника образуетъ необыкновенно хорошій эффектъ.

Наконецъ я въ лѣсу. Солнце играетъ золотыми пятнами на пескѣ, словно масса блестокъ движется и трепещетъ у моихъ ногъ. Буки распростерли свой тѣнистый шатеръ надъ поэтичной дорожкой, которая необыкновенно красиво ползетъ по крутикамъ горъ. На скалѣ вынырнули изъ зеленаго моря развалины древней крѣпости. Въ этихъ развалинахъ, стоящихъ среди зеленаго лѣса, въ романической мѣстности много поэзіи и мечтательности. Это „Учанъ-су-гиссаръ", крѣпость, когда-то охранявшая древнюю Ялту и южный берегъ отъ вторженія степняковъ, такъ какъ въ этихъ мѣстахъ перевалъ черезъ Яйлу доступнѣе, чѣмъ въ другихъ и въ этой сторонѣ ведетъ дорога въ Бахчисарай. Сосны пріютили у своихъ ногъ красивыя дентаріи и желтые баранчики. Лѣсъ и лѣсъ во всѣ стороны, а дорожка вьется около скалъ и бѣжитъ въ сторону шума водопада. Наконецъ я возлѣ обрыва. Съ шумомъ и грохотомъ, съ плачемъ и стономъ летятъ изъ за скалъ, чуть не съ неба, струи водъ, разбиваясь объ утесы, пѣнясь и крича отъ боли и злобы, бьются, какъ бѣшенный звѣрь объ уступы, струи толкутся съ яростью другъ объ друга, перескакиваютъ, взлетаютъ мелкими брызгами и несутся съ тѣмъ же грохотомъ и стономъ въ глубокую пропасть. Въ Учанъ-Су много дикой прелести, много поэзіи въ этомъ лѣсномъ уединеніи, гдѣ онъ реветъ, не умолкая дни и ночи, вѣчно низвергаясь съ вершинъ Яйлы, вѣчно мчась въ синее море.

Сколько величія въ каждомъ водопадѣ, сколько

грозной прелести! Я видѣлъ водопады Швейцаріи, видѣлъ Шафгаузенъ, Иматру, Трауенскій водопадъ и не съ однимъ не сравню Учанъ-Су. Въ паденіи громадныхъ рѣкъ, какъ Рейна, Наровы, Трауна, Иматры — цѣлыя стихійныя бури, цѣлые ураганы. Становится жутко и сердце начинаетъ усиленно биться, когда глядишь на эти необычайныя картины природы. Учанъ-Су подходитъ къ типу швейцарскихъ водопадовъ. Это горный потокъ, полный поэзіи, полный очаровательной прелести, какъ Штаубахъ, какъ массы водопадовъ Тироля. Онъ грозенъ, страшенъ въ своемъ паденіи, глубиной той пропасти, въ которую летятъ стрѣлами его струи, той бѣшенной силой, съ какой онъ бьется объ утесы, но все же это потокъ, который мирно журчитъ между камней въ своемъ ложѣ, стремясь въ море. Вышину паденія точно не опредѣлили до сихъ поръ, одни считаютъ въ 300 футовъ (Куторга), другіе въ 280 (Монтандонъ), а въ описаніи крымскаго путешествія Екатерины 2-й высота Учанъ-Су показана въ 150 саженей, т. е. въ 1,000 слишкомъ футовъ. Думаю, что послѣднее сильно преувеличено.

Говорятъ, лѣтомъ Учанъ-Су далеко не производитъ того впечатлѣнія, какъ весной, когда растопленные снѣга стремятся въ долину или послѣ бури, когда воды потока вздуваются и съ прежней весенней молодой силой бьются о скалы, грызутъ утесы и низвергаются въ пропасть.

* * *

Ливадія лежитъ возлѣ самой Ялты, всего въ 4-хъ верстахъ и ползетъ по отклону горы Мегаби, увѣнчанной соснами по крутикамъ и спрятанной въ

царскомъ имѣніи подъ шатеръ розъ, виноградниковъ и цвѣточныхъ клумбъ. Ливадія это по гречески „лугъ“ и въ былыя времена здѣсь паслись стада. Теперь это роскошный паркъ, въ которомъ на каждомъ шагу натыкаешься на прелестные сельскіе домики, легкой не то швейцарской, не то восточной архитектуры. Домики, увѣшанные лѣсенками и балкончиками, по баллюстрадамъ которыхъ ползутъ лапы винограда и букеты розъ, глядятъ весело, привѣтливо. Зеленые луга съ восхитительными клумбами цвѣтовъ разлеглись въ паркѣ между группами кустовъ. Бродишь по парку и не перестаешь восхищаться то уголкомъ синяго моря, высунувшимся изъ-за цѣлой группы каштановъ и краснорукихъ арбутусовъ, то кучей уксусныхъ деревьевъ, переплетшихся своими зелеными руками, то чуднымъ дворцомъ наслѣдника, граціознымъ и легкимъ, напоминающимъ виллы Босфора, то тунелемъ, надъ которымъ кокетливо усѣлась пестрая мавританская бесѣдка, то красивыми фонтанами и цистернами, въ которыя стремятся горные ручьи. Изъ фонтановъ особенно интересенъ одинъ: это мраморный саркофагъ съ покоящейся въ немъ красавицей. Этотъ саркофагъ привезенъ былъ въ Ливадію изъ Помпеи графомъ Потоцкимъ. Самъ царскій дворецъ весь въ зелени, весь въ балкончикахъ и розахъ составляетъ центръ чуднаго царскаго имѣнія. Дворецъ, любимый покойной Государыней Маріей Александровной, имѣетъ внутри массу драгоцѣнностей. Одни медальоны кисти Айвазовскаго по стѣнамъ спальной Государыни составляютъ лучшій кладъ дворца. Двѣ церкви: одна маленькая, какъ игрушечка, въ византійскомъ стилѣ, съ прекрасными иконами, съ мраморными колоннами, выстроена,

какъ и дворцы, архитекторомъ Маничети. Въ этой церкви много достопримѣчательностей: здѣсь и частицы животворящаго креста, и замѣчательный образъ письма X вѣка (Иверская Божія Матерь) въ драгоцѣнной ризѣ, отдѣланной грузинскимъ царемъ Леономъ (икона была прислана въ Грузію греческимъ императоромъ Маврикіемъ), и замѣчательное паникадило, и красивыя рѣшетки по окнамъ, сквозь пестрыя стекла которыхъ падаютъ снопами разноцвѣтные лучи. Другая церковь кладбищенская, выглядываетъ своимъ золотымъ крестомъ изъ-за зелени деревьевъ.

Ферма Ливадіи виситъ надъ имѣніемъ на живописныхъ террассахъ Мегаби, среди луговъ и сосновыхъ рощъ, среди утесовъ и обрывовъ, открывая съ каждаго камня, съ каждаго уголка такіе чудные виды на море, на Ялту, на ломанныя линіи горъ и берега, что грѣшно не подняться по прекрасно проведенному шоссе къ этимъ горнымъ странамъ, на которыхъ пасутся прекрасныя стада. Воздухъ здѣсь пропитанъ полевыми цвѣтами, у камней глядятъ фіалки и первоцвѣты. Приходится глядѣть и себѣ подъ ноги и восхищаться всѣмъ, пока силъ хватаетъ восхищаться.

* * *

Ни одно мѣсто на южномъ берегу Крыма не перенесло меня въ сторону античныхъ статуй, мраморныхъ колоннадъ Акрополя, пока я не увидѣлъ Ореанды, имѣнія Великаго Князя Константина Николаевича. Страшныя скалы, крутики, каменныя стѣны съ цѣпляющимся за расщелины плющемъ, пропасти и обрывы, группы деревьевъ по высотамъ, по обрывамъ, по стѣнамъ и среди всего этого хао-

са величественно-дикой природы съ шумящимъ обрывающимся со скалъ каскадомъ — бѣлая, какъ снѣгъ, уединенная на вершинѣ утеса у еще болѣе высокой темной скалы, какѣ орлиное гнѣздо, классическая, какъ все на берегахъ Греціи, красивая и стройная, какъ самъ бѣлый мраморъ, изъ котораго она сдѣлана, стоитъ изогнутая подковой прекрасная колоннада въ строго аѳинскомъ стилѣ. Она оставляетъ за собой и портикъ Графской пристани въ Севастополѣ и колоннаду въ Одессѣ, не говоря уже о восхитительномъ положеніи на берегу Крыма среди грозной природы, которая въ Ореандѣ сказалась съ необыкновенной силой. „Крестовая гора“—высокій утесъ, увѣнчанный золотымъ крестомъ, кажется совсѣмъ недоступнымъ, но это только кажется, а на его вершину вьются лѣсенки, пробитыя въ камняхъ, и дорожки, затянутыя почти совсѣмъ плющемъ, поднимаютъ васъ надъ черными пропастями и обрывами, открывая восхитительные виды. Описывая южный берегъ Крыма, приходится чуть не въ каждой фразѣ говорить о видѣ и всюду онъ восхитителенъ, всюду онъ не уступаетъ прежнимъ видамъ. Таково сочетаніе моря и горъ.

Какъ задумчиво прекрасенъ прудъ, скрытый въ зелени гигантскихъ дубовъ. Онъ отражаетъ прелестный греческій портикъ во всей его бѣлизнѣ и красотѣ. Бѣлые лебеди задумчиво бороздятъ зеркальную поверхность, протягивая свои стройныя шеи, а старыя ивы свѣсили къ самымъ водамъ свои длинныя вѣтви и глядятъ въ зеркало, какъ сѣдыя кокетки.

Здѣсь среди цвѣтниковъ и тѣнистыхъ аллей вы набредете на старый дубъ, сквозь стволъ котораго замѣчательно искусно проведена вода, вытекающая

свѣтлой, веселой струей. У берега стоитъ скала съ высокой мачтой, на которой взвивается флагъ во время пребыванія Великаго князя въ Ореандѣ. Когда-то здѣсь былъ роскошный дворецъ, отъ котораго остались однѣ развалины послѣ пожара въ 1882 году. Подъ сѣнью дубовъ прячется домикъ на мѣстѣ, гдѣ въ 1818 г. завтракалъ Александръ Благословенный. Въ этомъ красивомъ домикѣ живетъ теперь Великій князь, когда посѣщаетъ Ореанду.

Камни и утесы громоздятся одинъ на другой, образуя хаосъ и поднимаясь въ вершинѣ Яйлы. Среди этого каменнаго моря выдѣляется одинъ громадный камень, нѣсколько схожій съ человѣческой фигурой въ длинномъ платьѣ. Легенда говоритъ, что въ далекія времена здѣсь въ деревнѣ жила жадная, безсердечная повивальная старуха, алчность которой довела ее до того, что ее не трогали ни слезы, ни отчаяніе, ни сама смерть. Она являлась на помощь только тогда, когда ей предлагалось богатое вознагражденіе. Ее всѣ проклинали и ненавидѣли и все же всѣ бѣжали къ ней въ критическія минуты, такъ какъ достаточно было ея прикосновенія къ больной, чтобы роды окончились благополучно, какъ бы опасны они ни были. Однажды въ ея двери постучался бѣдный парень, жена котораго умирала. Какъ онъ ни просилъ, какъ онъ ни заклиналъ жестокосердую старуху, она не тронулась его отчаяніемъ. Всѣ сосѣди сочувствовали больной, священникъ открылъ царскіе врата въ храмѣ и прислалъ для возложенія на больную свой поясъ, но ничто не помогло. Тогда всѣ сосѣди собрали, что могли, а одна старуха вынула свою единственную золотую серьгу, и отдали парню, чтобы онъ ѣхалъ къ пови-

вальной старухѣ. Но та нашла, что вознагражденіе слишкомъ ничтожно и будь вторая сережка среди привезенныхъ вещей, она отправилась бы къ больной, пока же эту сережку ей не привезутъ, она не тронется съ мѣста. Какъ ни молилъ на колѣняхъ парень, какъ ни заклиналъ старуху именемъ всѣхъ святыхъ, она осталась непреклонной. Когда парень явился съ этимъ отвѣтомъ къ постели умирающей, негодованіе и ужасъ охватилъ всю деревню и всѣ, какъ одинъ человѣкъ, воскликнули: „Пресвятая Богородица, предай анаѳемѣ эту женщину, обрати въ камень проклятія эту безсердечную старуху“... и умирающая присоединила свою молитву къ общему воплю. Страшный ударъ раздался надъ окрестностями, словно обрушились скалы и на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ домъ жадной старухи, глазамъ прибѣжавшихъ представился громадный камень, въ которомъ всѣ узнали безсердечную повитуху. Съ тѣхъ поръ стоитъ она каменная и непреклонная, какой была всю жизнь, одна среди камней и никогда ни одинъ звѣрь, ни единая птица не сядутъ на него отдохнуть, даже молнія не падаетъ близко проклятаго камня, плющъ и трава не растутъ на немъ, только одни вѣтры дуютъ со всей ненавистью и силой въ это каменное лицо и повторяютъ ей проклятія, которыя она себѣ стяжала въ теченіи жизни.

* * *

Мысъ Ай-Тодоръ заползъ своими крутыми утесами далеко въ море и украшенный довольно некрасивой башней маяка виденъ изъ далекаго далека. Его огонекъ съ вершины утесовъ свѣтилъ во всѣ времена, такъ какъ, навѣрное, и прежде здѣсь было жилье, на что указываютъ безчисленныя находки. Всѣ утесы были покрыты слѣдами древнихъ построекъ,

тутъ находили и остатки храмовъ и громадные камни циклопическихъ построекъ. При раскопкѣ были найдены слѣды стѣнъ, цистерна съ водопроводными трубами и дномъ, выстланнымъ цементомъ, всевозможные обломки карнизовъ и статуй, стѣны не то погребовъ, не то гробницъ, серебряныя монеты съ изображеніями римскихъ императоровъ. На скалѣ были слѣды греческой церкви, что давало нѣкоторое указаніе на бывшій здѣсь монастырь. Очень вѣроятно, что намеки на княжество Ѳеодорійское, якобы находившееся вблизи Чимбало (Балаклавы), относятся къ скаламъ, извѣстнымъ теперь подъ именемъ: „Ай-Тодоръ“. Грозно глядятъ скалы, доступныя всѣмъ вѣтрамъ, подтачиваемыя моремъ, которое съ страшнымъ ревомъ и грохотомъ бьется о камни и утесы. На скалахъ совсѣмъ нѣтъ растительности, только за камнями изъ расщелинъ высовываютъ кое-гдѣ травы, да ползутъ лишаи. Вѣтеръ здѣсь валитъ съ ногъ и гнетъ къ землѣ упорно засѣвшій и совсѣмъ уже кривой можевельникъ, ухватившійся всѣми силами длинными корнями за камни. И какъ его ни гнетъ вѣтеръ, какъ ни обиваютъ его вѣтви и ягоды бури и непогоды, онъ держится съ стойкостью Прометея.

Страшно и тоскливо на Ай-Тодорскомъ маякѣ, вдали отъ жилья, гдѣ вѣчно воетъ море, гдѣ вѣчно свищетъ вѣтеръ. Еще не такъ давно жена смотрителя не выдержала жизни на маякѣ и сошла съума. Еще раньше дочь другаго смотрителя тоже пала жертвой Ай-Тодорскаго маяка. Она тоже сошла съума и бросилась съ Ай-Тодорской скалы въ ревущее море.

Татары разсказываютъ, что въ скалѣ въ подземныхъ погребахъ скрыты несмѣтныя богатства, ко-

торыя и служатъ несчастьемъ и проклятіемъ для всѣхъ тѣхъ, кто взглянетъ на нихъ. Когда-то семь прекрасныхъ богатырей, семь родныхъ братьевъ искали руки одной царевны, жившей не вдалекѣ отъ Ай-Тодорскихъ скалъ. Не зная кого изъ семи богатырей избрать въ мужья дочери, царь объявилъ, что тотъ получитъ руку царевны, кто соберетъ въ теченіи года больше богатствъ. За недѣлю до окончанія годоваго срока, братья трудившіеся все время, не щадя своихъ силъ, узнали, что царевна уже невѣста другаго и поспѣшили во дворецъ. Здѣсь ихъ увѣрили, что слухъ, дошедшій до нихъ, ложь и, выведавъ, что несмѣтныя сокровища скрыты въ громадныхъ погребахъ въ Ай-Тодорской скалѣ, ихъ отравили по приказанію царя. Передъ смертью братья произнесли заклятіе надъ сокровищами. Всякій кто взглянетъ на нихъ, долженъ лишиться разсудка и только тотъ воспользуется всѣмъ добромъ, кто отомститъ отравителямъ или ихъ поколѣнію. Царь и царевна вскорѣ помѣшались и бросились въ море. Легенда говоритъ, что проклятіе живетъ и донынѣ, указывая на дочь и на жену двухъ смотрителей маяка.

Къ Ай-Тодорскимъ скаламъ жмется Гаспра съ домиками среди садовъ, съ зубчатой башней замка, въ которомъ проживалъ извѣстный покровитель мистицизма князь Голицынъ, покровитель разныхъ библейскихъ обществъ, сильно распространившихся во время царствованія Императора Александра Перваго. Въ Гаспрѣ встрѣчаются кельтійскіе памятники или дольмены.

Кореизъ съ его татарскими плоскокрышими домиками и дачами и рядомъ съ нимъ зеленый Мисхоръ съ его чудными виноградниками, дающими люнель и рислингъ, ползутъ по откосамъ Ай-Петри. Всюду прекрасныя дачи и виллы, всюду удивительная растительность. Цѣлая роща сребрstörкудрыхъ оливъ, единственная въ Крыму, дающая много оливковаго масла, составляетъ прелесть Мисхора вмѣстѣ съ лѣсомъ изъ старыхъ лавровыхъ деревьевъ. Это сочетаніе мужественнаго темно-зеленаго лавра и граціозной, женственной, серебристой оливы имѣетъ безконечную прелесть.

Такъ и вѣетъ югомъ, знойнымъ югомъ отъ этихъ олеандровъ и буксусовъ, протягивающихъ вѣтви черезъ стѣны и заборы, и бродя между толстыми стволами лавровъ, уносишься еще куда-то дальше, совсѣмъ не опредѣляя это далекое куда-то...

* * *

Гвоздь южнаго берега, его красота изъ красотъ, его алтарь, его лучшая жемчужина — это Алупка князя Воронцова. Вѣроятно, съ самыхъ отдаленныхъ временъ, когда берега были совсѣмъ пустынны и дики, когда вулканы, извергая пламя и лаву, мѣняли виды горъ и берега, на Алупкѣ лежалъ уже зарокъ быть лучшимъ и красивѣйшимъ уголкомъ всей Тавриды. Здѣсь и горы, и море, и сады— все красивѣе. Гора Ай-Петри далеко не самая высокая, кажется выше Чатыръ-Дага, такъ она открыта, такъ ползетъ въ облака. Это цѣлый волшебный замокъ съ полуразрушенными грандіозными башнями и стѣнами, окутанными въ синеватое марево, придающее много таинственности этимъ неприступнымъ стѣнамъ. Это одна задняя декорація Алупки, спускающаяся утесами, обломками скалъ и каскадами камней къ морю, бьющемуся въ бѣлой пѣнѣ съ ревомъ и грохотомъ и вторящее крикамъ

орловъ, парящихъ надъ стѣнами Ай-Петри. Горы въ Алупкѣ образовали чудную долину, по которой бѣгутъ гремя ключи. Долина спряталась отъ холодныхъ вѣтровъ за каменными щитами и стѣнами горъ и не хочетъ знать о холодахъ и снѣгахъ за горнымъ кряжемъ. Она дышетъ югомъ, глотаетъ теплыя дуновенія моря, накаливая свои скалы и камни и выращивая удивительныя южныя растенія. Еще въ началѣ нашего столѣтія здѣсь былъ живописный хаосъ. Между обломками скалъ расли лавры и кипарисы, остатки греческихъ насажденій. Татарская деревенька, заполонившая долинку, вся тонетъ въ лѣсу тутовыхъ деревьевъ и соединяетъ свой зеленый шатеръ съ зеленью роскошныхъ садовъ въ одно обширное пестрое море. На скалахъ Ай-Петри торчатъ остатки древней крѣпости, которыя вмѣстѣ съ стариками лаврами и кипарисами говорятъ о былой населенности этихъ мѣстъ.

Князь Воронцовъ, плѣненный живописными мѣстами, скупилъ всѣ эти земли каменистыя, дикія, ни къ чему непригодныя и превратилъ, какъ волшебникъ, всю мѣстность въ настоящій эдемъ. Не щадя издержекъ, князь выписалъ изо всѣхъ концевъ Европы знаменитѣйшихъ архитекторовъ, садовниковъ и мастеровъ. Въ 1829 году выросъ очаровательный дворецъ по рисункамъ англійскаго архитектора Блора. Князь заставилъ камни сдѣлаться плодородными, превратилъ пустынные уголки въ цвѣтущіе сады, направилъ струи потоковъ и рѣчекъ въ мраморныя чаши, заставилъ горныя струи переливаться то плавной струей черезъ камни, то бурнымъ каскадомъ падать съ высотъ и гремѣть по каменистому ложу, придавая этимъ журчаньемъ и звономъ воды неизъяснимую задумчивую прелесть и безъ того прелестному саду. Ни одинъ камень, ни одинъ утесъ не спаслись отъ глаза художника, рѣшительно все—получило свое назначеніе, все получило свою роль, чтобы сдѣлать еще гармоничнѣй всю картину. Въ садахъ Алупки ничего нѣтъ неестественнаго, все—настоящая природа и все искусство, но одно съ другимъ такъ слилось, такъ соединилось, что границы между ними не найти. Темные кипарисы, взгромоздившіеся на мшистый утёсъ, словно выросли здѣсь изъ сѣмянъ, занесенныхъ изъ далека вѣтромъ; кущи широколистныхъ катальпъ на бархатныхъ лугахъ и прижавшіеся къ стѣнамъ гранаты, осыпанные пламеннымъ цвѣтомъ, образовали массу эффектовъ зелени. Дорожки и тропинки ведутъ васъ въ такіе очаровательные уголки, что не вѣрится, чтобы ихъ могла создать рука человѣка. Эти каскады, журчащіе весело и бойко, эти плавные ручьи, обхватывающіе порой громадные камни и съѣзжающіе по ихъ спинамъ широкой плавной струей или прыгающіе по мелкимъ разноцвѣтнымъ камешкамъ, шурша въ травѣ, купая вѣтви плакучихъ ивъ и пунцовыя головки слишкомъ низко склонившихся гвоздикъ, эти фонтаны съ мраморными чашами съ задумчиво плещущей водой, упавшія урны, изъ которыхъ рокочутъ свѣтлыя струи и журчатъ по разбитымъ барельефамъ старыхъ мраморовъ, эти тихіе пруды спрятанные въ тѣни фотиній и орѣшинъ, эти задумчивые гроты и душистыя аллеи съ шпалерами восхитительныхъ розъ и кавалерскихъ звѣздъ, эти кущи олеандровъ съ ихъ сладкимъ ароматомъ и гладкими стеблями, эти чудные цвѣты, высовывающіе повсюду изъ кустовъ свои головы, эти толстые плющи и виноградъ, безчисленные букеты клематисовъ,

взгромоздившіеся на каштаны и буки, все это натурально, все это естественно, нигдѣ даже съ намѣреніемъ не открыть руки человѣческой. Все кажется восхитительно дикимъ, очаровательно прекраснымъ. Дѣйствительно, въ садахъ Алупки есть на что посмотрѣть не только туристу, но и ботанику и архитектору. Ботаникъ найдетъ такую разнообразную флору, что потомъ весь южный берегъ не будетъ удовлетворять его. Здѣсь и оливы—Мисхора и Италіи, и лавры Греціи, и кипарисы Константинополя, и олеандры Алжира, и глицинія востока, и алоэ Египта, и лиліи Японіи... На каждомъ шагу васъ поражаютъ удивительные экземпляры растительныхъ гигантовъ дубовъ, орѣховъ, каштановъ и буковъ. Махровые боярышники, золотой дождь съ своими длинными кистями золотыхъ мотыльковъ, павлоніи въ лиловыхъ шапкахъ цвѣтовъ, фисташки и магноліи съ бѣлыми серебристыми лиліями въ родѣ античныхъ амфоръ, сидящихъ среди громадныхъ кожистыхъ листьевъ, пламя граната, снѣгъ персика и миндаля, причудливыя розы, олеандры, сидящіе густыми букетами, мотыльки рѣдкихъ южныхъ акацій, ажурныя кисти уксусныхъ деревьевъ, звѣзды страстоцвѣта — все это щедро разбросано повсюду, все это цвѣтетъ и благоухаетъ на свободѣ подъ рокотъ горныхъ ручьевъ, подъ шумный прибой волнъ, разбивающихся о скалы. Можно бродить здѣсь до безконечности, можно мечтать до полнаго самозабвенія, можно любить до безумія, можно вѣрить и надѣяться до потери силъ...

Бываютъ такія ночи въ чудномъ саду и на сѣверѣ, когда цвѣтутъ ландыши и сирени, когда ихъ сладкій ароматъ охватываетъ васъ всего, когда каждый нервъ напряженъ, когда хочется любить, хочется страдать, хочется слезъ... На югѣ это сильнѣе, а въ волшебныхъ садахъ Алупки при блесткахъ моря, при звонѣ ручьевъ, при благоуханіи магнолій и олеандровъ — еще сильнѣе трепещетъ бѣдное сердце, еще сильнѣе хочется любить, любить до безумія, до изступленія, чтобы понять слово рай совершенно, такъ какъ красоты Алупки уже на половину объяснили это чудное слово, такъ сладко звенящее въ ушахъ человѣка. Полный гармоніей чуднымъ садамъ, самой горѣ Ай-Петри, морю и землѣ, южному небу и деревьямъ—является волшебный дворецъ Альгамбра. Я много слышалъ про него и, повидавши всѣ лучшіе дворцы Европы, много ожидалъ отъ прославленнаго Алупкинскаго дворца, но онъ превзошелъ всѣ мои ожиданія. Это заколдованный замокъ прямо изъ 1001 ночи, полный восточной нѣги, полный таинственнаго молчанія, полный чаръ замокъ Наины. Весь дворецъ сидитъ высоко надъ моремъ и спускается мраморными террасами и лѣстницами къ водѣ. Дивныя зеленыя ткани плюща, розъ, глициній и страстоцвѣта наброшены на бѣлый мраморъ, надъ которымъ повсюду глядятъ бѣлыя вазы съ агавами. На первой террасѣ передъ дворцомъ брызжутъ два фонтана, вода которыхъ струится изъ одной мраморной чаши въ другую. Широкая лѣстница нѣсколькими уступами спускается на вторую террасу. По бокамъ лѣстницы восемь львовъ изъ карарскаго мрамора во всѣхъ стадіяхъ отъ сна до бѣшеннаго рыканія. Съ второй террасы мраморная лѣстница раздвояется, пріютивъ въ промежуткѣ задумчивый фонтанъ и заползшіе плющи и розы. Среди мраморныхъ кружевъ балюстрадъ и сквозныхъ пе-

рилъ, чашъ, фонтановъ и вазъ высится самъ дворецъ, выглядывающій своими куполами, башенками, балкончиками, рѣшетками, зубцами и колоннами изъ зеленой сѣтки розъ, которая заткала его совершенно. Всю середину дворца занимаетъ открытая въ сторону моря великолѣпная ниша изъ бѣлаго мрамора, куполъ которой покрытъ скульптурными барельефами. Ниша сдавлена двумя высокими колончатыми башенками изъ зеленаго крымскаго гранита, изъ котораго и выстроенъ весь дворецъ. Башенки оканчиваются мавританскими купольчиками и массой маленькихъ колоннъ. Надъ нишей между башенокъ лежитъ легкая балюстрада, а въ серединѣ самой ниши прилѣпился къ ея полукуполу балкончикъ, словно гнѣздышко ласточки, висящее надъ дверью въ глубинѣ, а по бокамъ большія золотыя китайскія буквы. Отъ всей ниши съ ея восточнымъ убранствомъ, съ ея китайской мебелью вѣетъ югомъ. Весь дворецъ переноситъ васъ въ отдаленныя страны мавровъ. Крымская Альгамбра съ ея плоскими крышами по бокамъ ниши и ея башенокъ, нависшихъ надъ балконами, съ ея выглядывающими сзади двумя болѣе низкими башнями, увѣнчанными куполами и новыми маленькими стройными башенками,—представляетъ чудное попури мавританскаго стиля съ турецкимъ, съ европейскимъ и готическимъ.

Во дворцѣ масса дворовъ, галлерей, стѣнъ—завитыхъ зеленью и прелестныхъ закоулковъ. Особенно хорошъ проѣздъ между стѣною службъ и самимъ замкомъ. Это цѣлая шпалера розъ, это цѣлое море розъ, въ цвѣточныхъ волнахъ котораго потонула вся высокая стѣна, чудная ароматная улица, зеленый корридоръ, крышей которому служитъ высокое

небо. Внутри дворецъ полонъ роскоши и богатствъ. Одна библіотека, полная рѣдкихъ манускриптовъ и автографовъ, удивительныхъ и драгоцѣнныхъ фоліантовъ, составляетъ одну изъ важнѣйшихъ драгоцѣнностей дворца.

Когда вы плывете на пароходѣ изъ Ялты въ Севастополь, передъ вами проплываютъ въ прелестной панорамѣ всѣ красоты южнаго берега. Пароходъ идетъ такъ близко, что вы можете разглядѣть много прекрасныхъ деталей и послѣ того, какъ вы уже посѣтили изъ Ялты Ливадію, Ореанду и Алупку, виды съ парохода дополняютъ картины и впечатлѣнія всѣхъ мѣстечекъ. Теперь развертывается вся панорама заразъ: проплываетъ Ливадія, зеленая и прекрасная, ползущая по откосамъ Мегаби, классическая Ореанда съ портикомъ на утесахъ смѣняется суровыми и грозными скалами Ай-Тодорскаго маяка, Гаспра и Кореизъ проплываютъ съ ихъ виноградниками и маленькими домиками, какъ нарисованныя на картинѣ, Мисхоръ съ своими лаврами и оливами на откосахъ Ай-Петри смѣняется волшебной Алупкой. Это удивительная панорама, пятая изъ мной видѣнныхъ подобныхъ панорамъ. Берега Рейна, знаменитый Corniche отъ Ниццы до Генуи, берега озера Четырехъ кантоновъ, Босфоръ и Крымскій берегъ вотъ они эти восхитительныя движущіяся декораціи, полныя неописуемыхъ прелестей и красотъ.

Алупку ждешь, знаешь, что вотъ сейчасъ за Мисхоромъ выплыветъ она, сіяя своими мраморами, затканная розами, украшенная башенками и балкончиками и все-таки она поражаетъ и жалѣешь, что она проплываетъ такъ быстро, что ее смѣняютъ другіе виды, прекрасные, какъ всѣ они на южномъ

берегу, возлѣ южнаго моря, подъ южнымъ небомъ, но всѣ уступающіе удивительно прекрасной и цвѣтущей всѣми прелестями южныхъ цвѣтовъ и красокъ Алупкѣ...

* * *

Симеизъ, потонувшій въ садахъ на берегу залива у подножья скалъ, смѣняетъ Алупку, а за нимъ показывается восхитительная скала Лиманъ-Кай. Здѣсь скалы, утесы и каменныя лавины, свалившіяся съ высокой Яйлы, нагромождены и навалены кучами. Въ море вдались мысы и утесы, образовавъ заливы. Тутъ цѣлый хаосъ горныхъ обломковъ, между которыми повсюду встрѣчаются остатки стѣнъ, замковъ и кладбищъ. За прелестными скалами Двива-Кая, нѣсколькими отдѣльными утесами, стоящими въ морѣ и покрытыми оазисами зелени съ слѣдами древнихъ замковъ, на вершинѣ показывается Лимена съ ея многочисленными дачками. Затѣмъ снова хаосъ скалъ и камней, который смѣняется деревней Кикенеизъ. Въ этихъ мѣстахъ находилась деревенька Кучукъ-Кай, съѣхавшая съ греческой церковью, съ садами и домами, съ мельницами и со всѣми остальными строеніями въ море. Многія скалы съѣхали и свалились, съѣдутъ и свалятся съ своихъ каменныхъ фундаментовъ, такъ какъ подземная вода размываетъ мягкую почву. Затѣмъ слѣдуютъ деревеньки Мухалатка, Форосъ, далеко вдавшійся въ море мысъ Форосъ или Фори, какъ его называли еще генуэзцы или Сарычъ, какъ его называютъ теперь, самая южная оконечность полуострова. Потомъ снова скалы, снова утесы, снова хаосъ камней, среди которыхъ мысъ Ай-Бурунъ или святой, увѣнчанный старинными развалинами, заползъ далеко въ морскія пучины, которыя съ остервенѣніемъ гложутъ и подтачиваютъ его и обрываютъ осколки, падающіе съ шумомъ и грохотомъ въ море.

Но пароходѣ насъ изрядно покачало, особенно возлѣ маяка и только ввиду Севастополя море перестало трепать и качать насъ. Весь южный берегъ проплылъ, какъ волшебный сонъ, и потомъ, когда я снова былъ на Сѣверѣ, въ холодные зимніе дни, когда мятель бушевала на улицахъ и пламечки газа испуганно дрожали и мигали въ фонаряхъ, а вѣтеръ уныло завывалъ и стоналъ, я, вспоминая южный берегъ съ его синимъ небомъ и цвѣтущими магноліями, готовъ былъ вѣрить, что это дѣйствительно былъ чудный сладкій сонъ, которому не суждено было повториться.

18.

Екатеринославъ.

(Достопримѣчательности Екатеринослава. Днѣпровскіе пороги).

«Слово и мысль единственныя реликвія, которыя не поддаются разрушенію и способны противиться вѣкамъ и которыя человѣкъ можетъ оставить послѣ себя».

Въ Севастополѣ вагоны были переполнены. Недовольство публики было вполнѣ справедливо, такъ какъ на два мѣста садили троихъ. Одно купэ втораго класса было занято супругой начальника станціи, кажется, Мелитополя. Сія дама одна возсѣдала на 8-ми мѣстахъ, а пассажиры терпѣли страшную пытку всю ночь. Сколько разъ хотѣли записать въ жалобную книгу, но на станціяхъ жалобная книга пропадала или стояли такъ мало, противъ русскаго обыкновенія, что о жалобной книгѣ не могло быть и рѣчи. А на одной станціи, гдѣ недовольство достигло maximum'a, начальникъ объявилъ, что пуститъ въ дѣло жандармовъ, если публика не успокоится, а такъ какъ публика и не думала успокаиваться, то поѣздъ раньше времени, чуть не на

10 минутъ двинулся въ путь, а, чтобы раньше не придти на слѣдующую станцію, еле вертѣлъ колесами. Все это происходило ночью, когда публика была измучена и истерзана безсонницей и тѣснотой, такъ что съ ней легко было сладить. Въ 6 часовъ утра поѣздъ въѣхалъ на узкій перешеекъ. Справа еле колыхалась мертвая поверхность Гнилаго моря, покрытаго отмелями и убѣгавшаго къ горизонту, слѣва серебрилось соленое озеро, отдѣленное отъ моря желѣзнодорожной насыпью. Кругомъ вода. Тростники и осока густо покрыли берега.

Мы въѣхали на материкъ и попали въ степи. Весенняя степь была одѣта въ самый пестрый нарядъ. Цѣлые букеты пунцовыхъ степныхъ тюльпановъ горѣли пламенемъ среди молодой зелени, касатики лиловымъ бархатомъ лежали въ травѣ, а остальная весенняя мелкота переплелась въ пестрыя арабески.

Вотъ и Екатеринославская губернія, куда я ѣхалъ на долгое время, гдѣ долженъ былъ ботанизировать. Во мнѣ были чувства, словно я шелъ на страшный экзаменъ. Я ничего не зналъ, что со мной будетъ, я не рѣшилъ еще, въ какомъ уѣздѣ мнѣ поселиться, я не зналъ, каково-то мнѣ будетъ житься, совсѣмъ одному, вдали отъ всѣхъ своихъ, на далекомъ югѣ. Въ три часа поѣздъ остановился въ городѣ Александровскѣ, главномъ городѣ цѣлаго уѣзда. Днѣпръ широко разлился во всѣ стороны, образовавъ громадное озеро. У насъ на югѣ Россіи еще была ранняя весна и полевые гіацинты, уже отцвѣтающіе въ Крыму, только набирали свои цвѣты въ Екатеринославской губерніи. Александровскъ! Городъ возлѣ знаменитыхъ островов на Днѣпрѣ,

гдѣ жили запорожцы, городъ—золотое дно своими окрестностями для геолога и археолога, городъ, цѣнный для ботаника соединенiемъ скалъ и воды. Въ половинѣ шестаго дня я прiѣхалъ въ Синельниково, гдѣ мнѣ пришлось мѣнять вагоны и дожидаться поѣзда до четверти десятаго. Время шло невыносимо тихо. Я вышелъ въ степь. Кругомъ ни деревца, ни кусточка. Степь, безконечная длинная степь. Небо горѣло, обагренное вечерней зарей. Пахло зеленью. Какъ прiятно было топтаться въ свѣжей травѣ и рвать цвѣты.

Сначала вечеръ былъ тихiй, но подулъ вѣтеръ, трава испуганно зашепталась и прильнула къ землѣ. Заросли степнаго миндаля, развертывающаго свои почки, зловѣще зашуршали. Небо стало темнѣть и черныя тучи все выше и выше стали всползать надъ степью. Мнѣ стало жутко въ темнѣвшей степи и я отправился на вокзалъ. Тоска, какъ черныя тучи, забралась мнѣ въ душу. Съ какимъ бы наслажденiемъ я бросилъ Екатеринославъ и улетѣлъ бы на сѣверъ, въ милый Петербургъ, гдѣ остались всѣ мои, гдѣ начинаетъ цвѣсти мой садъ, гдѣ все, что мнѣ дорого. А здѣсь я совсѣмъ одинъ впереди также темно, какъ на небѣ, вѣтеръ воетъ зловѣще, словно подтверждая мои грустныя мысли и нашептывая что-то горькое, непонятное и тоскливое.

Мое путешествiе кончалось. Еще часа три и я буду на мѣстѣ—въ Екатеринославѣ, совсѣмъ мнѣ чужомъ городѣ. Останусь-ли я жить въ немъ или уѣду въ уѣзды, этого я самъ не выяснилъ, хотя рѣшилъ на другой-же день явиться къ губернатору, попросить бумагъ для безпрепятственнаго ботанизированiя во всей губернiи, и потомъ удалиться въ

глухiе уѣзды, забравъ вещи, прямо присланныя изъ Петербурга въ Екатеринославъ. Я сѣлъ въ вагонъ Екатериненской дороги и поѣхалъ къ Екатеринославу.

Въ половинѣ двѣнадцатаго ночи поѣздъ переѣхалъ гигантскiй мостъ черезъ Днѣпръ и остановился у вокзала.

— Екатеринославъ,—крикнулъ кондукторъ.

Я прiѣхалъ. Дождь лилъ, какъ изъ ведра. Вѣтеръ жалобно вылъ и свисталъ. Взявши извозчика, я поѣхалъ въ гостинницу по невѣроятной грязи. То, что я видѣлъ въ ночномъ сумракѣ, плохо прогоняемымъ свѣтомъ фонарей, что пряталось въ сѣрые пологи дождя, произвело на меня удручающее впечатлѣнiе. Когда я наконецъ легъ въ кровать, измученный дорогой, невеселыми мыслями, смущенный непролазной грязью и сквернымъ видомъ Екатеринослава, показавшимся мнѣ трущобой, я долго не могъ заснуть. Я чувствовалъ себя затеряннымъ гдѣ-то далеко на югѣ и мнѣ казалось, что я сижу въ Петербургѣ, тыкаю пальцемъ въ карту, въ то самое мѣсто, гдѣ приблизительно должна быть Екатеринославская губернiя и говорю: „Я здѣсь“, вполнѣ сознавая, что этого быть не можетъ, что въ дѣйствительности я нахожусь въ Петербургѣ.

Проснувшись я не сразу опомнился и отдалъ себѣ отчетъ во всемъ случившемся. Погода была свѣтлая, солнце глядѣло въ окно, но въ меня оно не заглянуло. Настроенiе мое все еще не прошло, а чувство, что предстоитъ экзаменъ, усилилось. Сегодня надо было рѣшить, гдѣ и какъ мнѣ жить. Напяливъ фракъ, привезенный только для того, чтобы явиться въ немъ къ губернатору, я поѣхалъ

предстать предъ его очи. Губернаторъ оказался на рѣдкость милымъ и любезнымъ человѣкомъ, который крайне ласково принялъ меня и велѣлъ придти къ нему въ 6 часовъ обѣдать, оставивъ фракъ дома.

— Тогда получите и бумаги, сказалъ онъ, а какъ же вы думаете устроиться? Будете жить въ Екатеринославѣ?

— Право не знаю, отвѣчалъ я, я намѣревался прожить дня 2, 3 здѣсь и потомъ отправиться въ Бахмутъ.

— Сходите-ка къ учителю реальнаго училища, онъ здѣсь ботаникой занимается, собираетъ гербаріи; онъ можетъ дать вамъ полезныя указанія.

Отъ губернатора я ушелъ съ легкимъ сердцемъ и прямо направился къ почтѣ, гдѣ меня ожидали письма изъ Петербурга. Я усѣлся на бульварѣ въ тѣни акацій и сталъ читать милыя строчки. Прочитавъ послѣднее письмо, я всталъ совсѣмъ бодрый и рѣшилъ съ жаромъ отдаться ботаникѣ. По указанію губернатора, я отправился въ реальное училище, гдѣ узналъ адресъ учителя А., и черезъ полчаса входилъ въ ворота большаго двора, въ концѣ котораго стоялъ маленькій одноэтажный домикъ, выходящій въ садъ. На веревкѣ возлѣ домика сушились на солнцѣ листы пропускной бумаги. Ясно было, что здѣсь живетъ ботаникъ.

Я вошелъ торжественно во фракѣ, въ бѣломъ галстухѣ, какимъ являлся губернатору. Когда учитель узналъ, что я ботаникъ, пріѣхалъ въ Екатеринославскую губернію спеціально изучить ея флору и собрать растенія ея уѣздовъ, онъ тотчасъ же принялъ меня, какъ только можетъ принять ботаникъ ботаника.

— Вамъ самое удобное будетъ поселиться въ Екатеринославѣ, сказалъ онъ, и ѣздить отсюда въ уѣзды, привозя все собранное сюда. А чтобы не жить въ гостинницѣ, если вы только пожелаете, я могу вамъ предложить комнатку. У насъ она стоитъ пустая. Только захотите-ли вы взять ее. Она такая маленькая.

Дѣйствительно комнатка была крохотная, въ ней стояла кушетка, занимая одну изъ ея стѣнъ, у окна примостился столикъ, передъ которымъ былъ стулъ.

Хотѣлъ-ли я взять эту комнатку? Я съ восторгомъ согласился. Уѣзжая въ уѣздъ, я могъ оставлять всѣ свои вещи здѣсь дома, я былъ-бы не одинъ, возлѣ былъ-бы ботаникъ, съ которымъ найдется много общаго, да и жизнь въ гостинницѣ мнѣ была совсѣмъ не по нутру.

Рѣшено было, что черезъ два часа я переберусь и дѣйствительно черезъ два часа я въѣхалъ въ мою новую комнатку, возбуждая любопытство всего двора.

— Вотъ относительно обѣда я не знаю, какъ вамъ устроиться,—сказалъ учитель, мы обѣдаемъ не дома, а у сосѣдей, что-же касается чая, то вы должны пить его съ нами.

Я подумалъ, что теперь лучшая минута поговорить о платѣ.

— Обѣдаю я сегодня у губернатора, сказалъ я, а тамъ послѣ устроюсь какъ-нибудь. А будьте добры сказать ваши условія. Я заранѣе согласенъ.

Учитель пристально посмотрѣлъ на меня.

— Условія! Полноте, о нихъ у насъ не будетъ и рѣчи. Вы ботаникъ и если, возвращаясь изъ уѣздовъ, вы будете мнѣ показывать привезенныя вами растенія, то окажете этимъ мнѣ-же услугу. Вы нашъ гость.

Я совсѣмъ опѣшилъ. Мнѣ было совсѣмъ не понятно, какъ мой новый хозяинъ, совсѣмъ не зная меня, рѣшается брать меня къ себѣ гостемъ, предлагаетъ комнату, чай и т. п. Я возопилъ. Учитель тоже. Пришла его жена, необыкновенно милая и симпатичная женщина. Я упрашивалъ ихъ брать съ меня хоть сколько нибудь, вѣдь я бы платилъ все равно въ гостинницѣ, не могъ же я согласиться сѣсть имъ на шею. Мнѣ казалось это страшно дико съ моей стороны: влетѣть, какъ бомба, къ нимъ, торчать у нихъ на глазахъ, занимать, хоть маленькую, но все-таки комнатку. Люди они повидимому очень не богатые. Велико-ли жалованье учителя въ провинціи! А тутъ я являюсь Богъ вѣсть откуда, Богъ вѣсть кто и водворяюсь къ нимъ. Сдавая комнату за деньги, они бы сняли съ моей души камень. Многое говорилъ я имъ, еще больше говорили они, я хотѣлъ ужъ уѣзжать, хозяева съ обидой сказали, что держать меня насильно не станутъ и я долженъ былъ покориться, поражаясь ихъ гостепріимству.

И мужъ и жена оказались на рѣдкость милыми, симпатичными и прелестными людьми. Чтобы ихъ охарактеризовать я готовъ поставить всѣ лучшія по смыслу прилагательныя, какія создало человѣчество. Съ первой минуты люди отнеслись ко мнѣ съ такимъ довѣріемъ и вниманіемъ, такъ просто и сердечно взяли меня, столько свѣту пролили въ меня, что я не могъ, еще не зная ихъ, не полюбить ихъ. Я сразу сталъ своимъ въ ихъ семьѣ, чувствуя, что и самъ пришелся очень ко двору.

Этотъ первый день въ Екатеринославѣ былъ рядомъ пріятныхъ сюрпризовъ.

Когда я явился къ губернатору къ шести часамъ, бумаги всѣ были уже готовы. Семья губернатора не могла не понравиться. Милые, простые люди, ласковые и сердечные они всѣ сразу плѣнили меня и нѣкоторая натянутость, которую я было почувствовалъ, совсѣмъ исчезла. Я только удивлялся, что за милые люди были посланы судьбой на мою дорогу. Этотъ день окрасилъ все мое слѣдующее долгое пребываніе въ Екатеринославѣ въ самый розовый свѣтъ. Потомъ много лѣтъ спустя, я всегда съ необыкновенно теплымъ чувствомъ вспоминалъ этотъ первый день моей осѣдлости, если можно назвать это осѣдлостью, на далекомъ югѣ. Мнѣ все нравилось, все было по душѣ и, когда я легъ спать, напившись чаю съ моими дорогими хозяевами, я потонулъ въ волнахъ впечатлѣній того хорошаго дня. Это былъ послѣдній день туриста, который долженъ былъ умереть во мнѣ, чтобы дать мѣсто ботанику.

Еще глазами туриста глядѣлъ я на Екатеринославъ, еще нѣсколько вспышекъ было во мнѣ во время моего безпрерывнаго блужданія по уѣздамъ, но все это уже было не то... Екатеринославъ я не спѣшилъ осмотрѣть. Я зналъ, что много, много разъ придется мнѣ быть дома въ Екатеринославѣ и хотѣлъ посвятить осмотру города менѣе благопріятные часы для ботаники.

Съ какимъ удовольствіемъ возвращался я каждый разъ изъ уѣздовъ домой и любовался городомъ, его садами и бульварами. Екатеринославъ мнѣ нравился все болѣе и болѣе, а нашъ маленькій домикъ съ его милыми хозяевами становился мнѣ все дороже и дороже.

У самаго подъѣзда двѣ небольшія шелковицы, мохнатыя отъ цвѣтовъ, почти прижались къ домику, глядящему своими маленькими окошечками на боль-

шой дворъ, заросшій одуванчиками и подорожникомъ. По ту сторону домика густой заброшенный садъ, открытый для всѣхъ обитателей всего двора, ползъ на довольно крутую горку. Что за дивный видъ открывался съ этой горки на весь городъ! Сколько разъ я карабкался между кустами бересклета, сирени и шиповника наверхъ, чтобы полюбоваться старикомъ Днѣпромъ и планомъ города, изрѣзаннаго улицами, площадями и зелеными островами садовъ.. Этотъ садъ съ его горкой, съ его зарослями кустовъ каждый разъ, когда я возвращался въ Екатеринославъ, дѣлалъ мнѣ сюпризы, выставляя изъ подъ кустовъ интересныя мнѣ растенія. Помню, на другой-же день, рано утромъ я отправился въ нашъ садъ. О, сколько было восторговъ! Я совсѣмъ растерялся. Куда ни взгляну все новости. И я дѣлался необыкновенно жаднымъ, мнѣ хотѣлось все засушить. Жаль было оставлять нравящіяся растенія подъ кустами. Самое сильное впечатлѣніе на меня произвели зеленоватые колокольчики птицемлечника. Цѣлая кисть зеленовато-бѣлыхъ пониклыхъ лилій, граціозныхъ и своеобразныхъ, торчащихъ на тонкой цвѣточной стрѣлкѣ среди цѣлаго пучка листьевъ. Въ Екатеринославской губерніи это одинъ изъ обыкновеннѣйшихъ весеннихъ цвѣтовъ. Потомъ я встрѣчалъ эти цвѣты цѣлыми зарослями, букетами подъ кустами, въ оврагахъ, по рощамъ во всѣхъ уѣздахъ. Они мнѣ потомъ надоѣли и потеряли всякую прелесть. За то первые произвели на меня опьяняющее впечатлѣніе. Мнѣ было пріятно рвать ихъ, нести громадный букетъ, вдыхать ихъ нѣсколько сыроватый ароматъ. Царскіе кудри или Рябчикъ (Fritillaria) высокія граціозныя растенія, несущія темно-лиловые, пониклые, почти шаровид-

ные колокольчики на тонкихъ стебляхъ, впервые выглянули на меня изъ подъ тѣхъ-же кустовъ нашего сада. Прелестный Иллирійскій лютикъ, очень большой, яркій, какъ расплавленное золото, запрятанный въ блестяще-серебряную листву, маленькій, чуть видный голубой полевой гіацинтъ, бѣлые зонтики воздушной триніи, прелестныя розовыя звѣзды, надушенныя запахомъ геліотропа, козлобородника, всѣ они разкрылись для меня впервые въ этомъ миломъ дикомъ саду, гдѣ распускались шиповники, томно дышала акація, свѣсивъ свои бѣлые грозди мотыльковъ, благоухали метелки сирени, блестѣла серебромъ своихъ листьевъ іерусалимская верба, распространяя чудный запахъ персиковъ отъ невзрачныхъ зеленыхъ цвѣтовъ. Днѣпръ широкій, могучій, быстрый катился у Екатеринославскихъ береговъ, пробѣгая волнами подъ многочисленными пролетами прекраснаго Екатеринославскаго моста, выстроеннаго въ 2 этажа для желѣзной дороги и для экипажей. Днѣпровскій мостъ безспорно принадлежитъ къ достопримѣчательностямъ Екатеринослава своей грандіозной постройкой и тѣми великолѣпными видами, которые открываются во всѣ стороны съ его верхняго этажа. Я пріѣхалъ ночью, а потому для меня пропало всякое обаяніе въѣзда въ городъ Екатерины Великой. Еще за станцію, при переѣздѣ притока Днѣпра, рѣки Самары, впадающей въ Днѣпръ верстами тремя ниже города, Екатеринославъ вырисовывается всей своей прекрасной панорамой. Вдали за зеленью Потемкинскаго сада, обрывающагося въ Днѣпръ, широкій и грозный отъ вѣшнихъ водъ, затопившій часть прибрежной слободы и болѣе низкіе берега, виднѣется соборъ на высокой горѣ. Весь городъ спускается

съ горы, заползая нѣкоторыми своими частями на другія горки. Въ городѣ много зелени, нѣсколько бѣлыхъ церквей, колокольни и купола которыхъ рельефно выступаютъ во всей панорамѣ. Противоположный берегъ весь зеленый. Переѣхавши мостъ, поѣздъ подходитъ къ красивому вокзалу Екатериненской дороги. Весь изъ пестрыхъ кирпичиковъ съ двумя красивыми башнями, съ пузатыми колоннами, полукруглыми окнами, вокзалъ напоминаетъ какой-то сказочный теремъ. Передъ нимъ разросся прелестный скверикъ. Среди гущи кустовъ торчатъ длинными перьями листья уксуснаго дерева, выглядываютъ лиловыя метелки сирени и положительно душитъ своимъ сильнымъ ароматомъ сребро-листный лохъ, разцвѣтающій въ концѣ мая и наполняющій весь воздухъ своимъ персиковымъ ароматомъ. Въ скверикѣ устроенъ фонтанъ. Длинный бульваръ проходитъ по Екатерининской улицѣ черезъ весь городъ. Это главная улица Екатеринослава. Здѣсь лучшіе магазины въ такъ называемыхъ рядахъ, нѣчто въ родѣ гостинаго двора, здѣсь домъ губернатора, почта, клубъ, городской садъ съ лѣтнимъ театромъ, здѣсь по вечерамъ обитатели гуляютъ пестрой толпой, здѣсь по субботамъ пахнетъ чеснокомъ отъ пестро разодѣтыхъ Хаекъ и Сруликовъ, которые кишмя кишатъ въ Екатеринославѣ и которые по субботамъ заполоняютъ весь бульваръ. Здѣсь-же лучшія гостинницы съ хорошими номерами и всякими удобствами. Бульваръ даетъ густую тѣнь въ знойные дни и составляетъ одну изъ большихъ прелестей города. Онъ ползетъ на гору и взобравшись доходитъ до самаго собора. Когда я пріѣхалъ, на бульварѣ цвѣли золотистыя смородины, густо разросшіяся между кленами, вязами и акаціями. Желтыя кисти цвѣтовъ съ гранатными тычинками необыкновенно душисты и густо одѣваютъ кусты. Когда смородины стали вянуть, дикіе каштаны убрались своими прелестными бѣлыми султанами цвѣтовъ, поднимая ихъ надъ листьями, какъ свѣчи рождественской елки; за каштанами разцвѣла акація, свѣсивъ свои кисти мотыльковъ и сбрасывая постоянно бѣлыя бабочки цвѣтовъ на землю. Красота и ароматъ, ароматъ до одуренія. Отцвѣтая, акація одѣла бѣлымъ снѣгомъ бульваръ. Лѣтомъ бульваръ сильно выгораетъ и портится, за то весной и въ первой половинѣ лѣта, когда зной и сѣрая ядовитая пыль еще безсильны обезцвѣтить молодую зелень, бульваръ стоитъ во всемъ блескѣ. Между деревьями повсюду пріютились маленькіе кіоски и домики съ минеральными водами, сигарами, книгами, фруктами, газетами и т. п. Нѣкоторые домики пестро размалеваны, нѣкоторые имѣютъ претензію походить на что-то особенное въ архитектурномъ отношеніи, но всѣ они вмѣстѣ рядомъ съ большими досками, на которыхъ встрѣчаешь афиши и объявленія, очень украшаютъ и оживляютъ бульваръ.

Говоря о бульварѣ—этомъ центрѣ города, нельзя не упомянуть о двухъ садахъ: городскомъ и садѣ Компэра. Оба они существуютъ съ основанія города и представляютъ, собственно говоря, одинъ садъ, раздѣленный заборомъ. Въ городскомъ саду выстроенъ лѣтній театръ, гдѣ ежегодно играютъ опереточная и драматическая труппы, но только въ теченіи лѣта. Театръ не великъ, но не дуренъ. Труппы провинціальныя, довольно заурядныя, большихъ талантовъ на сценѣ этого театра я не видѣлъ во время моего пребыванія.

Въ саду находятся два экземпляра замѣчательнаго дерева изъ семейства Цезальпиніевыхъ Канадскаго Гимноклада. (Gymnoclades Canadensis Lam). Это, вѣроятно, остатокъ американскихъ растеній, присланныхъ еще въ сороковыхъ или даже тридцатыхъ годахъ двумя американцами, раньше посѣтившими помологическій садъ въ Екатеринославѣ. Одно изъ оставшихся деревьевъ запряталось среди кущи туземныхъ обывателей, другое стоитъ величаво въ самомъ центрѣ сада на главной дорожкѣ. Темные лапчатые листья напоминаютъ дикій каштанъ, золотисто-желтые цвѣты кистями торчатъ надъ каждой группой листьевъ и превращаютъ дерево въ роскошно убранную свѣчками елку. Помню, какъ прельстилъ меня Гимнокладъ, я не могъ успокоиться, пока не досталъ нѣсколько вѣтокъ роскошнаго дерева. Садъ, арендованный Компэромъ, сильно запущенъ. Трава растетъ по дорожкамъ, старые орѣшники и гледитчіи переплелись вѣтвями, фруктовыя деревья заглохли. Городъ рѣшилъ обратить его въ помологическій садъ.

На бульварѣ-же стоитъ католическая церковь, поднявшая двѣ свои четырехъугольныя башни надъ каштанами и акаціями и далеко глядящая двумя своими крестами. На горѣ въ самомъ концѣ бульвара главныя достопримѣчательности города: Потемкинскій дворецъ съ прекраснымъ садомъ, спускающимся по оврагамъ къ Днѣпру, красивый соборъ, построенный въ высшей точкѣ города и памятникъ Екатерины. Потемкинскій дворецъ, старинное зданіе съ куполомъ и колоннами по фасаду, содержитъ много интереснаго для туриста въ своихъ большихъ залахъ. Каждый туристъ, прибывшій въ Екатеринославъ, долженъ побывать въ Потемкинскомъ дворцѣ, гдѣ одни портреты по стѣнамъ заслуживаютъ вниманія. Это своего рода небольшой музей. Въ Екатеринославѣ есть настоящій музей— это частная коллекція древностей г. Поля *), полная диковинокъ, добытыхъ при раскопкахъ, полная такихъ рѣдкихъ древностей, какими не обладаетъ даже Петербургскій эрмитажъ. Всякій туристъ обязанъ посѣтить этотъ роскошный музей, показываемый обязательнымъ хозяиномъ.

Всякій туристъ долженъ пройтись по прекрасному Потемкинскому саду съ его густыми аллеями, густыми зарослями кудрявыхъ кустовъ — париковъ, серебряныхъ лоховъ и бересклетовъ, спуститься къ самому Днѣпру, гдѣ одинъ изъ протоковъ между берегомъ и такъ называемымъ Потемкинскимъ островомъ бѣшено бьется о скалы и образуетъ крутящіеся водовороты. Это, такъ прозванный, бычекъ, переплыть который рисковало много пловцевъ, но, кажется, всѣ пали его жертвой.

Изящный соборъ, заложенный еще Екатериной въ 1787 году въ присутствіи Іосифа 2-го, дѣйствительно красивъ. Екатеринославцы сравниваютъ его съ Петербургскимъ Исакіевскимъ соборомъ, съ которымъ онъ, однако, имѣетъ очень мало общаго. Памятникъ Императрицѣ Екатеринѣ стоитъ въ небольшомъ скверѣ. Курьезны растопыренныя руки, словно Государыня намѣрена сдѣлать па.

На пьедесталѣ красуется надпись: „Импера-

---

*) 1) Древности каменнаго вѣка, 2) древности бронзоваго вѣка, 3) древности желѣзнаго вѣка, 4) скиѳскія древности, 5) древности запорожскія, 6) древности Екатерининскія, 7) стеклянныя издѣлія, 8) керамика, 9) нумизматика.

трицѣ Екатеринѣ Второй отъ благодарнаго дворянства Екатеринославской губерніи въ 1846 году“.

Собственно говоря, Екатеринославъ представляетъ не много интереснаго для туриста и, за исключеніемъ Потемкинскаго дворца и коллекціи г-на Поля, не представлялъ бы ничего, еслибы широкій и бурно несущійся Днѣпръ не бурлилъ по своему скалистому руслу и не образовалъ бы знаменитыхъ пороговъ, поглядѣть которые стоитъ пріѣхать изъ далека. Императрица Екатерина сто лѣтъ тому назадъ любовалась этой грозной картиной природы.

Разсказываютъ, что Екатерина во время своего путешествія по Новороссіи на пути къ Екатеринославу, тогда называвшемуся Новымъ-Кодакомъ, встрѣтилась съ Австрійскимъ Императоромъ Іосифомъ 2-мъ. У воздвигнутыхъ тріумфальныхъ воротъ Императрицу встрѣтили съ хлѣбомъ-солью колѣнопреклоненные князь Потемкинъ и губернаторъ Синельниковъ. Флотилія Екатерины должна была спуститься черезъ пороги по Днѣпру. По совѣту лоцмановъ рули были замѣнены опочинами—длинными лопатообразными веслами. Потемкинъ вѣрилъ, что Екатеринославъ превратится въ одинъ изъ самыхъ блестящихъ городовъ и первымъ памятникомъ долженъ былъ быть соборъ, заложенный Екатериной. Предполагался грандіозный храмъ, который долженъ былъ соперничать съ соборомъ Петра и Павла въ Римѣ, но это не осуществилось и грандіозные планы были оставлены; только нынѣ стоящая желѣзная рѣшетка говоритъ намъ о тѣхъ размѣрахъ, которые предполагались для будущаго храма.

Памятникомъ Екатерининскому времени служитъ простой могильный камень, кѣмъ-то поставленный въ городскомъ саду надъ могилой ессаула Глобы, бывшимъ при Екатеринѣ.

***

Днѣпровскіе пороги пользуются такой громкой извѣстностью, такъ грандіозно - прекрасны, такъ величаво-дики, что, положительно, грѣшно всякому туристу и нетуристу, посѣщающему Екатеринославъ, не полюбоваться этой грозной картиной природы. Много мнѣ пришлось видѣть картинъ природы, особенно позже, когда я переваливалъ черезъ южный Уралъ, скакалъ по Испаніи, блуждалъ по Швейцарскимъ ущельямъ, но Ненасытецъ до сихъ поръ остался въ моей памяти одной изъ самыхъ замѣчательныхъ страницъ. Жаль, что все такъ неблагоустроено, что возлѣ пороговъ нѣтъ ни гостинницы, ни кабачка, а только деревенскія избы. Впрочемъ Россія всюду сказывается.

Поѣздка на Ненасытецкій порогъ была предпринята нами маленькой,очень интимной компаніей, а именно мои хозяева: мужъ и жена и одинъ ссыльный студентъ, малоросъ, милѣйшая личность, нашъ товарищъ во многихъ ботаническихъ экскурсіяхъ. Помню, я только что пріѣхалъ изъ экскурсіи въ Верхнеднѣпровскій уѣздъ, нагруженный растеніями и тотчасъ же сталъ собираться въ новую экскурсію къ порогамъ. Мы взяли нѣчто въ родѣ телѣги и, запасшись провизіей и ботаническими доспѣхами, поѣхали по степямъ. Это была рѣдкостно удачная экскурсія. Сколько мелкихъ приключеній, остановокъ, сколько смѣха, веселья! Надо было, чтобы мы всѣ четверо были въ наилучшемъ расположеніи духа, чтобы погода необыкновенно благопріятствовала намъ, чтобы весенняя

степь ласкала наши взгляды пестротой своего ковра и дышала на насъ сладкимъ ароматомъ милыоновъ цвѣтовъ.

Днѣпръ у Екатеринослава начинаетъ уже свое паденье и на разстояніи 80-ти верстъ до самаго города Александровска падаетъ цѣлой массой пороговъ, бьется о безчисленные скалы, лижетъ многочисленные острова, грызетъ острые гранитные камни и реветъ, какъ бѣшеный звѣрь, низвергаясь по каменнымъ грядамъ. И по этой пучинѣ, по этому клокочущему аду спускаются плоды. Днѣпръ реветъ на порогахъ, какъ страшное чудовище, и бѣда неосторожному пловцу. Выше пороговъ среди красивой мѣстности разлеглось село Лоцманская Каменка, гдѣ живутъ опытные лоцмана, берущіеся за деньги проводить плоты и баржи внизъ по порогамъ. Рискъ ужасный. Лоцманы своего рода герои. Про нѣкоторыхъ старинныхъ существуютъ разсказы и легенды. Такъ говорятъ, что одинъ спасъ сотни тонувшихъ людей. Передъ отправленіемъ по Днѣпру всѣ отъѣзжающіе прощаются, какъ передъ смертью, причащаются и готовые къ всему наихудшему отправляются въ путь. Страшны Днѣпровскіе пороги всѣ отъ перваго до послѣдняго, но ужасенъ, ненасытенъ, безконечно опасенъ самый большой изъ нихъ, прозываемый дидомъ, Ненасытецкій порогъ. Это потрясающая душу своимъ видомъ пучина. Это смѣсь острыхъ камней и милліоновъ водопадовъ, это хаосъ смерти и злобы. Всѣ остальные пороги, и Кадацкій, и Сурскій, и Лоханскій, и Звонецкій—вмѣстѣ взятые и лежащіе выше Ненасытецкаго, ничего не стоятъ передъ этимъ послѣднимъ.

Ненасытецъ! Народъ умѣетъ характерно давать

названія. Никогда не насытится эта грозная пучина, вѣчно глотающая сотни жертвъ и выставившая тысячи черныхъ острыхъ скалъ, какъ ужасные исполинскіе зубы, къ которымъ мчатъ разъяренныя струи.

Рѣка реветъ невѣроятно. Мы изъ далека услышали ея голодный вой, эти громовые раскаты, потрясающіе окрестныя скалы. Когда мы подъѣхали къ берегамъ Днѣпра и я увидѣлъ громадную рѣку гдѣ-то вдали внизу, я въ недоумѣніи остановился. Гдѣ-же порогъ? Гдѣ-же та пучина, о которой я столько слышалъ. Поверхность Днѣпра была покрыта рябью и черными камнями и больше ничего, но когда мы спустились къ прибрежнымъ скаламъ, когда я всталъ лицомъ къ лицу съ этой пучиной, сердце мое усиленно забилось и я остановился, пораженный величіемъ и мрачностью картины. Только, глядя на порогъ, я почувствовалъ, что я стою рядомъ съ смертью. Безчисленные водовороты, одинъ ужаснѣе другаго, воронки, просверлившія поверхность рѣки чуть не до дна, милліоны водопадовъ, скользящіе ужасными роковыми струями между гигантскими камнями, низвергающіеся въ припадкѣ иступленія черезъ скалы, бѣшено ревущіе въ отчаянной дракѣ, выкидывающіе тучи бѣлой пѣны, грызущіе дно и берега, наполняющіе воплемъ весь воздухъ, такъ что каждая воздушная волна стонетъ и испуганно дрожитъ. Весь Ненасытецъ—ужасная пучина, паденіе рѣки плохо замѣтно, такъ оно дробиться на массу маленькихъ водопадовъ. Совсѣмъ какъ Иматра, но Иматра заключена въ ущелье, сдавлена гранитными скалами, а Днѣпръ разлегся во всю ширину и повсюду стоитъ этотъ ревъ, стонъ и громъ, оглашающій отдаленно лежащіе берега.

Сколько плотовъ было разбито въ этой пучинѣ, сколько народу унесли эти страшныя струи и каждый годъ нѣсколько десятковъ человѣкъ падаютъ жертвами Ненасытца.

Удивительное зрѣлище представляютъ проходящіе плоты. Они мчатся, гонимые необычайной силой воды, погружаются въ воду и пролетаютъ въ нѣсколько мгновеній всю эту громадную пучину. Какъ должно замирать сердце плывущихъ въ тѣ минуты, когда плотъ несется, подхваченный струями рѣки къ порогу, какъ должно замереть бѣдное человѣческое сердце, когда плотъ, попавши въ вихрь пучинъ, дрожитъ, погружается въ воду и летитъ между скалами и камнями, когда мы, стоящіе на берегу, замираемъ отъ ужаса при видѣ мчащагося плота. Одинъ лоцманъ, точно статуя, стоитъ и не слышитъ бѣшеннаго рева рѣки, не видитъ черныхъ скалъ торчащихъ повсюду, онъ совсѣмъ застылъ и закаменѣлъ.

Самое страшное мѣсто Ненасытца пекло. Кто миновалъ эти водовороты, скалы и струи, тотъ счастливо отдѣлался. Это страшное мѣсто лежитъ противъ грозной скалы Монастырко, мысомъ залѣзшей въ ревущую пучину. Одинъ изъ ея уступовъ образуетъ какъ-бы террасу и затѣмъ обрывается въ Днѣпръ. Легенда говоритъ, что Екатерина съ этой скалы глядѣла, какъ проходила по порогу ея флотилія. Отверстія на поверхности скалы показываются, какъ бы высѣченныя въ камняхъ тарелки для обѣда будто бы предложеннаго Запорожцами. Императрица однако обѣдала у губернатора Синельникова, дача котораго съ густо разросшимся садикомъ стоитъ на правомъ берегу главнаго порога. Екатерина не могла даже взобраться на крутую скалу, далеко залѣзшую въ пучину и дрожащую въ громовой пѣнѣ Днѣпра. Екатерина глядѣла съ балкона дачи Синельникова, какъ восемьдесятъ ея галеръ спускались по Ненасытецкому порогу. Скала Монастырка мысомъ торчитъ въ пучинѣ. Главная бѣшенная струя летитъ какъ разъ на нее и, встрѣтивъ гранитную скалу, въ дикой ярости, завертѣвшись ужасными водоворотами, мчится къ серединѣ рѣки. Это и есть пекло, адъ, самое ужасное мѣсто, гдѣ никому нѣтъ спасенья, гнѣздо смерти и ужаса.

Мы облазали всю скалу Монастырко. На его камняхъ, орошаемыхъ брызгами волнъ, цвѣтутъ цѣлые букеты скалистаго бурачка, точно золотыя украшенія на каменной груди. Этотъ маленькій бурачекъ страшный смѣльчакъ. Онъ не боится пропастей и водоворотовъ и раскрываетъ свои блестящіе крестики надъ самыми опасными мѣстами, запуская корни въ трещины. Старый каналъ, называемый Фалѣевскимъ, устроенный еще при Екатеринѣ, превратилъ скалу въ островъ. Теперь каналъ заброшенъ и легко перебраться на скалу по камнямъ у самыхъ бѣшенныхъ волнъ. Видъ со скалы великолѣпный и потрясающій. Одно пекло у подножья скалы чего стоитъ! Видъ на проходящіе порогъ плоты и баржи со скалы особенно хорошъ. Сердце замираетъ и не вѣрится, что плотъ съ людьми выйдетъ благополучно изъ этой пучины.

Рыбаки ловятъ рыбу ниже Монастырко. При насъ вытащили гигантскаго осетра, затянутаго въ пороги.

Мы собирались достать дубъ, лодку человѣкъ на 8, и на дубу спуститься до самаго Александровска. Поѣздка была рискованная, надо было спуститься по Днѣпру черезъ Ненасытецъ, конечно не по са-

мымъ порогамъ, а по новому каналу вдоль лѣваго берега. Лѣтомъ, когда вода спадаетъ, суда проходятъ каналомъ, теперь же до спада водъ—каналомъ ѣхать очень опасно. Вода въ немъ несется, какъ молнія. Миновавъ Ненасытецъ, мы собирались спуститься черезъ Волниговскій порогъ, страшный и опасный, Лишній порогъ съ его грозными скалами, Вильный и Гадючій и добраться до Александровска, но съ насъ заломили такую цѣну, такъ какъ объявили, что подобная поѣздка теперь очень опасна, что мы должны были отказаться.

Мы переѣзжали Днѣпръ выше Ненасытца на ту сторону, вблизи Звонецкаго порога. Гребцы напрягали всѣ усилія, чтобы пройти струи. Рѣка мчится съ невѣроятной быстротой и стоитъ хоть на секунду зазѣваться, чтобы она подхватила дубъ и понесла въ свою губительную пучину. Переѣхать такую рѣку выше такого водопада не легко, вода относитъ съ невѣроятной быстротой внизъ къ порогу и надо стойко одолѣвать теченіе отчаянной гребней многихъ гребцовъ.

На той сторонѣ Днѣпра мы разбрелись по кленовымъ и дубовымъ рощамъ, увлекшись ботаникой. Здѣсь на одномъ холмѣ растетъ знаменитая Днѣпровская лодочка. Растеніе очень рѣдкое, найденное здѣсь еще Палласомъ. Небольшое, бѣловато-пушистое, съ тонкими листочками, точно миніатюрная елочка, съ большими желтоватыми цвѣтами въ родѣ наперстковъ, Cymbaria украшаетъ собой только одинъ холмъ въ Екатеринославской губерніи. Это мѣстонахожденіе передается отъ одного ботаника къ другому и всякій экскурсирующій въ Екатеринославской губерніи старается достать пресловутую Цимбарію. Мы на этотъ разъ были очень несчастны.

Часть холма распахали подъ поле и на тѣхъ мѣстахъ Цимбарія погибла, на остальной части холма мы также ее не нашли, хотя очень тщательно ее искали. Она въ то время, хотя это и были послѣдніе дни апрѣля, была еще очень мала и совсѣмъ не замѣтна. Такъ мы и не достали въ эту поѣздку Днѣпровскую лодочку.

Ночевали мы въ избѣ въ деревнѣ вблизи порога. Наша дама на печкѣ, мы на лавкахъ. Это была чудная, веселая ночь. Мы хохотали до упада. Потомъ спустя долгіе годы я съ удовольствіемъ вспоминалъ этотъ славный ночлегъ и эту поѣздку къ Ненасытецкому порогу, полную неизгладимыхъ и дорогихъ впечатлѣній.

19.

По уѣздамъ.

(По степямъ. Маріуполь. Бахмутъ).

Если вы видѣли одного краснокожаго, то вы видѣли ихъ всѣхъ.
Испанскіе писатели временъ завоеванія Америки.

Записываю мои отрывочныя впечатлѣнія и воспоминанія о моихъ экскурсіяхъ по уѣздамъ. Все мое время было посвящено ботаникѣ и мнѣ не хватало часовъ для отдыха. Единственно, что я аккуратно поддерживалъ — была корреспонденція. Вѣсти отъ родныхъ особенно цѣнны вдали. Возвращаясь въ Екатеринославъ изъ многодневной, порою длившейся недѣли полторы, экскурсіи я съ жаромъ и жадностію набрасывался на письма.

Мнѣ пришлось порядкомъ покочевать по всей губерніи, выгадывая часы у отдыха, ночуя въ вагонахъ, въ жарѣ и давкѣ, ожидая долгіе часы на передаточныхъ станціяхъ слѣдующаго поѣзда. Просто невѣроятно, до чего у насъ все неблагоустроено, поѣзда нигдѣ не корреспондируютъ другъ другу. Публика умираетъ отъ тоски и неудобствъ на станціяхъ и напрасно вопіетъ. Самая ужасная, какая,

кажется, есть на бѣломъ свѣтѣ, это Лозовая. Это узелъ такихъ главныхъ желѣзно-дорожныхъ линій, какъ Ростовская дорога, Севастопольская, Харьковская, а, слѣдовательно, соединеніе Москвы, а съ ней и всего Сѣвера и Петербурга съ Югомъ и что же? Поѣзда стоятъ немилосердно долго, по прямому пути приходится мѣнять вагоны, за исключеніемъ скорыхъ лѣтнихъ поѣздовъ. На станціи только буфетъ съ жесткой мебелью и нѣтъ залъ, гдѣ-бы несчастная публика могла приткнуться на долгіе 4 или 5, а то и больше ночныхъ часовъ. Для меня противная Лозовая была особенно ненавистна, малотого, что въ ботаническомъ отношеніи она совсѣмъ не интересна, но она постоянно была у меня на пути, когда я ѣхалъ въ Бахмутъ. Мнѣ пришлось неоднократно проѣхать всѣ желѣзно-дорожныя линіи, а Екатеринославская губернія вдоль и поперекъ изрѣзана рельсами, такъ что, глядя на нее, по неволѣ приравниваешь ее Бельгіи, но что это за степь! Другіе любятъ этотъ просторъ. По моему, утомительно, даже мучительно, хотя моменты бываютъ прекрасные. Помню, какъ я ѣхалъ въ Павлоградскомъ уѣздѣ по степи. Степь со всѣхъ сторонъ сливается съ небомъ. Это было уже въ концѣ мая. Трава стояла чуть не въ ростъ человѣка. Гигантскіе шалфеи били меня по лицу своими синими метелками, пахло скошеннымъ сѣномъ. Кузнечики и кобылки пѣли необыкновенно громко и такъ было отрадно, такъ пріятно въ этой доцвѣтающей безконечной степи. Малороссы и Южане зовутъ ее степъ и это такъ характерно звучитъ. Степъ зеленый и цвѣтущій поражаетъ обиліемъ цвѣтовъ, за то сгорѣвшій наводитъ невыразимую тоску и апатію. Сколько кургановъ въ Екатерино-

славской губерніи! Стоятъ они зеленые, подъ ковромъ цвѣтовъ, безмолвные, храня въ глубокой тайнѣ ввѣренные имъ секреты и сокровища. Первые курганы я увидѣлъ при поѣздкѣ къ Ненасытецкому порогу. Это были такъ называемые: „два брата“, два большіе кургана земли. Надъ однимъ изъ нихъ порхала рѣдкая бабочка Zegris изъ породы желтушекъ, пойманная нами, чѣмъ особенно памятенъ остался этотъ одинъ изъ братьевъ. А отары овецъ въ степи! Это совсѣмъ своеобразное зрѣлище. Громадныя стада иногда въ тысячи головъ передвигаются по степямъ. Многіе хозяева ввѣряютъ свои стада пастухамъ, которые уходятъ въ степъ и ведутъ кочевую жизнь. Обыкновенно пастухи получаютъ плату овцами и плата эта бываетъ тѣмъ больше, чѣмъ больше приплодъ и уцѣлѣетъ отъ разныхъ случайностей овецъ. Поэтому пастухи развели себѣ страшныхъ овчарокъ. Объ этихъ собакахъ я слышалъ массу разсказовъ еще въ Петербургѣ и не безъ трепета ожидалъ съ ними встрѣчи. Еще въ нынѣшнемъ году я читалъ въ газетахъ, что въ Крыму овчарки разорвали одного генерала, отправившагося впередъ по дорогѣ, пока перепрягали экипажъ, и имѣвшаго несчастіе повстрѣчать вблизи проходившую отару овецъ. Я былъ очень счастливъ, что ни разу не встрѣтилъ ни въ одну изъ моихъ столь многочисленныхъ экскурсій по степямъ этихъ овчарокъ. Много разъ мнѣ случалось видѣть этихъ громадныхъ косматыхъ, медвѣдеобразныхъ собакъ съ злыми сверкающими глазами, охраняющихъ свои стада отъ всякаго, кто неосторожно покажется на горизонтѣ. Воровство овецъ пастухами у другихъ пастуховъ распространено, такъ какъ это входитъ въ интересы каждаго изъ нихъ, поэтому такой сторожъ, какъ овчарка, явилась необходимостью для отаръ. Проѣзжая мимо стадъ, я видѣлъ, какъ бѣшено неслись за моей телѣгой овчарки, страшно рыча и выставляя свои здоровыя зубы. Меня научили въ Екатеринославѣ, что при встрѣчѣ съ овчарками самое скверное бѣжать, тогда смерть неизбѣжна, отъ овчарки уйти трудно, собаки моментально накинутся, собьютъ съ ногъ и разорвутъ въ мелкія клочья. Хорошо поэтому имѣть съ собой револьверъ и въ случаѣ нападенія хоть одну подстрѣлить или сильно ранить, я уже думалъ, что судьба такъ благопріятна ко мнѣ, что избавитъ меня отъ этой опасной встрѣчи. Но въ послѣднюю мою экскурсію въ Маріуполь, когда я ѣхалъ обратно въ Екатеринославъ, нагруженный растеніями и мѣнялъ вагоны на станціи Ясиноватой, гдѣ пришлось мнѣ сидѣть 9 часовъ, я отправился въ степь поэкскурсировать, спѣша пополнить и безъ того большое число собранныхъ мною растеній. Вдругъ, откуда ни возьмись, появились изъ за одного изъ холмовъ двѣ громадныя овчарки, мчащіяся прямо на меня. Вскорѣ показалась еще третья. Отъ станціи я былъ за нѣсколько верстъ, спасаться бѣгствомъ я и не подумалъ и сейчасъ-же сѣлъ на траву, какъ меня учили. Сердце билось такъ громко, что я задыхался. Громадныя животныя остановились въ нѣсколькихъ шагахъ около меня, посмотрѣли на меня и, увидя, что я спокойно лежу, улеглись вокругъ. Что было дѣлать? Поѣздъ долженъ былъ уйти черезъ нѣсколько часовъ, если бы я пропустилъ его, мнѣ пришлось бы сидѣть еще лишнія сутки на станціи, а сколько времени я буду въ осадѣ и какъ еще выберусь, было совсѣмъ неизвѣстно. Я пробовалъ было встать, но со мной вмѣстѣ

вставали и овчарки, грозно выставляя зубы, пришлось тотчасъ вновь сѣсть. Отара не могла быть очень далеко, если бы пастухи пошли въ мою сторону, я былъ-бы спасенъ, но отъ пастуховъ не было ни слуха, ни духа. Время шло, ужасные сторожа терпѣливо лежали вокругъ меня. Не знаю, какъ долго я пробылъ въ этой томительной осадѣ, но мнѣ казалось, что прошла цѣлая вѣчность. Пастухи, замѣтивъ отсутствіе овчарокъ, стали ихъ искать и, увидѣвъ меня, отозвали собакъ. Я сначала хотѣлъ кричать, взывая о помощи и разсчитывая, что пастухи недалеко, но, не зная, какъ отнесутся собаки къ моему крику, я предпочелъ молчать. Въ одну изъ экскурсій я отправился въ Велико-Анадольское образцовое лѣсничество въ Маріупольскій уѣздъ. Помню, какъ мнѣ понравилась степь, вся сплошь покрытая пунцовымъ піономъ, окруженнымъ узорчатой и мелкой, какъ укропъ, зеленью. Малороссы зовутъ его воронцомъ. Поля воронца порою были продернуты прекрасной лѣсной незабудкой и громадными блестящими темнофіолетовыми васильками. Я изъ окна вагона узнавалъ ихъ и, если встрѣчаемое мимо мелькавшее растеніе не могло быть мной опредѣлено à coup d' oeul, я невѣроятно мучился и терзался. Разъ даже выскочилъ на маленькой станціи изъ вагона, увидя не вдалекѣ прекрасный пунцовый султанъ, кокетливо торчащій изъ густой травы. Я его не узналъ, а это было очень обыкновенное растеніе: красная очанка (Echium rubrum) и изъ за нее мнѣ пришлось просидѣть всю ночь на маленькой станціи, на которой не было не только буфета, но даже отдѣльнаго уголка для пассажировъ. Велико-Анадольское лѣсничество лежитъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ

станціи Велико-Анадоли, куда я прибылъ довольно поздно вечеромъ, проэкскурсировавъ все утро въ южной части Бахмутскаго уѣзда, куда пріѣхалъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ. Въ вагонѣ стояла ужасная жара, малороссы немилосердно щелкали сѣмячки, обсыпая сѣро-бѣлыми скорлупками подсолнечника полъ и лавки въ вагонѣ. Сѣмячекъ до того было много истреблено, что ноги тонули въ скорлупкахъ, какъ въ пескѣ морскомъ. Я усталъ ужасно и мечталъ о покоѣ, мечталъ, что, прибывъ въ Велико-Анадоль, найду пристанище у лѣсничаго и вдругъ сюрпризъ. Само лѣсничество лежитъ въ шести верстахъ отъ станціи, уединенно стоящей въ безконечной степи. Ни единаго возницы у вокзала, а солнце уже совсѣмъ близко къ закату. Идти пѣшкомъ по степи, Богъ знаетъ куда, тащить громадный тюкъ бумагъ съ растеніями и безъ растеній, да и перспектива быть застигнутымъ ночью въ степи— тоже была не заманчива, а оставаться ночь на станціи, чтобы двинуться съ разсвѣтомъ къ лѣсу, не разрѣшалъ начальникъ станціи. Просто хоть ложись среди степи. Но судьба сжалилась надо мной. По дорогѣ въ степи показалась пыль, а за ней вскорѣ и возъ, нагруженный досками. Флегматичный парень, малороссъ, сидѣлъ на козлахъ. Онъ согласился довезти меня до лѣсничества. Я былъ радъ согласію возницы и взлѣзъ на гору досокъ. Никогда не забуду эти ужасныя шесть верстъ. Мы тихо двигались по степи, освѣщенной красноватымъ закатомъ. Доски, какъ клавиши, ходили подо мной и я бросался во всѣ стороны, эквелибрируя и хватаясь за что попало, чтобы не упасть. Какъ я былъ радъ, когда показался лѣсъ и когда пахнулъ на меня запахъ зелени. Еле живой попалъ я къ дому лѣсни-

чаго. Ночь уже совсѣмъ спустилась и я былъ безконечно счастливъ, когда меня пріютили въ большомъ пустынномъ домѣ. Все здѣсь произвело на меня впечатлѣніе запустѣнія и уединенія. Словно этотъ уголокъ отрѣзанъ отъ міра, словно сюда не залетаетъ ни радость, ни веселый смѣхъ, ни шумный говоръ. Кругомъ безмолвный лѣсъ вязовъ, дуба, ясеней и чернаго тополя, всюду масса дикой бѣлой акаціи, всюду кусты шиповника и боярышника переплелись въ непроходимыя чащи. Заглохшій паркъ съ рѣдкими вымирающими деревьями, съ погибающими можевельниками произвелъ на меня грустное впечатлѣніе. Въ концѣ парка рѣченка Кашлагачъ съ наклонившимися, печальными ивами. Это не только не рѣченка, а прямо вода, вода ввидѣ пруда, чуть-ли не совсѣмъ высыхающая лѣтомъ. Нѣсколько далѣе, за паркомъ я не нашелъ продолженія Кашлагача. У самой воды въ концѣ главной аллеи стоятъ двѣ громадныя каменныя бабы, два большихъ истукана, выкопанныхъ гдѣ-то изъ кургана. Такіе истуканы мнѣ нерѣдко попадались на поляхъ, въ маленькихъ деревушкахъ. Ихъ хранятъ, какъ межевой столбъ, какъ идола, какъ диковинку. За паркомъ идутъ заросли жимолости, сирени, шиповника, дикаго винограда, сумаха. Все переплелось въ такой степени, что приходится вырѣзать или прорубать себѣ дорогу среди этой цвѣтущей заросли, какъ въ первобытномъ лѣсу, гдѣ-нибудь на берегахъ Амазонки. Самъ лѣсникъ, милѣйшая личность, но и онъ произвелъ на меня тоже впечатлѣніе отчужденности отъ міра. Я былъ анахронизмомъ въ этомъ пустынномъ домѣ, а когда за мной пріѣхалъ мой малороссъ съ телѣгой, но ужъ безъ досокъ и запѣлъ веселую пѣсню, мнѣ показалось, что святость этой

обители нарушена. Все лѣсничество съ одичавшимъ и заглохшимъ питомникомъ бывшаго перваго лѣсничаго фонъ Графа, съ еще поддерживаемыми большими буквами изъ древесныхъ породъ „Г. А. Н. К.“ выражающими: „графъ Александръ Николаевичъ Киселевъ“, основатель лѣсничества и цифры „1843“ годъ основанія, съ безмолвными заростающими аллеями, гдѣ цвѣтетъ никѣмъ невидимый шиповникъ, благоухаетъ розовая жимолость, грустно роняетъ свои мотыльки, никого не насладившіе, бѣлая акація, разросшійся, стелющійся ядовитый сумахъ, сокъ котораго вызываетъ нарывы и мучительную боль, если попадетъ въ кровь, все это произвело впечатлѣніе сказочнаго дворца спящей царевны, надъ которымъ виситъ заклятіе безмолвія. Только соловьи трещатъ по ночамъ и стонутъ въ цвѣтущихъ заросляхъ.

Степь и степь, безконечная степь, куда ни поглядишь, изрѣдка вынырнетъ гдѣ нибудь на холмѣ деревушка съ бѣлыми мазанками, съ чахлыми акаціями, гдѣ нибудь кивнетъ облитая цвѣтами вишня, точно призракъ покажется громадный силуэтъ вѣтряной мельницы, тяжело перебирающей своими неуклюжими крыльями воздушныя волны, пробѣжитъ стадо дрохвъ, этой громадной степной птицы и снова безконечная степь, то желтая, то красная, то пестрая тянется во всѣ стороны. Солнца, воздуха, неба сколько хочешь. Мошка тучами, столбами рѣетъ надъ степью. Это тоже одно изъ золъ и изъ большихъ золъ. Въ плавняхъ Днѣпра, по его болотистымъ берегамъ, по рѣчкамъ, всюду, гдѣ пришлось мнѣ бродить, мошка просто заѣдала меня, залетая въ уши, глаза, носъ, ротъ. Буквально погибаешь отъ ужасныхъ тучъ этого маленькаго вра-

га. На пріискахъ въ Сибири, на востокѣ Россіи мошка еще многочисленнѣе, еще ужаснѣе, да и здѣсь она немилосердна, поневолѣ я кутался въ сѣтки, пропитанныя дегтемъ, безъ нихъ невозможны были бы экскурсіи.

Самый южный пунктъ былъ для меня Маріуполь. Я неоднократно посѣщалъ его, такъ интересенъ мнѣ показался онъ въ флористическомъ отношеніи. Порядочный городъ на берегу Азовскаго моря лежитъ по прибрежнымъ холмамъ, поднимая колокольни собора, греческой церкви и костёла надъ всѣми прочими зданіями. Самое интересное въ этомъ чисто провинціальномъ городкѣ—море. Это его альфа и омега, безъ моря Маріуполь былъ бы совсѣмъ нулемъ. Зелени въ городѣ мало, за то пыли и песку вдоволь. Есть городской садикъ, открывающій роскошный видъ на море съ вершинъ холмовъ, на которыхъ онъ разведенъ. Внизу по берегу поселились нѣмецкіе колонисты, домики которыхъ тянутся далеко по берегу подъ холмами. Прежняя греческая колонія, сохранившая за собой греческое названіе, мечтаетъ теперь превратиться въ губернскій городъ.

Домики все небольшіе, въ пригородѣ больше мазанки. Городъ тянется на большое разстояніе и живописно спускается по холмамъ. Вокзалъ желѣзной дороги на морскомъ берегу, недалеко отъ устья рѣки Калміусъ, до сихъ поръ носящей классическое свое названіе. Въ городѣ двѣ гостинницы—Европейская и Псалти, обѣ на рыночной площади возлѣ собора, среди тучъ пыли. Въ Европейской гостинницѣ я не нашелъ ни единаго номера, такъ какъ въ этотъ вечеръ былъ концертъ Фигнеръ и Медеи-Мей, занявшихъ чуть не всѣ малочисленные номера. Интересно, что концертъ ихъ былъ совсѣмъ пустъ. Маріупольцы

не интересуются пѣніемъ настолько, чтобы платить бѣшенныя столичныя цѣны, которыя назначилъ Фигнеръ за мѣста. Мнѣ пришлось остановиться въ гостинницѣ или лучше сказать просто въ номерахъ „Псалти“. Это болѣе, чѣмъ мизерные номера со всѣми атрибутами регресса. Нечистота, неопрятность, неустройство и остальныя милыя ихъ качества напомнили мнѣ снова, что я скитаюсь по Россіи, гдѣ большинство считаетъ за позоръ подражать въ чемъ-бы то ни было гнилому западу, продолжая по примѣру дѣдовъ, стоять за русскую старину ввидѣ ужаснаго неблагоустройства. Ежедневно къ вечеру я такъ утомлялся послѣ экскурсій, записыванія моего дневника, укладки растеній, а главное перекладки уже сушащихся въ сухую бумагу и просушки мокрой, что не взирая ни на какія неудобства моментально засыпалъ, легши на отдыхъ. Порой я ложился съ разсвѣтомъ, всю ночь перекладывая растенія и спѣша утромъ на новыя экскурсіи, за новыми растеніями. Это было какое-то бѣшенство, ненасытимая жажда набрать скорѣе и больше экземпляровъ. Я не останавливался не передъ какими препятствіями, лѣзъ въ болота и карабкался на отвѣсныя Днѣпровскія скалы. Въ Маріуполѣ я нашелъ много интересныхъ новинокъ, такъ что работа моя кипѣла. Я познакомился съ учителемъ нѣмецкаго языка въ здѣшней классической гимназіи, большимъ идеалистомъ и энтомологомъ, какъ большинство учителей нѣмцевъ. Съ нимъ я совершилъ нѣсколько очень интересныхъ экскурсій по окрестностямъ. Никогда не забуду прибережные холмы, сплошь покрытые чуднымъ бѣлымъ геліотропомъ. Я буквально упивался имъ, готовый ободрать не только весь геліотропъ, но увезти на нашъ далекій сѣверъ весь этотъ

холмъ, одѣтый въ душистую бѣлую шапку. Роскошные южные вьюнки съ своими блѣдно-розовыми букетами воронокъ образовали необыкновенно изящное сочетаніе съ закрученными щитиками геліотропа. Песчаный морской берегъ, сплошной характерный цвѣточный коверъ, тянется до кряжа холмовъ, начиная съ вершинъ которыхъ тянется далекая безконечная степь. Эти холмы навѣрное были прежнимъ берегомъ Азовскаго моря, на что указываютъ находимыя въ нихъ нерѣдко раковины. Когда образовался Керченскій проливъ, уровень водъ палъ и море уступило часть своего дна для настоящаго берега. Тутъ среди массы травъ, морскаго ячменя, колосьевъ ржи, качаются пламечки мака, краснаго рожка (Glaucium), разсыпано золото морскаго бурачка, торчатъ громадные мохнатые султаны коровяковъ, зеленые зонтики молочаевъ, роскошные цвѣты мальвъ, желтые пѣтушки льнянокъ. Все это были новые виды, все меня восхищало. А море, хотя и мелкое Азовское море, но окрашенное голубымъ южнымъ небомъ искрилось милліономъ золотыхъ блестокъ, купая солнечные лучи. Маріуполь стоитъ въ глубинѣ полукруглаго залива, въ концѣ котораго строятъ портъ и весь полукругъ прибрежныхъ холмовъ изрѣзанъ балками и покрытъ кустами и деревьями. Тутъ вьется виноградъ, который всюду разводится подъ Маріуполемъ, торчатъ гиганты войлочные шалфеи, окутанные бѣлой паутиной, робко прячутся въ кусты крестики ароматныхъ ночныхъ фіалокъ, качаются чудныя головки бѣлыхъ громадныхъ гвоздикъ, цѣлыя клумбы покрыты лиловыми мотыльками лакрицы или солодковаго корня, цѣлые букеты самыхъ разнообразныхъ астрагаловъ. Въ каждый мой пріѣздъ растенія мѣнялись, словно рас-

тилались новыя ковры. Но чѣмъ роскошнѣе растительность, тѣмъ болѣе приходилось быть на сторожѣ. Тарантуловъ я не считаю за враговъ, они сами убѣгали, быстро двигая своими мохнатыми ногами и прятались въ норки. Въ Маріуполѣ водится ядовитая сколопендра, прячущаяся подъ камнями, въ тѣни кустовъ. Это большая сороконожка, снабженная двумя острыми и твердыми, какъ зубцы небольшой вилки, щупальцами. Ими-то она и прокалываетъ врага. Говорятъ, что уколъ сколопендры въ жаркое лѣто смертеленъ. Ея страшная сестра фаланга, водящаяся за Кавказомъ, еще опаснѣе и говорятъ, что если фаланга вступаетъ въ бой съ скорпіономъ и послѣдній видитъ, что ему нѣтъ спасенья, то онъ закалываетъ себя своимъ ядовитымъ шипомъ на хвостѣ. Это разсказываютъ путешественники и вѣроятно подобное самоубійство скорпіона есть не болѣе, какъ ихъ фантазія. Сколопендра произвела на меня непріятное впечатлѣніе, но еще больше поразилъ меня желтобрюхъ. Это нашъ южно-русскій степной удавъ. Водится онъ въ Кубанской области, въ Малой Азіи, въ Персіи и встрѣчается въ Маріупольскомъ уѣздѣ. Эварницкій, изслѣдователь древностей и остатковъ запорожской сѣчи, разсказывалъ, что онъ встрѣчалъ на островѣ Хортицѣ громадныхъ желтобрюховъ, съѣдающихъ ягнятъ. Мнѣ кажется, что нѣкоторые разсказы о желтобрюхахъ нѣсколько преувеличены и что въ настоящее время змѣй въ три сажени длины и толщиною, какъ большой пень дерева, нѣтъ на островѣ Хортицѣ, хотя утверждать этого не берусь. Я не разъ слышалъ разсказы о какомъ-то миѳическомъ змѣѣ, спускающемся кольцомъ съ горъ, но этой баснѣ я совсѣмъ не вѣрилъ. Въ одну изъ эскурсій по окрестностямъ Маріуполя

я увидѣлъ желтобрюха. Мы съ учителемъ нѣмецкаго языка собирали растенія надъ обрывомъ глубокой балки. Двѣ дѣвочки колонистки, обѣ босоногія, спускались по скошенному полю по откосамъ холмовъ. Когда онѣ проходили мимо копны, громадный желтобрюхъ выскочилъ изъ подъ сѣна и бросился за ними въ догонку. Это была змѣя темно-бурая съ блестяще-желтымъ животомъ, около сажени длиною, толщиною въ руку взрослаго человѣка. Я застылъ отъ ужаса, увидѣвъ, какъ гадина стремглавъ летѣла за дѣвочками. Вдругъ одна изъ дѣвочекъ страшно закричала, желтобрюхъ поймалъ ее за пятку зубами и обвился вокругъ ноги. Учитель подлетѣлъ къ дѣвочкѣ и наступилъ на голову змѣи, которая, вѣроятно, отъ боли выпустила свою жертву. Убить желтобрюха не удалось, онъ ушелъ изъ подъ ноги учителя и свалился въ балку. Нога дѣвочки страшно распухла и превратилась въ пузырь, хотя вскорѣ опухоль пропала отъ прикладыванія разныхъ средствъ; помню, что въ составъ входило кислое молоко. Колонистка нѣмка, мать дѣвочки, разсказывала, что желтобрюхи явленіе очень обыкновенное и что во время покоса ихъ часто зарѣзываютъ косами. Учитель говорилъ, что онъ много разъ видѣлъ гораздо большихъ змѣй. Послѣ этого инцидента мнѣ жутко и непріятно было ходить въ высокой травѣ и шарить по кустамъ. Я ежеминутно ожидалъ, что вотъ-вотъ снова выскочитъ змѣя. Питаются эти желтобрюхи сусликами или овражками— этимъ бичемъ южно-русскихъ хозяевъ, истребляющихъ хлѣба. Этимъ змѣи приносятъ громадную пользу. Принадлежа къ удавамъ, они больно кусаются, но ядъ ихъ не смертеленъ и даже не опасенъ. Суслики встрѣчаются на каждомъ шагу и не

сказать о нихъ ни слова—невозможно. Этотъ маленькій грызунъ на равнѣ съ жукомъ, возсѣдающимъ на колосьяхъ пшеницы и истребляющимъ хлѣбныя зерна, является главнымъ бичемъ. Маленькой звѣрекъ въ сѣрой шубкѣ, украшенной пестрыми крапинками, съ бѣловатымъ животикомъ, маленькими испуганными глазками—плодится невѣроятно быстро. Проѣзжая по степи всюду видишь овражковъ, вскочившихъ на заднія лапки и застывшихъ, какъ бугорки земли. Ихъ выливаютъ водой въ норахъ; правительство давало преміи за извѣстное число убитыхъ сусликовъ, мало того обязало, чтобы съ каждой десятины доставлялось опредѣленное число шкурокъ.

Публика въ Маріуполѣ очень подозрительно относится къ собиранію растеній, совершенно не понимая сушки ихъ, за исключеніемъ лекарственныхъ нуждъ. Впрочемъ, это не въ одномъ Маріуполѣ. Однажды въ Екатеринославскомъ уѣздѣ за мной и моимъ товарищемъ студентомъ гнались крестьяне съ цѣпами. Что бы было съ нами, не вѣдаю, еслибы намъ не удалось убѣжать отъ нихъ. Повсюду во всѣхъ деревняхъ, селахъ и городахъ ко мнѣ относились очень подозрительно, не говоря уже о томъ, что подозрительность одно изъ свойствъ малороссовъ. Мнѣ разсказывали, что одинъ становой засадилъ геологовъ и продержалъ ихъ взаперти нѣсколько дней, пока по рескрипту губернатора ихъ не освободили. Надо было быть постоянно на сторожѣ и приходилось часто говорить, что собираю растенія для аптеки.

Азовское море считается однимъ изъ самыхъ бурливыхъ морей, благодаря мелководью, почему суда очень часто терпятъ аваріи. Въ мой послѣдній

пріѣздъ въ Маріуполь я засталъ море страшно бурнымъ. Волны злобно летѣли на берегъ и лизали песокъ, все море приняло зловѣщій сѣро-зеленый оттѣнокъ. Это былъ тяжелый день для меня. Не смотря на бурю и сильнѣйшій ливень пришлось идти на экскурсію, такъ какъ я очень спѣшилъ, да къ тому же это былъ праздникъ и учитель нѣмецкаго языка былъ свободенъ. Мы промокли въ этотъ день до костей, но все-таки вернулись домой съ богатой жатвой. Я рѣдко видѣлъ непріязненнѣе море, какъ Азовское во время бури, за то какъ оно было сказочно-прелестно во время свѣченія. Къ вечеру стала надвигаться гроза и все небо покрылось черной пеленой, жара стояла удушливая, море казалось свинцовымъ. Меня поразило, что то здѣсь, то тамъ блестѣли серебряныя полосы. Я подошелъ къ берегу. Волны были изъ серебра, море горѣло поразительнымъ волшебнымъ огнемъ, это было море огня, огненная вода, водяной огонь. Всѣ брызги превратились въ капли расплавленнаго серебра, а полоса, оставленная на водѣ проплывшей лодкой, долго горѣла и искрилась таинственнымъ пламенемъ. Это было чудное, захватывающее душу зрѣлище, просто глазамъ не вѣрилось, что всякая струя, всякая капля горитъ и сіяетъ, какъ сорвавшаяся съ неба звѣздочка...

Интересна въ архитектурномъ смыслѣ Маринская церковь въ слободѣ, пестрая, странная, сидящая по откосамъ горъ, украшенная причудливыми куполами. Я очень пожалѣлъ, что не могъ пріобрѣсти себѣ фотографію этой церкви, но это была-бы слишкомъ большая роскошь для Маріуполя.

Въ Екатеринославской губерніи, куда ни сунешься, все степь и степь. Видѣлъ я ее и ночью,

когда луна обливала ее своимъ таинственнымъ свѣтомъ и въ яркій полдень, когда все замирало въ ужасной жарѣ, когда вся степь, затаивъ дыханье, изнывала ожидая прохлады, видѣлъ и освѣщенной пурпуровой зарей и во время грозы, когда испуганно шептался ковыль, наклоняя свои шелковыя пряди султановъ къ встревоженнымъ цвѣтамъ. Здѣсь ужъ отъ дождя не укроешься. Молніи великолѣпны, онѣ разрываютъ все небо и горятъ на черномъ сводѣ, какъ огненныя змѣи. Пришлось мнѣ и ночевать въ степи. Это было въ Маріупольскомъ уѣздѣ. Ночь захватила меня въ расплохъ, я заплуталъ. На мое счастье повстрѣчались пастухи. Съ ними-то я и провелъ ночь у костра, растянувшись на овчинѣ, чтобы ни тарантулъ, ни желтобрюхъ, ни сколопендра не вздумали напасть на меня. Чего-чего не переживешь такъ скитаясь по губерніи! Бывалъ я и въ благоустроенныхъ нѣмецкихъ колоніяхъ, гдѣ колонисты довольно радушно относились ко мнѣ, когда я разговаривалъ съ ними по нѣмецки, и въ малорусскихъ хатахъ около цвѣтущихъ садиковъ черешенъ. Нѣмецкія колоніи очень благоустроены. Всюду аллеи, фруктовые сады, огороды. Былъ и въ греческихъ селеніяхъ, какъ Ялта, Урзуфъ, лежащихъ по берегу Азовскаго моря и ѣлъ у грековъ вкусный арьянъ—молочное блюдо въ родѣ простокваши. Сколько воспоминаній тѣснится въ моей головѣ, когда я начинаю думать о моихъ экскурсіяхъ. Помню, какъ я полѣзъ въ высокую траву, чтобы вытащить изъ болота сусакъ. Откуда ни возьмись на меня налетѣли гуси, которые съ гусятами сидѣли въ травѣ и, вѣроятно, предположили нападеніе съ моей стороны. Вышла баталія. Я защищался своей ботанической

папкой на сколько могъ и въ концѣ концовъ отогналъ гусей. Но эта гнусная птица все-таки такъ защипала меня, что я потомъ долгое время не могъ сидѣть. Съ этого дня я возненавидѣлъ гусей. Въ тотъ-же день случилась со мной другая курьезная исторія. Ѣхалъ я въ телѣгѣ, состоящей изъ двухъ боковыхъ досчатыхъ стѣнокъ. Я сидѣлъ на сѣнѣ. Мой флегматичный малороссъ распѣвалъ свою пѣсню. Я чувствовалъ, что сѣно отъ сотрясенія все время уходитъ изъ подъ меня и все время подвигался за уползавшимъ назадъ сѣномъ. Кончилось тѣмъ, что я очутился среди дороги и такъ былъ этимъ пораженъ, что не могъ даже крикнуть ямщику, а онъ, флегматично распѣвая, уѣхалъ далѣе и только спустя нѣкоторое время, замѣтивъ мое отсутствіе, возвратился и подобралъ меня...

Мои блужданія по постоялымъ дворамъ, путешествіе на телѣгахъ, пѣшкомъ и по желѣзнымъ дорогамъ среди подсолнечныхъ сѣмячекъ, сала, любимаго малорусскаго сала и ихъ пресловутой рыбы шемаи были безконечно интересны. Въ Лисичанскѣ, большомъ селѣ, лежащемъ на высокомъ обрывистомъ берегу Донца, богатомъ каменноугольными шахтами, я ночевалъ на нарахъ съ татарами и другими торговцами, прибывшими въ село по случаю ярмарки. Татары пѣли ночью свои пѣсни, другіе торговцы тоже и я очень оригинально и интересно провелъ ночь. Въ Лисичанскѣ да и во всемъ восточномъ концѣ Бахмутскаго уѣзда всѣ лѣса переполнены ясенцемъ. Это сильно смолистое, съ одуряющимъ запахомъ травянистое растеніе, съ большими темнозелеными листьями, очень напоминающими ясень. Цвѣтоножка, выростающая довольно высоко, несетъ цѣлую кисть роскошныхъ, розовыхъ, причудливой

формы цвѣтовъ съ висячими внизъ тычинками. Всѣ лепестки расписаны малиновымъ характернымъ узоромъ. Цвѣты напоминаютъ китайскія изображенія цвѣтовъ на цибикахъ чаю. Цѣлые перелѣски и рощи полны этимъ ясенцемъ, образующимъ сплошныя заросли и доводящимъ до одурѣнія своимъ смолистопрянымъ запахомъ. Я пришелъ въ неописуемый восторгъ отъ него и нарвалъ громадный букетъ, но долженъ былъ выкинуть его, не будучи въ состояніи перенести его запахъ, за то мнѣ блестяще удался Линеевскій опытъ. Когда я поднесъ къ цвѣтку зажженную спичку, то масса жирныхъ маслъ воспламенилась голубымъ пламечкомъ и съ легкимъ трескомъ окружила все соцвѣтіе блѣдной огненной шапкой, словно это была душа растенія. По ту сторону быстраго Донца, мчащагося между Екатеринославской и Харьковской губерніями, разлеглись громадные болотистые лѣса, въ которые я и направился на зарѣ, переплывъ на паромѣ рѣку. По откосамъ у села повсюду одичалъ персидскій яркожелтый шиповникъ, который цвѣлъ самымъ рьянымъ образомъ. Много поэзіи въ этихъ всѣхъ селахъ и городкахъ лунной ночью, когда гдѣ-нибудь на черешнѣ трещитъ соловей, бѣлыя мазанки необыкновенно рельефно выступаютъ во мракѣ южной ночи, а пирамидальные тополя стоятъ, точно ночная стража. Тишина. Только изрѣдка гдѣ-нибудь зашуршитъ трава, да вспорхнетъ испуганная птица. Помню, городокъ Лугансвъ мнѣ необыкновенно понравился ночью. Сколько очарованья и поэзіи въ южной ночи! А днемъ Лугансвъ, лежащій среди безконечныхъ степей, съ заросшими травой улицами, съ временно закрытымъ литейнымъ казеннымъ заводомъ, построеннымъ еще 100 лѣтъ тому назадъ, съ собо-

ромъ, часовней, съ памятникомъ Александру 2-му, произвелъ на меня самое удручающее, тоскливое впечатлѣніе и я былъ очень радъ, когда мнѣ удалось выбраться изъ него.

У станціи Дебальцево разводятъ молодые лѣса, а прежде до 71-го года здѣсь стоялъ корабельный лѣсъ. Стволы деревьевъ ушли на телеграфные столбы, а корни на шпалы. Теперь всюду стараются развести лѣсъ, а вдоль желѣзно-дорожныхъ линій всюду тянутся кустовыя насажденія, которыя должны оберегать путь отъ снѣжныхъ заваловъ во время часто свирѣпствующихъ по степи бурь и пурги. Красивы плитняки, взгромоздившіеся цѣлыми скалами вдоль желѣзно-дорожнаго пути около Дебальцево. Плитнякъ образовалъ очень причудливыя скалы, а букеты малиновыхъ и бѣлыхъ астрагаловъ храбро одолѣли всѣ крутики и цвѣтутъ повсюду по расщелинамъ.

И все тянется безконечная степь... Какъ ѣдка черноземная пыль! Какъ отъ нея не кутаешься, а спастись нельзя. Она проникаетъ во всякую малѣйшую скважинку. Но еще ужаснѣе грязь. Нельзя себѣ представить, что такое черноземная грязь. Это липкое мессиво, которое, какъ спрутъ, присасывается ко всѣмъ предметамъ. Я помню, какъ мнѣ пришлось ѣхать послѣ сильнаго ливня. Это было въ Александровскомъ уѣздѣ. Проѣдемъ нѣсколько саженей и возница слезаетъ, чтобы прочистить палкой колеса и сбить прилипшую грязь. Проѣдемъ нѣсколько шаговъ и снова стопъ, колеса опять полны грязи. Я испыталъ эту грязь въ Бахмутѣ. Мой сапогъ остался въ грязи, а я вынулъ ногу разутую. Пришлось снять сапоги и босикомъ перейти улицу. Черноземная грязь не даромъ стяжала себѣ

всемірную извѣстность. До чего скученъ и непривлекателенъ Бахмутъ. Настоящая захолустная провинція, какой я ее себѣ всегда представлялъ въ Петербургѣ. Бахмутъ лежитъ въ такой степи, что всѣ остальныя степи кажутся цвѣтущими лугами. Самый ближній лѣсокъ на растояніи 8-ми верстъ отъ города и то это не лѣсъ, а перелѣски, затянувшіе глубокія балки и заросшіе удушливымъ ясенцемъ. Въ самомъ городѣ совсѣмъ нѣтъ садовъ, жалкая аллейка изъ акацій, изображающая городской бульваръ, единственное насажденіе. Здѣсь примостилась будочка, въ которой красногубая мамзель продаетъ за пятачекъ лимонную или малиновую воду. Бахмутъ— центръ заводской дѣятельности. Для геолога, для техника, для инженера, для горнаго студента—это благословенный край, но только не для ботаника. Страшное отсутствіе влаги, такъ какъ заводы высасываютъ и выкачиваютъ всю подпочвенную воду, погубило всякую растительность. Здѣсь вокругъ солеварни, гдѣ соль выпариваютъ на гигантскихъ сковородахъ, здѣсь и Брянскіе и Деконскіе заводы соли; здѣсь же въ уѣздѣ добывается и мѣдь, и каменный уголь, и серебро, и даже ртуть. Благодаря обилію заводовъ, выпивающихъ всѣ воды своими черными шахтами, изъ которыхъ ее выкачиваютъ, хлѣбъ идетъ совсѣмъ плохо. Къ сожалѣнію, мнѣ нѣкогда было поглядѣть поближе всѣ эти громадные заводы, которыми кишитъ вся губернія и въ особенности богатый въ минеральномъ отношеніи Бахмутскій уѣздъ. Одинъ юзовской заводъ— чего стоитъ. Это цѣлый городокъ, основанный англичаниномъ Юзомъ для добыванія каменнаго угля. Ужасно жалѣю, что время не позволило мнѣ посѣтить Святогорскій прекрасный монастырь, лежащій

на Донцѣ въ живописной мѣстности въ Харьковской губерніи около города Славянска, но, когда я проѣзжалъ этотъ городокъ съ его плохо устроенными минеральными водами, гдѣ пріѣзжіе терпятъ одни неудобства, я былъ такъ нагруженъ тюками бумаги, стянутыми ремнями, что только и мечталъ добраться до Екатеринослава и, отсидѣвъ всю ночь въ треклятой Лозовой, гдѣ внутренно посылалъ ко всѣмъ чертямъ мудрые порядки желѣзной дороги, отбывъ многочасовую повинность въ Синельниково, я невѣроятно былъ счастливъ пріѣхать въ Екатеринославъ. Милый городъ! Съ какимъ удовольствіемъ я подъѣзжалъ каждый разъ къ Днѣпру, глядѣлъ на чудную панораму съ великолѣпнаго моста и тащился на извозчикѣ съ моей поклажей. Каждый разъ мнѣ все болѣе и болѣе нравились бульвары, каждый разъ съ болѣе и болѣе теплымъ чувствомъ я привѣтствовалъ всякій знакомый домъ, всякую улицу, а тамъ за Успенской церковью, въ маленькомъ домикѣ подъ горой сидѣли мои дорогіе хозяева и я рвался къ нимъ на встрѣчу, рвался къ ожидающимъ меня письмамъ, подгонялъ извозчика и былъ такъ невыразимо счастливъ, что вернулся домой, хоть на далекой чужбинѣ, да все-таки домой, къ искренно любимымъ людямъ, гдѣ могъ себѣ позволить хоть немного отдыха и я улыбался заранѣе, предчувствуя радушную встрѣчу. Что это были за дивныя минуты!

20.

По уѣздамъ.

(Александровскъ. Новомосковскъ. Красный Кутъ. По Днѣпру).

Ты знаешь край, гдѣ все обильемъ дышетъ,
Гдѣ рѣки льются, чище серебра,
Гдѣ вѣтерокъ степной ковыль колышетъ,
Въ вишневыхъ рощахъ тонутъ хутора...
Ты знаешь край, гдѣ нивы золотыя
Испещрены лазурью васильковъ,
Среди степей курганъ временъ Батыя,
Вдали стада пасущихся воловъ,
Обозовъ скрипъ, ковры цвѣтущей гречи,
И вы, чуды, остатки славной сѣчи?

Пушкинъ.

Украина! Теплое слово, полное юга, синяго неба, задумчивой поэзіи. Есть такія слова, которыя выражаютъ такъ много, такъ сильно, что стоитъ произнесть ихъ, чтобы нарисовать въ воображеніи каждаго цѣлую картину. Бѣлыя мазанки подъ темно-синимъ небомъ, задумчивые пирамидальные тополя, трескотня кузнечика въ высокой травѣ, бѣлыя кудри черешенъ возлѣ хатъ, лѣнивые волы, флегматично жующіе траву, веселые подсолнечники, повсюду тор-

чащіе надъ тыномъ у деревень, вѣтряныя мельницы по степнымъ холмамъ, сами хохлы съ ихъ пѣснями мелодичными, задумчивыми, нѣсколько монотонными, какъ всѣ славянскія, но прекрасными, хохлуши въ ихъ праздничныхъ нарядахъ, увитыя цвѣтами, съ вѣнками краснаго мака и синими звѣздочками васильковъ, соловьи, любовно стонущіе на кустахъ шиповника—вотъ наша русская Италія,—наша Украина. Мирная, тихая страна, а было время, что земля была упоена кровью, что здѣсь раздавались стоны и вопли побѣжденныхъ. Здѣсь властвовали и поляки, и жиды, и іезуиты. Здѣсь вольные казаки вдохнули въ себя всю силу рѣшенія свергнуть тяжелое иго, угнетавшее православныхъ. Украина! Здѣсь и звѣзды ярче горятъ, здѣсь и краски ярче, здѣсь и пѣсня мелодичнѣе, черешня кудрявѣе, и солнце болѣе блестяще. Но главная краса Малороссіи, ея „дидъ", ея „Богатырь", ея великій, широкій Днѣпръ, величаво пробѣгающій между кудрявыми берегами. Онъ быстро мчится къ Черному морю, глотая свои притоки, бѣшено бьется по порогамъ и, перелетѣвъ скалы и утесы, плавною полосою течетъ къ морю.

Въ прежнее время суда изъ Кіева спускались по Днѣпру до Екатеринослава, входили въ лѣвый притокъ Днѣпра, рѣку Самару, изъ нея въ притокъ ея, Волчью, до волока въ одну версту, гдѣ перетаскивали суда въ рѣку Міусъ, по которой ужъ спускались въ Азовское море.

Ниже пороговъ лежитъ городъ Александровскъ, отъ котораго Днѣпръ дѣлается снова судоходенъ. Александровскъ пыльный и грязный городокъ, не имѣющій ничего замѣчательнаго кромѣ поразительно широкаго Днѣпра. Роскошны и грозны скалы

па Днѣпрѣ. Я бродилъ повсюду по лѣвому берегу Днѣпра, карабкаясь по грандіознымъ его скаламъ. Здѣсь верстахъ въ 10, 12-ти выше Александровска находится самое узкое мѣсто Днѣпра, гдѣ переправлялись татары. Днѣпръ бѣшено летитъ по ущелью, скалы грозными морщинистыми твердынями, какъ стѣны, поднимаются по берегамъ, только у мѣста переправы правый берегъ дѣлается пологій, а на лѣвомъ скалы нѣсколько отступаютъ назадъ. Что за очаровательный видъ съ этихъ скалъ, поросшихъ золотымъ дрокомъ, кустами дуба, безсмертникомъ и очиткомъ. Всюду стелется по камнямъ молодило, оттѣняя черныя морщины скалъ. Внизу въ страшной пропасти бѣшено мчится Днѣпръ, сердито обгрызая гигантскія скалы, на той сторонѣ высятся новыя твердыни. На правомъ берегу противъ переправы лежитъ село Кичкасъ, плотъ, вертясь въ грозныхъ волнахъ Днѣпра, быстро мчится къ другому берегу. Днѣпръ образуетъ нѣсколько поворотовъ, выставляя грозные мысы, образуетъ нѣсколько острововъ и, крутясь многочисленными водоворотами, мчится въ этомъ грандіозномъ ущельи, которое можно за свою дикую красоту поставить на одну доску съ красотами пресловутаго Рейна. Ниже Александровска и противъ города лежатъ большіе Днѣпровскіе острова, полные историческихъ воспоминаній. Довольно упомянуть островъ Хортицу и о. Сѣчи. Здѣсь за бѣшенными порогами и каменными грядами жили славные запорожцы, полные легендарной храбрости, силы и славы. Сказанія и легенды дошли до насъ цѣлыми массами помимо всякихъ историческихъ свѣдѣній.

Еще сравнительно очень недавно повсюду на островахъ находили монеты, шпаги, сабли, клады, пояса.

Многіе нынѣ живущіе граждане Александровска—мальчиками находили массу заржавленнаго оружія и монетъ въ ямахъ острововъ, о курганахъ и говорить нечего. Сколько предметовъ старины выкидывалъ широкій Днѣпръ! По всей губерніи въ соборахъ можно видѣть старинныя запорожскія иконы, сосуды, дарохранительницы. Какая нибудь совсѣмъ захолустная сельская церковка нерѣдко хранитъ диковинные образа съ изображеніемъ запорожцевъ съ ихъ бритыми головами, чубами, длинными отвислыми усами. Теперь островъ Хортица потерялъ всякіе слѣды прежнихъ запорожцевъ. Мирныя нѣмецкія колоніи одѣли весь этотъ громадный островъ, окруженный нѣсколькими маленькими островами. Здѣсь въ старину были всюду укрѣпленія и возведены повсюду крѣпости. Теперь только кое-гдѣ остались слѣды укрѣпленія. Сѣверная часть острова скалиста и выдается неприступными мысами и скалами прямо въ Днѣпръ, южная, степная, въ одномъ изъ самыхъ южныхъ мѣстъ которой высится Потемкинъ курганъ, прозванный такъ потому, что легенда говоритъ о задуманномъ дворцѣ Потемкина на этомъ мѣстѣ, мостѣ черезъ Днѣпръ и что прежде возлѣ кургана росъ садъ, прозванный Потемкинымъ. Теперь отъ сада давно ужъ и слѣда не осталось. А гнѣздо Запорожской сѣчи, полное славныхъ воспоминаній, превратилось въ мирный островъ, гдѣ зрѣютъ въ прекрасныхъ бахчахъ арбузы. Какъ часто приходится вспоминать четверостишіе: „гдѣ прежде въ Капитоліи вѣнчалися цари, тамъ въ наши дни не болѣе живутъ пономари"...

Одинъ изъ старинныхъ обывателей города Я. П. Новицкій, благодаря крайне лестному для меня письму отъ его товарища и друга, извѣстнаго собирателя Запорожскихъ древностей Д. И. Эварницкаго, направилъ меня къ наиболѣе интереснымъ мѣстамъ въ окрестностяхъ Александровска и въ довершеніи всего подарилъ мнѣ кучу растеній, собранныхъ имъ на островѣ Хортицѣ.

Въ архитектурномъ отношеніи въ Екатеринославской губерніи очень интересенъ соборъ города Новомосковска или Самары, старинпаго запорожскаго города, лежащаго на притокѣ Днѣпра, тихой и плавной Самары. Соборъ замѣчательно оригиналенъ, весь изъ дуба и сосны, многоярусный, девятибашенный, построенный такъ, что на каждую изъ его четырехъ сторонъ выходитъ по три башни, а въ серединѣ самая большая. Зеленыя крыши очень красиво перемѣшиваются и чередуются съ все болѣе и болѣе съужающимися башнями, осѣненными куполами и крестами.

Соборъ производитъ очень красивое и оригинальное впечатлѣніе, когда на него смотришь издали. Эти три ряда соединенныхъ башенъ, эти луковки, выступающіяся на фонѣ синяго неба, не могутъ не понравиться, особенно подъ вечеръ, когда небо заткано золотыми лучами и подернуто пурпуровымъ свѣтомъ и на его фонѣ выступаетъ многобашенный силуэтъ собора, темный и мрачный и только кресты горятъ золотыми искрами, переглядываясь съ потухающей зарей.

Славный соборъ, выстоявшій всѣ бури и ураганы, хранитъ нѣсколько рѣдкихъ иконъ, картинъ, евангелій и сосудовъ. Особенно поразительна картина Страшнаго суда со всѣми пытками и муками грѣшниковъ... Городъ Новомосковскъ имѣетъ другую достопримѣчательность—это блестящее освѣщеніе. Дума постановила освѣтить городъ и всюду были разстав-

лены фонари съ лампочками, но каждый вечеръ всѣ лампочки убираются и прячутся, чтобы ихъ не украли, за то днемъ красуются во всемъ блескѣ. По крайней мѣрѣ расходовъ на керосинъ совсѣмъ нѣтъ. Оригиналъ этотъ Новомосковскъ!

* * *

По Днѣпру пароходы ходятъ вверхъ къ Кременчугу, затѣмъ къ Кіеву и Могилеву. Это лучшій способъ попадать въ Верхнеднѣпровскій уѣздъ. Заберешься поздно вечеромъ на пароходъ, заляжешь спать и не замѣтишь, какъ пароходъ отчалитъ на зарѣ. Экскурсія въ Верхнеднѣпровскій уѣздъ была одной изъ первыхъ моихъ большихъ экскурсій и сложилась и устроилась она совсѣмъ не такъ, какъ я то ожидалъ. Была Страстная недѣля. Я уже рѣшилъ, что ночь на пасху проведу въ какой нибудь далекой деревенькѣ, подальше отъ людей, просплю ночь, а утромъ отправлюсь за растеніями, чтобы не замѣтить праздниковъ вдали отъ своихъ. Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Я обѣдалъ у губернатора. Губернаторша спросила меня, какъ я намѣреваюсь встрѣтить пасху.

— Думаю отправиться въ Верхнеднѣпровскій уѣздъ,—сказалъ я, на экскурсію и проспать заутреню, чтобы не замѣтить праздника.

— Ну этого вамъ нельзя будетъ сдѣлать,—засмѣялась она, вотъ я сейчасъ напишу письмо, а вы должны будете пріѣхать на праздники въ Красный Кутъ. Старшая дочь хозяина живетъ здѣсь въ Екатеринославѣ, она здѣсь замужемъ за городскимъ головой. Отправляйтесь къ ней, не медля, она или сегодня или завтра уѣдетъ на Красный Кутъ. Только берегите сердце. Это цѣлый цвѣтникъ.

Красный Кутъ! Я еще въ Петербургѣ слышалъ объ этомъ имѣніи отъ моего товарища, прожившаго здѣсь въ командировкѣ болѣе года и уѣхавшаго въ восторгѣ отъ Краснаго Кута.

Никогда въ жизни не забуду я эту пасху и эти дни, проведенные въ кругу этой чудной, рѣдкой, патріархальной семьи. Я увидѣлъ здѣсь что-то совсѣмъ новое, совсѣмъ иное, къ чему не привыкъ на нашемъ Сѣверѣ. Я сразу почувствовалъ себя дома въ этой громадной семьѣ. На пасху съѣхались въ Красный Кутъ всѣ родные, всѣ знакомые съ дѣтьми, домочадцами и прислугой. Всѣ пріѣхали на своихъ лошадяхъ съ своими кучерами. Изъ кладовыхъ появились перины, постели, подушки и таскались по всѣмъ многочисленнымъ комнатамъ для гостей.

Для молодежи былъ отведенъ верхъ. Въ одной комнатѣ насъ спало пятеро. Я пріѣхалъ изъ Верхнеднѣпровска на почтовыхъ, гдѣ занимался отъискиваніемъ растеній. Я выѣхалъ на зарѣ и прибылъ въ Красный Кутъ въ полдень. Меня встрѣтилъ старичекъ-генералъ, самъ хозяинъ, отецъ многочисленной семьи, патріархъ, хлѣбосолъ, помѣщикъ душой и тѣломъ.

— Что жъ это вы на почтовыхъ, а у насъ лошади закладываются, чтобы ѣхать къ вамъ на встрѣчу на пароходъ въ Мишуринъ рогъ.

Я, собственно говоря, постѣснялся ѣхать на пароходѣ, боясь разсчитывать на экипажъ и на такую колоссальную любезность къ совсѣмъ незнакомому человѣку, но я не зналъ ихъ, я не зналъ тогда эту милую патріархальную семью. Хозяйка сама съ четырмя барышнями-дочерями, съ племянницами и родственницами вернулись отъ причастія. Это былъ цѣлый цвѣтникъ... Великая суббота прошла среди

общей суеты, приготовляли пасхи и куличи чуть-ли не десятками, барышни кончали ризу священнику и вышивки для подвѣшиванья лампадъ въ Краснокутскую церковь. Я сразу сталъ своимъ и чувствовалъ, что пришелся ко двору. Бѣдная моя ботаника! Какъ ревностно я вчера обшаривалъ всѣ балки и окрестности Верхнеднѣпровска, какимъ одинокимъ чувствовалъ себя еще вчера въ этомъ пыльномъ и скучномъ городишкѣ, когда ходилъ приложиться къ плащеницѣ и какъ я себя совсѣмъ иначе почувствовалъ сегодня. Я забылъ мои экскурсіи на цѣлые четыре дня, я ушелъ весь въ другую Краснокутскую ботанику и сталъ изслѣдовать мѣстную флору. Никогда не забуду, какъ въ субботу вечеромъ стали собираться тучи и вдали загремѣлъ громъ. Здѣсь была совсѣмъ зеленая пасха, цвѣли розы, сирень уже отцвѣтала. Луга были покрыты самыми разнообразными цвѣтами, а степь побѣлѣла отъ солнышекъ степной ромашки. Въ Петербургѣ еще не было и признака зелени въ это время.

Мы до грозы успѣли перебраться въ многочисленныхъ экипажахъ въ церковь, одиноко стоящую на высокомъ холмѣ. Въ первый разъ въ жизни я постигъ всю торжественность этой ночи, никогда такого впечатлѣнія не производила на меня заутреня, хотя я бывалъ у Исакія, гдѣ обстановка собора, блескъ лампадъ, дивное пѣніе, чудная служба, все сложилось вмѣстѣ, чтобы заставить почувствовать всю торжественность великаго праздника. Маленькая бѣдная церковь была полна крестьянъ. Хохлушки въ цвѣтахъ и въ торжественномъ нарядѣ. Веселые парубки набожно склонили головы; на загорѣлыхъ лицахъ столько вѣры и искренности, что поневолѣ поддаешься ихъ молитвѣ. Пѣніе плохое,

какъ хуже себѣ трудно представить. И вотъ раздалось пѣніе: Христосъ Воскресе! пѣніе нестройное, но торжественное. Въ тотъ-же моментъ сверкнула молнія и страшный громъ загрохоталъ надъ нами. Всѣ молящіеся опустились на колѣни. Помню, какъ мы ходили съ барышнями за священникомъ вокругъ церкви при блескѣ падающихъ молній и грохотѣ весенняго грома. А дома столы ломились отъ всевозможныхъ явствъ. Что за дивныя наливки! Милые мои хозяева послали моей матери со мной цѣлый ящикъ наливокъ, когда я пріѣзжалъ къ нимъ передъ отъѣздомъ въ Петербургъ. Всю ночь мы не спали. Весь слѣдующій день прошелъ, какъ въ чаду. Часть общества дулась въ карты съ утра до вечера, а остальные слились въ самый милый веселый кружокъ, какой только можно себѣ представить. На другой день пріѣхалъ старшій сынъ, живущій въ сорока верстахъ и непріѣхавшій наканунѣ по случаю нездоровья жены, съ которой встрѣчалъ пасху. Это помѣщикъ веселый, милый, плѣнившій меня съ перваго взгляда. Бывшій гусаръ, отчаянный малый, жизнь котораго полна анекдотовъ и самыхъ разнообразныхъ похожденій, онъ съ первыхъ же словъ совсѣмъ овладѣлъ мной. Я искренно привязался къ нему и былъ ужасно радъ, когда въ послѣдній пріѣздъ я встрѣтился снова съ нимъ и наговорился съ нимъ вдоволь. Потомъ, спустя годъ, я узналъ горькую вѣсть, что „майоръ“, какъ всѣ его звали, сложилъ свою буйную головушку на вѣчный покой, побѣжденный роковымъ тифомъ.

Я собирался чуть не ежедневно въ путь, но ни меня не пускали, ни самъ я не имѣлъ силъ бороться. Здѣсь было такъ хорошо, покойно, особен-

но въ сравненіи съ тасканіемъ по степямъ, постоялымъ дворамъ, шалашамъ и другимъ пристанищамъ. Никогда не забуду дивную мазурку, которую въ четыре руки играли двѣ барышни и романсы, которые онѣ пѣли. Какъ просто, какъ очаровательно звучали слова: „Въ рощѣ я брожу тѣнистой грустенъ одинокъ. Слышу вдругъ въ травѣ душистой чистый голосокъ: Я ручей студеноводный, ты довѣрься мнѣ, много думъ я скрылъ въ подводной, ясной глубинѣ. Приложись ко мнѣ съ любовью, лягъ на дно мое, положи подъ изголовье прошлое свое. И на вѣки все забудешь ты на днѣ ручья, также холоденъ ты будешь, также чистъ, какъ я“. И еще другую пѣсню, которая, много лѣтъ спустя, какъ родной колокольчикъ звучитъ надъ моимъ ухомъ: „Ѣхали какъ-то мы ночью одни въ степи, саночки съ скрипомъ морознымъ насъ вдаль несли. Этой морозною ночкой озябъ я самъ... Сдалася морозная щечка моимъ устамъ. Полонъ сердечной тревоги, обратно я вдаль, не видавши дороги, пустилъ коня. Ты-же, взойдя на крылечко, смѣясь до слезъ, молвила тихо словечко: прощай морозъ! Эко раздолье какое, а мы одни, царство здѣсь наше земное. Царица ты!“

Какъ мы ѣздили въ гости къ сосѣдямъ, сколько разговаривали, сидя далеко за полночь. Чудные это были дни, дни, которые никогда не забываются и они мелькнули такъ быстро, какъ сонъ. А старичекъ генералъ, съ страстью занимающійся хозяйствомъ, богатѣйшій помѣщикъ, владѣлецъ 16 тысячъ головъ овецъ, вѣчно заботящійся о гостяхъ, упрашивающій то покушать, то поспать, милый, привѣтливый, отчаянный руссофилъ, отчаянный хлѣбосолъ, развѣ его можно забыть? А эти казачки, прислуживающіе къ столу, а эти кладовые съ печеньемъ и вареньемъ, съ соленымъ и копченымъ. Здѣсь совсѣмъ особая жизнь, жизнь чуть-ли не библейская или по крайней мѣрѣ тѣхъ временъ, когда на столъ подавали цѣлаго быка...

Въ Екатеринославъ я вернулся совсѣмъ очарованный Краснымъ Кутомъ и, узнавъ, что Красно-Кутяне пріѣдутъ въ Екатеринославъ чрезъ пять дней на концертъ Прянишникова, сказалъ губернатору, приглашавшему меня съ собой въ Маріупольскій уѣздъ, куда онъ ѣхалъ по дѣламъ, что голова до того болитъ, что жажду отдыха. Всѣ пять дней проэкскурсировалъ по окрестностямъ Екатеринослава и дождался моихъ Краснокутцевъ. Что это было за чудное время снова! Барышни привезли мнѣ гостинецъ изъ Краснаго Кута и это еще больше растрогало меня, чѣмъ вся ихъ безконечная любезность.

* * *

Впервые по Днѣпру я отправился къ Верхне-Днѣпровску и совсѣмъ очаровался берегами этой великолѣпной рѣки, но самъ пароходъ не совсѣмъ удовлетворилъ меня. Интересны жиды-талмудисты съ ихъ длиннымъ чернымъ одѣяніемъ, традиціонными пейсами, особенно когда они творятъ молитву. На Волгѣ характерна молитва татаръ, интересна смѣшанная публика поволжскихъ народовъ, на Днѣпрѣ стольже особенна молитва евреевъ и смѣсь малороссовъ въ ихъ высокихъ бараньихъ шапкахъ, жидовъ, цыганъ, нѣмцевъ-колонистовъ. Еврей, собираясь молиться, вынимаетъ небольшой черный кубикъ на маленькой дощечкѣ и, прикладывая этой послѣдней къ лѣвой рукѣ, немного выше локтя, обвиваетъ ее ремнями, крѣпко привязывая

кубикъ, одѣваетъ на голову ермолку, накидываетъ на плечи бѣлый плащъ съ черными или темно-синими полосами. Затѣмъ, раскрывъ талмудъ, еврей начинаетъ читать. Порой онъ не смотритъ въ книгу, а слѣдитъ за происходящимъ въ каютѣ, слушаетъ разговоръ, но все время говоритъ свое писаніе. Странный эфектъ получается, когда нѣсколько стариковъ евреевъ начнутъ читать свои молитвы, недаромъ кавардакъ называется жидовской синагогой. Берега Днѣпра очень характерны. Правый холмистый, лѣвый степной. Все время по холмамъ мелькаютъ бѣлыя хаты, черешневые садики, группы пирамидальныхъ тополей, неуклюжія вѣтряныя мельницы съ изодранными крыльями. Бѣлые волы стоятъ гдѣ-нибудь возлѣ хаты и флегматично жуютъ, а малароссъ растянулся въ травѣ и весь отдался своей лѣни. Порой хата подошла къ самой рѣкѣ, а подсолнухи веселой группой торчатъ возлѣ, оттѣняя бѣлыя стѣны домика. Что за прелестныя характерныя для малороссіи картинки! Какъ красива дача графа Ностица, на лѣвомъ берегу Днѣпра, возлѣ станціи Панкова. Она высовываетъ свои башни изъ за зелени явора и клена и мрачно глядитъ на рѣку, словно разбойничій замокъ. Мимо парохода то и дѣло проплываетъ большая берлина, мелькаетъ дубъ съ переселенцами, плывущими вдаль отъ родины искать счастье, то лодочки, маленькія словно алеутскія байдарки, то прямо суденышки, вырубленныя по первобытному, грубо изъ куска древеснаго ствола. Во многихъ мѣстахъ женщины занимаются перевозкою на дубѣ черезъ Днѣпръ. На правомъ берегу разлеглось большое село Днѣпрово-Каменка. Масса хатъ, нѣсколько пирамидальныхъ тополей; бѣлая невысокая церковь. На пристани суета. Всѣ щелкаютъ подсолнухи и любопытно глядятъ на проѣзжающихъ. Удивительно флегматичный народъ эти малороссы. „Не сдѣлалъ сегодня, завтра есть день". Вотъ ихъ поговорка. Они никогда не торопятся, а закурятъ свою люльку да такъ и застынутъ въ блаженной позѣ. А въ нихъ много юмора, очень часто можно услышать отъ нихъ удачныя словца и остроты. Женщины нерѣдко бываютъ замѣчательно красивы. Парубки въ ихъ широкихъ штанахъ и бѣлыхъ рубахахъ, въ высокихъ шапкахъ съ повислыми усами нерѣдко очень поэтичны. Какъ чудно они поютъ, подражая соловейку, какіе чудные голоса и какъ часто встрѣчаются у нихъ!..

За Каменкой тянутся острова и рѣка Ворскла впадаетъ въ Днѣпръ.

Городъ Верхнеднѣпровскъ лежитъ совсѣмъ въ степной мѣстности на высокомъ берегу Днѣпра. Глубокія балки, спускаясь къ Днѣпру, прорѣзываютъ прибережные холмы, а за городомъ сейчасъ-же въ Днѣпръ впадаетъ рѣка Самоткань, которая имѣетъ воду только весной и протекаетъ предмѣстье города, село Римъ. Странное названіе для Малороссіи. Городъ одинъ изъ самыхъ скверныхъ, какіе я когда-либо видѣлъ. Жалкій бульваръ съ засохшими деревьями, нѣсколько бѣдныхъ садиковъ—вотъ и вся древесная растительность Верхнеднѣпровска. Единственная гостинница не лучше постоялыхъ дворовъ.

Конечный пунктъ на Днѣпрѣ былъ для меня Мишуринъ рогъ, бывшій старѣйшей крѣпостью въ Запорожьѣ. Здѣсь переправлялся Карлъ XII и Мазепа послѣ Полтавскаго боя, здѣсь переправлялись войска подъ начальствомъ Миниха въ турецкую войну 1736 года. Здѣсь-же церковь въ честь Си-

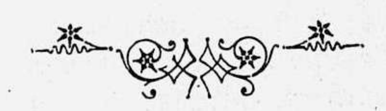
меона и Анны, хранящая старинные колокола, иконы и историческіе для Запорожья сосуды.

Помню, какъ я послѣдній разъ ѣхалъ по мелѣющему Днѣпру въ Красный Кутъ, чтобы проститься передъ отъѣздомъ своимъ изъ Екатеринослава... Я за послѣднее время до того усталъ, что, вернувшись изъ Маріуполя, увидѣлъ, что на долго моихъ силъ не хватитъ. Степи стали послѣ покосовъ горѣть, жатву я имѣлъ уже болѣе, чѣмъ обильную, а кромѣ того я соскучился о матери, о друзьяхъ, о любимомъ моемъ Отрадномъ. Два ящика растеній я уже отправилъ, еще два собирался отправить, вернувшись въ Екатеринославъ. Мои хозяева тоже стали спѣшить на Кавказъ, поэтому и я рѣшилъ не медлить. На пароходѣ я почувствовалъ себя дурно. Чтеніе талмуда евреями слилось для меня въ какой-то шумъ, я потерялъ понятіе о томъ, гдѣ я нахожусь и что я долженъ дѣлать. Я сознавалъ только одно, что я не избѣжалъ послѣдняго врага лихорадки, которая напослѣдокъ немилосердно затрясла меня. Дошло до того, что я совсѣмъ потерялъ сознаніе и если-бы не любезность служащихъ на параходѣ, я проѣхалъ-бы Мишуринъ рогъ, гдѣ ждала меня коляска. Сильныя дозы хинина вылечили меня на время, но въ Екатеринославѣ лихорадка возобновилась съ новой силой. Я уже проводилъ моихъ хозяевъ и жилъ въ гостинницѣ, когда новые приступы лихорадки овладѣли мной. Докторъ сказалъ, что мнѣ надо скорѣе уѣхать съ юга на сѣверъ и лихорадка исчезнетъ совсѣмъ.

И вотъ насталъ для меня часъ отъѣзда. Господи, какъ скоро пролетѣло все это время, словно сонъ. Просто не вѣрилось, что все пережитое мной было на яву. И Крымъ, и Кіевъ, и Одесса, и Кон-

стантинополь, и Пинскія болота, и Екатеринославъ! А давно-ли я подъѣзжалъ къ Екатеринославу съ самыми мрачными мыслями, а теперь уѣзжаю, оставивъ друзей и многихъ дорогихъ мнѣ людей... Вотъ мелькнулъ Днѣпръ съ его новыми отмелями, появившимися за послѣдніе дни, вотъ еще разъ развернулась великолѣпная панорама Екатеринослава, а вотъ и Лозовая. Ненавистная станція. Въ этотъ разъ я жалѣлъ, что ждать пришлось всего 6 часовъ. Я познакомился въ вагонѣ съ замѣчательно симпатичнымъ офицеромъ, ѣхавшимъ на Кавказъ, и намъ не хотѣлось разставаться. Вотъ новая ночь прошла. Я въ Харьковѣ. Избѣгалъ вдоль и поперегъ большой, богатый Харьковъ, исходилъ университетскій садъ, осмотрѣлъ церкви, биржу, одѣтую рядомъ колоннъ вокругъ всего зданія, насидѣлся въ хорошенькомъ скверѣ на главной улицѣ, объѣлся вишнями, однимъ словомъ цѣлый день убилъ на Харьковъ и вечеромъ помчался дальше. Вотъ и Орелъ съ его церквями остался позади, вотъ и славящаяся самоварами и пряниками многоколокольная Тула. Время идетъ, поѣздъ летитъ. Дни и ночи незамѣтно проходятъ въ вагонѣ. Я снова перезнакомился со всѣми и ѣхалъ безконечно весело и пріятно до самой Москвы. Въ Москвѣ на день остался ради знакомыхъ, въ сотый разъ избѣгалъ Кремль, съѣздилъ въ единственную въ своемъ родѣ, первую, по крайнѣй мѣрѣ для меня, во всемъ мірѣ картинную галлерею Третьякова, гдѣ собраны почти всѣ наши современные шедевры русской живописи, пожалѣлъ, что теперь лѣто и театры заперты и помчался по знакомой Николаевской дорогѣ къ Петербургу. Вотъ городъ Клинъ, вотъ Тверь съ ея мятными рыбами. Бологое—пол-дороги, вотъ мелькнулъ Волховъ. Все

ближе и ближе... Наконецъ Петербургъ. Милый, хорошій, какъ я его давно не видалъ, но лечу дальше на Финляндскую дорогу. Станція Левашово— я въ кругу своихъ родныхъ и друзей, еще минутъ 20 и я въ своемъ цвѣтущемъ Отрадномъ. Какъ вихрь, проносится все мое путешествіе въ моей головѣ, всѣ чудеса и красоты Босфора, Одессы и Крыма, но ничто не сравнится съ Отраднымъ. Оно всего прекраснѣе, оно всего лучше, оно всего мнѣ дороже. Я его слишкомъ люблю и здѣсь все мое дорогое. Я легъ спать и все время видѣлъ во снѣ далекій югъ, и прошло много лѣтъ и я до сихъ поръ вспоминаю далекія страны и дорогихъ мнѣ людей, но скольких изъ нихъ уже нѣтъ на свѣтѣ! Ужасное время!



Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продаются

СОЧИНЕНІЯ ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ. Томъ 1-й (Золотистая лилія, сц. въ 1 д., Современные герои, др. въ 4 д., Трясина, др. въ 5 д., Волчокъ, др. сц. въ 1 д.). Всѣ піесы къ представленію разрѣшены. Ц. **1** р. **50** к.

Томъ 2-й (Ядъ, др. въ 3 д. Святая сц. въ 1 д., Какъ иные женятся, ком. въ 1 д., Послѣдняя пятерка, сц. въ 1 д., Бѣлый олень, траг. въ 4 д., Встрѣтила, сц. въ 1 д., Змѣя, др. въ 3 д.). Ц. **1** р. **50** к.

Вооруженіе растеній и защита ихъ отъ враговъ. Ц. **75** к.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ: БАССЕЙНАЯ д. 1, кв. 12.

ТАМЪ-ЖЕ.

В. Отрадинъ. Стихотворенія и драматическія поэмы. (Вѣчный жидъ. Будда. Фалунскіе рудокопы. На берегахъ Ганги). 462 стр. in 8°. Ц. **1** р. **50** к.